РУССКАЯ БАЛЛАДА

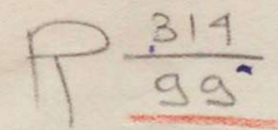

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. ГОРЬКОГО

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1936

РУССКАЯ БАЛЛАДА

ПРЕДИСЛОВИЕ,
РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
В. И. ЧЕРНЫШЕВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Н. П. АНДРЕЕВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1936

~~нет с/т. 499-502~~
восстанов.

сохр. обл.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	1981 г.
60					25	7	721/14	

М. Д. Чулков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее собрание песен, под названием «Русская баллада», не является первым опытом подобного труда. Весьма полное собрание именно таких продуктов русского песенного творчества дано в томе I известного издания, выходившего под редакциею академика А. И. Соболевского, «Великорусские народные песни», 7 томов, 1895—1902, где песни этого рода названы: «низшие эпические». Мы предпочли для песен этой группы другое название, давно употреблявшееся выдающимися собирателями русских народных песен, например, П. В. Киреевским, П. И. Якушкиным, В. Н. Добровольским. Эпитет «низшая» при эпической песне невыгодно и неверно характеризует род данных песен как дефективный продукт творчества. Такой эпитет был более приложим в старые времена, лет семьдесят тому назад, когда всякую безыменную эпическую песню, сколько-нибудь сходную с былиною, без дальних исследований, считали забытым, испорченным обломком былины. Так, например, всегда высказывался Бессонов в примечаниях к изданию исторических песен из собрания Киреевского. Теперь это представляется совсем не так достоверным; мы требуем для каждого случая основательных доказательств, допуская полную возможность обратного явления. Безыменная эпическая песня поднялась в наших глазах, и старое ее название оказывается лишенным своего содержания и оправдания. Конечно, наименование «баллада», как, впрочем, и название «низшая эпическая» песня, не устраняет различных затруднений в классификации наших текстов. И то, и другое явилось «после факта», в попытках и потребностях группировать весьма сложный материал, переплетающийся в своей истории, отличительных признаках и бытовом обращении. Мы не можем установить в фольклорных памятниках данного рода такой творческой деятельности, которая была бы определенно направлена на создание произведений, литературные свойства которых определялись бы известным содержанием и формою и были бы такими же «балладами», которые возникли в искусственной художественной литературе. Понимая под названием «русская баллада», отнесенным к произведениям русского песенного творчества, группу повествовательных песен, мы не даем дальнейшего их определения как особого литературного рода, а просто выделяем из всего огромного рус-

ского песенного репертуара подходящий к данному понятию материал. Строгая научная классификация при существующих свойствах русской песни здесь едва ли и возможна, но необходимо создание группировок с практическою целью научного, литературного и образовательного использования сложного песенного материала по достаточно ясно разграниченным частям. Невозможность безупречного распределения наших песен по отделам сознавалась уже давно. Замечательнейший знаток русской песни, П. И. Якушкин, некогда писал: «песни лирические», в некоторой части, «по своему содержанию, несколько эпическому, принадлежат к области баллад, другие — к роду элегий. Впрочем, баллада так легко переходит в элегию и, наоборот, элегия в балладу, что строго разграничить их невозможно» («Русские песни, собранные Павлом Якушкиным», СПБ. 1860, стр. 3).

В эпической русской песне до сих пор еще точно не отделены: 1) былины, 2) «низшие эпические», по названию Соболевского и других, или «баллады», по нашему названию, и 3) исторические песни. В бытовом обращении почти все эти памятники словесности являются «былинами», так как до последнего времени они держались и частью еще держатся в одном кругу носителей-специалистов, «сказителей» былин». Если былинами считать произведения богатырского эпоса, отличающегося по определенным персонажам повествования (Илья Муромец, Алеша Попович, Василий Буслаевич и др., включая и Садко, совсем не богатыря), если исторической песней считать только такую, которая передает действительно историческое событие, а не легенду или литературную повесть со вставленным в нее популярным именем исторического лица, то значительную часть репертуара носителей былин возможно отнести в отдел баллады. Выделив такие баллады, можно было бы составить целый сборник — не меньше настоящего. Во всяком случае наибольший материал для отдела баллад дают записанные репертуары исполнителей былин, составленные трудами выдающихся их собирателей: Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Ончукова, Григорьева.

Другой род эпической песни, духовные стихи, слишком специальный по своему содержанию, сохранил в своем составе замечательные по древности легендарные песни-баллады, иногда в невыделяемых частях сложного целого, иногда самостоятельно; мы находим в них, например, борьбу со змеем, чудесный перелет на ковре, легенду о божьем крестнике и др., которые не вошли в наш сборник по соображениям практическим, а не теоретическим. Наконец немалая часть повествовательных песен вошла в песни обрядовые, больше всего хороводные.

Самостоятельно же эпическая песня, не входящая ни в отдел былин, ни в отдел исторических песен, наша «баллада», известна как голосовая, протяжная или скорая песня, распевавшаяся в последнее время вне обряда на разного рода со-

браниях, на «беседах» крестьянской молодежи, на семейных пирушках, не связанных с какими-либо особенными моментами семейной и общественной жизни и не обставленных традиционным церемониалом.

Из всех только что указанных богатых источников мы извлекали подходящий материал, в значительной части уже использованный в издании Соболевского (в томе I и следующих шести), но частью им пропущенный. Так как за тридцать лет после выхода собрания Соболевского было опубликовано много новых замечательных записей русских песен, то нам представлялась счастливая возможность пополнить нашу книгу текстами из «Великорусса» П. В. Шейна, из ценнейшего собрания необрядовых песен П. В. Киреевского, выпуск II, части 1 и 2, Москва, 1918 и 1929, также из важных материалов, собранных В. Г. Богоразом, В. Н. Добровольским, А. В. Марковым, А. Д. Григорьевым, братьями Соколовыми и другими.

Неопубликованный рукописный материал по русской песне, находящийся в разных архивах научных учреждений, не мог быть нами пересмотрен по недостатку времени, но в распоряжении составителя настоящего сборника находился большой песенный материал, собираемый им в течение многих лет, который им и использован. Кроме того, П. К. Симони передал нам большое собрание русских народных песен, являющееся наследием поэта пушкинского времени, Димитрия Павловича Ознобишина (1804—1877), составлявшееся им с большим вниманием и пониманием в 20-х, 30-х и 40-х годах прошлого века. Это собрание в большинстве случаев представляет тексты, тщательно писанные рукою собирателя. Лучшие записи этого собрания из отдела баллад внесены в нашу книгу. В качестве рукописных источников по старой русской песне составитель настоящего сборника имел возможность извлечь несколько текстов из своей неизданной статьи о замечательном песеннике XVIII века, принадлежащем И. С. Абрамову. Очень большое собрание песен из сборников XVIII века, хранящихся в Государственной публичной библиотеке и в библиотеке Всесоюзной академии наук (более шестидесяти номеров из девяти важнейших источников), было сообщено нам В. Ф. Покровской в весьма точных копиях и в умелом выборе специалистки. Работа тов. Покровской дала нам возможность проверить тексты, уже изданные А. И. Соболевским, и внести нечто новое в наше издание. Две старые песни (одну из них конца XVII века) предоставил нам для издания П. К. Симони в фотографических снимках, с своим чтением и комментариями.

Всего в настоящем собрании издано вновь, или в проверенном по рукописным источникам виде, 55 песен в тексте (№ 11, 21, 33, 46, 54, 55, 56, 58, 70, 87, 94, 104, 109, 116, 120, 121, 133, 143, 144, 153, 154, 155, 159, 162, 168, 170, 173, 174, 177, 186, 197, 200, 201, 206, 210, 224, 225, 240, 243, 244, 247, 248, 249, 254, 259, 277, 278, 286, 288, 302, 323, 330, 332, 333, 337) и 5 песен в примечаниях (при № 16, 59, 91, 156, 160).

Желая наилучшим образом использовать ограниченные пределы настоящего издания, составитель данного сборника поставил себе задачею представить наибольшее число песенных сюжетов на небольшом количестве печатных листов. Вследствие этого ему пришлось отказаться от введения в сборник всех текстов, которые занимают много места, даже и тех, которые уже вошли в собрание Соболевского, например: «Горе», «Ерема и Фома», «Гость Терентьище» и др. По этой же причине нами были не введены в собрание такие баллады, как «Роман и Марья Юрьевна», «Разбойник», «Илья-кум темный», «Царь и купеческая дочь» и т. п. Нам казалось, что большие тексты, при теоретической желательности их внесения, произвели бы некоторую дисгармонию в размерах изданных песен и являлись бы прекрасными деревьями сада, заслоняющими насаждения цветника.

Имея под руками громадный материал для выбора, не менее двух тысяч текстов (считая с вариантами), мы должны были определить принципы выбора их для нашего сборника, в чем считаем необходимым дать отчет его читателям.

1. Основным принципом внесения текстов в сборник было принято положение давать песни с развитым повествованием и сюжетной значимостью.

2. Следующее основание отбора было — включение в сборник текстов, отличающихся ясностью, полнотой и последовательностью изложения.

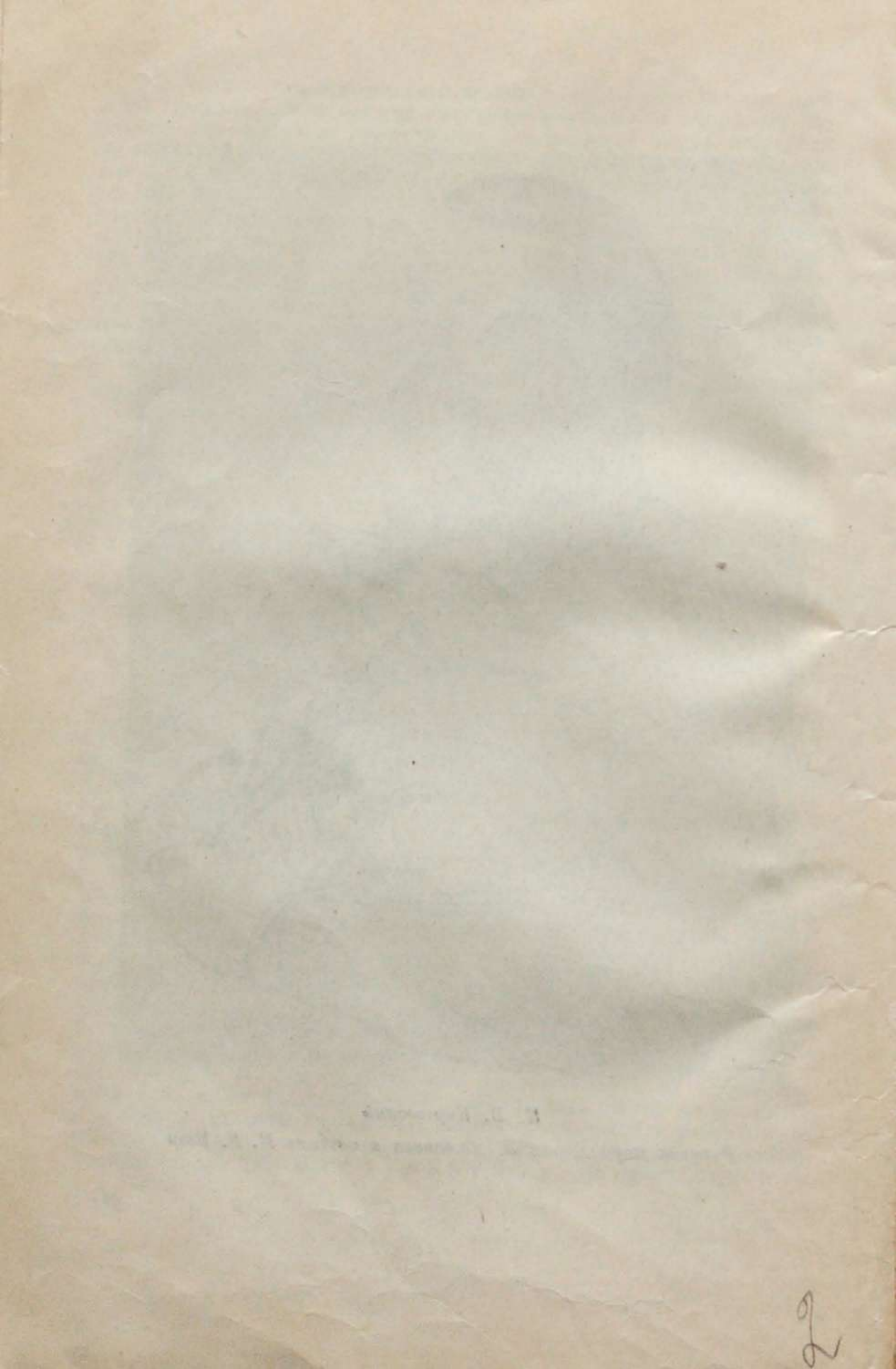
3. Третья задача была избрание текстов, замечательных в отношении художественной обработки и языка.

Последнее качество, впрочем, так присуще нашей песне (за малыми исключениями), что дело отбора не представляло больших затруднений. Первые два свойства (развитость сюжета и ясность изложения) далеко не характеризуют всякую русскую повествовательную песню. В ней картина часто преобладает над рассказом, в ней во многих случаях выступает скорее живописец, чем повествователь, в ней нередко мало эпического движения. В этом отношении наша песня во многом уступает нашей сказке, где картины не так ярки и сложны, но подвижны, быстро сменяются, одна вызывает и закрывает другую, следуя в логической последовательности, подчиняясь замыслам литературного построения и требованиям вкуса. В эпической песне это бывает далеко не всегда. Как на недостаточные по сюжетному развитию, укажу на самые известные русские песни: «Вниз по матушке по Волге»; «Ты взойди, взойди, солнце красное»; «Не одна-то во поле дороженька в поле пролегала» и т. п. Художественное достоинство этих песен вне какого бы то ни было сомнения, но передать сюжет их нелегко, и в них во всяком случае нет полного эпического повествования с завязкой, содержанием и развязкой. Они дают воображению почти что одну картину, не смещаемую и не

П. В. Киреевский

Рисунок карандашом Э. Маманова в альбоме М. В. Беэр

заменяемую другими. Однако все это н а ш ж а н р, не лирика, все это имеет право на внесение в сборник баллад. Устранение из него всех подобных песен было бы явно невыгодно для подобного нашему собрания. Оно оказалось бы проявлением излишней, неумеренной теоретичности. Мы н е з н а е м хорошо о песнях, названных выше, что это: неоконченное произведение фольклора или же произведение с утраченной частью содержания, но нам очевиден его литературный смысл и художественное достоинство. Вот причины и соображения, которые позволяли нам, отступая от нашего первого, основного положения, вносить с известной осторожностью в наше собрание тексты песен с неполным развитием сюжетов, если они обладали известными литературными достоинствами.

Разнообразные недочеты изложения являются важным недостатком многих текстов наших песен. Они более или менее неизбежны и неустранимы. П. В. Киреевский, начавший записывать песни более ста лет тому назад, считал, что наши народные песни, утратив свою «старину», в значительной степени утратили и свою красоту. «Русские песни можно сравнить с величественным деревом, еще полным силы и красоты, но уже срубленным...» (Предисловие к русским духовным стихам, написанное 2 июня 1848 года.)

Итак, вот в чем беда: мы обратили внимание на живую народную песню и стали ее записывать в период ее упадка, когда она являлась уже во многих случаях в полузабытом, искаженном виде. Однако, и значительно позже наблюдений Киреевского, вплоть до нашего времени, записывались еще тексты прекрасной сохранности, если наблюдатель был образован и сведущ, любил песню, разыскивал лучших певцов, умел привлечь к себе их внимание и расположение. Читатель настоящего сборника найдет в нем несколько вариантов, убеждающих, что записи очень недавнего времени дают иногда тексты более полные и художественные, чем тексты, зафиксированные раньше. Значит, процесс художественного творчества в среде носителей нашей песни был похоронен П. В. Киреевским, когда он еще не умер. С полной уверенностью говорим, что и теперь еще хороший и подготовленный наблюдатель, при известных усилиях, может записать тексты значительной фольклорной и эстетической ценности.

Как образец искаженного плохими певцами текста песен можно указать, например, что поют: н и у с т о в нет, ни бородушки, вместо н и у с о в, ч и л а в е ч ь и ц а — вместо ч е л о б и т ь и ц а, з л о ж у ч и с ь — вместо в з л о ж у ч е с т ь (то есть: окажу честь, почту) и т. д. В записях В. Н. Добровольского находим:

Толька зорьку уснула —
Никаросца видила:
Быдта, к (как) мой милый пришоў.

По вариантам видно, что девица видела н е х о р о ш сон. Спутавшийся в словах певец сделал из этого «нехорош сон» неосмысленное сочетание звуков н и к а р о с ц а, которое издатель текстов поместил в словаре как особое слово! («Смоленский этнографический сборник», IV, стр. 385 и 705).

Сплошь и рядом дефекты записей народных песен происходят от грамматического ригоризма, неуклюже применяемого: народные слова и формы, как — к с т и т с я, п о к а ж ь, п р и з в е л а, м о в о, с в о в о, з а х о т о ю, и з к а р м а ш и к а — подменяются, в записи или печати, литературными: крестится, покажи, произвела, моего, своего, за охотою, из кармашка, отчего удлиняется или сокращается стих песни и разрушается ее ритм.

Причины, искажающие словесную форму песенного текста, также неблагоприятно отражаются и на его содержании. Забывчивые певцы поют песни без начала или без конца с пропусками таких частей повествования, без которых оно лишается смысла и связи. Эти прорехи искалеченной песни неискусные мастера пения иногда починяют малоподходящими вставками, часто же просто пришивкою лоскутков из других песен, сходных с данною только по напеву и ритму.

Цензура в широком смысле, не только государственная, но и общественная, семейная, тоже накладывает свою руку на песню: делает в ней желательные для себя вставки и приставки, подменяет выведенных в песне лиц другими, изменяет неприятное содержание песни на «благонамеренное», соответствующее своим видам. Так, в прекрасной, как всегда грустной, народной песне собрания Чулкова (ч. III, № 55) о военном походе («По конец было славна города») присочинены стилистически и идеологически неуместные, но «благонамеренные», вставки и конец. В песне говорится:

— Не туман, братцы, затуманился,
Не роса пала на травушку,
Что катились горючи слезы,
Горючи слезы солдатские.
Идучи, братцы, в землю Шведскую,
Все солдаты во слезах идут,
Во слезах идут возрыдаючи...
Лишь один из них весел идет,
Что весел идет, не кручинится.
Оставляет он отца и мать,
Оставляет молоду жену,
Оставляет малых детушек,
Оставляет весь и род племя,
Но имеет весьма храбрый дух,
Исполняет волю царскую,
Вооружается за веру он,
Идет ратью за отечество.

Сочинитель этой прибавки не сообразил даже того, что о д и н   с о л д а т в целом плачущем отряде мало исправляет представление о настроении участников похода, но он хотел внести в песню официальные, торжественные ноты, и сделал это, пренебрегая художеством ради угодливости.

Как особый вид общественной цензуры, соблюдение приличия, в изменяющихся, новейших его представлениях, тоже произвело разные перестройки в словесной форме и реальном содержании нашей эпической песни. Первобытная свобода в словах, мыслях и картинах повествования, свойственная древнейшей стадии нашей песни и ясно видимая в старших ее записях, например, в сборнике Кирши Данилова, в рукописных песенниках XVIII века, так же как в недавно закрепленных в печати образцах живой песни у ее лучших носителей в крестьянской среде, не есть грубость или распущенность нравов старого городского общества и сельского населения. Она — след происхождения и обращения песенного материала в архаичном обществе, в среде первобытной, наивной, с идеологиею древнейшею, с языком старорусским. «Неблагопристойные» моменты продуктов нашего песенного творчества интересуют нас как пережитки первых стадий общественного развития, как литературно-исторические «свидетельства». Но мы во многих случаях теперь не можем уже использовать нашу эпическую песню как документ, изображающий предшествующие состояния и эпохи развития общества, потому что в ней, по воздействию и требованию приличия, эти нужные нам и редко встречающиеся показания истреблены. В песенниках XVIII века мы находим, например, замечания при известной песне: «Уж я золото хороню, хороню», что конец ее не мог быть напечатан по неблагопристойности. Если бы мы знали этот неприличный конец песни, то возможно, что мы могли бы выяснить более точно отношение этой песни к какому-нибудь особому ритуалу; без этого она остается для нас только вообще святочно-игровой. Конечно, иногда мы можем обнаружить подделку или переделку песни для придания ей приличного вида. Например, в третьей части песенника Чулкова № 140 оканчивается так:

Оставалася девица
У молодца ночевать,
Во всем платье спать ложилась
На тесовую кровать.

Мы знаем по фольклорным записям, что вместо этого должен был следовать тот же конец, который находится в известной, действительно неприличной, песне: «Ночуй, Дуня, у меня». Эта песня, как и некоторые другие, ей подобные, вероятно, пелась на свадебных пирах в тот момент, когда новобрачные отводились в подклеть и когда, как это мы видим, например, в обстоятельной статье Предтеченского «О свадебных обрядах г. Чердыни», гости предавались безграничному

веселью. «Приличие и благопристойность, не различая пола, изгоняются на время совершенно», поют, кружатся, прыгают и «пьют с такими обрядами, — говорит автор, — подробности которых мы оставляем, потому что в этой, в основании своем обрядовой вакханалии, иное — по выражению одной рукописи XVII века — странно не токмо рещи, но и помыслити» («Пермский сборник», кн. I, отд. II, стр. 93). Указание на эту вакханалию в данный момент свадебного ритуала мы имеем и в разных других источниках, в которых сообщается, что неприличные песни известного содержания составляют основной репертуар поющих.

Нас интересует и словарь песни в ее подлинном состоянии, между тем Чулков и в нем иногда не точен ради приличия. Так, он не решается передать даже обычное слово портомойница и заменяет его деланным платьямойница (ч. 3, Прибавление, № 31).

Все эти причины заставляли нас обращать особое внимание на качество отбираемых текстов, избегая тех, которые содержат подобные искажения, конечно, если была возможность выбора. При отсутствии этой возможности приходилось давать текст в таком виде, в каком он зафиксирован в печати или в рукописи.

Для изучения песни в хронологическом и областном состоянии мы обращали большое внимание на то, чтобы представить достаточное число текстов того и другого вида, обращая большое внимание на тексты рукописные и первопечатные, насколько у нас имелся для этого наличный материал.

Как достойное внимания явление нового времени мы внесли в число текстов нашего сборника несколько баллад новейших, стилистически близких к балладе литературной, но с низкой, примитивной поэтикой и идеологией. К балладе фольклорной все подобные литературные произведения должны относиться постольку, поскольку они не принадлежат ни одному из современных авторов или являются с существенной переработкой, возникшей в их бытовании.

Поставивши основным правилом издание текстов в литературном оформлении, мы не держались данного принципа в такой последовательности, в какой это проведено в издании А. И. Соболевского. В рукописных текстах мы устанавливали современную пунктуацию (в подлинниках отсутствующую), но удерживали грамматические особенности, характерные для старого языка. Областные тексты мы обычно давали в современной орфографии, сохраняя своеобразные местные слова и формы. Как общее правило относительно текстов, записанных в области *а*кающих говоров, мы не передавали аканья, так как это испестрило бы внешний вид текстов и сделало их неудобочитаемыми. Тексты, записанные в области северных, *о*кающих говоров, мы иногда передавали с той точностью, какая давалась рукописью или печатным источником, особенно если эти источники отличались верностью и точностью

в передаче особенностей местных говоров. Однако, придавая нашему изданию более литературное, чем специально научное значение, мы старались не затруднять читателей чтением большого числа диалектически переданных текстов.

Никаких поправок слов и форм в издаваемых текстах мы не допускали. Тем более считали невозможным делать в них какие-либо урезки.

Держась принципа верной передачи первоисточников, мы сохраняли и явные противоречия в формах слов, которые встречаются именно в точных записях, передающих колебания живой речи певца (см., например, № 250, где видим рядом *и*гуменье и *е*гуменье, Дав*ы*дьевна и Дав*и*дьевна, или № 146, где т*е*бе и т*а*бе). Напомним читателю, которого может смущать эта нестройность текстов, что певец-исполнитель эпической песни отражает в своем языке сильные влияния разных эпох, областей, общественных классов, наконец неодинакового смыслового и эстетического осознания текстов в их частях и целом. Искусственное подравнивание записей в печати замаскировало бы следы тех условий, в которых живет подлинная народная песня.

Так как русская песня есть предание, сохраняемое в памяти носителей и воспроизводимое в разной степени хорошо или дурно, так как отношение певцов к ней двоякое: с одной стороны — традиционное, не изменяющее текста, с другой стороны — творческое, пересоздающее текст, то настоящее понимание ее возможно только при изучении достаточного количества известных вариантов. Вот причина, по которой нам необходимо было указывать в наших комментариях по крайней мере важнейшие варианты к изданным текстам и приводить самые варианты их в тех случаях, когда они дают значительные показания.

Вся работа выбора данных текстов, их расположения и комментирования производилась при ближайшем и деятельном участии известных специалистов по фольклору, М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Признавая большую пользу и находя истинное удовольствие в их товарищеском содействии, составитель настоящего сборника приносит им искреннюю благодарность. Он также очень благодарит за оказанное ему дружеское участие в работе, состоящее в сообщении материалов и советов, своего старого товарища П. К. Симони и за помощь молодую научную работницу, В. Ф. Покровскую.

Автор приносит также свою признательность Директорату и работникам Библиотеки Академии Наук СССР, оказавшим ему содействие в изучении и использовании лубочных и других картин, которыми иллюстрировано настоящее издание.

В. Чернышев

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Огромный русский песенный материал не только не изучен, но даже не описан еще более или менее полным и удовлетворительным образом. Мы имеем много и печатных, и рукописных собраний «песен», причем песни эти оказываются совершенно различными и по своим историческим судьбам, и по своему стилю, но для собирателей и издателей эти различия не представляются существенными, и весь материал подается как более или менее однородный.

Не существует у нас и классификации песенного материала — ни тематической, ни какой-либо иной, достаточно полно и четко охватывающей весь материал. Б. М. Соколов в своем курсе «Русский фольклор», намечая общую классификацию всего фольклорного материала, естественно, говорит о различных песенных жанрах. Мы читаем здесь между прочим следующее: «Фольклор чрезвычайно богат различными жанрами. Они могут быть разделены по своей форме на три крупных вида — произведения эпические, произведения лирические и произведения драматические. В свою очередь, каждый из этих видов (особенно два первых) заключает большое количество специальных жанров.

К эпическим фольклорным произведениям надо отнести эпические жанры стихотворные (песенные) и «прозаические» (нестихотворные). К первым, стихотворным или песенным, относятся былины («старины») и близкие к ним исторические песни, «низшие» эпические песни и, наконец, духовные стихи». [1] Те песни, которые здесь названы «низшими» эпическими, мы и называем балладами. Но о сущности их Б. М. Соколов, к сожалению, не говорит совершенно ничего.

А. И. Соболевский в своем монументальном издании «Великорусские народные песни» (тт. I — VII, СПБ. 1895—1902) замечает: «В виду существования у нас больших сборников былин, исторических песен и духовных стихов, я решился составить сборник тех великорусских песен, которым не может быть дано ни одно из только что приведенных названий и которые также не принадлежат к числу обрядовых (как,

[1] Б. М. Соколов, Русский фольклор, в. 1, изд. Бюро Заочн. Обуч. при II МГУ, М. 1929, стр. 5.

например, свадебные); иначе говоря, я ограничился песнями — по обычной терминологии — низшими эпическими, семейными, любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими, юмористическими и сатирическими» (т. I, предисловие — страницы ненумерованы). Таким образом, низшие эпические песни здесь противопоставляются былинам, историческим песням и духовным стихам, с одной стороны, обрядовым песням — с другой, и сопоставляются (как особый вид, однако) с песнями семейными, любовными и т. д. I том своего собрания Соболевский и посвятил «низшим эпическим песням» или «балладам», II—III томы — «семейным песням», IV — V — «любовным», VI — «рекрутским, солдатским, разбойничьим» и проч., VII — «юмористическим и сатирическим». Как видим, принципы деления совершенно различные: «низшие эпические» и «любовные» песни могут различаться по жанровому признаку как эпические и лирические; «солдатские, рекрутские, разбойничьи» выделены по принципу социального характера, и трудно представить себе, в каком отношении находятся они к «низшим эпическим» (да и к «любовным»); наконец, «юмористические и сатирические» выделены по своему тону. Естественно, что у Соболевского фактически песни балладного характера помещены в различных томах.

М. Н. Сперанский в своем курсе «Русская устная словесность» уделяет низшим эпическим песням пол-страницы. Он говорит: «Под этим названием подразумеваем песню повествовательного характера, в отличие от песни лирической, как выражающей преимущественно настроение. Эта низшая эпическая песня — прежде всего бытовая: она представляет отражение быта — чаще всего семейного, реже общественного, чаще домашнего, реже государственного; источники этой песни чрезвычайно разнообразны, но прежде всего это попытка в художественном обобщении дать пережитое, реальное, иногда изложить поразивший внимание, выходящий из ряда вон случай, иначе сказать: и низшая эпическая песня, подобно казачьей и разбойничьей, реалистична по своему настроению и источникам. С этой-то песней сливается постепенно старшая эпическая песня — былина и историческая песня, или уступая ей сюжеты, или же сама обобщаясь и обезличиваясь под ее влиянием». [1]

Более подробную характеристику этим песням дает В. В. Сиповский, у которого находим и термин «баллада». В его курсе «История русской словесности» (ч. I, в. 1) читаем: «Песни бытовые... принято называть низшими эпическими в отличие от высших эпических — былин и исторических песен. Содержанием этих песен служит обыкновенно какой-нибудь эпизод из частной жизни, например: «король

[1] М. Н. Сперанский, Русская устная словесность, М. 1917, стр 353.

велит казнить молодца, полюбившего королевну»; «боярышня любит холопа»; «невеста, потеряв жениха, поступает в монастырь»; «солдат после долгой разлуки видится с женой»; «свекровь изводит невестку» и т. д. Некоторые из этих сюжетов очень популярны в народе и имеют длинную историю... Все подобные произведения очень важны в историко-литературном отношении. Эти народные баллады, поэмы, повести в стихах — первые проблески народного романа. В них много драматизма, много движения и страсти; действующие в них лица — не киевские богатыри, не генералы и атаманы, наделенные звонкими фамилиями, а люди простые, обыкновенные — «добрые молодцы» да «красные девушки», «старые мужья» да «молодые жены», «злые свекровки» и «несчастные невестки». Между тем, сколько страданий и радостей вокруг этих обыкновенных людей! Распространение этих песен по всей России — там, где давно замолкла старая былина, ясно указывает нам тот путь, по которому идет поэтическое развитие народа: от образов религиозных, сказочных, фантастических, надземных — к земным героям и, наконец, к людям обыкновенным. Это — путь к реализму, путь, пройденный и изящной литературой, и живописью». [1] На дальнейших страницах В. В. Сиповский делает ряд замечаний о поэтике этих песен-баллад, переходя от них к песням лирическим и устанавливая тесную связь тех и других.

Как видим, наша литература о балладах не может похвалиться своим богатством, и изучение их приходится начинать «с начала», то есть с попытки выделения и определения самого материала.

В порядке ориентировочном весь песенный материал можно подразделить на песни обрядовые и необрядовые. Правда, и здесь граница не является абсолютной; в отдельных случаях обрядовые произведения теряют свой обрядовый характер и переходят в более широкое употребление, и обратно — песни необрядового характера могут переходить в обряд (мы еще увидим подобные случаи ниже); но основное деление все же сохраняется.

В свою очередь необрядовые песни могут быть подразделены на эпические (т. е. повествовательные) и лирические. Наконец, среди эпических песен мы различаем былины или ста́рины, исторические песни, духовные стихи и «низшие эпические» песни или баллады, а также романсы эпического характера. В сущности, все эти категории до настоящего времени не определены с достаточной четкостью, и перед фольклористикой стоит задача пересмотра всего материала и с точки зрения тематической, и с точки зрения специфических особенностей поэтики. Так, например, под былинами обычно понимают песни о богатырях (в этом смысле и мы в дальнейшем употребляем

---

[1] В. В. Сиповский, История русской словесности, ч. I, в. 1, изд. 4, СПБ. 1909, стр. 104—105.

это название); но в число былин включаются не только так называемые новеллистические былины о Добрыне Никитиче (например, Добрыня и Маринка, Добрыня и Алеша: здесь нет богатырских подвигов в собственном смысле слова) или об Алеше Поповиче (например, об Алеше и братьях Збродовичах) и пр., не только песни о Садко (которого вообще богатырем нельзя назвать), но даже и такие песни, как о госте Терентии (типично анекдотический сюжет без всякого исторического приурочения). Многие из так называемых «былин» придется, вероятно, в дальнейшем исключить из этого раздела.

Под историческими песнями обычно понимают песни, связанные с конкретными единичными историческими фактами и лицами; таковы, например, песни об Иване Грозном, о Петре I и пр. В широком смысле слова «историческими» оказываются весьма многие песни (например, песни о крепостничестве, о разбойничестве, о солдатчине и пр.), но по традиции значение этого термина ограничивается. Именно в этом условном, ограниченном смысле слова и мы в дальнейшем говорим об «исторических песнях». С точки зрения происхождения и поэтики эти «исторические песни» могут быть подразделены по крайней мере на три группы: «старшие» исторические песни (преимущественно XVI—XVII вв.), довольно близко примыкающие к былинам; песни нового времени (XVIII—XIX вв.), преимущественно военные, и, наконец, песни новейшего и современного периода (например, о гражданской войне). Таким образом, категория «исторических песен» должна подвергнуться весьма внимательному обследованию.

«Духовные стихи» (повествовательные) выделяются обычно довольно четко по своему тематическому характеру. Однако и здесь иногда мы встречаемся с переходными случаями (такие случаи встретятся нам ниже): сюжеты духовных стихов приобретают новеллистическую окраску, или обратно. По своему оформлению духовные стихи нередко весьма приближаются к былинам, особенно стихи более раннего образования.

Вслед за указанными выше авторами (Сиповский, Сперанский, Б. М. Соколов) мы можем ориентировочно определить песни-баллады, как песни с четко выраженным повествовательным содержанием (то есть эпические — в этом смысле слова), отличающиеся от былин, исторических песен и духовных стихов отсутствием характерных для этих видов специфических особенностей.

В отличие от былин баллады не говорят нам о богатырях и богатырских подвигах, не связываются с традиционными именами богатырей, князя Владимира, Киева или Новгорода и т. п. В них нет и той резко выраженной авантюрности, которая в былинах нередко граничит с фантастикой, нет, как правило, и собственно фантастики. И самый стиль баллад, с одной стороны, несколько проще былинного, с другой — драматичнее и динамичнее: нет такой медлительности изложения, как в былинах, нет длительных повторений и мелочной дета-

лизации описаний, самое развитие действия значительно напряженнее.

По сравнению с «исторической песней» (в условном понимании этого термина) мы не имеем здесь достаточной исторической четкости и определенности: если для исторической песни обычно можно точно указать, какой именно конкретный исторический факт лежит в ее основе, то для баллады сделать это не удается. И если даже иногда мы можем предположительно указать, о каких исторических лицах говорит песня (например, песня о князе Волконском и Ваньке-ключнике), то сами эти исторические лица оказываются и менее известными, сравнительно, например, с Иваном Грозным или Петром I, и менее определенными: о котором именно Волконском и о каком именно случае из истории семьи Волконских идет речь, установить не удается. Кроме того, самые события, изображаемые в балладах, имеют, так сказать, более частный, бытовой и тем самым менее «исторический» (в смысле гражданской истории) характер.

От духовных стихов баллады отличаются отсутствием специальной церковной окраски, от романсов — отсутствием характерной для последних книжно-литературной отделки: поэтика баллады ближе примыкает к поэтике «старинных» песен (былин, старых исторических песен и духовных стихов).

Как видим, нам приходится преимущественно указывать негативные признаки (то, чего нет в балладах — в отличие от былин и прочих песен); указать более определенно специфический положительный признак самих «баллад» (кроме четко выраженного повествовательного характера, достигающего часто степени драматической напряженности) при современном состоянии изучения материала нет возможности.[1] К тому же во многих текстах мы имеем дело с переходными случаями; отдельные тексты могут быть отнесены либо к разряду былин, либо к разряду «баллад», или либо к разряду «исторических песен», либо к разряду «баллад» и т. п. Только дальнейшее более детальное изучение всего песенного материала позволит дать более точное определение.

Конечно, такое «определение» баллад в сущности весьма неопределенно и условно, и потому границы нашего жанра довольно расплывчаты и приблизительны. Во всяком случае среди баллад могут оказаться песни весьма разнообразные по своему содержанию — и «семейные» (например, о свекрови, погубившей невестку), и «любовные» (о любви молодца к девице), и «солдатские» (о возвращении солдата на родину), и «разбойничьи» (о казни разбойника), и «юмористи-

---

[1] Отметим, между прочим, что в западно-европейской науке нет полного единства в характеристике баллад, хотя материал там более четкий. См., например, E. Pohl, Die deutsche Volksballade von der «Losgekauften». FF Communications, №. 105, Helsinki 1934, стр. 4, 335 и сл.

ческие» (например, о муже, выполняющем работы жены) и пр. Таким образом, категории Соболевского еще менее удовлетворительны, если не придать им строго условного характера.

Обширный материал песен-баллад может быть по тематическому признаку подразделен на ряд групп, причем и границы между этими группами не могут считаться строго определенными. Приблизительно могут быть намечены следующие группы: 1) песни сказочного, собственно новеллистического и отчасти анекдотического характера, примыкающие к новеллистическим сказкам и анекдотам; 2) песни, примыкающие к былинам, к историческим и военным песням; 3) песни, более четко связанные с определенными социальными группами (солдатские, разбойничьи, ямщицкие, монастырские). По тону своему песни каждой группы могут быть разделены на «серьезные» и юмористические или сатирические.

Таков, в приблизительном описании, объем нашего материала.[1]

2

Как видим, даже описательная, чисто ориентировочная характеристика нашего материала представляет значительные трудности и не является вполне определенной. Еще несравненно труднее историческая характеристика его по существу: что представляют собой эти баллады по своему происхождению и значению? Когда, где и кем они создавались и как жили в дальнейшем?

Какие опорные пункты представляют нам в этом отношении самые тексты? О чем говорят сюжеты песен и в особенности оформление их (потому что именно оформление позволяет обычно дать более четкую историческую характеристику: сюжеты часто оказываются — в своем схематическом строении — обезличенными, обобщенными, оформление же придает им более определенный, более конкретный характер)?

Основной материал тех баллад, какие известны нам по нашим сборникам (как всегда, в довольно поздних записях), относится, как увидим ниже, к раннему феодальному и крепостническому периоду. Можно думать, что какие-то песни, аналогичные балладам, существовали и раньше, но они не сохранились до нас в своем первоначальном виде. Однако и в позднейших материалах можно встретить тексты, более или менее отчетливо вскрывающие свою связь с древнейшей, еще до-феодальной эпохой; понятно, тексты эти оказываются

---

[1] Нужно сказать, что отдельные тексты сборника иногда выходят за очерченные рамки: некоторые песни могли бы быть названы прямо историческими, некоторые не являются в строгом смысле этого слова повествовательными. Мы оговариваем эти случаи в примечаниях, равно как и мотивы, по которым та или иная песня включается в сборник.

деформированными, изменившимися. К тому же они сравнительно немногочисленны и в отдельных случаях, быть может, являются вторичными, то есть возникшими уже в более позднее время на основе использования древних материалов.

Как правило, песни-баллады строятся не на мифологических основах. Мы найдем, однако, в них и мифологические представления. Можно даже выделить группу песен, для которых именно мифологические представления являются основой (в частности, сюда относится ряд песен из числа тех, которые мы назвали архаическими). Такова, например, песня «Змей Горынич и княгиня» с древнейшим мотивом связи женщины со змеем, причем даже этот древнейший мотив отнесен к «княгине» (понятие феодального периода), да еще в сафьяновых башмачках и в чулочках! От этой связи рождается чудесный сын: он говорит еще в утробе матери и предсказывает о том, что будет богатырем и победит змея. [1]

Несколько иного рода мифологические представления лежат в основе песни об обращении женщины в дерево вследствие заклятия свекрови:

Ты поди, моя невестка, во чисто поле;
Ты стань, моя невестка, меж трех дорог,
Четырех сторон,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою... [2]

К циклу тех же представлений о возможности превращения человека в дерево или перехода сущности, жизненной силы человека в растение относятся песни, в которых изображаются деревья, вырастающие на могилах убитых. Такова, например, песня о «Софьюшке и Васильюшке» или «Чурилье-игуменье»:

Разрослась на Василье золотая верба,
На Софьюшке вырос кипарисовый куст;
Листочки с листочками слипалися,
Пруточки с пруточками свивалися...

И здесь, однако, особенно во второй песне («Чурилье-игуменье»), мифологический мотив подан в феодальном обличии (монастырь, игумен, рай, ад). [3]

Чрезвычайно любопытна следующая песня:

Гулинька, голубочик,
Сизенький воркуночик,
Кто тебе зарезал?
— Батюшко зарезал,
Матушка велела;
Сестрица мяса не ела,

---

[1] См. № 242 в наст. сборнике.
[2] См. песню № 246.
[3] См. песни № 249 и 250.

Под столом просидела,
Косточки собирала,
В синий плат совязала,
Вышла на речку, промыла,
В крутый берег зарыла. —
Выросли три березы,
Выросли три крутые:
Срезал я по пруточку,
Сделаю по гудочку.
Вы, гудки, не гудите,
Старого батюшку не будите:
Батюшко старёнек,
Батюшко пьяненек,
Матушка матерёнька,
Сестрица молодёнька.
Тетушка веселенька.
Брата Романа убили;
Где ж его схоронили?
У Петра, Николы
Под тремя колоколами (колокóлы).
Кто ж об нем поплакал?
Два волка хохлатых,
Две сученки мохнатых,
Два кобеля борзых. [1]

Начальная часть этой песни совершенно явно и несомненно связана с одной из известнейших сказок сборника бр. Гриммов — «Тюльпанное дерево» (№ 47 в полных изданиях сказок бр. Гриммов); у нас эта сказка известна в обработке Жуковского. Речь идет о мальчике, убитом мачехой, останки которого превращаются в птицу, обличающую и убивающую мачеху. Сюда же вплетается мотив, более широко известный русским сказкам («Тюльпанное дерево» в устных русских вариантах нам неизвестно), — о чудесной дудочке, вырастающей над могилой убитой сестры (или брата) и обличающей убийц. Но к этому сказочному началу прибавлена вторая часть песни, никакого отношения к первой не имеющая и, повидимому, говорящая о каких-то конкретных исторических фактах политического характера (может быть, чья-то казнь и т. п.). Мы видим здесь, что сказочный мотив или сюжет привлекается не сам по себе, а как бы с целью завуалировать актуально-политический характер песни. Трудно думать, что перед нами просто нелепое механическое соединение двух совершенно различных песен.

Отметим еще песню с олицетворением реки Смородины, которая топит молодца.[2]

---

[1] Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. II, ч. 2. М. 1929, стр. 256, № 2639. Ср. в наст. сборнике песню № 212.

[2] См. песню № 264; песня эта часто помещается в сборниках былин.

Мифологический мотив происхождения от солнца, может быть, звучит в песне о девушке и перевозчике, тем более, что песня эта поется, «когда венки завивают», то есть связана с обрядом. Но в оформлении ее звучат уже и совсем не мифологические ноты:

Сукин сын, перевозчик,
Ты спросил бы меня,
Чьего я роду, чьего я племени.
Я роду ни большово и ни меньшово:
Мне матушка — красно солнышко,
А батюшка — светел месяц,
Братцы у меня — часты звездушки,
А сестрицы — белы зорюшки...

Последний мотив весьма поэтичен и вместе с тем мифологичен, но мифологическое значение песни, очевидно, уже стерлось. [1]

Наконец, отметим еще в числе мифологических песен также те, в которых олицетворяется Горе, преследующее молодца или девицу. [2]

Упомянем также редкую в нашем фольклоре песню о женихе-мертвеце, перекликающуюся с знаменитой балладой Бюргера «Ленора»; в нашей песне сюжет не разработан достаточно полно. [3]

Кроме таких мифологических песен, к древнейшему слою следует отнести те песни, в которых отразились те или иные черты первобытного уклада жизни. Такова, например, песня о жестокой мести девушки рассердившему ее молодцу. [4] Реальное оформление песни и здесь позднейшее («Не ходи, милой, к девушке в с л о б о д у», терем, стаканы), но самая расправа подобного рода отводит нас к весьма раннему периоду (до-феодальному).

Далее следует цикл песен о кровосмешении. Это также одна из очень древних тем. В балладе она дается в ослабленном и иногда прямо завуалированном виде. Так, в песне «Дочь тысячника», повидимому, речь идет именно о кровосмешении отца с дочерью, но мотив этот прямо не выражен и скрывается за глухим указанием:

Приневолил меня родный батюшка
Замуж девушку итти...
. . . .
На все грехи тяжки,
Грехи тяжки поступить...

---

[1] См. в наст. сборнике песню № 254.

[2] См. песни № 267 и 268; ср. еще № 265 и 266, где, однако, олицетворение горя выражено менее ярко.

[3] Б. и Ю. С о к о л о в ы, Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 471—472, № 572; см. в наст. сборнике песню № 329.

[4] См. песню № 255.

Точно так же нет и прямого изображения покаяния отца: девушка, после долгих лет покаяния, идет во двор к отцу и встречает святого монаха; вероятно, это — отец ее, также раскаявшийся, но песня об этом не сообщает.[1]

В другой песне[2] мать собирается выйти замуж за своего сына: но здесь эта тема дана таким образом, что сама мать не подозревает этого, так как она бросила детей своих в Дунай и лишь случайно встретилась с ними впоследствии. Неясно, откуда же сыновья знают о том, что с ними говорит именно их мать:

«Уж ты, девица, умна,
Ты нам матушка родна...»

Повидимому, и эта песня дана не в развернутом своем виде. С другой стороны, ее конкретизация отводит нас к значительно позднейшему периоду:

Как у Брянска купца
Была дочка хороша.
По горенке ходила,
Двух купчиков любила;
Двух сыночков родила,
Сама бабушкой была,
В пеленочки сповила,
На Дунай реку снесла...

Особую группу составляют песни о любви брата к сестре. В одном случае перед нами в сущности типичный духовный стих («Царь Давыд и его дочь Олена»), то есть древний кровосмесительный сюжет приобрел характер церковной легенды.[3] Вероятно, и здесь мы имеем ослабленную версию; на красавице Елене, надо полагать, замышлял жениться сам отец ее, а не брат (иначе роль отца здесь совершенно излишня). В старинной «протяжной» песне о брате и сестре изложению сюжета придан бытовой характер (только «лютая львица» попала в песню не совсем кстати):

С вечера позднехонько девки думал-думали,
На белой-то заре в лес по ягоды они (пошли),
За калинкою, за малинкой, за черной смородиной ...
. . . .
За львицей, за лютой млад охотничек едет,
Наехавши, охотник со добра коня слезал,
Подошедши к красной девке, низко кланялся он ей.

---

[1] См. песню № 261.

[2] П. В. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях и т. д., т. I., в. 1, СПБ. 1898, стр. 213, № 811; см. в наст. сборнике песню № 260.

[3] См. песню № 256.

Самое кровосмешение происходит лишь по незнанию, и результатом его является самоубийство охотника:

Не спрося он ума-разума своего,
Стал он с девкой шуточки шутить,
Отшутимши шуточки, стал выспрашивать ее...
. . . .
Узнает охотник — девка родная ему сестра,
Вынимает млад охотник свой булатный острый нож.
«Прощай девка, прощай, красная,
Прощай, родная сестра».
Зарезал охотник сам себя. [1]

Таким образом перед нами — реалистически-бытовая трактовка того же сюжета.

В песне о шинкарке и ее дочери картина снова иная. Песня также имеет бытовой реалистический характер, но обстановка — другая:

Как на горке, на горе,
На высокой, на крутой,
Стоял новой кабачок,
Сосновенький чердачок.
Как во этом чердачке
Пьет голенький мужичок.
Богачи дивуются,
На что он пируется...

Женитьба брата на сестре и здесь происходит лишь по незнанию:

Поехали ко венцу,
Не сказалися отцу;
Приехали от венца,
Спросили пивца, винца;
Стали пить-попивать,
Поименно называть...

Самого факта кровосмешения как будто не происходит (и в этом случае песня ограничивается довольно глухим изложением); в результате — брат и сестра каются:

«Поди, сестра, в монастырь
Замаливать тяжкий грех,
А я пойду в темный лес»... [2]

Среди этих текстов особый интерес представляет песня, записанная В. И. Чернышевым. [3] Это — песня нового, романсного типа с явными следами правильного литературного

---

[1] См. песню № 259.
[2] См. песню № 258.
[3] См. песню № 257.

стихосложения (правда, с некоторыми нарушениями, неизбежными в устной традиции) и с характернейшей стилистикой книжно-романтического типа:

Друзья! Пред вами сознаюся,
Сестру родную сполюбил,
Всегда *преследовал за ею*,
Всегда к любви ее склонял.
Зашел однажды к сестре в спальню,
Тихонько двери растворил,
Пал перед нею на колени,
Сказал: «Люблю, сестра, тебя»...

. . . .

Шибко двери растворились,
Всходит *грозный их отец*,
Глаза свирепостью блистали,
Взор свой кинул на детей.
«Уж вы дети мои, дети,
На што пролили кровь мою! (!?)
Уж ты, *сын мой недостойный*,
Тебя на каторгу сошлю!
Уж ты, дочь моя, красотка,
С тебя голову снесу!»

Замечательно эффектно после этих грозных слов звучит концовка песни:

Сотколь ангел заявился,
Всех урозь их разогнал (!)

Таким образом, этот «жестокий романс» неожиданно превращается в легенду!

8

Приведенными данными почти исчерпывается тот материал, который может быть отнесен за счет древнейшего периода истории, до-классового общества. Данных этих и немного, да кроме того, как мы видели, песни с древними темами и мотивами в основе не дошли до нас в своем первоначальном или более или менее близком к первоначальному виду: они претерпели изменения то более, то менее значительные, связанные с той новой исторической обстановкой, в которой продолжали жить эти песни.

Значительно богаче и определеннее в песнях-балладах следы феодального (до-крепостнического) и крепостнического периода. Пожалуй, можно прямо сказать, что основной пласт в балладах именно феодальный: и самые сюжеты, и герои, и многие детали отводят нас обычно к феодальному периоду.

В целом ряде баллад, примыкающих к былинам и историческим песням, действующими лицами являются князья, кня-

гини и т. п. Такова, например, песня о том, как мать князя Михайла губит его жену; пожалуй, еще ярче феодальные черты в песне о том, как жена князя Михайла сошла с ума. Здесь перед нами не только князь, но и его приближенные:

Как поехал же князь Михайло
В чисто полечко погуляти
Со своими князьями-боярами,
Со советничками потайными,
С причетничками удалыми...
. . . .

Князь возвращается к себе в «высок терем». О его обращении к боярам песня говорит так:

Возговорит князь-ет Михайло тут
Слова ласковые, знакомые:
«Ай бо вы, князья мои, бóяра,
Вы, советнички потайные!»...

С своей стороны «домашние» князя обращаются к нему таким образом:

Как встречали его домашние,
Они бросились на широкий двор,
На широком двору крепко плакали,
Все кричали громким голосом:
«Обо еси, *великий князь!*
Уж мы скажем те, проговорим»... [1]

По всему своему оформлению песня определенно примыкает к былинам; недаром она и записана П. Н. Рыбниковым вместе с былинами: здесь перед нами и типичные повторения и характерные эпитеты («чисто полечко», «добрый конь», «со буйною головою, со русою косою», «во в сине море, к желтым пескам» и проч.), характерен и самый песенный размер. Подобные песни являются как бы переходным этапом от былин к балладам, и здесь связь между «высшими» и «низшими» эпическими песнями оказывается особенно ясной.

Стилистически очень близка к былинам песня «Иван Додоровович и Софья Царевна», помещенная Марковым в его сборнике «Беломорские былины».[2] Здесь имеем и типичный зачин с упоминанием Киева и князя Владимира («Ишше было то в городи во Киеви, ай у ласкова у князя у Владимера»); но самый сюжет совершенно не характерен для былевого эпоса, примыкая скорее к духовным стихам; с другой стороны, повидимому, имеется в виду какой-то конкретный отдельный факт, что приближает данную песню к историческим (но какой именно факт — и здесь указать мы не можем).

[1] См. песню № 245.
[2] См. в наст. сборнике № 251.

Наконец, в песне о бессчастном добром молодце как будто имеем отзвук былины о Садко; но имя героя пропало, равно как и название Новгорода, — песня оказывается безыменной и нелокализованной.[1]

В числе песен, примыкающих к былинам и восходящих к феодальному периоду, укажем еще песню о молодце и королевне, которая напоминает отчасти былины о Дунае Ивановиче и литовской королевне, но имя Дуная в песнях совершенно позабыто. По типу своему напоминает былины песня о молодце и реке Смородине (ср., например, песни о купанье Добрыни в Пучай-реке; самое имя реки Смородины известно и былевому эпосу).

Баллады «Братья и сестра» и «Муж находит у жены гостя» перекликаются с былинами. Первая — с былиной об Алеше Поповиче и братьях Збродовичах (или Петровичах); герой ее даже и называется поповичем (хотя уже без имени). Но былинный сюжет приобрел здесь песенный характер. Типичен самый размер (довольно четко выдержан четырехстопный хорей, характерный именно для песен), типичны повторения:

Как брат брату сговорит: «Пойдем, братец, ко двору,
Пойдем, братец, ко двору, свернем снегу по кому,
Свернем снегу по кому, бросим сестре в окошко,
Бросим сестре в окошко, что наша сестра сговорит?»
Сговорила им сестрица: «Не дури, сударь-попович,
Не дури, сударь-попович, поди ко мне во терем,
Поди ко мне во высок: моих братьев дома нет,
Моих братьев дома нет, поехали на базар,
Поехали на базар цветно платье покупать,
Цветно платье покупать, меня сестру снаряжать»...[2]

Для сравнения приведем былинный текст:

Как пришли-то ведь братьиця под окошоцько,
Как кинали комоцик снежку белого.
Ище тут отпират скоро Настасьюшка окошоцько:
«Я прошу-то тебя-то, Олешенька Поповиць млад,
Шьчо зайди ко мне теперь во высок терем,
Шьчо попить-то, поесть мне с тобой, покушати;
У меня кушанье севодне все приготовлено!»[3]

Как видим, стиль изложения совершенно иной.

Вторая песня может быть сопоставлена с былиной о Чуриле Пленковиче и жене Берматы — Катерине. В записи В. И. Чернышева[4] героиня даже носит имя Катерины. Но

---

[1] См. песню № 263.
[2] См. песню № 5.
[3] А. Марков, Беломорские былины, М. 1901, стр. 70—71, № 7.
[4] См. в наст. сборнике № 33.

песня превратилась здесь в игровую: сюжет не рассказывается только, а изображается в действии. После каждой строки дается припев («Калина, калина, калинушка моя»), что совершенно несвойственно былинам. Самый темп песни (стихотворный размер ее) опять-таки совершенно не былинный (восьмистопный хорей). Трагическая концовка былины в песне отсутствует, и вообще конец несколько своеобразен. Приведем для сравнения песенный текст и окончание былины:

А во светлицу вошел, добра молодца нашел,
Добра молодца нашел, к Катерине подошел:
«Уж ты, Катя, Катерина, что за молодец такой?» —
«По тропинке, сударь, шла, сиротиночку нашла!
Нам не грех сироту напоить-накормить,
Напоить-накормить, на коника посадить,
На коника посадить, да подальше проводить!»
Проводивши-то милого, горько плакала она,
И заплакала глаза, и затерла рукава.
«Уж ты, Катя, Катерина, что заплаканы глаза,
Что заплаканы глаза и затерты рукава?» —
«Сударь, к маменьке ходила, очень маменька больна». —
«Уж ты, Катя, Катерина, не обманывай меня,
Не обманывай меня, был ведь милый у тебя!..»

Даем и здесь для сравнения былинный текст:

Тому ли Бермята не пытается,
Пошел он во спальню, во теплую,
Увидел под кроваткой сапожки Чурилковы,
Увидел, на кроватке Чурилко лежит.
Как брал он со стопки саблю вострую,
Не утрена зорюшка просветила,
А вострая сабелька просвиркала,
Не скаченая жемчужинка катилася,
Чурилкова головушка с плеч свалилася
На ту ли на чéреду кирпичную.
Не красная камка росстилается,
Чурилкова кровь проливается... [1]

Песня значительно короче былины, хотя и былина сама по себе относится к числу сравнительно кратких; вместе с тем песне придается более бытовой характер («муж из Питера», «сертук» и т. п.). В другом варианте песни в основном тот же сюжет дан в почти чисто анекдотическом плане: жена прячет любовника в лукошко и выдает его мужу за только что родившегося барана, причем не хочет показать его мужу. [2]

Можно думать, что в данном случае мы должны говорить не о трансформации былины в балладную песню, а об использова-

---

[1] Гильфердинг, Онежские былины, СПБ. 1873, № 309, стр. 1314—1315.

[2] См. песню № 35.

нии былиной сюжета, известного также и песням балладного типа и широко популярного в анекдотической литературе и устной словесности.

4

Совершенно естественно, что среди баллад мы находим только (или почти только) такие, которые по своим сюжетам (а отчасти и по оформлению) примыкают к былинам новеллистического характера: былины собственно богатырские (или боевые) чужды балладному жанру. С другой стороны, так называемые «новеллистические былины», в сущности говоря, во многих случаях могли бы называться балладами, и число таких балладных былин довольно значительно (например, о госте Терентии, о царе и купеческой дочери и проч., и проч.).

Такой же новеллистический характер имеют и те баллады, которые по своему содержанию приближаются к историческим песням, причем к историческим песням, так сказать, былинообразного типа, более ранним по своему происхождению. Такова указанная выше песня о князе Михайле и его жене в ее различных вариациях и песня об Иване Дородоровиче и Софье царевне. Такова, далее, песня о Дмитрии и Домне, изложенная почти былинным стилем:

Приходили послы к Домниной матушке,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
На все стороны поклоняются,
Сами говорят таковы слова...
. . . .
Встречает Митрий Васильевич,
Опущает ю с добра коня,
Берет за ручки за белые,
Целовал во уста во сахарние,
Вел ю за столы за дубовые... [1]

И здесь перед нами старинная бытовая обстановка феодального периода, а Дмитрий в вариантах называется князем.

К числу таких старинных феодальных песен («исторических» и вместе с тем приближающихся к былинам) следует отнести также песни о том, как «князь Роман (в вариантах также «Михайла») жену терял», то есть губил. Сюда же может быть отнесена песня «Князь и старицы», все с той же темой убийства мужем невиновной жены по клевете злых людей.

Чрезвычайно загадочна по своему содержанию и конкретному приурочению песня «Царь в кабаке». [2] Повидимому, песня не закончена (собственно повествовательная часть обрывается), и дать ее расшифровку не представляется возможным.

---

[1] См. песню № 17.
[2] См. песню № 143.

По своему стилю близки к этим песням феодального периода также связанные друг с другом песни «Василий и Софья», «Чурилье-игуменье» и «Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна». Первые две рассказывают о трагической смерти двух влюбленных и о вырастающих на их могилах деревьях (см. выше), последняя (частично примыкая к этим) рассказывает в былинном стиле о притворной болезни монахини, княжеской племянницы Стафиды Давыдовны, забавляющейся в своей келье с молодым пономарем Иванушкой.

В числе баллад исторического (конечно, условно исторического) характера назовем еще одну из популярнейших — «Разбойники и их сестра», с ее традиционным началом былинного типа: «Во славном во городе во Киеве». Если здесь и лежит в основе какой-либо единичный факт, то конкретное установление этого факта для нас невозможно; перед нами, в сущности, типично-новеллистическая история.

Еще более знаменита песня о Ваньке-ключнике и князе Волконском.[1] И здесь перед нами феодальная среда, но, повидимому, уже более позднего, крепостнического периода (В. И. Чернышев предположительно относит происхождение песни к началу XVIII века). При этом чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что, тогда как в более ранних произведениях героями являются представители господствующего феодального класса, за ними песня следит и им сочувствует, здесь мы видим в качестве героя — дворового человека, ключника. Даже такой исследователь, как О. Ф. Миллер, еще в 1876 году отметил, что песня о Ваньке-ключнике «отличается духом позднейшей вражды служилого человека к своему господину».[2] Еще более отчетливо, пожалуй, эта новая установка проявляется в песнях о любви княгини к камер-лакею и о любви холопа к дочери барыни, о которых мы будем говорить ниже.

Песня о Ваньке-ключнике была обработана поэтом Вс. Крестовским (1861), и эта обработка в свою очередь вновь проникла в устную традицию и в значительной степени вытеснила прежнюю песню о Ваньке-ключнике. При этом, однако, само стихотворение Крестовского не остается неизменным, а перерабатывается в устной традиции.[3]

Довольно значительный цикл песне исторического характера (но совершенно безыменных и без определенной конкретизации событий) связан с изображением взаимоотношений с та-

---

[1] Ей посвящено обширное примечание В. И. Чернышева, специально занимавшегося историей этой песни; мы ограничиваемся здесь лишь краткими замечаниями общего характера.

[2] Отчет о восемнадцатом присуждении наград гр. Уварова, СПБ. 1876 (рецензия О. Ф. Миллера на «Песни, собранные П. В. Киреевским»).

[3] Об этом подробно говорит В. И. Чернышев в примечании к песням № 38—41.

тарами. Здесь особенно много песен, говорящих о плене. Вот, например, три татарина нападают на «малолеточка» с тихого Дона и хотят убить его или взять в плен; но конь будит спящего малолетка, и тот побеждает татар — двух убивает, а третьего берет в плен.[1] В аналогичной (частью дословно совпадающей с этой) песне о девушке, на которую напали три татарина, развязка иная: повидимому, татары забирают девушку в плен (в песне, впрочем, полного завершения всей истории нет).[2] В песнях изображается девушка, взятая в плен во время сна молодца, или девушка, упрашивающая татарина отпустить ее из плена. Любопытны песни, в которых изображается теща, попавшая в плен к зятю-татарину (подобный текст записал юноша Лермонтов); по обработке особенно интересна песня № 68, в которой подробно изображается самое пленение девушки и полнее дается развязка. Чрезвычайно интересно (в сказочных тонах) изображается продажа пленницы татарином за дорогую цену;[3] девушку покупает «удаленький добрый молодец», радующийся затем тому, что девушка пришла ему «в барышах»:

«Не пропали мои денежки, пятьдесят золотниц!
На девушке шелков пояс на тысячу,
На головушке ала лента в две тысячи,
На ручушке золот перстень — цены нет»...

Повидимому связана с татарами и песня о «Большом короле и девушке»,[4] довольно близко примыкающая к песням о теще в плену у зятя по формуле:

«Я по матушке млад барченок,
А по батюшке татарченок»...

К сожалению, запись этой редкой песни не вполне ясна: в песне есть некоторая недоговоренность.

Ряд песен говорит о бегстве из плена молодцев или девушки. В песне о бегстве девушки любопытен запев о ссоре солнца с месяцем, но песня не имеет окончания;[5] другая подобная песня полнее и весьма любопытна по обработке былинного типа (характерны повторения и замедленность изложения).[6]

Группа песен связана с турецкими войнами. В них изображается поединок казака и турка, завершающийся победой казака; в песне или казак бежит после битвы из плена (причем упоминается «ружьецо турецкое») и просит своего коня подождать и увезти его; в одной из песен чрезвычайно красочно

---

[1] См. песню № 45.
[2] См. песню № 63.
[3] См. песню № 66.
[4] См. песню № 27.
[5] См. песню № 74.
[6] См. песню № 75.

изображается возвращение молодца после боя с турецким королем.[1]

Эта песня напоминает песни о смерти молодца в поле, к числу которых относится одна из самых знаменитых — «Уж как пал туман на сине море». В этих песнях нет определенных указаний, где именно и против кого именно бился молодец, но по типу своему они должны быть отнесены сюда же. Иного содержания, но на ту же тему песня о смерти молодого урядника в горах.[2]

В числе этих «исторических» песен более позднего времени находится также песня о пленной турчанке с любопытным перечислением разных полков и рот:

Как шли полки артиллерийские,
Что перва рота гренадерская,
Что втора рота бомбардирская,
Что третья рота канонерская...[3]

В одной из песен изображается еще, как «пан» привозит своей «панье» полонянку с Руси, причем полонянка эта и ее наряд изображаются весьма картинно:

Везут паньюшке гостинцы —
С Руси русскую девку-полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
В беленькой рубашке миткалинной,
Во алом во тафтяном сарафане,
В широкой-то ленте во низаной,
В аленьких башмачках во сафьянных,
В беленьких чулочках во бумажных.[4]

5

Таков балладный материал исторического характера. Однако основная масса баллад такого «исторического» характера (в смысле связи с конкретными и иногда даже единичными фактами гражданской истории) не имеет: характер их собственно новеллистический, то есть речь идет о безыменных и во всяком случае не единичных, а типичных, обобщенных героях и героинях, о каких-то общих явлениях бытового характера и т. п. Эта основная масса баллад довольно определенно по многим данным связывается с XVII, XVIII, XIX веками, с периодом крепостнического строя. Отчетливо намечается в подобных песнях социальная диференциация: они говорят о различных классах и социальных группах и говорят с различных точек зрения.

---

[1] См. песню № 49.
[2] См. песню № 60.
[3] См. песню № 71.
[4] См. песню № 69.

Ряд песен имеет довольно четко выраженный феодально служилый характер. Так, например, в любопытной песне о дочери Ивля Ивлевича говорится:

Сказана служба царская,
Царская государская:
У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.

Меньшая дочь Ивля Ивлевича вызывается итти за него на службу, причем говорит о необходимости иметь соответствующий костюм:

«Сшей ты мне, батюшка, камзол да штаны,
Камзол да штаны, со манерами сапоги,
Купи же мне, батюшка, черную шляпу со пером,
Перчаточки с серебром». [1]

Костюм совершенно в духе XVIII века!

В другой песне девушка предлагает своему милому заложить ее, чтобы купить коня для царской службы.

И от Москвы заря-заря занималася,
На царя война-война подымалася.
Что на-всем князьям была служба явлена.
Моему дружку было давно сказано,
Давно сказано — ему наперед иттить...

А дальше неожиданное разъяснение:

Наперед иттить — ему хоровод водить,
Хоровод водить, ему песни запевать,
Песни запевать, ему девок выбирать...

Повидимому, старая феодально-служилая новеллистическая песня превратилась здесь в хороводную (в сборниках Мельгунова и Шейна она так и именуется «хороводной»). Дальше снова идет повествование и пожелание девушки, чтобы милый «заложил» ее.

В повествовательном новеллистическом плане изображается возвращение «князей» с войны и отсутствие милого. Концовка же снова типично хороводная (с традиционным поцелуем):

Мне не жаль платка, что он в шляпе носится,
А мне жаль дружка, что он с иной водится,
С иной водится, со мной, младой, бро́нится,
Со мной бро́нится, бро́нится-ругается,
Над мной, младой, в глазах насмехается.
С какой водится, с тою поцелуется... [2]

---

[1] См. песню № 6.
[2] См. песню № 76.

Типично феодальная обстановка изображается в песнях о том, как девушка впускает молодца в запертый город:

Приезжает молодец к городу Мурову:
Все ворота там позаперты,
Хрящатым песком позасыпаны;
Часовые стоят, — не проснутся.
Свистом свистел, — не досвистелся,
Голосом кричал, — не докричался.
Услышала его красная девица,
Прежняя полюбовница, в высоком тереме.
«Уж вы, матушки мои, нянюшки,
Вставайте потихохоньку;
Берите ключи помалехоньку,
Вы отлаживайте у города воротчики,
Пускайте моего друга милого!»...
Как выходит она с высокого терема
И берет его за белы руки,
Сажает его за дубовый стол... [1]

В одной из песен изображается, как девушка играет с молодцем «во тавлеи, во шахматы». [2] В песне о том, как девушка отравила молодца, характерен стиль (повторения, параллельные обороты, замедленность изложения), характерна и обстановка:

«Не клади меня, красна девица, у божьей церкви, —
Положи меня, красна девица, во чистом поле,
При широкой дальней при дороженьке;
В головах поставь, красна девица, золотой крест,
На груди поставь, душа моя, калену стрелу,
Подле бок клади звончаты гусли,
Во ногах поставь, красна девица, моего коня»... [3]

Не вполне ясна по содержанию песня о гибели девушки от любви «воеводского сына» [4] почему именно пугается и гибнет девушка, когда воеводский сын обещает взять ее замуж? Не проясняют этого вопроса и имеющиеся варианты. В. И. Чернышев высказывает предположение, что песня говорила о каком-то совершенно определенном факте, участник которого был сыном настолько значительного лица, что даже говорить об этом факте яснее опасались. В варианте, помещенном в нашем сборнике, речь идет о «воеводском сыне»; воеводский сын выступает также в песне № 274 собрания А. И. Соболевского (том I).

---

[1] См. песню № 9.
[2] См. песню № 4.
[3] См. песню № 13.
[4] См. песню № 26.

В песне № 275 (там же) героем оказывается боярский сын, в песнях № 276 и 278—«генеральский сын», в песне № 277—«молодой сержант». Эти песни, очевидно, более позднего происхождения (не раньше XVIII века). В песне № 277 очень картинно и любопытно изображается, какой наряд обещает «сержант» девушке:

«Играй, Дунюшка, играй, любушка!
Я тебя люблю, за себя возьму,
За себя возьму, башмачки куплю,
Башмачки куплю со чулочками,
Алы ленточки на подвязочки,
И робронт куплю со юбочкой!»

И самый наряд и иностранные слова для его обозначения переносят нас в XVIII век, причем уже, конечно, и среда здесь не крупнофеодальная, а мелкослужилая городская; может быть, и здесь, как во многих других случаях, мы присутствуем при процессе опускания песни в плане социальном.

Довольно значительна группа песен, в которых изображается буржуазная, купеческая среда, причем изображается с такими подробностями, с таким знанием дела и обычно с такой определенной направленностью, что мы можем этим песням приписывать соответствующее (буржуазное, купеческое) происхождение. Такова, например, богатая по своему оформлению песня о том, как «гостиный» (то есть купеческий) сын увозит на корабле девушку (эта песня перекликается со сказками о похищении красавицы-невесты). Любопытен вариант этой песни, в котором девушку похищают уже «ржевские приказчики», причем для покупки нового струга они «скидываются» (то есть складываются) по полтине; похищают они дочь богатого купца, «что под славной под Калугой», заманивая ее к себе игрой на скрипке.[1] Отметим здесь же позднейшую разработку того же сюжета в совершенно ином стиле — в виде романса «Морячка»: здесь (как мы отмечали уже в ряде случаев выше) мы имеем приближение к письменному литературному творчеству; очевидно, источником послужило какое-то литературное произведение, но какое — указать пока мы не можем. В печатном тексте этой песни по песеннику Беляева литературность ее особенно четко выражена, хотя все же третье и четвертое четверостишия явно испорчены (одного стиха нехватает, не выдерживается рифмовка четных стихов):

«Ну, как не быть такой красотке!
Какой угодно цвет для вас?
У нас есть белый цвет и алый!» —
«Мне нужен нежный белый цвет;
Я для самой принцессы шью!» —

---

[1] См. песни № 1 и 2.

«Вы потрудитесь поскорее
Войти на палубу мою!» [1]

Вариант, записанный бр. Соколовыми, показывает, как изменяется и упрощается литературный текст в устной традиции.[2] В этой устной песне изложение с объективно-повествовательного сбивается на лирически-автобиографическое (от первого лица):

На берегу сидит девица,
Шелками шьет *она* платок.
Какая цюдная работа!
Шелку *у меня* недостает...

И дальше:

Я вошла, парус надулсы,
Корабль наш в море поднялсы.
От шуму дурныф, вольныф песен
И я заснула крепким сном...

Концовка значительно сокращена (и можно сказать, довольно удачно): вместо восьми строчек текста песенника мы видим в устном варианте всего две строки:

«Не моряцькой, не простою,
А королевой будешь жить...»

Искусственное замечание:

Под шум волны и пенья звуки
Она уснула крепким сном —

заменено в устном варианте таким:

От шуму дурныф, вольныф песен
И я заснула крепким сном...

Очень четко купеческая среда рисуется в песне о помолвке купеческой дочери:

В славном было городе во Нижнем,
Подле таможни было государевой,
Стояли тут две лавочки торговые.
Во лавочках товары все сибирские:
Куницы да лисицы, черны соболи.
Во лавочках сиделец — с Москвы гостиный сын.

Возлюбленная этого «сидельца» уезжает

во иной город,
Во иной город, в каменну Москву.

---

[1] См. песню № 319.

[2] Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 500—501, № 678.

Как помолвили ее за купца в Москве,
За купца в Москве за богатого...[1]

В песне из собрания Киреевского героиней является купеческая дочь, у которой ночует «принц»;[2] в очень популярной песне рассказывается о том, как

Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близ гостиного двора,
У Софронова купца
Солучилася беда
И не малая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.[3]

В указанных выше песнях о кровосмешении также перед нами купеческая среда. Купеческая же среда и обстановка изображена в песне о чернобровой Аннушке.[4]

Значителен цикл песен городского мелкобуржуазного («мещанского») характера, песен романсного типа. Это преимущественно песни более позднего, нередко определенно книжного (и иногда весьма оригинального) происхождения. Сюда относятся отмеченные уже выше песни («Морячка» и «Брат любит сестру»), далее песенка Офелии в устной переделке («Вы знавали ль мого друга?»)[5] и ряд песен о несчастной любви, ревности и их последствиях («жестокая» тематика вообще характерна для романсов). Так, в песнях изображается, как девушка, обманутая молодцом, топится. Характерен стиль одной из таких песен:

Потом вышел на *парадное крыльцо*,
Закричал своим *лакеям*, *кучерам*...
. . . .
Отец с матерью про дочку говорят:
«Что какая разнесчастная наша дочь!
«Что в *такие часы-минуты рождена*,
И в *какого же тирана влюблена*». —
«Ты, *тиран*, *тиран*, мальчишка молодой,
Зачем мучаешь, *тиранишь* ты меня?»[6]

---

[1] См. песню № 19.

[2] Песни, собранные Киреевским. Новая серия, вып. 2, ч. 2, стр. 6, № 1180; см. в наст. сборнике № 25.

[3] См. песню № 327.

[4] См. песню № 159.

[5] См. песню № 333.

[6] См. песню № 323.

Иная обработка такого же сюжета — в другой песне, стиль которой — типично старинный:

Не велела мне матушка
Мне белиться, румяниться,
Начернó брови сурмити,
В цветное платье рядитися,
В холостую горницу хаживать,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривать,
С холостыми и с женатыми.
Я не слушалась матушки,
Я белилась, румянилась,
Начернó брови сурмила,
В цветное платье рядилася,
В холостую горницу хаживала,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривала,
С холостыми и женатыми... [1]

Одна из популярных песен изображает самоубийство молодца, вызванное тем, что «отец сыну не поверил, что на свете есть любовь». Эта песня обработана между прочим Н. Клюевым, [2] придавшим ей, однако, совершенно иной характер (в отличие от ряда других обработанных им песен, вошедших в цикл «Песни из Заонежья»).

Явно литературного (хотя и невыясненного) происхождения песня «Мальвина», являющаяся «балладой» литературного типа («рыцарь», Мальвина — действующие лица, конечно, не русского фольклора). Очень эффектно здесь изображение всеобщей скорби по случаю гибели Мальвины:

Приносили на кладбищо,
Востонула вся земля.
Все селенная сказала: (то есть вселенная)
«От любови померла»... [3]

Такого же явно литературного (и притом опять-таки балладного) происхождения песня «Две сестры». [4] Песня эта восходит к шведской балладе, получившей довольно широкое распространение через песенники.

---

[1] См. песню № 324.

[2] Н. Клюев, Песнослов, кн. 1, П. 1919, стр. 281—282: «Слободская».

[3] Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, стр. 503, № 685; см. в наст. сборнике № 328.

[4] Там же, стр. 496—497, № 666; см. в наст. сборнике № 334.

Баллады записывались преимущественно в крестьянской среде. Но, как видим, среди «крестьянских» баллад много таких, которые по своему происхождению не принадлежат крестьянству. Крестьянство унаследовало их (как унаследовало, например, былины и исторические песни) от господствующего класса феодалов, от буржуазии и городской мелкой буржуазии. Понятно, что эти чужие произведения не оставались в крестьянской среде неизменными, и мы уже отмечали случаи изменений. Нередко подобные изменения оказываются искажениями, прямой порчей текста вследствие непонимания его, несоответствия крестьянской обстановке и психологии. Но было бы грубейшей ошибкой думать, что «народ» питается только крохами со стола «господ», ничего не создает сам и только «портит» доходящее до него «культурное наследие» господствующих классов. [1] Изменения далеко не сводятся к порче: мы имеем и такие случаи, когда устный крестьянский вариант оказывается картиннее и выразительнее книжного, литературного. Ряд подобных указаний дает В. И. Чернышев в примечании к песне о Ваньке-ключнике; напомню также отмеченный Б. М. Соколовым пример переделки стихотворения Плещеева «Я у матушки выросла в холе»; в стихотворении говорится:

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей,

а в устной переделке:

Глаза карие быстро смотрели
Из-под соболя черных бровей... [2]

Большое количество произведений кроме того должно быть отнесено по своему происхождению непосредственно за счет крестьянства: они и говорят о крестьянстве и выражают настроения крестьянства.

К числу таких крестьянских песен нужно отнести значительное количество песен семейно-бытового характера, в частности — сатирических и юмористических, нередко примыкающих к анекдотам. Таковы, например, насмешливые песни о ленивых или неумелых женщинах: «Тетушка Арина», «Дуня-тонкопряха», «Паранины хлебы»; есть также песня о муже, неудачно пытающемся выполнить роль жены-хозяйки («Недвига и ее муж»). [3]

Одна из песен изображает жену-модницу, продающую скотину и овес за мыло, румяна и белила. [4]

---

[1] Эту точку зрения защищает немецкий ученый H. Naumann, ныне примкнувший к фашизму.

[2] Б. М. Соколов, Русский фольклор, в. 1, М. 1929, стр. 18.

[3] См. песню № 42.

[4] См. песню № 194.

В другой песне изображается (в анекдотическом плане) расправа мужа с такой модницей-женой: жена заставляет мужа продать «кобылку с коровушкою» и купить ей душегрейку шелковенькую, чтобы люди удивлялись ее наряду. Муж после обедни запрягает жену и едет в лес за дровами:

«Ну-ка-ся, жена, запрягайся сама,
Запрягайся сама, да в лес по дрова!»
Напался клевник, наклал воз велик.
Не то-то мне тошно, что воз-то велик,
А то-то мне тошно, что муж на возу;
Он под гору едет, посвистывает,
А на гору едет, похлестывает.
По праву сторонку ребята стоят.
«Ребята, ребята, кобылка добра,
Кобылка добра: велик воз везла!»
Приехал ко двору, привязал ко столбу;
Корму не дает и пить не ведет.
«Мой муж-муженек, ясный соколок!
Продай душегрейку шелковенькую,
Купи, муж, кобылку с коровушкою!» [1]

Сюда же следует отнести песни о горькой участи женщины в чужой семье по выходе замуж и о плохих взаимоотношениях с мужем. Почвой для подобных песен являлись крепостнические семейно-бытовые отношения, подневольное положение женщины, полное угнетение ее, браки поневоле. В качестве протеста против подобных условий жизни возникают и распространяются песни, в которых жена выражает свое враждебное или насмешливое отношение к мужу; в ряде песен изображается прямо расправа жены с мужем (то в более смягченном, то в более жестоком виде). Так, в песнях изображается жена, которая гуляет потихоньку от мужа, обманывая его; жена бранит мужа, радуется тому, что мужа захватили в плен татары, и только опасается, как бы он не убежал; жена не впускает мужа в ворота, когда он возвращается из кабака:

«Ты ночуй, ночуй, невежа, за вороты!
Вот те мягкая перина — белая пороша,
Шитый браный положок — частые звезды,
А высокое изголовье — подворотня,
Соболино одеяло — лютые морозы!» [2]

Среди этих песен выделяется группа песен о муже-«недоростке». В основе песни лежит старое бытовое явление (о котором рассказывает еще Олеарий): малолетних ребят женили

---

[1] См. песню № 43.
[2] См. песню № 197.

на взрослых девушках, чтобы скорее приобрести в дом новую рабочую силу. Песня изображает расправу такой взрослой и сильной жены со слабым мужем, изображает явно неправдоподобно (впрочем, и самая песня приобретает в ряде случаев шутливый, игровой характер), но основное настроение — стремление женщины взять верх над мужем — совершенно реально. Интересно, что в одном из вариантов [1] к обычному тексту песни присоединен дополнительный эпизод (так сказать, о реванше):

Отвязала жена мужа от березы.
Уж как начал муж жену толочити,
По пенью, по коренью волочити.
Назвала жена мужа Филаретом:
«Филарет, Филарет, пойдем вместе,
«Пойдем вместе, станем жить хорошенько!»

Интересен по оформлению вариант,[2] весь построенный на параллельных оборотах («Ой, куда мне недоросточка, куда дети?» — четыре раза); любопытно применение пренебрежительных обозначений:

Заверну я недоросточка
В дерюженку,
Положу я недоросточка
В тележенку,
Запрягу я недоросточку
Лошаденку.

Подобная песня имеется в обработке Клюева.[3]

В одной песне жена-модница, чтобы избавиться от мужа, покупает для него место в тюрьме. Наконец, в ряде песен жена убивает мужа (разными способами: топит, сжигает, вешает, зарезывает). Трудно думать, что подобные случаи были обычным бытовым явлением; но песня подхватывает исключительные факты и именно их-то и фиксирует, не столько как отражение того, что было в реальной действительности, сколько как выражение настроений и пожеланий. Во всяком случае песни эти оказываются весьма популярными. Любопытна запись песни о том, как жена сжигает мужа,[4] сохранившаяся в следственном деле 1699 года (причем само следственное дело никакого отношения к тексту песни не имеет); это один из немногих случаев записей ранее XVIII века.

На той же почве угнетения женщины вырастает любопытная песня о том, как женщины, сложившись «по полтине», покупают у «воеводы» волю над мужьями:

---

[1] Соболевский, Великорусские народные песни, т. III, № 558, стр. 452—453 (из «Вологодского сборника», т. IV).

[2] См. песню № 198.

[3] Песнослов, I, стр. 283—284: «Бабья песня».

[4] См. в наст. сборнике № 206.

«Воевода, воевода,
Воевода, царь господский!
Ты дай воли,
Ты дай воли на три годы,
На три годы,
На три годы над мужьями!» —
«Не дам воли,
Не дам воли на три годы,
На три годы над мужьями, —
Я дам воли,
Я дам воли на полгода,
На полгода,
На полгода над мужьями...»

И в параллель тому, как в одной из песен, приведенной выше, муж запрягает жену, здесь жена запрягает мужа в сани и едет за дровами. Интересно использование увеличительных названий:

«Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,
Но я буду,
Но я буду погоняти
Чапельнищем,
Чапельнищем по бельмищам,
Помелищем по ребрищам,
Я поленом,
Я поленом по колену...» [1]

Если в этих песнях мы видим торжество женщин над мужьями, то есть, конечно, ряд песен, в которых муж расправляется с женой. Так, старый муж побоями усмиряет жену-насмешницу. Жена говорит про мужа:

«У моего ли старичка —
Замашная голова,
Ковиная борода,
Свинячья еда».

Муж бьет ее:

Поймал молодую жену,
Привязал молодую жену
К избяному дерну;
Он по земи сапогом,
По плечам батогом.
«Расскажи ты, молодая жена,
Какая моя голова?» —
«У моего ли старичка

[1] См. песню № 196.

Кучерявая головка». —
«Расскажи ты, жена,
Какая моя борода?» —
«У моего старичка
Кучерявая бородка». —
«Расскажи ты, жена,
Какая моя еда?» —
«У моего старичка
Купеческая еда». [1]

В одной из песен речь идет о том, как муж отправляет жену в лодке вниз по Волге (но затем приглашает ее возвратиться), в других песнях муж желает смерти немилой жене, или прямо муж (казак) убивает жену (в жизни подобных случаев убийства мужем жены было, надо полагать, больше, чем случаев убийства мужа женой, в песнях же соотношение — обратное; лишний раз мы видим здесь подтверждение той мысли, что песня не есть прямое воспроизведение реальной действительности: это — поэтическое создание, являющееся выражением определенной направленности).

7

Жестокость семейного быта, как мы указали выше, является одним из проявлений крепостнического строя. Песен, в которых крепостнические отношения проявились бы непосредственно, сравнительно немного. Таковы в особенности так называемые «холопские» песни. Отчасти к числу их может быть отнесена песня о Ваньке-ключнике, о которой речь шла уже выше. Героем песни, на стороне которого сочувствие авторов и исполнителей, является здесь слуга (надо полагать, крепостной) князя Волконского. Еще ярче в этом отношении песня о том, как «любила княгиня камер-лакея», где княгиня причитает над телом утопленного по приказанию ее мужа камер-лакея:

«Подымитесь вы, буйные ветры,
Вывейте из князя душу,
Вы вложите в камер-лакея,
Вы вложите в молодого!» [2]

Совершенно четко насмешка над барыней и торжество холопа рисуются в песне о любви холопа к барской дочери:

«Ах, негодница-холоп, где ты спал, ночевал?» —
«Боярыня, сударыня, у тебя в терему,
У тебя в терему, в шитом браном пологу,
В шитом браном пологу, на перинах, на пуху!» —

---

[1] См. песню № 218.
[2] См. песню № 36.

«Ах, негодница-холоп, на что сказываешь?» —
«Боярыня, сударыня, на что спрашиваешь?
Кабы ты да не спросила, я бы век не сказал!» [1]

Песня эта принадлежит к числу весьма распространенных.

Весьма распространена также песня о том, как молодец лезет к девушке через окно. В одном из вариантов песня эта также приобретает характер «холопской»:

Сержант ручку протянул,
Холоп плеткой стебнул:
«Да не ваша, сударь, честь
Под окошко к девке лезть.
А и ваша, сударь, честь
На сражельнице стоять
И с турками воевать;
А холопская честь
Под дорогою стоять,
Кафтаны, шубы снимать,
Еще плеткою стебать». [2]

В других вариантах обычно вместо «холопа» появляется денщик, ямщик и проч. Нет и характерного изображения «чести» холопа — «кафтаны, шубы снимать», то есть разбойничать.

Как раз разбойничество, являющееся одним из порождений крепостнических отношений, широко представлено в песенном материале. Так называемые «разбойничьи песни» изображают обычно не рядовой грабеж бытового характера. В песнях перед нами проходят своеобразные архаические картины разбойничества (например: молодец убит разбойниками в к а б а к е, то есть «разбойники» эти не скрываются в лесу; или говорится о том, что «таит целовальник разбойников и не сказывает»). Герои и факты — необычны, исключительны (например, в знаменитой песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка» разбойник должен итти на допрос к самому царю; в некоторых песнях разбойником и даже атаманом разбойников оказывается девица). В ряде случаев довольно отчетливо звучат мотивы песен разинского цикла, только без упоминания имени Разина: разинские песни приобретают балладный характер (например, в одной песне речь идет об убийстве астраханского губернатора, — подобная песня имеется и среди песен о разинцах; возможно, что к разинскому циклу относятся и песни о «высылке» против разбойников из Астрахани или из Казани; отметим, что первая из этих песен попала уже в сборник Чулкова в 1770 году). Песни относятся к разбойникам с несомненным сочувствием, как к людям смелым, гордым и сильным. В этом проявляется своеобразный протест против существовавшего порядка вещей, находивший свое прямое выражение в самом факте разбойничества.

---

[1] См. песню № 24.
[2] См. песню № 22.

И по своему стилю и по деталям исторического характера разбойничьи песни относятся преимущественно к XVI, XVII и XVIII векам, то есть к периоду весьма напряженной борьбы крестьянства против крепостничества (например, в песне речь идет о «славном селе Преображенском», где помещается «приказ государев»; в другой песне девица-атаман захотела «загуляти во славное в Московское государство» и загуляла «на славное на Петровское на кружало», где ее поймали, повели «в полицу» и подняли на дыбу; в одной из песен прямо называется «царь Иван Васильевич», допрашивающий разбойника, причем действие отнесено к Киеву). Многие разбойничьи песни по своему характеру приближаются к историческим и даже к былинам. Но есть и песни новой формации. Такова, например, песня о разбойничьей шайке с довольно четко выраженным хореическим ритмом убыстренного характера (во многих случаях с внутренними рифмами):

Из-за лесу из-за гор подымалась туча-гром,
Подымалась туча-гром со частым мелким дождем...
. . . .
Атаман на нас летит, громким голосом кричит:

«Становитесь, братцы, в строй, собирайтесь на разбой!» и т. д. [1]
Такова, далее, широко распространенная до недавнего времени песня о похоронах Чуркина:

Среди лесов дремучих
В безмолвии идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые —
Из ружьев сложены,
А поперек ружьев стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой... и т. д. [2]

Это — переделка переводного стихотворения Ф. Миллера, связанная с бульварным романом Пастухова. Таким образом, мы имеем здесь разбойничью песню вторичного образования.

В песнях находит отражение и такое социальное явление, как солдатчина. В отличие от ура-патриотических песен, насаждавшихся сверху, «государева служба» изображается в крестьянских песнях о солдатчине в отрицательных тонах. Молодец, записанный в солдаты, пьет «с кручины, с великия печали», называет «государево солдатство» несчастьем, надеется откупиться от солдатчины золотой казной, горько плачет, отправляясь на службу, просится со службы в отпуск или

---

[1] См. песню № 337.
[2] См. песню № 336.

даже бежит из полка. Очень любопытно начало песни, приводимой нами ниже полностью:

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ люди первые,
А к жалованью люди последние.

Или начало другой песни:

Пропали наши головы
За боярами голыми,
За бурмистрами-разбойниками,
За прикащичками-мошенничками... [1]

И эти песни обычно отводят нас к XVII и еще чаще к XVIII веку (нередко они и известны по текстам XVIII века, например, Чулкова). Характерна, например, песня «Как на матушке на Неве реке, на Васильевском славном острове» или песня о жалобе девушки на солдата, где типично само словесное оформление:

За столом сидит млад полковничек,
Что того полку бомбандирского,
Со своими со штапами-офицерами.
Перед ним стоит красна девица;
Она просит у полковника
На того сержанта имрека...
Да что возговорит млад полковничек:
«Ах, ты, гой еси, душа красна девица!
Не ходить было тебе во чисто поле,
Не смотреть было тебе солдатской экзерциции;
У меня в полку солдаты молодые,
Молодые, холостые, неженатые...» [2]

Особого внимания заслуживает группа песен, осмеивающих монахов. Возможно, что и эти песни являются продуктом крестьянского творчества; но подобные песни (особенно пародийного характера) могли возникать и в городской мелкобуржуазной среде и, в частности, в среде семинаристов — выходцев из самого духовенства: как раз среди семинаристов были весьма распространены и антицерковные и антирелигиозные произведения. Чрезвычайно любопытна песня «Старец Игренище», построенная по типу былин и старших духовных стихов. В качестве песни новейшей (сравнительно) формации можно отметить песню о монашенке, родившей сына. [3]

В настоящем сборнике мы ограничились, так сказать, «классической» балладой. Именно эта «классическая» баллада является в основе своей феодальной. Совершенно несомненно, однако, что баллада не умирает и в поздней-

---

[1] См. песню № 79

[2] См. песню № 97.

[3] См. песню № 240.

ший период. И в период капитализма (и империализма) продолжали существовать и трансформировались в соответствии с новыми условиями «старые» баллады крестьянского и иного происхождения. Многие баллады мелкобуржуазного характера, вероятно, даже и возникали уже в период усиленного развития капитализма, во второй половине XIX века и даже в XX веке. Наконец, могли возникать и действительно возникали и новые баллады и среди крестьян и среди рабочих. Так, В. А. Десницкий сообщил нам о том, как в период революции 1905 года в Горьковском (тогдашнем Нижегородском) крае сложилась баллада на основе реальных событий того времени, причем баллада эта строилась по типу «старых» баллад. Некоторые песни рабочих, в сущности, также могут считаться балладами.

Однако подобный материал до сих пор не только не изучался, но даже и не собирался и не публиковался в достаточной мере; приведение его в известность и затем изучение — задача особой работы.

8

Наш беглый обзор балладного материала вскрывает пестрый и разнообразный состав его. Здесь перед нами и сказочно-мифологические темы, сюжеты и мотивы, и сюжеты былинные и исторические, и сюжеты собственно бытовые. Отдельные элементы восходят к периоду еще до-феодальному, немало обнаруживается следов феодализма, особенно же богато представлен период крепостнический; можно считать, что XVII и XVIII века — период наиболее интенсивного сложения и оформления баллад; вторая половина XIX века (особенно конец века) уже переводит баллады в романсы. По социальному происхождению материал наш также чрезвычайно разнообразен: мы имеем здесь и песни, сложившиеся в среде господствующего феодального класса, и песни, идущие из кругов буржуазии и городской мелкой буржуазии, и песни собственно крестьянские. И как раз это богатство и разнообразие материала придают ему особенный интерес и крупное значение: перед нами как бы воплощенная в словесных образах история (в широком смысле этого слова), раскрыть и уточнить которую — интересная и благодарная задача.

Естественно, разнообразен наш материал и по своему художественному оформлению. Во-первых, как мы не раз отмечали попутно, различное происхождение проявляется в различии стиля произведений: в одних случаях, например, мы имеем приближение к типу былин и исторических песен, в других — движение в сторону романса (с приближением к письменной литературе); одни произведения более архаичны, другие более современны; одни отличаются торжественностью, пышностью изложения, другие — сатирическим или юмористическим характером. Во-вторых, как и во всяком художественном творчестве, проявляется значение творческой индивидуальности.

Мы имеем иногда различные записи одного и того же сюжета, и среди этих записей оказываются более полные и менее полные, более выдержанные и спутанные, стройные и дефектные. В целом ряде случаев, не имея достаточного количества параллельных текстов, мы не можем выбирать лучшие из них и иногда не до конца раскрываем значение того или иного текста; остаются недоговоренности, недомолвки, неясности (иногда, может быть, даже и сознательные, когда мысль автора той или иной песни вуалируется по соображениям тактически-политического характера). Встречаются, несомненно, и просто неудачные, нескладные тексты, исполнявшиеся, очевидно, недостаточно искусными певцами.

Но в основной своей массе и в тех случаях, когда мы имеем возможность пользоваться достаточно полным и неискаженным текстом, баллады представляют значительную художественную ценность. Они характеризуются обычно драматизмом содержания и выразительностью и вместе с тем украшенностью изложения. Поэтика их своеобразна и, конечно, не может служить каким-то вечным образцом для создания новых художественных ценностей; но как памятник художественного мастерства прошлого, баллады имеют, несомненно, достаточно крупное значение. Вот, например, коротенькая песня, вся насыщенная образными выражениями:

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ люди первые,
А к жалованью люди последние.
Как со вечера солдатам поход сказан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты на приступ пошли.
Что не грозная туча подымалася,
Что не черные облака сходилися,
Что подымался выше облак черный дым,
Загремела тут стрельба оружейная.
Что не камышки с крутых гор покатилися,
Покатились с плеч головушки солдатские;
Что не алое сукно в поле заалелось,
Заалелася тут кровь солдатская;
Что не белые лебедушки воскликнули,
Так воскликнут молоды жены солдатские.

Песня эта, изданная в 1773 году Чулковым [1] (а подобных песен мы найдем немало), показывает, что в XVIII веке, когда литература в значительной мере характеризовалась напыщенностью и условностью (за исключением, конечно, крупных талантов), безыменное фольклорное творчество нередко стояло на более высоком художественном уровне.

Н. Андреев

---

[1] Собрание разных песен, ч. III, № 81, стр. 111.

Обложка песенника-листовки изд. Сытина М. 1914 г.

3

I. ПЕСНИ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К СКАЗКАМ И АНЕКДОТАМ БЫТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

1. ГОСТИНЫЙ СЫН УВОЗИТ ДЕВУШКУ

Во славном было городе Кронштате,
Гостиный сын по улице гуляет,
И он носит красно золото на цевке,
Окатистый крупный жемчуг на атласе.

Из высокого из нового терема
Увидела душа красная девица.
«Ах ты, душечка удалый, добрый молодец!
Ты продай, продай красно золото на цевке,
А окатистый крупный жемчуг на атласе!»
Да что взговорит удалый добрый молодец:
«А ты, душечка, душа, красна девица!
Красно золото на цевочке не чисто,
А окатистый крупен жемчуг не крупен.
Приходи, красна девица, к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кора́блю,
Как в городе люди приумолкнут,
А в тереме свечки приутухнут,
И батюшка с матушкой спать лягут».

Красна девица по светлице ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна девица к синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кора́блю.
Гостиный сын по бережку гуляет;
Он душу красну девицу дожидает;
Принимает красну девицу под ручки,
Берет ее за золоты за перстни.
Повели красну девицу во кораблик,
Посадили красну девицу на стулик,

Подносили красной девице сладкой водки;
Напоили красну девицу допьяна.
Поизволила девица почивати
У гостиного у сына на кровати.

Гостиный сын по кораблику гуляет,
Молодым матросам повелевает:
«Ах вы, свет мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте кораблик, не стучите,
Душу красную девицу не будите!»

Середи моря девица пробудилась,
Пробудившися, девица стала плакать:
«Ахти, я перед богом согрешила,
Отца и мать навеки прогневила!»

Гостиный сын по кораблику гуляет,
В звончаты свои гуселички играет,
Он душу красну девицу забавляет:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!
Уж как бог нас донесет с тобой в наш город,
И я буду просить у батюшки благословенья
На тебе, на красной девице, жениться;
Как станем мы с тобой жить во любови,
Отпущу тебя к твоему батюшке побывати,
На своей тебе сторонушке погуляти».

2. ПРИКАЗЧИКИ УВОЗЯТ ДЕВУШКУ

Ржевские прикащички
Злы, лукавы; (2)
Они думали, гадали
В чистом поле: (2)
«Мы скинемся, ребятушки,
По полтине, (2)
Мы купимте, ребятушки,
Да новой струг, (2)
Поплывемте, ребятушки,
Вдоль по Волге». (2)

Плыли, плыли ребятушки,
Становились (2)
Что под славной под губерньей
Под Калугой.
У купца-то у богата
Дочь хороша,
Просилася у батюшки
Погуляти,
А Ржевских-то прикащичков
Поглядети.
А Ржевские прикащички
Злы, лукавы,
От бережка на стружочек
Мост мостили,
А во скрипочку играли
Во новую,
Красную девушку манили
Молодую.
Переманули красавицу
На новой струг,
Посадили красавицу
За дубов стол,
Напоили красавицу
Пивом, медом,
Пивом, медом, красавицу
Сладкой водкой.
Где сидела красавица,
Там уснула,
Проснувшися, красавица
Взговорила:
«Я думала — у батюшки
В теремочке, —
У Ржевского прикащичка
На стружечке,
Я думала — у батюшки
На перинах, —
У Ржевского прикащичка
На коленах.
Ты прости, прощай, мой батюшка,
Заочно!

Вы простите, вы прощайте,
Белы палаты!
Вы простите, вы прощайте,
Цветны платья!
Ты прости, прощай, мой
Зеленой сад!
Уж и мне ли по садику
Не гуляти,
Сладких яблочек, наливчатых
Не рвати!»

3. КАЗАК И ШИНКАРКА

На горе, горе
Стояла корчма.
Во этой корчме
Красна девица жила.
Торговала девица
Пивом да вином,
Да сладким медом.

Приезжали к девице
Три купца.
Первой-ет купец —
С поля полевец;
А другой-ет купец —
Из града гражданин;
Третий-ет купец —
Со Дону казак.
Первый купец пил,
Денежки платил;
Другой купец пил,
Денег не платил;
А третий купец пил,
Да девицу поил,
Девицу поил,
Да с собой ее манил:
«Поедем-ка, девушка,
К нам на Дон!
У нас на Дону —

Не по-вашему:
Не ткут, не прядут,
Все одеты живут! . .»
Красна девица спилась,
На его слова сдалась . . .

Вывозили девушку
С широка двора,
С широка двора
Во чистые поля;
Из чистых полей
Во темные леса.
Взяли привязали
Девушку к сосенке;
Зажигали сосенку
Снизу доверху.
Сосенка горит,
Красна девица дурит:
«Есть ли кто в бору,
Отвяжи меня младу!»
Не было в бору,
Кроме пастушка,
Да и тот помочь
Девице не хотел.
Сосенка сгорела,
Красна девица истлела;
Дунул ветерок
И развеял пепелок.

4. ДЕВИЦА ОБЫГРАЛА МОЛОДЦА

По крутому, по красному по бережку,
По желтому, сыпучему песочку
Стояла избушка волжаночка;
Во той во избе холостьба сидит,
Холостьба, братцы, сидит, не женатые,
Не много ни мало — тридцать девять человек.
Между ими сидит красна девица;
Играет девица с добрым молодцем
В большую игру во тавлейную,
Во те ли во тавлеи, во шахматы.

Играл молодец о трех кораблях,
А девица играла о буйной голове.
Уж как девица молодца обыграла;
Выиграла девица три корабля:
Первый тот корабль — с красным золотом,
Другой тот корабль — с чистым серебром,
А третий корабль — с крупным жемчугом.

Сел добрый молодец, задумался,
Повесил свою буйну голову,
Потупил свои очи ясные.

Что взговорит душа красна девица:
«Не печалься, не кручинься, добрый молодец!
Авось, твои три корабля возворотятся,
Как меня ли, красну девку, за себя возьмешь:
Корабли твои за мной в приданые».

Ах, что взговорит удалый добрый молодец:
«Пропади вся моя золота казна,
Золота казна несметная!
Не взять мне души красной девицы!
Загадаю девице загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ах, что у нас, девица, без огня горит,
Без огня у нас горит и без крыл летит,
Без крыл у нас летит и без ног бежит?»

Да что взговорит душа красна девица:
«Уж как эта ли загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Без огня у нас горит солнце красное,
А без крыл у нас летит туча грозная,
А без ног у нас бежит мать быстра река».

Ах, что взговорит удалый добрый молодец:
«Загадаю девице загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Уж как есть у меня парень поваренный,
Так разве ведь он тебя за себя возьмет».

Да что взговорит душа красна девица:
«Уж эта загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Уж есть у меня девка гусятница,
Уж разве она за тебя пойдет».

5. БРАТЬЯ И НЕСКРОМНАЯ СЕСТРА

У попа была беседа, у дьякона другая,
У дьякона другая: хвалились два брата,
Хвалились два брата: «Что есть у нас сестрица,
Что есть у нас сестрица — из терема не ходит,
Из терема не ходит, белил с лица не ронит,
Белил с лица не ронит, бела лица не кажет,
Бела лица не кажет!» — Как выйскался сын попович,
Как выйскался сын попович: «Не хвалитесь вы, два брата,
Не хвалитесь вы, два брата, я вашу сестру знаю:
Я в вашей сестрицы два ужина ужинал,
Два ужина ужинал, третий завтрак завтракал».

Как брат брату сговорит: «Пойдем, братец, ко двору,
Пойдем, братец, ко двору, свернем снегу по кому,
Свернем снегу по кому, бросим к сестре в окошко,
Бросим к сестре в окошко, что наша сестра сговорит?»
Сговорила им сестрица: «Не дури, сударь-попович,
Не дури, сударь-попович, поди ко мне во терем,
Поди ко мне во высок: моих братьев дома нет,
Моих братьев дома нет, поехали на базар,
Поехали на базар цветно платье покупать,
Цветно платье покупать, меня, сестру, снаряжать».

Как брату брат сговорит: «Пойдем, братец, во кузенку
Мы сделаем по ножу, ссекем сестре голову,
Ссекем сестре голову, — обесчестила бороду».

6. ДЕВУШКА-ВОИН

У Ивля Ивлевича было семь дочерей,
Осьмая падчерица.

Сказана служба царская,
Царская, государская:
У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.

Скажет тут Ивлей Ивлевич:
«Дети-ль, дети милые!
Сказана мне служба царская, государская:
У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.
А у меня вас семь дочерей,
Семь дочерей, осьмая падчерица».

Скажет тут, молвит большая-то дочь,
Средняя дочь молвит: «я за него!»
Меньшая-то дочь молвит:
«Батюшка-сударь!
Сшей же мне, батюшка, камзол да штаны,
Камзол да штаны, со манерами сапоги,
Купи же мне, батюшка, черную шляпу со пером,
Перчаточки с серебром.

Дай же мне, батюшка, доброго коня,
Во правую руку саблю вострую.
Поеду я, батюшка, на вой воевать,
Стану я батюшки по праву сторону,
Стану воевать и я, бодро поступать».

Царь-государь похаживает,
С своими генералами разговаривает:
«Чьё это дитё хорошо снаряжено,
Отдал бы я отдал дочь за него.
Много бы за дочерью приданого дал:
Семь городов с половиною,
Семь сёл с половиною».
— Это дите Ивля Ивлевича.
У Ивля Ивлевича семь дочерей,
Осьмая падчерица... —
«Держите, ловите, хватайте её!»

7. МОЛОДЕЦ, СЛУГА И ДЕВУШКА

Ой ты, наш батюшка, тихий Дон,
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?
— Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит,
Поверх меня, тиха Дона, три роты прошли:
Ай, первая рота шла, то донские казаки,
Другая рота шла, то знамена пронесли,
А третья рота шла, то девица с молодцом.

Молодец красну девицу уговаривает:
«Не плачь, не плачь, девица, не плачь, красная моя!
Что выдам тебя, девица, я за верного слугу;
Слуге будешь ладушка, мне — миленький дружок,
Под слугу будешь постелю стлать, со мной вместе спать!»
Что взговорит девица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому — миленький дружок,
Под слугу буду постелю стлать, с слугой вместе спать!»
Вынимает молодец саблю острую свою,
Срубил красной девице буйную голову
И бросил он ее в Дон во быструю реку.

8. ДЕВУШКА ПРИНИМАЕТ МОЛОДЦА ЧЕРЕЗ ОКОШКО

Ах, по помосту, по мосту
По калиновому,
Ай люли, ай люли, по калиновому,
По второму-то мосточку
По малиновому,
Ай люли, ай люли, по малиновому.
Туда шел, прошел
Молодой бурлак,
Ай люли, ай люли, молодой бурлак.
Молодой бурлак —
Голубой кафтан,
Ай люли, ай люли, голубой кафтан,
Из семи шелков кушак,
Опоясавшись не так,
Ай люли, ай люли, опоясавшись не так,

Опоясавшись не так —
Золотым кистьём назад,
Ай люли, ай люли, золотым кистьём назад.
Полы машутся,
Раздуваются,
Ай люли, ай люли, раздуваются.
Под косящетым окошечком
Ровняется бурлак,
Ай люли, ай люли, ровняется бурлак.
Под косящетым окном
Девка ткала полотно,
Ай люли, ай люли, девка ткала полотно.
Девка ткала и катала,
За окошко опускала,
Ай люли, ай люли, за окошко опускала.
«Полезай милой в окно —
Не сорвется полотно!»
Ай люли, ай люли, не сорвется полотно!
У соседа из окна
Увидали молодца,
Ай люли, ай люли, увидали молодца.
Не купецкий молодец
По ночам в окошко лез,
Ай люли, ай люли, по ночам в окошко лез.
У него денег на мале,
Один рубличек в кармане,
Ай люли, ай люли, один рубличек в кармане.
Рубля денег не берут,
К городничему ведут,
Ай люли, ай люли, к городничему ведут.
Городничий господин
За столом сидит един,
Ай люли, ай люли, за столом сидит един.
Он не судит, он не рядит,
Только денежки берет,
Ай люли, ай люли, только денежки берет,
Только денежки берет,
Вину на девушку кладет,
Ай люли, ай люли, вину на девушку кладет.

9. ДЕВУШКА ВПУСКАЕТ МИЛОГО В ГОРОД

Светила заря перед соболем,
Стояла девица перед молодцем.
Держала девица во левой руке вина скляницу,
А во правой золотую чару:
«Ты выпей, ты выпей, душа добрый молодец!
Скажи, душа добрый молодец,
Когда меня, девицу, наведаешь?» —
«Тогда тебя, девицу, наведаю,
Когда чисто поле конем выезжу,
Серых волков повырублю!»

Захватили молодца жары жаркие петровские;
Захватили молодца морозы лютые крещенские.
Приезжает молодец к городу ко Мурову;
Все ворота там позаперты,
Хрящатым песком позасыпаны;
Часовые стоят, не проснутся.
Свистом свистел, — не досвистелся,
Голосом кричал, — не докричался.

Услыхала его красная девица,
Прежняя полюбовница, в высоком тереме.
«Уж вы, матушки мои, нянюшки,
Вставайте потихохоньку,
Берите ключи помалехоньку,
Вы отлаживайте у города воротечки,
Пускайте моего друга милого! . .»
Как выходит она с высокого терема
И берет его за белы руки,
Сажает его за дубовый стол,
За те едера сахарные,
За то пойло разно пьяное.

10. ДЕВУШКА ВПУСКАЕТ МИЛОГО В ГОРОД

(ВАРИАНТ)

Вот ходил ли я, молодчик, по чистом я полю,
Я бил, я побивал, я гусей-лебедей,
Застрелил ли я, удалый, сизого голубя . . .

Опоздал ли я, молодчик, идтить-ехати:
Всему городу воротечки были заперты,
Караульщички молоденьки, они крепко спят.

Что одна ли не спала ли красная девушка,
Она такая Перекраса королевична.
Вынимала из комода золоты ключи,
Успущала добра молодца, все наказывала:
«Ты двором иди, молодчик, не закашляйся,
К новым сеням подходи, не застукайся!
Не услышал бы родимый сударь батюшка,
Не сказал бы он родимой моей матушке!
Ты на утре ж ли, молодчик, не упейся пьян,
Во хмелю-то, разудалый, не похвастайся!»

Как на утре-то молодец напивался пьян,
Во хмелю-то разудалый похваляться стал:
«Как вечор ли я, молодчик, у гостях гостил,
Я в такой ли Перекрасы королевичны!»

Что по утру про удалого дозналися.
Призывал король молодчика во палатушки:
«Ты скажи, скажи, молодчик, где в гостях гостил?
Я за то тебя, удалого, пожалую,
Я пожалую молодчика все палатушками,
Вот такими ли палатами — на двух столбах,
Я построю тебе релюшки точеные,
Я повешу тебе петельку шелковую!»
Уж как добрый молодец стал качатися;
Перекраса во саду стала кончатися.

11. ЛЮБОВЬ МОЛОДЦА И КОРОЛЕВНЫ

Что гулял молодец по Украине,
Загулял молодец (к) королю в Литву.
Он служил королю верой-правдою,
Он в-очью, за-очью неизменною.
Что король молодца любил, жаловал;
Королевна любила паче короля,
Пили, ели с королевной с одного блюда,
Цветно платьице носили одные парчи.

Загулял молодец во трактирный дом:
Еще пьет молодец зелено вино,
Запивает молодец пивом пьяным,
Заедает молодец белым сахарем.
Во хмелю он, добрый молодец, похваляется:
«Я живу с королевной красной девицей;
Пили, ели с королевной с одного блюда,
Цветное платьице носили одные парчи!»

Еще лихи на молодца друзья, братья;
Они скоро доносили самому королю.
Что король на добра молодца прогневался,
Посадил добра молодца во темницу,
Еще призвал два плотничных мастера:
«Вы подите во далече чисто поле,
Вы поставьте два столбичка дубовые,
Перекладинку кладите вы кленовую,
Вы вяжите две петелки шелковые,
Вы ведите добра молодца во чисто поле!»
Добрый молодец во петелке качается,
Королевна скорой смертию кончается.

12. ДЕВИЦА ХОЧЕТ ОТРАВИТЬ МОЛОДЦА

Светила звезда, она перед месяцем;
Валялась куница, она перед соболем;
Стояла девица, она перед молодцем.

Во левой-то руке держит вина скляницу,
Во правой-то руке держит золотой поднос,
Со чарочками-то она с позолочеными,
Со камушками драгоценными.
Наливала она зеленого вина,
Подносила она удалому доброму молодцу:
«Ты прийми, прийми, прийми, душа, выкушай!» —
«Принять-то чару мне, молодцу, — живому не быть,
А не принять-то чару — прогневить девку!»

Принял-то душа добрый молодец
У девушки зеленого вина,

Выливал-то он вино во сырую землю.
Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая-то змея, она возвивалася,
А красная-то девица, она испугалася,
И доброму-то молодцу на шеюшку бросалася.

13. ДЕВИЦА ОТРАВИЛА МОЛОДЦА

Как по крутому, по красному по бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Как ходила тут, гуляла красна девица;
Она рыла себе кореньице, зелье лютое,
Натопила она кореньица в меду, в патоке,
Напоила добра молодца допьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна девица насмеялася:
«Ах, ты спишь, моя надежа, или так лежишь?» —

«Я не сплю, не сплю, душа моя, едва жив лежу!
Ты умела, красна девица, отравить меня,
Ты умей, душа, и схоронить меня!
Не клади меня, красна девица, у божьей церкви, —
Положи меня, красна девица, во чистом поле,
При широкой дальней при дороженьке;
В головах поставь, красна девица, золотой крест,
На груди поставь, душа моя, калену стрелу,
Подле бок клади звончаты гусли,
Во ногах поставь, красна девица, моего коня!

Буде стар человек пойдет, — помолится,
Моему ли телу грешному поклонится;
Как охотники поедут, так настреляются;
Буде млад человек пойдет, — в гусли наиграется;
Как поедут мои друзья, братья и товарищи, —
На моем добре коне наездятся!»

14. СЕСТРА ХОЧЕТ ОТРАВИТЬ БРАТА

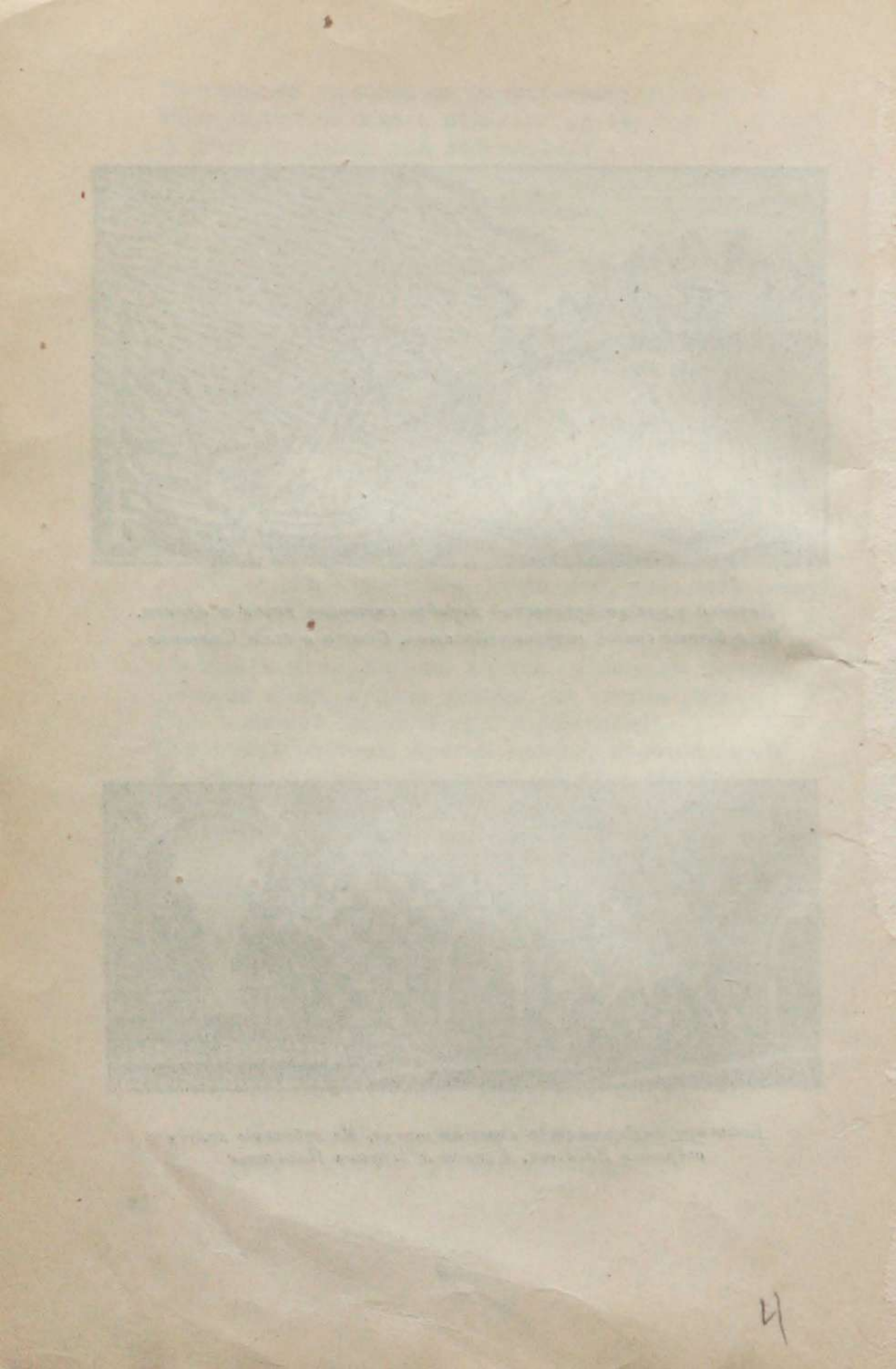
Стругал стружки добрый молодец;
Брала стружки красная девица,

Царевна идет на купеческий корабль смотреть парчи и алмазы. Из лубочных сказок собрания Яковлева. Сказка о семи Симеонах

Богатырь подъезжает к воротам города. Из лубочных сказок собрания Яковлева. Сказка о Добрыне Никитиче

Бравши стружки, на огонь клала,
Все змей пекла, зелье делала;
Сестра брата извести хочет.

Встречала брата середи двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
«Ты пей, сестра, наперед меня!» —
«Пила, братец, наливаючи,
Тебя, братец, поздравляючи!»
Как канула капля коню на гриву, —
У добра коня грива загорается,
Молодец на коне разнемогается.

Сходил молодец с добра коня,
Вынимал из ножен саблю острую,
Сымал с сестры буйну голову.
«Не сестра ты мне родимая,
Что змея ты подколодная!»

И он брал из костра дрова,
Он клал дрова середи двора,
Как сжег ее тело белое,
Что до самого до пепелу;
Он развеял прах по чисту полю,
Заказал всем тужить-плакати.
Что она над ним худо делала,
Ей самой так рок последовал,
От ее злости ненавидные.

15. СЕСТРА ОТРАВИЛА БРАТА

Как у нас-то было, было в зеленом саду,
Под грушею было, под зеленою,
Под яблоней было, под кудрявою:
Стругал стружки добрый молодец,
Сбирала стружки красная девица;
Бравши стружки, она в костер клала,
В костер клавши, она змею пекла,
Змею пекла, пепел веяла,

Пепел веяла, зелье делала,
Состав составляла в зеленом вине.
Ждала к себе друга милого,
Своего она братца родимого.

Едет братец, что сокол летит,
Сестра к братцу, что змея сипит.
Встретила братца посреди двора,
Чару зелена вина наливаючи,
Свое горе, горе проклинаючи.

Уж как капнула капля коню на гриву,
У коня грива загоралася,
Уста у брата кровью запекалися;
Успел братец он сестре сказать:
«Схорони ты меня между трех дорог,
Обсей же меня ты цветочками,
В головах поставь поклонный крест,
А в ногах привяжи ворона коня:

Стар пойдет, — он богу помолится,
А млад пойдет, — на коне поездится,
А девушки пойдут, — нагуляются,
А сестра-то пойдет, — слезно наплачется».

Как вечор ко мне мой милой пришел:
«Ходи, мил друг, теперь смелей,
Извела я твоего недруга,
Своего братца родимого». —

«Коль умела ты братца известь,
Изведешь и меня, молодца.
Оставайся ж ты теперь одна!»
При том девушка слезно заплакала:
«Извела я брата родимого,
И лишилася друга милого».

16. СЕСТРА ОТРАВИЛА БРАТА ПО ОШИБКЕ

Кабы по горам, горам, по высоким горам,
Кабы по долам, долам, по широким долам,

А и по-край было моря синего,
И по тем по хорошим зеленым лугам,
Тут ходила, гуляла душа красна девица;
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла те кореньица в синем море,
А сушила кореньица в муравленой печи,
Растирала те коренья во серебряном кубце,
Разводила те кореньица меды сладкими,
Рассычала коренья белым сахаром —
И хотела извести своего недруга;
Невзначае извела своего друга милого,
Она по роду братца родимого.

И расплачется девица над молодцем,
Она плачет, девица, убиваючи,
Она жалобно, девица, причитаючи:
«Занапрасно головушка погибнула».

17. ДМИТРИЙ И ДОМНА

Ездил Митрий Васильевич
Во чистом поле, на добром коне.
Сидела Домна Александровна
В новой горенке, под косявчатым окошечком,
Под хрустальным под стеколышком.

Думала она, удумливала,
Хулила его, охуливала:
«Ездит-то Митрий Васильевич
Во чистом поле, на добром коне:
Наперед горбат, назад покляп,
Глаза у него быдто у совы,
Брови у него быдто у жоги,
Нос-то у него быдто у журава».

Прикликала сестрица Марья Васильевна:
«Ай же, ты, братец Митрий Васильевич!
Заводи, братец, пир-пированице,
Зазови-тка Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»

Приходили послы к Домниной матушке.
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
На все стороны покланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же, ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»
Говорила Офимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир!»

Первы послы со двора не сошли,
Еще другие послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:
«Ай же, ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»
Говорила Офимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир!»

Еще другие послы со двора не сошли,
А третьи послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:
«Ай же, ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»
Говорила Домна Александровна:
«Ай же, ты, родна моя матушка!
Если спустишь, — пойду, и не спустишь, — пойду!»

Говорила Офимья Александровна:
«Ай же, ты, дитятко, Домна Александровна!
Не ходи-тка к Митрию Васильичу:
Ты хулила его, охуливала . . .
Я ночесь спала, грозен сон видла́:
Быдто золота цепочечка рассыпа́лася,
Рассыпа́лася она и укаталася» . . .

Говорит Домна Александровна:
«Ай же, родна моя матушка!
Про себя спала, про себя сон видла́!
Уйду я замуж за Митрия Васильича» . . .

Говорит же Домнина матушка:
«Ой же ты, Домна Александровна!
Надевай-ка ты три платьица:
Первое надень венчальное,
А другое надень опальное,
А третье надень умершее!»

Садилась она на добра коня,
Поезжала к Митрию Васильевичу,
Приезжала она на белый двор.
Встречает ю Митрий Васильевич,
Опущает ю с добра коня,
Берет за ручки за белые,
Целовал во уста во сахарние,
Вел ю за столы за дубовые.
Отрушил он от себя свой шелков пояс
И учал он Домну по белу телу:
И шелковый пояс расплетается,
Домнино тело разбивается;
Пала она на кирпичный пол . . .
Схватились же Домны, — живой нету . . .

Прознала ее родна матушка,
Скоро прибывает на белоем дворе;
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный пол . . .
Схватились же ее матушки, — живой нету . . .

Говорит тут родной сестрице Митрий Васильевич:
«Ай же, ты, моя родная сестрица, Марья Васильевна!
Ты сделала три головки бесповинных!
Он схватил с гвоздя булатний нож,
Наставил тупым концом во кирпичен пол
И острым концом во белы груди . . .

18. ДЕВУШКА УБИВАЕТ НЕСКРОМНЫХ ГОСТЕЙ

Как у ключика у кипучего,
У колодезя у глубокого
Красна девица воду чёрпала;
Почерпнувши, вёдры поставила,
Поставивши, думу думала,
Думу думала, слово молвила,
Слово молвила, речь говорила:

«Хорошо́ тому на свете жить,
У кого-то есть отец и мать!
У меня-то, у младешеньки,
Ни отца нету, ни матери,
Что одна́я-то злая мачеха,
Змея лютая, подколодная.

Посылала-то меня мачеха
Во высокий терем перину стлать
Про двоих-то робят холо́стых,
Что про третьего про женатого!»

У нас на дворе-то смерка́ется, —
Кра́сной девицы с терема́ нету;
У нас на дворе-то глуха́ полно́чь, —
Красной девицы с высока́ нету;
У нас на дворе-то зо́ря белый день, —
Красна девица с терема́ идёт:
Что руса́ коса́ порастрёпана,
Что ясны́ очи позаплаканы,
Во слезах девушка слово молвила,
Слово молвила, речь гово́рила:

«Что не жаль-то мне двоих холо́стых;
Что жаль-то мне одного женатого;
У женатого молода́ жена,
Молода́ жена, ма́лы детушки!»

19. ДЕВУШКУ ВЫДАЮТ ЗАМУЖ ЗА ОТЦА МИЛОГО

В славном было городе во Нижнем,
Подле таможни было государевой,

Стояли тут две лавочки торговые.
Во лавочках товары все сибирские:
Куницы да лисицы, черны соболи.
Во лавочках сиделец — с Москвы гостиный сын.
Он дороги товары за бесцен дает;
Он белыми руками всплескается —
С душой ли с красной девицей прощается.

Покидает его красна девица,
Уезжает радость во иной город,
Во иной город — в каменну Москву.
Как помолвили ее за купца в Москве,
За купца в Москве за богатого,
За богатого и за старого,
За отца его за родимого.

20. ПАРЕНЬ КРАДЕТ У КУПАЮЩИХСЯ ДЕВУШЕК РУБАШКИ

На речке на Дунае

Припев: Матушки!

Пришли девки умываться;
Они вздумали купаться,
Они скинули рубашки
Тонки, белы, полотняные,
Голубы сарафаны,
Шелковы подпояски,
Золотые повязки.

Но укрался к ним Ивашка, —
Он украл у них рубашки
Тонки, белы, полотняные,
Голубые сарафаны,
Золотые повязки,
Шелковые подпояски.

Пошли наши девки
К Ивашкиной бабке:

«Ты уйми свово Ивашку:
Он покрал у нас рубашки
Тонки, белы, полотняные,
Голубые сарафаны,
Шелковые подпояски,
Золотые повязки».

Как Ивашкина бабка
Взяла в руки розгу;
Как Ивашка закстился,
Как Ивашка забожился:
«Подыми меня, Микола,
Ниже облака ходячего!
Ты ударь меня, Микола,
На пуховую перину!
Подави меня, Микола,
Пшеничными пирогами!
Утопи меня, Микола,
Во густой самой сметане!
Озноби меня, Микола,
На печи в угле под шубою!»

21. СОЛДАТ ЯШКА

Что по травке, по муравке,
По лазуревым цветам,
По Московской по дорожке,
По калинову мосточку,
Тут стояла нова квартира,
При квартире солдат Яшка;
Что хозяин-от — Ивашко.
У Ивашка дочь Наташка;
Баско-щепетко ходила:
По три мыла измывала,
По три мушки налепляла,
По три юпочки носила,
По четвертой телогреечке.

Что лежилася Наташка
Что под кутнее окошко;

Солдат Яшка — под передне.
Растягался-разметался,
Разметал свои белы руки
На Натальины белы груди.
Пробужалася Наталья,
Зычным голосом скрычала:
«Ах ты, матушка родная,
Добывай огня скоряе!»

Солдат Яшка догадался,
Вдоль по лавке подвигался,
За окошечко спущался,
На Натальюшку грозился:
«Я каков, Яшка, ни буду, —
Я тебя, курву, добуду!
Я каков, Яшка ни стану, —
Я тебя, курву, достану!»

22. МОЛОДЕЦ ЛЕЗЕТ К ДЕВУШКЕ ЧЕРЕЗ ОКНО

Ой ты, сад, мой сад,
Сад, зеленый виноград!

Припев: Ой, ляй, ой ляй,
Ой ляли, али, али!

Да во этом саду
Да три следика лежат;
Да и эти следы
Доведут нас до беды, (2)
До бедушки до большой,
До славушки до худой.

Чем же славушку примать,
Лучше молодца любить,
Во совете с ним пожить,
Во совете, во любови,
Во ласковых словах:
«Ты дурак, раздурак,
Что ты ходишь не так?

Ты пойди-ка под окошко,
Ты поздравствуй меня!» —

«Здравствуй, девка, здравствуй, красна!
Здравствуй, душечка моя,
Здравствуй, душечка моя,
Дома-ль маменька твоя?» —
«Ни батюшки, ни матушки!
Даже нету никого,
Полезай, милый, в окно!»

Сержант ручку протянул,
Холоп плеткою стебнул:
«Да не ваша, сударь, честь
Под окошко к девке лезть.
А и ваша, сударь, честь,
На сражельнице стоять
И с турками воевать;
А холопская честь
Под дорогою стоять,
Кафтаны, шубы снимать,
Еще плеткою стебать».

23. МОЛОДЕЦ В ГОСТЯХ У БАРЫШНИ

Уж мне надобно сходить до зелена луга,
Уж мне надобно увидеть сердечного друга;
Мне надобно позвать к себе побывати.
«Приди, милый, приди, радость, ко мне ночевати!»

Со полуночи, в первом часе, прилетал голубчик;
Что садился голубочек к нам на теремочек:
Говорил же голубочек: «Отвори-тка двери!
Не отворишь, радость, двери, — хоть открой окошко!»

Я из спальни выходила, двери отворяла,
Двери отворяла, я милого пропущала
И в спальну вводила, за стол посадила
За убранный стол садила, чаем-кофеем поила,
Чаем-кофеем поила, дружку говорила:

«Ты поедешь, моя радость, в дальнюю сторонку,
В чужу дальнюю сторонку, там не хвастай мною!»

На то мальчик рассердился, со девушкой разбранился;
Он ударил ручкой в столик: «Полно тебе вздорить!»
Пошел стук, пошел бряк по моей по спальне.
Что про это про несчастье все люди узнали,
Все добры люди узнали, матушке сказали.

Присылает ко мне мать свою верную служанку,
Свою верную служанку, мою супостатку.
«Сударыня, барышня, что с вами случилось?» —
«Сера кошечка скочила, зеркальце разбила,
Она зеркальце разбила, с дружком разлучила!»

24. ХОЛОП И ДОЧЬ БАРЫНИ

Ах, нынешна зима непогожая была,
Непогожая была — все метелица мела,
Завьяла, замела, все дорожки занесла!
Ах, нету мне пути, куда к миленькой идти!
Я по старым по приметам позадь гуменью пройду,
И я улицею — серой утицею,
Через черную грязь — перепелицею,
Под воротенку пойду — белой ласточкою,
На широкий двор взойду — горностаюшкою,
На крылечушко взлечу — ясным соколом,
Во высок терем взойду — добрым молодцем.

Как увидела боярыня холопа из окна:
«Ах, негодница холоп, где ты спал, ночевал?» —
«Боярыня, сударыня, у тебя в терему,
У тебя в терему, в шитом браном пологу,
В шитом браном пологу, на перинах, на пуху!» —

«Ах, негодница холоп, на что сказываешь?» —
«Боярыня, сударыня, на что спрашиваешь?
Кабы ты да не спросила, я бы век не сказал!»

«Ах, негодница холоп, я с двора тебя сошлю!» —
«Боярыня, сударыня, я и сам сойду,
Я и сам сойду, три беды снаряжу:
Ах, первую беду — ворона коня сведу,
А другую-ту беду — твою дочь уведу,
А третью беду — самоё тебя убью!»

«Ах, душечка холоп, животы мои, холоп,
Поживи ты у меня, поработай на меня,
На меня, на вдову, и на дочь на мою!» —
«Боярыня, сударыня, я и рад работать,
На тебя, на вдову, и на дочь на твою!»

25. ПРИНЦ НОЧУЕТ У ДОЧЕРИ КУПЦА

У Пенькова, у Пенькова,
У Пенькова у купца,

Припев: Хорошая моя, пригожая моя!

У Пенькова у купца
Была дочь хороша,
Была дочь хороша,
Свет-Дуняша душа.

Как повадилась Дуняша
В особливой спальне спать
С едной нянюшкою,
Со Татьянушкою.
Со Пенькова со двора
Младый принц приезжал,
Младый принц приезжал,
Штофик рому привозил,
Штофик рому привозил,
Таню пьяной напоил,
Таню пьяной напоил,
Авдотьюшку угостил,
Авдотьюшку угостил,
Он с собой гулять возил.

Родной батюшка хватился,
По всем горницам бросился,
По всем горницам бросился,
У соседей колотился:
«Вы соседи, вы соседи,
Вы соседушки мои!
Не видали ли, соседи,
Вы Дуняши моей?» —
«Мы видать-то не видали,
Только слышали про ней:
Спит у принца на руки,
На суконном рукаве».

Родный батюшка идет,
Вдоль по улицы ведет.
Вдоль по улицы ведет,
По белому лицу бьет,
По белому лицу бьет,
Приговаривает:
«Ты не будь такова,
Как моя прежня жена,
Как моя прежня жена,
Твоя матушка родна!»

26. ДЕВУШКА ГИБНЕТ ОТ ЛЮБВИ ВОЕВОДСКОГО СЫНА

У ворот сосна
Раскачалась,
Наша Дунюшка
Разыгралась,
Наша белая
Расшутилась.

Воеводский сын
На крыльце стоит,
Поиграть велит:
«Поиграй, Дунюшка,
Поиграй, любушка!

Я тебя, Дуню,
Лучше всех люблю,
Я платок куплю
С алыми лентами,
С позументами!»

К вечеру Дуня
Захворала,
Ко белу свету
На погост везут.

Воеводский сын
На крыльце стоит:
«Прощай, Дунюшка,
Прощай, любушка!
От меня, Дуня,
На тот свет пошла,
Во сыру землю,
Во желты пески,
Во дубовы доски!»

27. КОРОЛЬ И ДЕВУШКА

Ишел братец во служебку, —
И брат сестре приказывает: (2)
«Не ходи, сестра, на вулицу, (2)
Не грай, сестра, с Большим королем!
Большой король насмешник злой». (2)

Вот год прошел — нету мово братца,
Другой прошел — нету родимого.
На третий год мой брат пришел,
Пришел братец со служебки, (2)
Вошел братец в высок терем. (2)

В высоку тереми колубель висит. (2)
Висит колубель малешенька,
Да висит колубель малешенька,
Лежит дитя дробнешенька. (2)

Подошел братец, — он стал качать:
«Баю, баю, мое дитятко! (2)
Баю, баю, чадо милое! (2)
Я не знаю, как тебе назвать, (2)
По батюшки и по матушки?» (2)
«Я по матушки — млад ба́рченок, (2)
А по батюшки — тата́рченок. (2)
А мой отец Большой король, (2)
Большой король, насмешник злой.
Моя матушка — душа Аннушка».

Пошел братец во комнатку, —
Да во комнатки сестра сидит, (2)
Русая коса растрепанная,
Ее локонцы по плечушки, (2)
Узял братец сестру за косу,
Да узял . . . . [1]

«Не руби мне, братец, во горенке, (2)
Отруби мне, братец, на вулицы, (2)
Штобы всем было на ди́вище,
Большому королю на позорище, (2)
Што (о)трубил братец сестре голову» . . .

28. МОЛОДЕЦ ИЗБИТ ЗА ДЕВУШКУ

Не матушка своему сыну говорила навсегда:
«Ты, чадо, мое, чадушко, чадо милое!
Отчего ты, мое чадушко, не белый ходишь, не румян?»

Отвечает сын родной матери:
«Оттого я хожу, родная матушка,
Хожу не белый, не румяный:
Я служил-служил, родная матушка,
На чужой дальней стороне,
Во Крымской дальней слободе.
Полюбила меня, доброго молодца,
Красная девушка всей душой:

---

[1] Точки, означающие пропуск, в тексте первоисточника.

Велела мне, доброму молодцу,
Прийти в вечеру поздным-поздно.

Не дождался я, добрый молодец,
Поры-времячка, пошел к девушке;
Я взошел-взошел насередь двора, —
Увидал меня, доброго молодца,
Увидал молодой крымец из окна;
Он погнал за мной, добрым молодцем,
Вдоль по улице широкой в погонь;
Он догнал меня, доброго молодца,
Догнал середи моего пути;
Он хватил меня, доброго молодца,
Поперек сердца моего, живота;
Он поднял меня, доброго молодца,
Выше буйной своей головы;
Он ударил меня, доброго молодца,
О сыру землю животом;
Оттого я хожу, родная матушка,
Я не белый и не румян».

29. МОЛОДЕЦ УБИВАЕТ ЛЮБИМУЮ ДЕВУШКУ

Как пошла наша Параня с горы на гору гулять;

Ах, люли, ах люли, ах люшеньки полюли!

С горы на гору гулять, по студеную воду.
Навстречу Паране Васильюшка идет;
Зацепил ли он Параню посередь живота,
Посередь живота, поперек хребта,
Он ударил Параню об сыру землю . . .

Как идет наша Параня без воды домой,
Без водицы домой, без ведерочек на двор.
Как навстречу Паране родной батюшка идет:
«Ах, что у те, Параня, бело личико в крови,
Бело личико в крови, кунья шуба во снегу?» . . .

В Благовещенской во церкви
В большой колокол звонят,
Ажно нашу Параню к погребению несут.

Водопьянов Васильюшка догадлив был,
Наперед он забегал, он канон прочитал,
Он канон прочитал и Параню поминал.
«Собирайтеся, робята, вы на левой на крилос,
Вы целуйте Параню в последний раз;
Собирайте, братцы, холсты и полотны,
Опущайте вы Параню во сыру землю!
Не достанься, Паранюшка, ни мне, ни кому,
Как ни мне, ни кому, ни злодею моему!
Как досталася Параня сырой матушке земле,
Сырой матушке земле, гробовой доске!»

30. МОЛОДЕЦ УБИВАЕТ ЛЮБИМУЮ ДЕВУШКУ

(ВАРИАНТ)

Как пошла наша Параша
Ко суседу во беседу,
Ко суседу во беседу
Коромысла попросить,
Коромысла попросить
На Дунай-реку́ сходить.

Как вор-ли то Олёшка
Догадлив шельма был:
Наперед забежал,
За горой пролежал;
За горой пролежал,
Всё Парашу дожидал.

Как идёт, идёт Параша
На Дунай-реку́ за водой...
«Еще помнишь ли, Параша,
Что отец твой говорил?
Он хотел отдать тебя
Замуж за меня!» —
«Ох ты, вор ты, Олёшка,
Мне не быть за тобой;
Мне не быть за тобой,
Не слыть мне тобой,

Мне не слыть тобой,
Мне Олёшкиной женой!» —

Он бил, топтал меня топочкáм,
Полужёными гвоздям;
Он бил по щекам,
По жемчужным сергам.
Чуть насилу поднялáсь,
Зашаталась, побрела.

Что навстречу Параше
Рóдный батюшка идёт:
«Еще что же ты, Параша,
Не весело идешь?
Позаплаканы глаза,
Порастрепаны волоса!» —
«Родный батюшко!
Худо можется,
Худо можется,
Нездоровится!» —

Со вечера Параша
Разнемогалася,
Ко полýночи Параше
Попа привели,
Ко белý свету Параша
Перестáвилася.

Что во гóроде, в соборе,
В большой колокол звонят,
Большие-то бояры
Про Парашу говорят:
«Как ужо нашу Парашу
Хоронить понесут».

Уж как вор-то Олёшка
Догадлив шельма был:
Наперед забежал,
На пáперти простоял,

На па́перти простоял,
В руках свечку продержал.
«Доставалась Параша
Ни мне, ни кому,
Ни мне, ни кому,
Ни товарищу моему!
Доставалася Параша
Что сыро́й земле,
Гробовой доске».

31. РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Во славном во городе, в Киеве
Жила была молода́ вдова.
У вдовушки было девя́ть сынков,
А дочка десятая.

Один брат с рук, другой на́ руки,
Третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возлелеявши сестру, гулять пошли,
По Ру́сии воровать пошли.

Без них меня матушка вы́дала
За море, за моря́нина.
Я год живу и другой живу,
На третий год сына ро́дила.
Сына ро́дила — стосковалася.
Моря́нина стала в гости звать:
«Морянин, морянин, пойдем в гости!
Уж ты к теще, а я к матери,
Ты к шурьям, а я к родным братья́м!»

День едем и другой едем,
На третий день остановилися,
Остановилися, огонь ро́склали,
Огонь ро́склали, кашу ва́рили,
Кашу ва́рили, дитя ко́рмили.

Поналетéли чёрны вóроны, —
Понаехали злы разбойники.
Морянина они потéряли,
Морянченка в воду бросили,
Морянушку во полóн взяли.

Все разбойнички спать легли,
Один разбойник не спит, не лежит,
Не спит, не лежит, богу молится,
Меня, морянушку, выспрашивает:
«Ты скажи, скажи, моя морянушка,
Ты чьего роду, чьего племени?
Ты купецкого, иль княженéцкого?» —

«Ни купецкого я, ни княженецкого:
Во славном во городе, в Киеве
Там жила-была молодá вдова.
У вдовушки было девя́ть сынков,
А я, дочка, — я. десятая.
Один брат с рук — другой нá руки,
А третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возлелеявши сестру, гулять пошли,
По Рýсии воровать пошли.
Без них меня матушка выдала,
Что зá море за морянина».

Как возгóворит злой разбойничек:
«Вы встаньте, мои брáтцы рóдные!
Не морянина мы потéряли,
Не морянченка в воду бросили,
Не морянушку во полон взяли:
Мы потéряли зятя милого,
Племя́нченка в воду бросили,
Сестрицу ластушку во полон взяли!»

Как возгóворят злые разбойнички:
«Ты сестрица наша, голубушка!
Ты возьми у нас золоты́ ключи,

Отворяй ларцы́, ларцы́ кованы,
Ты бери злато, сколько надобно!», —
«Ах, вы, братцы мои, ясны соколы!
Мне не надо вашего злата, серебра,
И ни ска́тного, крупного же́мчуга!
Приведите моего морянина,
Принесите моего морянченка!
Вы пустите нас к ро́дной матушке!»

32. РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

(иная версия)

На Подоле жила вдова;
У ней было три сына, три дочери.
Как сынки взросли, на разбой пошли;
Дочки выросли, они в лес пошли,
Они в лес пошли да по ягоды.
Как одна-то дочь утонула,
А другую дочь в лесу зверь заел;
Как и третья дочь заблудилася;
Заблудилась она, на огонь нашла.

У огня сидят разбойнички.
Говорит один: «Мы сведем ее!»
Говорит другой: «Мы убьем ее!»
Говорит третий: «Мы расспросим ее!
Ты скажи-ка нам, уж ты чья така?
Ты какого, скажи, роду-племени?»

«А я роду из Подолу; жила вдова,
А у ней было три сына, три дочери.
Как сынки взросли, на разбой пошли;
Дочки выросли, они в лес пошли,
Они в лес пошли да по ягоды.
Как одна-то дочь утонула,
А другую дочь в лесу зверь заел,
А я, третья дочь, заблудилася,
Заблудилася, на огонь нашла» . . . —
«Ты — сестра наша, ты — родимая!
Мы — твои братья, братья ро́дные! . .»

33. МУЖ НАХОДИТ У ЖЕНЫ ГОСТЯ

Не шумевши, не гремевши, сын боярский приезжал.
Припев: Калина, калина, калинушка моя.

Сын боярский приезжал, к Катерине подъезжал.

Выходила Катерина за новые ворота:
«Пожалуй-ка, милый мой, на широкий на мой двор!
Станови свово коня средь широкого двора,
Средь широкого двора у точеного столба,
У точеного столба, у злаченого кольца!

Пожалуй-ка, милый мой, да во горенку со мной!
Снимай шляпу и сертук, вешай, милый, здесь на крюк.
А теперь-то, милый мой, да во светлицу со мной!»

На ту пору, на тот час муж из Питера сейчас.
На широкий двор вошел, ворона коня нашел,
Ворона коня нашел, к Катерине подошел:
«Уж ты, Катя, Катерина, что за коник у тебя?» —
«На базар, сударь, ходила, ворона коня купила,
Триста семьдесят дала, я насилу довела».

А во горенку вошел, сертук с шляпою нашел,
Сертук с шляпою нашел, к Катерине подошел:
«Уж ты, Катя, Катерина, что за шляпа и сертук?» —
«Вечорь, сударь, гости были, сертук с шляпою забыли».

А во светлицу вошел, добра молодца нашел,
Добра молодца нашел, к Катерине подошел:
«Уж ты, Катя, Катерина, что за молодец такой?» —

«По тропинке, сударь, шла, сиротиночку нашла!
Нам не грех сироту напоить-накормить,
Напоить-накормить, на коника посадить,
На коника посадить, да подальше проводить!»

Проводивши-то милого, горько плакала она,
И заплакала глаза, и затерла рукава.

«Уж ты, Катя, Катерина, что заплаканы глаза,
Что заплаканы глаза и затерты рукава?» —
«Сударь, к маменьке ходила, очень маменька больна». —
«Уж ты, Катя, Катерина, не обманывай меня,
Не обманывай меня, был ведь милый у тебя».

34. МУЖ НАХОДИТ У ЖЕНЫ ГОСТЯ

(вариант)

Как со вечера пороша,
Со полуночи снежок.
Как по той ли по пороше
Трои саночки бегут
К Акулинину двору.
«Акулинушка душа,
Отворяй ворота!»
Акулинушка бежит
И шумит, и гремит,
И по лестнице стучит.

Еще погодя немножко,
Акулинин муж на двор.
Акулинин муж,
Он догадлив был:
На широкий двор взошел,
До конюшенки дошел,
До конюшенки дошел,
Он сера коня нашел.

«Акулина, это что?» —
«А тебе, сударь, на что?
Вчерась по торгу ходила,
Я сера коня купила,
Я недорого дала —
За свою цену взяла».

Акулинин муж,
Он догадлив был:

Он во светлицу вошел,
До кроватушки дошел,
До кроватушки дошел,
Сиротинушку нашел.

«Акулина, это что?» —
«А тебе, сударь, на что?
Вчерась по торгу ходила,
Сиротинку подняла.
Еще надо сиротину
Накормить-напоить,
Напоить-накормить
И обуть и одеть,
И обуть и одеть,
И с двора спустить.
Как тебе, друг, на здоровье,
А мне тягости нет.
Ты живи, моя надежа,
Друг мой, людям и себе!»

35. МУЖ НАХОДИТ У ЖЕНЫ ГОСТЯ

(иного содержания)

Мой муж домой едет,
Постылый домой едет.
Некуда гостя дети,
Некуда схоронити.
Я гостя в лукошко,
Войлоком накрыла,
Под лавку подбила.

Как муж приезжает,
Он жену пытает:
«Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Что у тебя в лукошке,
Войлочком накрыто,
Под лавку подбито?» —

«Уж ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!

Черная овечка барана родила
С крутыми рогами,
С головой кудрявой,
С длинными ногами». —

«Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Покажи мне барана
С крутыми рогами,
С длинными ногами!» —

«Да ты, муж-мужишко,
Глупый, неразумный!
Этого барана
До трех дней не кажут,
До трех не любуют».

Денечек проходит,
Другой наступает,
Муж жену пытает:
«Жена моя, жонка,
Покажи мне барана
Черного, кудрява!» —

«Этого барана
Я в сад относила;
Свинья дверь отбила,
Барана упустила;
Этого барана
Серы волки съели».

36. ЛЮБИЛА КНЯГИНЯ КАМЕР-ЛАКЕЯ

Время проходит, время летит,
Время проводит, ничто не льстит.
Любила княгиня камер-лакея,
Любила она четыре года;
На пятыем году князь догадался,
На княгиню прогневился:

«Слуги мои, слуги вы верные, нелицемерные!
Вы поймайте камер-лакея,
Вы поймайте молодого,
Руки вы, ноги свяжите,
И вы бросьте в тое реку,
В тое реку во Смородинку!»

Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболела, захотела свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины:
«Слуги мои верные,
Слуги мои нелицемерные!
Возьмите вы шелковый невод,
Поймайте мне свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины!»

Сколько ловили, не изловили;
Только поймали белое тело,
Белое тело камер-лакея,
Камер-лакея молодого . . .

«Не кладите вы на землицу,
Вы положите на скамьицу,
Вы несите во светлицу,
Отворьте-откройте двери, окошки!
Подымитесь вы, буйные ветры,
Вывейте из князя душу,
Вы вложите в камер-лакея,
Вы вложите в молодого!»

Ее ветры не послушались,
Из князя душу не вывевали
И в камер-лакея не вдували,
В молодого не вдували.

«Ох вы, мои резвые ноги,
Знать-то вы ко мне не находились!
Ох вы, мои белые руки,
Знать-то вы меня не наобнимались!

Ох вы, мои очи ясные,
Знать-то вы на меня не нагляделись!
Ох вы, мои уста сахарные,
Знать-то меня не нацеловались!
Ох вы, мои цветные платья,
Знать-то мне вас не носити!
Ох вы, мои черные платья,
Знать-то мне вас надевати!
Знать-то мне цветное платье скидавати,
Надевать-то мне платье черное!»

37. МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВА

Ой неволя, неволя — боярский двор!
Во боярском дворе жить не хочется;
Во крестьянство пойтить — много надобно;
Пойду я, молодец, королю служить!

Король молодца любил-жаловал;
С одного блюда он пивал-едал,
С одного плеча платье нашивал.

А сказали про младца небывальщину,
Ой, и склад приложили — с королевою.
Король на младца да прогневался;
Закричал король громким голосом:
«Пошлите мне млада ключничка!»

Идет ключник на новы сени, —
Зелен кафтан на плечах надет,
Черну шляпу во руках несет,
Сафьяны-сапожки натянуты,
Его русые кудри по плечам лежат,
Его ясные очи огнем горят.

Идет ключник со новых сеней, —
Зелен кафтан у руках несет,
Сафьяны-сапожки опущены,

Его русые кудри растрепаны,
Его ясные очи заплаканы.

Закричал король грозным голосом:
«Ой вы, слуги мои, слуги верные!
Идите ж в чисто поле,
Ой, и ройте вы две ямы глубокие,
Поставьте вы два столба высокие,
Перекладину положите кленовую,
Ой, и петельку приденьте шелковую,
Повесьте вы млада ключничка,
Королевина полюбовничка!»

Ой, и ключник во поле качается;
Королева во тереме кончается.

38. КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ И ВАНЮША-КЛЮЧНИК

Уж на горке возле речки
Стоял нов высок терем;
Уж и в этом теремочке
Жил да был Волхонский князь.
Как у эвтого ль у князя
Были слуги верные;
А уж всех-то их вернее
Был Ванюшка-ключничек,
Молодой его княгини
Верный полюбовничек.

Уж и год любил Ванюша,
Он другой любил;
А на третий год про эвто
Сам ли князь доведался,
Через сенную ли девчонку
Самую паскудную.

Уж и вышел князь Волхонский,
Он на свой красен крылец;
Уж и крикнул князь Волхонский

Своим зычным голосом:
«Ой, вы гой еси, мои холопья,
Слуги мои верные!
Вы возьмите-ка, возьмите
Заступы железные,
Вы копайте-ка, копайте
Две ямы глубокие,
Вы поставьте тут, поставьте
Два столба точеные,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину,
Вы повесьте, вы повесьте
Петельку шелковую;
Вы подите, приведите
Вора Ваньку-ключника!»

Ой, ведут Ванюшу,
Руки, ноги скованы,
Шелкова его рубашечка изодрана,
Его буйная головка
До мозгу проломлена,
А сафьяны сапожки
Кровью залиты.
Ой, ведут, ведут Ванюшу!
Сам князь усмехается:
«Ты скажи, скажи, Ванюшка,
Ты скажи мне, варвар мой!
Ты с какой поры, со времени
Со княгиней сведался?» —
«Ничего, сударь, не знаю,
Ничего не ведаю.
Уж и где же мне, холопу,
Со княгиней знатися? . .»

Закричал тут князь Волхонский
Своим зычным голосом:
«Ой вы, слуги мои, слуги мои верные!
Вы повесьте-ка повесьте
Вора Ваньку-ключника!» —

«Нет, постойте-ка, постойте
Вы, мои товарищи!
Уж вы дайте мне потешить
Нашего боярина!
Уж и третий год я, сударь,
Со княгиней знаюся:
Что в этом теремочке
Много было гуляно,
На пуховой ли перине
Много было лежано,
За белыя ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость,
Часто было ругано!» —

«Ну, повесьте же, повесьте
Вора Ваньку-ключника,
Молодой моей княгини
Верна полюбовничка!
Уж пускай же вор Ванюшка,
Пускай покачается!
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!»

39. КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ И ВАНЮША-КЛЮЧНИК

(вариант)

В Москве было у князя у Волхонского,
Тут живет-то, поживает Ваня-ключничек,
Молодыя-то княгини полюбовничек.
Ваня год живет, другой живет, — князь не ведает;
На третий-то годочек князь доведался
Через ту ли через девушку через сенную,
Через сенную да через самую последнюю.

Закричал же князь Волхонский зычным голосом:
«Уж вы, слуги ль мои, слуги, слуги верные!
Вы сходите, приведите Ваню-ключника!»
И стал-же князь Ванюшу да выспрашивати:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:

Ты который год с княгиней во любви живешь?»
На первой-ет раз Ванюша не покаялся.
Он выспрашивал Ванюшу ровно три часа;
Что и тут-то наш Ванюша не покаялся.
Закричал же князь Волхонский громким голосом:
«Вы, слуги ли мои, слуги есть-ли верные?
Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный двор!»
Повели же ведь Ванюшу широким двором.
На Иванушке сибирочка пошумливает,
Александрийская рубашка, ровно жар, горит,
Козловы новы сапожки поскрипывают,
У Иванушки кудеречки рассыпаются;
А идет-то сам Ванюша, усмехается.

Привели же ведь Ванюшу на конюшный двор,
Там и начали Ванюшеньку наказывати.
Александрийская рубашка с телом смешана.
Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русые кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные.

Закричал же наш Ванюша громким голосом:
«Уж ты, барин ли, наш барин, ты, Волхонский князь!
Поставлено зелено вино, — кто не пьет его?
Приготовлены закусочки, — кто не кушает?
Как у нас-то с княгиней было пожито,
Виноградных вин с княгиней было попито,
Приготовленных закусочек покушано!»

Закричал-же князь Волхонский громким голосом:
«Вы, слуги ли мои, слуги, слуги верные!
Вы копайте-ка две ямы, две глубокие,
Становите-ка вы два столба, два высокие,
Перекладину кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,
И повесьте тут Иванушку изменника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Иванушка во петельке качается,
А княгиня-то во тереме кончается.

40. КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ И ВАНЮША-КЛЮЧНИК

(ВАРИАНТ)

Далеко было, далече — в белокаменной Москве,
Во второй было во улице, в славной Митревской,
Что у князя было у Волконского,
Солучилася пир-беседушка,
Тиха и смиренна, зело радошна.
Соезжалися к нему князья, бояре,
Пили, ели, прохлаждалися,
Разговорами они занималися;
Богатый хвалится богачеством,
Бедный хвалится своею бедностью,
Сильный хвалится своею силою,
Волконский князь — своею княгинею:
«У меня княгиня умная,
Она умная, разумная,
Она тихая, смиренная;
До рабов она милостлива,
Передо мной она очестлива».

У дверей стоит слуга верная,
Слуга верная, девушка сенная.
Как возговорит сенна девушка:
«Уж ты, батюшка наш, Волконский князь!
Не приказывай меня казнить, вешати,
Прикажи ты мне слово молвити!» —
«Говори ты мне, слуга верная!
Ты скажи мне правду-истину!» —
«Похвалился ты своей княгинею;
Твоя ли княгинюшка не честная,
Твоя ли княгинюшка не верная!
Что живет она с младым ключником,
Со твоим ли со ларечником,
Со моим ли братцем родным;
Что живет она не тепереча,
А не много, не мало, ровно девять лет!»
На десятом-то году князь доведался.

Посылает он за ключником
Своего ли слугу верного:

«Ты скажи: батюшка князь требует,
Ты скажи: хочет тебя дарить, жаловать».
Как встает ключник с постелюшки,
Собирается он, снаряжается;
Обувает он сапожки сафьянные,
Надевает он лисью шубу до долу;
Шуба лисья, словно лес, шумит,
И золот перстень, ровно жар, горит;
На нем шапочка рытого бархата;
Во правой руке тонка тросточка,
А во тросточке — ала ленточка;
Идет ключник — что сокол летит.
Он восходит во палаты белокаменны,
Отдает князю низкой поклон:
«Уж ты здравствуй, наш батюшка князь!
Ты по что меня скоро требовал?
Уж чем хочешь меня дарить, жаловать?» —
«Подарю я тебя хоромами высокими,
Не мощеными, не свершенными!
Ты скажи мне только правду-истину:
Ты который год живешь со княгинею?» —
«Уж ты, батюшка наш, Волконский князь!
Я живу с нею ровно девять лет;
Много было попито, поедено,
На пуховых перинах полежано!»

Как Волконский князь прогневался,
Закричал он громким голосом:
«Ой вы гой есте, мои слуги верные!
Вы берите лопатки железные,
Уж вы ройте-ка две ямы глубокие,
Вы постройте рельюшки высокие,
Вы столбы-то делайте точеные,
Перекладины положите вы кленовые,
Вы колечки вверните позлащеные,
А петельки повесьте шелковые!
Вы возьмите моего млада ключника,
Вы повесьте на рельи высокие!
Да пускай же он, вор, покачается,
Молодая-то княгиня на него показнится!»

Подхватили ключника за белы руки,
Повели его на рельюшки высокие,
Повесили на петельки шелковые.
На петельках висит ключник, мотается,
А впереди лежит княгинюшка, кончается.

Как ударится батюшка, Волконский князь
Об дубовый стол:
«Уж ты гой еси, девушка сенная,
Ты моя ли слуга верная!
Погубила ты младого ключника,
Умертвила ты молоду мою княгинюшку!»

41. КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ И ВАНЮША-КЛЮЧНИК

(вариант)

Далеко было, подалеко — в славном городе Москве,
В том же в селе, в селе было в Митровке,
Там живет-поживает душа Волфонский князь.
Он не (о)дин же поживает — с молодой княгинею;
Но еще с ним поживает да Ванюша ключничек,
Молодой его княгини верный полюбовничек.
А он год живет, и другой живет, но все князь не ведает.
Но на третий же годочек сам князь доведался.

Закричал же сам Волхонский князь
Своим громким голосом:
«Да вы, слуги мои, слуги, слуги мои были верные!
Вы подите, приведите мне Ванюшку ключничка,
Молодой моей княгини верного полюбовничка! . .»
«Ты поди, поди, Ванюша, на что тебя князь зовет!
Да и хочет же Ванюшу чем-то пожаловать,
Не селом, али деревнею — казною несметною!»

Собирается Ванюша ко князю Волхонскому;
Он рубашку надевает лександрицкую,
А сапожки обувает, сапожки с подскрипами,
А на плечки одевает кафтанчик зелененький,
На головку накладает шляпушку пуховую.

Как идет, идет Ванюша к князю Волхонскому,
Полы раздымаются,
Лександрицкая рубашка на ем, словно жар, горит.

Закричал сам Волхонский князь:
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Давно ли ты княгиню любишь?» —
«Да я знать, сударь, не знаю, ничего не ведаю;
Только знаю да я ведаю одну песню новую!
Вы позвольте мне, сударь, сказать эту песенку!» —
«Ну, скажи, скажи, Ванюша, эту песню новую!» —

«Далеко было, подалеко в славном городе Москве
В селе Митровке,
Там живет-поживает сам дурак Волхонский князь.
Да у этого у князя был Ванюша ключничком,
Молодой его княгини верный полюбовничек.
Да у этого у князя был зеленый сад,
Да у этом у садику стоит нова горенка,
Да у этой горенке кроватка тесовая,
А на той на кроватке перины пуховые.
Да у этом у садику много раз погуляно,
Да у этой у горенке попито, поедено,
Да на той на кровати много раз посижено,
А на тех на перинах много раз полежано,
За ея за белы груди много раз подержано!» —

Закричал же сам Волхонский князь:
«Да вы, слуги мои, слуги, слуги мои верные!
Вы берите лопаты железные,
Да вы ройте-ка, вы две ямы глубокие,
Вы поставьте два столба дубовые
И кладите перекладинку сосновую,
Почепите канат шелковый,
Вы ведите туда Ваньку ключничка!»
Как ведут, ведут Ванюшу, Ванька упинается;
Но и буйная головушка у Ваньки приломлена,
Лександрицкая рубашка уся кровью смочена.
Как повесили Ванюшу; Ванюшка качается;
Молодая княгиня кончается.

42. НЕДВИГА И МУЖ

Как звали Недвигу во пир пировать,
Во пир пировать, во беседу сидеть.
Да что наша Недвига отнекивалась,
Отнекивалась, отговаривалась:
«И мне не в чем идти, и мне не от кого!»
А после Недвига сбиралася, снаряжалася
Во атласницу да во бархатницу;
Приказала мужилушке дома сидеть:
«Ты сиди, муж, дома, сиди, супостат!
И ты масло пахтай, пшеницу просей,
Цыплят стереги и дитя колыхай!»

Приезжала Недвига к широкому двору;
Что садилась Недвига повыше всех,
Наедалась Недвига посытее всех,
Напивалась Недвига попьянее всех.
Селиван наливал, Афросин подносил,
Афросин подносил, Феклист кланялся:
Да что зять Куприян, он насмех поднимал.
Зато наша Недвига рассердилася,
Рассердилася, разгузынилася;
Она вон пошла, дверью хлопнула.

Навстречу Недвиге стар старичок,
Стар старичок, кривой колпачок,
На соломенной лошадке, сани писаные.
«Ты садись, Недвига, в сани, поедем с нами!
У нас на Руси да три радости:
У Романа жена себе сына родила —
Без пальца нога, без мизинца рука,
Без уса борода, без ума голова!»

Приезжала Недвига к широкому двору.
«Ты здорово ль, мужилушка, спал-ночевал?» —
«Я не пуще здорово спал-ночевал:
И я масло пролил, пшеницу просыпал;
Прилетел коршун, ухватил цыплака,
Ухватил цыплака поперек живота;

Муж едет на жене, запряженной в сани. Лубочная картинка

А я кинулся — опрокинулся,
За копыл зацепил и дитя задавил!»

43. ИСПРАВЛЕНИЕ ЖЕНЫ

На печке сижу, заплаты плачу,
Суровою ниткой пристрачиваю;
Я мужа журю-прижуриваю:
Мой муж-муженек, борзый кобелек!
Продай, муж, кобылку с коровушкою,
Купи душегрейку шелковенькую,
А я наряжуся, к обедне пойду.
А люди-то скажут: чья это такая?
Купеческа дочка, аль казацка жена?

Обедня на отходе, я домой пошла.
Навстречу молодой, идет муж за мной,
Он санки везет, хомутик несет.
«Ну-ка-ся, жена, запрягайся сама,
Запрягайся сама, да в лес по дрова!»
Напался кленник, наклал воз велик.
Не то-то мне тошно, что воз-то велик,
А то-то мне тошно, что муж на возу;
Он под гору едет, посвистывает;
А на гору едет, похлыстывает.
По праву сторонку ребята стоят.
«Ребята, ребята, кобылка добра,
Кобылка добра: велик воз везла!»
Приехал ко двору, привязал ко столбу;
Корму не дает и пить не ведет.
«Мой муж-муженек, ясный соколок!
Продай душегрейку шелковенькую,
Купи, муж, кобылку с коровушкою!»

44. ВЕСЕЛЫЕ ОБКРАДЫВАЮТ СТАРУХУ

Веселые-то по улице похаживают,
Гудки и волынки понашивают,
Промежду собой веселы разговаривают:

«Да где же веселым будет спать-ночевать?
Мы ночуем у старой бабы во келейке!»

У старой бабы во келейке беседушка была.
Промежду собой старухи разговаривали:
«У кого денег полтина, у кого две-три, —
У меня ли, у старой бабы, четыреста рублев,
В подполье, на полке, в кубышке лежат».

Веселые-то ребята злы, догадливые:
Ай, один начал играть,
А другой начал плясать;
А третий веселый будто спать захотел:
Он и ручку протянул
И кубышечку стянул.

«Пойдемте-тка, ребята,
Под ракитов частый куст,
Станем денежки делить,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи, баба, подоле,
Ты копи денег поболе!
И мы твой двор знаем, опять зайдем;
Мы кубышку твою знаем, опять возьмем;
А тебя дома не найдем, — и двор сожжем!»

II. ПЕСНИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВОЙНЕ: БОЙ, ДЕЛЕЖ ДОБЫЧИ, ПЛЕН И Т. П.

45. МАЛОЛЕТОК И ТРИ ТАТАРИНА

Вовдалече то было, воздалеченьке,
Пролегала степь-дороженька.
Да никто по той дороженьке не хаживал.
Как и шел там, прошел с тиха Дона малолеточек.
Обнимала того малолеточка да темная ноченька.
Как и где-то я, молодец, ночку ночевать буду?
Ночевать я буду во чистом поле на сырой земле.
Как и чем-то я, добрый молодец, приоденуся?
Приоденусь я, молодец, своей тонкой бурочкой,
В голова-то положу с-под седла подушечку . . .

Наезжали на молодца три татарина-басурманина,
Как один-то сказал: «Я его ружьем убью»;
А другой-то сказал: «Я его копьем сколю»;
Как и третий-то сказал: «Я его живьем возьму».
Как и тут-то ли душа добрый конь полохается;
Оттого-то ли младой малолеточек пробуждается,
На злых басурманинов молодец напускается.
Одного-то он с ружья убил;
Другого шельму-басурманина он копьем сколол;
А и третьего татарина он в полон взял.

46. ПОЕДИНОК КАЗАКА И ТУРКА

Не черной ворон по горам летал,
Молодой турок по полям езжал.
Он смотрел-то, глядел силушку российскую.
Он, высмотремши, стал насмехатися,
Над донскими казаками надругатися,
Еще называл силушку вороною:
«Ты ворона, воронушка, силушка российская,

Нет в тебе, силушка, против меня спорщика,
Нету поединщика».

Выбирался один молодой казак,
Выходил казак на ясен крылец,
Закричал казак своим громким голосом:
«Вы подайте-ка, братцы, коня мне неезженого,
Оседлайте-ка седельчико неседланое,
Вы наденьте-ка уздечку ненадевану,
Вы дайте-ка в руку (плетку) нехлыстану,
Дайте-ка саблю вострую и копье булатное!»

Садился казак на доброго коня,
Он и кланялся на все четыре стороны:
«Прости, батюшка и матушка,
Да еще прости, мать сыра земля,
Прости меня, вольной свет,
Прости, донское войско!»

Поехал казак во чистое поле,
Он съехался с турком, поздоровался,
Разъехались с турком, распростилися,
Они соскакались на тупых концах;
Он ударил турка во белую грудь,
Он вышиб турка с коня долой,
Отсек ему буйну голову,
Возвратился к своему отцу, матери
В донское войско . . .

47. ВЕЩИЙ КОНЬ

За горами было за высокими,
За ущельями за глубокими,
Добрый молодец тут коня кормил;
Накормлемши коня, стал он его поить,
Напоимши коня, стал речь говорить:
«Ох, ты гой еси, мой добрый конь,
Конь — забава моя молодецкая
И утеха ты казачья!
Уж что же ты травы не ешь луговой

И воды не пьешь ты ключевой?
Али я на тебе сам тяжел сижу,
Али сбруюшка моя ратная,
Али фузеюшка с протупеюшкой?»

Что возговорит ему добрый конь
Человеческим громким голосом:
«Ты хозяинушка мой ласковой,
Уж ты ласковой, мой приветливой!
Уж ты сам на мне не тяжел сидишь,
И не сбруюшка твоя ратная,
Ни фузеюшка с протупеюшкой, —
Тяжела служба нам государева,
Надоели нам походы частые,
Частые и дальние.
Заутра нам на войну идти;
Уж тебя убьют, застрелят меня,
Над тобой станут петь попы, дьяки,
Надо мною вскричат черны вороны!»

48. КАЗАК ДОГОНЯЕТ КОНЯ

Воздалече было, воздалеченько,
Пролегала там дорога, она не широкая,
Длининою та дороженька — конца-краю нет.
Как никто по той дороженьке не хаживал.
Как один-то раз выбегает по ней душа добрый конь,
Черкесское седелечко на боку несет,
Полуженные стремянушки по копытцам бьют,
Тесьменное уздечушко на правом ухе,
Шелковые поводья ноги путают.

А за ним-то бежит млад донской казак.
Воскричит-то он, возопит своим громким голосом:
«Ты постой, подожди, душа добрый конь!
Могуты моей нет итить пешему:
Истомили меня, добра молодца, раны кровавые,
Разломило мне могучи плеча ружьецо турецкое!
Подожди ты меня, лошадь верная,
Довези ты меня да на тихий Дон

К отцу-матери, молодой жене,
Малым детушкам!
Как отец-то и мать, молодая жена
Будут холить тебя, приговаривать:
«Да спасибо тебе, лошадь верная,
Что ты вывез нам нашего болезного!»

49. МОЛОДЕЦ ПОСЛЕ БОЯ

Не травушка, не ковылушка в поле шаталася,
Как шатался-волочился удал добрый молодец,
В одной тоненькой в полотняной во рубашечке,
Что во той-то было во кармазинной черкесочке.
У черкесочки рукавчики назад закинуты,
И камчатны ее полочки назад застегнуты,
Бусурманскою они кровию позабрызганы.
Он идет, удал добрый молодец, сам шатается,
Горючею он слезою обливается,
Он тугим-то своим луком опирается:
Позолотушка с туга лука долой летит.

Как никто-то с добрым молодцем не встречается,
Лишь встречалась с добрым молодцем родная матушка.
«Ах, ты, чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачем так, мое чадушко, напиваешься,
До сырой-то ты до земли все приклоняешься
И за травушку за ковылушку все хватаешься!»

Как возговорит добрый молодец родной матушке:
«Я не сам так, добрый молодец, напиваюся, —
Напоил-то меня турецкий царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
Как и первое-то его пойло — сабля острая;
А другое его пойло — копье меткое было;
Еще третие-то пойло — пуля свинчатая!»

50. ЗАВЕЩАНИЕ РАНЕНОГО

Ах, как далече, далече в чистом поле
Раскладен там был огнечек малешенек,
От огничка шел дымочек тонешенек.

Подле огнечка разослан был ковричек,
На ковричке лежит добрый молодец,
Припекает свои раны кровавые.

Наехали на молодца товарищи.
«Мы поедем, добрый молодец, во святую Русь!» —
«Государи мои, братцы, милы друзья,
Поклонитесь моему отцу, матери,
Благословение отвезите малым детушкам;
Да скажите моей молодой жене,
Что женился я на другой жене,
Во приданы взял я поле чистое,
Но свахою была калена стрела,
А спать положила пуля мушкетная.

Не тяжки мне раны палашовые,
Жесточее мне раны свинцовые!
Вы видите, друзья мои, товарищи,
Что удалой молодец кончается».

51. ЗАВЕЩАНИЕ РАНЕНОГО
(вариант)

Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце:
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выдти кручине из сердца вон.

Не звезда блестит далече во чистом поле,
Курится огонечек малешенек;
У огонечка разостлан шелковой ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.

Подле молодца стоит тут его доброй конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
«Ты вставай, вставай, удалой доброй молодец!
Ты садися на меня, на своего слугу;

Отвезу я добра молодца в свою сторону,
К отцу, к матери родимой, к роду-племени,
К малым детушкам, к молодой жене».

Как воздохнет тут удалой доброй молодец;
Подымалась у удалого его крепка грудь;
Опустилися у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертоносная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.

Тут промолвил доброй молодец своему коню:
«Ох, ты конь, мой конь, лошадь верная!
Ты товарищ моей участи,
Доброй пайщик службы царския!
Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля вострая,
Положила спать калена стрела».

52. ЗАВЕЩАНИЕ РАНЕНОГО

(вариант)

Уж как пал туман на сине море, на сине море,
А злодейка-кручина в ретиво сердце:
Как не схаживать туману со синя моря,
А злодейке-кручине с ретива сердца.

Как далече, далече во чистом поле
Разгорался огонечек малешенек;
Возле огничка постлан ковричек,
А на ковричке лежит добрый молодец,
Во правой руке держит тугий лук,
Во левой руке — калену стрелу;
Во скорых ногах стоит добрый конь.

Он и бьет копытом об сыру землю,
И он знать дает добру молодцу:
«Ты вставай, вставай, добрый молодец!
Ты садись на меня, на добра коня,

Я свезу тебя к отцу, к матери,
К молодой жене, к малым детушкам!»

Как возговорит добрый молодец:
«Ты, мой добрый конь, слуга верный мой,
Поезжай один на святую Русь,
Поклонись от меня отцу, матери,
Челобитье — моей молодой жене,
Благословенье скажи малым детушкам,
Ты скажи, объяви молодой жене,
Что женился я на иной жене,
И я взял за себя поле чистое,
А в приданы взял зелены луга;
У нас добрый сват был булатный меч,
А сосватала калена стрела,
На постель клала свинцова пуля . . .»

Ты дубрава, дубрава зеленая,
Ты долина, долина широкая!
Уж как всем ты, долина, изукрашена,
А одним ты, долина, обесчещена:
Посреди тебя зеленой курган,
На кургане разостлан ковричек,
А на ковричке лежит молодец,
Он избит, исстрелян, изранен весь.

53. КРОВАВАЯ РУБАШКА

Уж мне, матушка, тошнехонько,
Государыня, мне грустнехонько!
Уж мне есть-пить не хочется,
Уж игра-то, гульба, она на ум нейдет:
Мне сердечный-то друг с ума нейдет,
С великого-то моего крепкого разума.
Уж я выду-то на крашеный крылец,
Стану, гляну я вдоль по улице в конец:
Как все-то друзья из похода идут,
А моего-то дружка вороного коня ведут,
Припотненного, притомленного;
В тороках-то везут цветное платье,

Цветное-то платьице — рубашечку,
Боеву-то рубашечку кровавую,
Острыми-то саблями изрубленную,
Мелкими-то пулями исстрелянную . . .

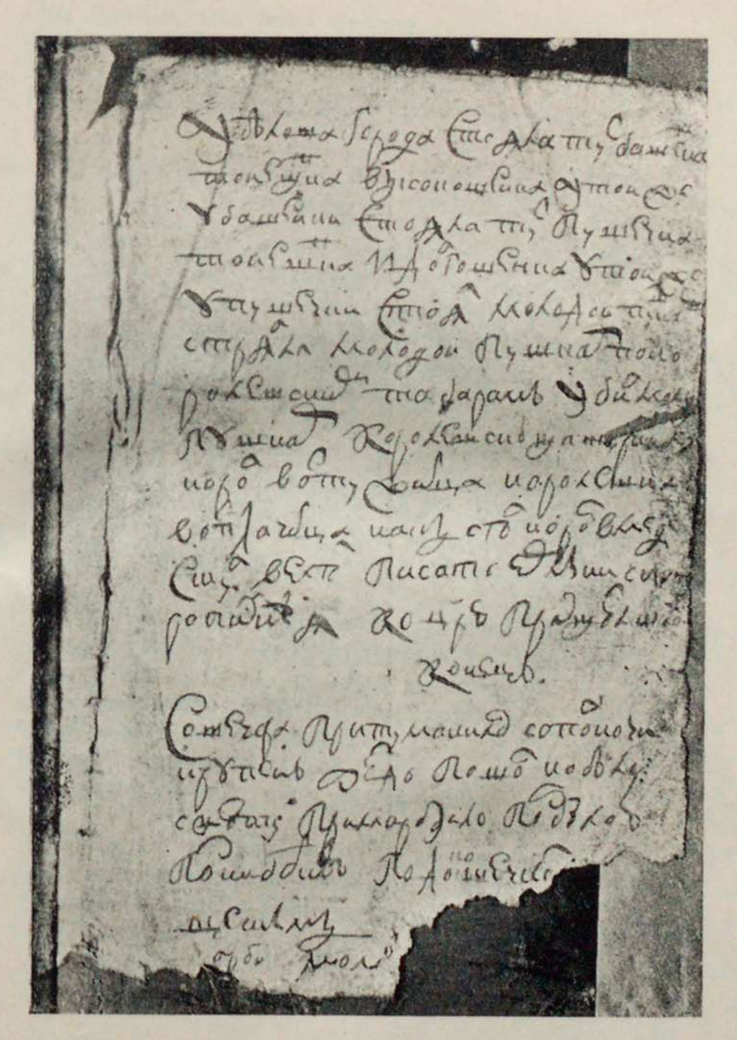
Говорил-то милый, умирая, наказывал,
Честью-лестью уговаривал:
«Вы друзья-братья, товарищи,
Поклонитесь моей молодой жене,
Молодой моей горькой вдовушке,
Малым детушкам, горьким сиротам,
Чтобы выбанила эту горькую рубашечку,
Не в Тереке, не в колодезе,
Чтобы выбанила рубашечку горючей слезой;
А высушила бы рубашечку не на солнышке,
Не на печечке,
А на своем ретивом сердечушке».

54. МАТЬ, СЕСТРА И ЖЕНА ОПЛАКИВАЮТ УБИТОГО

Ах, ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ах, ты всем, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цветочками-василечками;
Ты одним, поле, обесчещено:

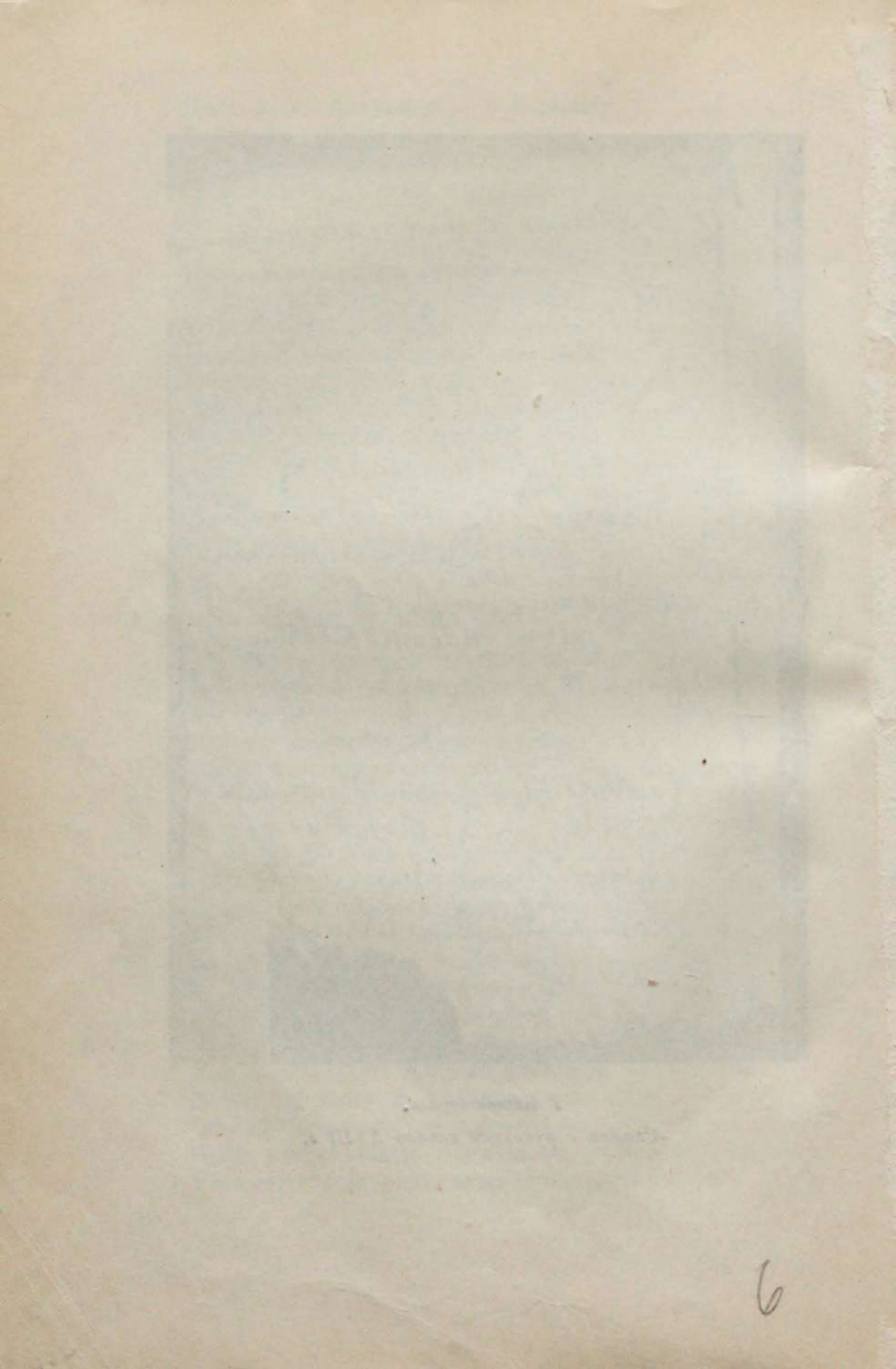
Посреде тебя, поля чистого,
Вырастал тут част ракитов куст;
Что на кусточке на ракитовом,
Как сидит тут млад сизой орел,
Во когтях держит черна ворона,
Он точит кровь на сыру землю.

Как под кустиком под ракитовым
Что лежит убит добрый молодец,
Избит, изранен и исколот весь.
Что не ласточки, не касаточки
Круг тепла гнезда увиваются, —
Увивается тут родная матушка;

У Белова города.

Снимок с рукописи начала XVIII в.

Она плачет, как река льется,
А родна сестра плачет, как ручей течет,
Молода жена плачет, что роса падет;
Красно солнышко взойдет, росу высушит.

55. МАТЬ, СЕСТРА И ЖЕНА ОПЛАКИВАЮТ УБИТОГО

(вариант)

Ах, вы горки, горы, горы крутые, высокие!
Крутые, высоки горы, горы Воробьевские!
Ничего же вы, горки, горы не спорóдили,
Споридúли только горы бел горюч камень.
Из-под камешка бежит речка быстрая,
Речка быстрая бежит, всё хоботаря.

Над той речкой вырастал часто-ракитов куст;
Как на том кусте сидел млад сизой орел;
Во когтя[illegible]оих он держит черна ворона.
Уж он [illegible] его не бьет, сам выспрашивает:
«Где ты, [illegible]рный, был, где полётывал?» —

«Ах, [illegible]к был я, побывал во диких местах,
Во дики[illegible] местах, во Саратовских степях». —
«Там кого ворон видал, кого высмотрел?» —
«Ужь как видел-ли-то я чудо чудное,
Чудо чудное, диво дивное.
Во лесу-ли-то лежит тело белое,
Не простое-то ведь тело, молодецкое.

Что никто ко тому телу не приступится;
Прилетали к тому телу три лишь ласточки,
Три лишь ласточки, три касаточки.
Перва ласточка летит — родна матушка;
Друга ласточка летит — сестра рóдная,
Третья ласточка летит — молода жена.

Родна матушка-то плачет, как река бежит,
А родная сестра плачет, как ручей шумит,
Молодая жена плачет, как роса падет.
Родна матушка-то плачет до гробной доски,

А родная сестра плачет до замужьица,
Молодая жена плачет до гуляньица;
Как гулять она пойдет, всё забудется».

56. ПУШКА УБИВАЕТ КОРОЛЕВСКОГО ШУРИНА

У Белова города
Стояла тут башенка
Тонешенька, высокошенька;
У той же у башенки
Стояла тут пушечка
Тонешенька и долгошенька.
У то(й) же у пушечки
Стоял молодой пушкарь.
Стрелял молодой пушкарь
По королевским таборам,
Убил молодой пушкарь
Королевского шурина.
Король востужится,
Королевна восплачется.
Как сел король в меден отул,
Велел писать ерлыки скорописнь
Ко царю православному . . .

57. ЯДРО УБИВАЕТ ШКОЛЬНИКА-ПОЛКОВНИКА

Середи-то поля чистого,
Середи лугу зеленого,
Тут стояла нова башенка,
Высоким-то высокошенька.

Что на этой было башенке
Взнесена-то пушка медная.
Что у этой было пушечки
Молодой был пушкатерщичек.

Заряжает пушкарь пушечку,
Насыпает черна пороху,
Чугунно ядро закатывает,
Сам к ядру-то приговаривает:

«Полети ты, мое ядрышко,
Высоким-то высокошенько,
Далеким-то далекошенько,
Выше лесу по поднебесью,
Ты во слободы немецкие,
Во полки-то королевские!»

Сейчас пушечка и грянула;
Посвистело туда ядрышко;
Что убило ядро школьничка —
Королевского полковничка.

Тут король стоит, задумался,
Королева дочь заплакала:
«Говорила я милу дружку,
Сердечному наговаривала:

Не ходи, милой, во слободы
Ты во слободы немецкие,
Во полки-то королевские!
Меня милый не послушался,
Нагонил тоску смертельную. . .
Я со той тоски во гроб пойду,
И в знак верности я с ним умру».

58. ПУЛЯ УБИВАЕТ МАЙОРА

Из-под славного под города, города Кубана
Протекала быстра речушка, речка слезовая,
По речушке бегут струйки, струи кровавые,
По струйкам шли некрутики, некруты младые.

Как с восточной со сторонки ветры подувают,
Прижимают нас, некрутиков, ко одной сторонке,
Ко одной нас сторонушке, и то к островочку,
К желтому, рассыпчатому, мелкому песочку.

На песочке рассыпчатом рябинка стояла,
Все разными цветочками она расцветала.
На рябинке кукушечка грустно куковала,
Жалобно кукушечка, слезно причитала.

Видно, к горю матушка меня породила,
Все горькими участками меня наделила,
Дальной чуждой сторонушкой в путь благословила.
На чужой дальней сторонушке змея прошипела, —

Не змея-то прошипела, свинцовая пуля,
Пролетела в поле чистом, нигде не упала,
Ни на землю, ни на воду пуля не садилась,
Упала свинцовая пуля во заднюю роту;

Во задней во ротушке убила майора,
Отшибла майорику что правую руку,
Что правую рученьку да левую ногу.
Заливался майорик наш горькими слезами:
«Дайте, братцы, товарищи, мне вы скорой смерти,
Рвите с меня головушку по самые плечи».

59. ПУЛЯ УБИВАЕТ ЕСАУЛА

На заре то было, на зореньке,
На заре то было все на утренней,
На восходе солнца красного,
То не ветры поднималися,
Не сине море всколыхалося,
Не фузеюшка в поле грянула,
Не лютая змея в поле свистнула,
Просвистнула пулечка свинчатая.

Она падала да не на землю,
Не на землю пуля, не на воду,
Она падала во казачий полк,
На урочную на головушку —
Что на первого есаулушку.
Попадала она промеж бровей,
Промеж ясных очей.

Упадал есаулушка коню на черную гриву.
«Ох, вы, братцы мои, вы, товарищи!
Поднимите меня на ворона коня,
Отвезите меня во палатушку,

Положите меня на сухое сено!
А кому придется вам быть на Урале реке,
Поклонитесь ему, Горыновичу,
Отцу, матери, молодой жене;
Передайте ей, чтоб не убивалася,
В свое платье убиралася
И не оставляла отца-мать моих!»

60. МОЛОДОЙ УРЯДНИК УБИТ В ГОРАХ

Во горах было, во горах, во горах высоких,
Во ущельях, во ущельях было глубоких, —
Лежит молодец, молодец убитый,
Молодец, молодой урядничек.

Как с родной его сторонушки пташки прилетали,
Жалобнехонько ему песенки воспевали:
«Востань, востань, добрый молодец!
Как зима проходит, весна наступает,
Твоя молодая жена по саду гуляет,
По саду гуляет, мужа выбирает».
Лежит молодец, не дает ответу . . .

Как с родной его сторонушки пташки прилетали,
Жалобнехонько ему песенки воспевали:
«Востань, востань, добрый молодец!
Как прошло лето, осень наступила,
Твоя молодая жена весной по саду гуляла,
По саду гуляла, мужа выбирала,
А теперь глазами разводит, замуж выходит;
Родимая твоя матушка слезно плачет».

61. ОТЧЕГО ПОМУТИЛСЯ ТИХИЙ ДОН

Как ты, батюшка, славный тихий Дон,
Ты, кормилец наш, Дон Иванович!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.
Как, бывало, ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек;

А теперь ты, кормилец, все мутен течешь,
Помутился ты, Дон, сверху донизу!

Речь возговорит славный тихий Дон:
«Уж как-то мне все мутну не быть?
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов — донских казаков;
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком!»

62. ЯИК И ЕГО БЕРЕГА

Яик, ты наш, Яикушка, Яик, сын Горынович!
Про тебя ли, про Яикушку, идет слава добрая;
Про тебя ль, про Горыныча, идет речь хорошая.
Золочено у Яикушки его было донышко;
Серебряны у Яикушки его были краешки;
Жемчужные у Горыныча его круты бережки.
Мутнехонек, наш Яикушка, бежишь ты быстрехонько;
Прорыл-протек, наш Яикушка, все горушки, все долушки;
Выметывал, наш Яикушка, посередь себя часты островы.

С вершин взялся, наш Яикушка,
Бежишь же ты вплоть до устьица,
До славного ты до моря, до моря до Каспицкого,
Как до славного до города, до города до Гурьева.
За Гурьевым выпадаил ты во батюшку сине море,
Как до славного до острова, до острова Камынина.

На острове Камынине, братцы, старики живут,
Старики, братцы, старожилые, они по девяносто лет.
С покоренною Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живут.

Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутого Яикушки
Костьми белыми казачьими усеяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючми слезми матерей и жен поливаны.

Где кость лежит, там шихан стоит;
Где кровь лилась, там вязель сплелась;
Где слеза пала, там озерцо стало.

63. ДЕВУШКА ВЗЯТА В ПЛЕН ТАТАРАМИ

Как пошли красные девушки в лес по ягоды.
Как все-то красные девушки ягод понарвалися,
А одна-то красная девушка ягод не нарвалася,
Не нарвалася красная девушка, она там оставалася.

Заболела у красной девушки буйная головушка.
Как и тут-то красная девушка слезно плакала:
«Как и где-то я, девушка, ночку ночевать буду?
Заночую я, красная девушка, под сырым дубом,
Под сырым дубом под кудрявчатым!»

Как и тут-то наезжали на девушку три татарина,
Три татарина, они три басурманина.
Как и первый-то говорит красной девице:
«Я тебя конем стопчу!»
А другой говорит на девушку:
«Я тебя копьем сколю!»
Как и третий говорит красной девице:
«Я тебя в полон возьму!
Садися ты, красная девушка, на моего добра коня,
Как поедем мы с тобой во зеленые луга!»

Как и стали они красную девушку пытать-спрашивати:
«Скажи-ка ты, красная девушка, чьего роду-племени?» —
«Как и я ли, красная девушка, роду не простецкого:
Государь мой родной батюшка боярин был;
Государыня моя родная матушка была боярыня;
Как и я ли, красная девушка,
Роду не простого, — боярского».

64. ТАТАРСКИЙ ПОЛОН

Не спала млада-не дремала,
Ничего во сне не видала,
Только видела-сповидала:

Со восточную со сторонку
Подымалася туча гро́зна,
Со громáми, с молоньями,
Со частыми со дождями,
Со крупными со градáми.

С теремов верхи посломало,
С молодцов шляпы посрывало,
Во Оку-реку побросало:
А Ока-река не примала,
На крут бережок выбросала,
Как на жо́лтинькой на песочик,
На муравую на травку,
На лазоревы на цветочки,
На бумажные на листочки.

А на лу́гу на том стоял шатрик,
Во шатре-то был постлан коврик,
На ковре сидит татарин,
Перед ним стоит красная девка.

Она плачет и возрыдает,
Ко Оке-реке причитает,
А татарина увещает:
«Ох, ты гой еси, злой татарин!
Отпусти меня в Русску зе́млю,
К отцу, к матери на свиданье,
К роду, к племени на плаканье!»

65. ТАТАРСКИЙ ПОЛОН

(вариант)

Не спалось-то мне, красной девушке,
Ночку, не дремалось,
Уж и много-то мне во сне виделось:
Уж как будто бы подымалися ветры, ветерочки,
Со палат верхи посносило,
В терему двери растворялись,
На столах яствы расплескались.

За столом сидит злой, лихой татарин,
Перед ним стоит красна девица,
Русская полонянка;
Перед ним-то стоючи,
Сама слезно плачет.

Уж какой злой, лихой татарин
Девушку плакать унимает,
Белым платком слезы
Он ей утирает:

«Ты не плачь, не плачь, красная де́вица;
Русская полонянка!
Я сошью-то, сошью тебе кунью шубочку
С дорогими соболями;
Я солью, солью золот перстень
С дорогим алмазом».

Ему девушка отвечала:
«Ты не шей, не шей кунью шубочку
С дорогими соболями,
Ты не лей, не лей золот перстень
С дорогим алмазом;
Ты пусти, пусти девушку на волюшку,
На свою прежнюю сторонушку!»
Он девушке отвечает,
А на волю ее не пущает.

66. ПРОДАЖА ПЛЕННИЦЫ

Среди торосинушки, середь площади
Тут ходит, тут бродит злой татарченок;
За собой водит он красну девушку,
Красну девушку полоняночку,
Отдает он красну девицу во постельницы,
Он и просит за дево́нюшку пятьдесят золотниц,
За всякую золотницу по пятьсот рублей.

Тут не выбралось купчинушку из всей Москвы,
Только выбрался один удаленький добрый молодец;

Он, выдамши свои денежки, сам задумался:
«Не пропали мои денежки, пятьдесят золотниц!
На девушке шелков пояс на тысячу,
На головушке ала ленточка в две тысячи,
На ручушке золот перстень — цены нет;
А мне красна девушка в барышах пришла!»

67. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

У колодезя у холодного,
Как у ключика у гремучего
Красная девушка воду черпала.
Как наехали злы татаревы,
Полонили они красную девушку,
Полоня ее, замуж выдали,
За младого за татарченка.

Как прошло тому ровно три-года,
Полонили они старую женщину,
Полоня ее, стали дел делить,
Кому она достанется:
Как досталася теща да зятю.

Он заставил ее три дела делатъ:
Белыми руками тонкий кужель прясть,
Ясными очами лебедей стеречь,
Резвыми ногами дитя качать.

Качает дитя-прибаюкивает:
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты баю, баю, мое милое!
Ты по батюшке млад татарченок,
А по матушке родной внучек мне».

Как услышал зять тещины слова,
Он бежит к молодой жене:
«Ты послушай-ка, молода жена,
Как работница дитя качает,
Качает дитя-прибаюкивает:

«Ты баю, баю, мое дитятко,
Ты баю, баю, мое милое!
Ты по батюшке млад татарченок,
А по матушке родной внучек мне».

Бежит, бежит молода жена,
В одной сорочке без пояса:
«Государыня моя, матушка!
Для чего ж ты мне давно не сказалася?
Ты б пила-ела с одного стола,
Носила б платье с одного плеча!»

68. ТЕЩА В ПЛЕНУ У ЗЯТЯ

(вариант)

Отец с сыном на сенокос пошли,
А мила доченька им есть понесла.
«Уж ты, доченька, поди поверши нам зелен стог».
Стояла-то она на зеленом стогу,
Вершила-то она зелен стог.
«Что это, батенька, в поле затуманилось,
Затуманилося в поле, запылилося?
Все людей везут скованных и связанных,
Связанных все арканами волосяными». —
«Уж ты, доченька, слазь-ка с зелена стога,
Пойдемте спрячемтесь во зелен камыш». —
«Уж я, батенька, пересмотрю, перегляжу,
Что это за людей везут?..»
А отец с сыном в камыш ушли.

Уж подбегаил же млад татарчанин,
Говорил же он красной девушке:
«Уж ты, девушка, слазь-ка с зелена стога!»
Бросалась девушка на все на четыре сторонушки,
Опущала она свои ясны очи на сыру землю,
Опущала она свои рученьки на белую грудь.

Уж давал же ей млад татарчанин кроваву рану,
Уж сымал же он ее с зелена стога,

Сажаил он ее на сково добра коня,
На добра коня, на иноходого.
Повез-то ее во свою землюшку, в азиатскую.
Вводил же ее в свои высокие хоромушки.
«Уж ты будь же мне, девушка, хозяюшкой;
А я тебе, девушка, буду хозяином».

Отдавал же он ей с себя шелков пояс;
Отдавал же ей свои золоты ключи,
И препоручал девушке свои золоты погребцы.
«Уж ты, девушка, моя хозяюшка,
Ходи-ка ты в мои любимы погребцы».

Не задолго, не закоротко, угождала к ним в полон
Ее родимая милая матушка.
Сажала она ее ногами дитя качать,
Гуками же велела куделю прясть,
Рлазами же велела гусей пасти.

Дитя качая, говорит родима матушка:
«Уж ты по русскому — млад боярский сын,
А по татарскому — млад татарчанин.
Уж твой-то батюшка — мой зятюшка;
А твоя-то мать — мне дочь родна;
А сам ты мне — унученочек!»
Говорит тут доченька таковы слова:
«Уж ты, маменька моя родная!
Кабы знала я, кабы ведала, —
Не заставила-б тебя дитя качать,
Не заставила-б тебя куделю прясть,
Не заставила-б тебя гусей пасти!»
Тут сажала она ее за дубовый стол,
Становила перед ней яства сахарные,
Яства сахарные и пойла медвяные.

И стала матушка уговаривать доченьку:
«Пойдем-ка, доченька, убежим домой».
Говорит ей доченька таково слово:
«Нет, матушка, обзавелась я малыми деточками».

И говорит мать доченьке таково слово:
«Уж не стану я, доченька, жить у вас.
Отпустите меня в свой дом!»
Уж сажаил ее зятюшка на каряго коня,
На каряго коня, на иноходого;
Наделяил ее золотой казной;
Отправляли ее во свою землю.
Проводили ее они с своего двора.

69. ПАН ПРИВОЗИТ ЖЕНЕ РУССКУЮ ПОЛОНЯНКУ

Панушко по двору гуляет,
Доброго коня выбирает.
Паньюшка у стремени стояла,
Панушку плеть подавала;
Сама панья пану говорила:
«Не езди ты, панушко, на службу,
На ту государеву-цареву!
Не быть тебе, панушку, живому, —
Быть тебе, пану, убитому!» —

«Не тужи, слышь, моя панья!
Съезжу я в добром здоровье,
Привезу тебе, паньюшка, гостинцы —
С Руси русскую девку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
В беленькой рубашке миткалиной,
В алом во тафтяном сарафане,
В широкой ленте во низаной,
В аленьких башмачках во сафьянных,
В беленьких чулочках во бумажных!

Пойду я, выйду я в новы сени,
Из новых сеней на крылечко,
С крылечика в чисто поле;
Погляжу на синее море.
Как было на синем-то на море,
Вдруг забелелись парусочки,
Вдруг зачернели три стружочка.

Как было во первом-то стружочке, —
Везут паново платье,
Паново платье немецкое.
Как было во другом-то стружочке, —
Везут пана не живого;
Убит пан, да не до смерти.
Как было во третьем-то стружочке,
Везут панькюшке гостинцы —
С Руси русскую девку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
В беленькой рубашке миткалиной,
В алом во тафтяном сарафане,
В широкой-то ленте во низаной,
В аленьких башмачках во сафьянных,
В беленьких чулочках во бумажных.

70. ДЕВУШКА ВЗЯТА В ПЛЕН ВО ВРЕМЯ СНА МОЛОДЦА

Как я полем-то шел,
Меня сон клонит. (2)
А другем-то полем шел,
Дрема с ног валит. (2)
Погляжу-то я, молодец,
Во чистое поле. (2)
Во чистым-та поле
Стоит старенький дуб. (2)

Подъезжаю я, молодец,
Ко старому к дубику, (2)
Привяжу я свово коня
Я за стареньκой дуб; (2)
Сам раскину, расстелю
Бел тонкóй шатер, (2)
Лягу, я лягу, молодец,
Сам я высплюся. (2)

Как я проспал, пролежал
Вплоть до белой до зори, (2)
Вплоть до беленькой до зореньки,
До краснова солнышка. (2)

Эх, я проснулся, молодец,
Нет ни ко́ня, ни седла, (2)
Ни конечка, ни седельца,
Ни деушки, ни шатра! (2)

Поглядел-то я, доброй молодец,
По чистому по полю, (2)
Эх, во чистэ́м-та полюшке
Не пыль, не пыль тама пылит, (2)
Не пыль пылит — сам турчан бежит,
Сам турчан бежит.
Не один-то он бежит —
Он коней гонит. (2)

Вот на моем-то на конечке
Сидит красная моя девушка. (2)
Руса́я косынька у ней вся рострепана,
У ней вся рострепана;
Личко беленько у ней запыленое,
У ней запыленое;
Очи-глазоньки у ней позаплаканы,
У ней позаплаканы;
Гарнетуровым платочком утирается,
(Она) утирается.

Погляжу-то я, молодец, во-в темной лес,
Во-в темной лес.
Во темнэ́м-та лесочке не огонь там горит,
Не огонь там горит,
Не огонь там горит — кверху пла́меня стоит,
Кверху пла́меня стоит.
У огня-то там сидят всё турченяточки,
Всё турченяточки,
И не так-то оны сидят — оны полон делят:
Кому деньги, кому платья,
Кому красна моя девушка. (2)

71. ПЛЕННАЯ ТУРЧАНКА

Ах, ты, матушка, Москва река,
Ты течешь быстра из под камышка,

Из под камышка, из под белого,
Из под кустичка, из под ракитова,
Из под красныя смородины;
Обрываешь ты круты бережки,
Круты бережки, пески желтые.

Что по крутенькому по бережку,
Что по жолтому по песочку,
Как шли полки артиллериские;
Что перва рота — гранодерская,
Что втора рота — бомбандирская,
Что третья рота — кананерская.

Во первой роте знамена несут,
Под знаменами в барабаны бьют,
Во второй роте всё во-в флейточки,
Во третей роте ведут девицу,
Красну девицу полонёную,
Полонёную дочь не рускую,
Самово царя турецкова.

Она плачет, как река льется,
Возрыдает, как ручьи шумят.
Унимал ее млад полковничек:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы сведём тебя во свою землю,
Во свою землю к царю белому».

72. БЕГСТВО НЕВОЛЬНИКОВ ИЗ ПЛЕНА

Воздалече, воздалече в чистом поле
Пролегала не дорога, — тропа малая.
Шли по ней два невольничка молодые;
Увидали два невольничка густой камыш,
Они просили камыш-траву ночлег себе:
«Прими ты нас, камыш, гостьми себе,
Дозволь ты нам суконные онучи просушити,
Ременные бахилочки тут провялити!»
Легли тут добрые молодцы в камыш-траву.

Со вечера камыш-травушка приутихла,
Со полуночи камыш-травушка зашумела,
На заре камыш-травушка речь возговорила:
«Уставайте вы, невольнички молодые, —
За вами есть черкесская зла погоня,
Росланбек мурза с узденями недалеко!»
Встрепенулись добры молодцы, в ход пустились,
Перед балкою они камышиной очутились.
Дошли вниз по ней молодцы до трясины,
Схоронились в ней молодцы со всем телом.
Росланбек злодей до балки той доезжает;
Не нашедши их, за Кубань реку завертает.

73. БЕГСТВО НЕВОЛЬНИКОВ ИЗ ПЛЕНА

(иного содержания)

Как шли двое невольников
Из неволи,
Из той орды проклятой
Из хивинской;
Пришли они к быстрой реке
Ко Уралу.

На ту пору Урал река
Возмутилась,
С песком она да с желтеньким
Посмешалась,
Ледком она да тоненьким
Сомыкалась,
Снежком она да беленьким
Покрывалась.

Один из них пустился в путь
Через реку;
Он правой своей ножкой в снег
Становился.
И только что успел он в лед
Упереться,
Как беленький снежочек вдруг
Распахнулся,

А тоненький ледочек вкруг
Обломился,
Удалой добрый молодец
Стал тонути.

Товарищу он взгаркнул тут
Благим матом:
«Ты гой еси, товарищ-друг,
Брат названный,
Не дай ты мне в мои года
Жалко сгибнуть!
Беги да протяни скорей
Праву руку!» —
«И рад бы я тебе
Протянути, —
Да рука-то теперь моя —
Коротенька,
А быстра Урал речушка —
Глубоконька».

74. ДЕВУШКА БЕЖИТ ИЗ ПЛЕНА

Матушка красно солнышко,
Со светлым месяцем оно порассорилось,
Называло его, светлого месяца, вот его изменщиком:
«Ты изменник, батюшка светел месяц!
Светишь ты со вечера, светел месяц,
Ко полуночи да ты примеркаешь;
Потакаешь ты, батюшка, светел месяц,
По ворам, по плутам, да ты по разбойничкам!..»

Как воздалече было, ей, воздалече во чистом-то поле,
Было во синем море.
Что не белая лебедушка, она во пролет летит, —
Что не красная-то девушка, она из плена бежит;
За ней гонят, за красной девушкой,
За ней-то в гонь гонят.

Выбегает она, красна девушка, на быстрой Терек,
На крутой берег;

Что кричит-то она громким голосом:
«Перевозчички мои, перевозчички, вы гребенские казаки!
Перевезите меня, красную девушку,
Перевезите на свою сторонушку!»

75. ДЕВУШКА БЕЖИТ ИЗ ПЛЕНА

(иного содержания)

Не белая лебедка в перелет летит,
Красная девушка из полону бежит.
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются;
На девушке кунья шуба раздувается;
На белой груди скат-жемчуг раскатается;
На белой руке злат перстень, как жар, горит.

Выбегала красна девушка на Дарью реку,
Становилась красная девушка на крутой бережок,
Закричала она своим зычным голосом:
«Ох, ты гой еси, матушка Дарья река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие?
Еще есть ли по тебе калины-мосты?
Еще есть ли по тебе рыболовщички?
Еще есть ли по тебе перевозчички?»

Неоткуль взялся перевозчичек.
Она возговорила своим нежным голосом:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу, к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь!
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А мало покажется, — восемьсот рублей,
А еще мало покажется, — ровно тысячу;
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат-жемчуг,
Да еще плачу свой золот перстень,
Свой золот перстень о трех ставочках:

Первая ставочка во пятьсот рублей,
А вторая ставочка в восемьсот рублей,
А третья ставочка ровно в тысячу,
Самому перстню сметы нету-ка». —
«А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?» —
«Сватались за меня князья и бояриы;
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?»

Бежали за девушкой два погоньщичка,
Два погоньщичка, два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью реку,
Тонула красна девица, словно ключ ко дну.

III. ПЕСНИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СТАРОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

76. МИЛАЯ ПРЕДЛАГАЕТ ДРУГУ ЗАЛОЖИТЬ ЕЕ

И от Москвы заря-заря занималася,
На царя война-война подымалася,
Что на-всем князьям была служба явлена, —
Моему дружку было давно сказано,
Давно сказано — ему наперед идтить,
Наперед идтить, ему хоровод водить,
Хоровод водить, ему песни запевать,
Песни запевать, ему девок выбирать.

Что на-всем князьям-князьям по коню дали;
Моему дружку, ему коня не дали,
Коня не дали, его с собой не взяли,
С собой не взяли, ему ехать не на чем,
Ехать не на чем, ему купить не на что,
Купить не на что, продать ему нечего,
Продать нечего, заложить некого.

«Уж ты, милый мой, мил душа моя,
Мил душа моя, ты заложь меня,
Ты заложь меня, ты купи коня,
Ты купи коня, поезжай в службу,
Поезжай в службу, в службу царскую:
Службу выслужишь, — меня, младу, выкупишь,
Меня выкупишь, а сам себя выручишь!»

Я пойду, млада, схожу во чисто поле,
Посмотрю, млада, я на все стороны.
Как все князья, они со войны идут,
Моего дружка, его и в завете нет,
И в завете нет; только один конь бежит,
Один конь бежит, на коню-то яв лежит,

На ем яв лежит — черна пухова шляпа;
А во шляпушке есть приметушка,
Есть приметушка: лежит мой шелков платок.

Мне не жаль платка, что он в шляпе носится;
А мне жаль дружка, что он с иной водится,
С иной водится, со мной, младой, брóнится,
Со мной брóнится, брóнится-ругается,
Надо мной, младой, в глазах насмехается.
С какой водится, с тою поцелуется.

77. ЖЕНА ПРОВОЖАЕТ МОЛОДЦА, ОТПРАВЛЕННОГО В ПОХОД

Был один-то, один у отца, у матери,
Все один-единый сын.
Как его-то берут, разудалого,
Берут в службу царскую,
По указу его, разудалого,
Берут государеву.

Как со вечера добру молодцу,
Ему приказ отдан был;
С полуночи-то, душа добрый молодец,
Он собираться стал;
На белóй-то заре, душа добрый молодец,
А он стал коня седлать;
На восходе-то солнца красного
Стал он со двора съезжать.

Провожают его, разудалого, —
Его молода жена,
Провожают его, разудалого,
Его все — отец и мать;
Провожают еще его, разудалого,
Его весь и род-и племень.
Позади идет его горюшенька —
Его молода жена.

Молодец-то жену уговаривал:
«Воротися, жена, воротися, душа,

Воротися, лебедь белая!
Впереди-то у нас все огни горят,
Огни горят неугасные». —
«Уж ты, миленький, сердечный друг,
Не уговаривай меня, не обманывай!
Это горит-то и пылает
У тебя, молодца, ретиво́ сердце». —
«Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь белая!
Позади-то у нас вода полая». —
«Уж ты, миленький, сердечный друг,
Не удерживай меня, не обманывай!
Это из твоих очей молодецких
Слезы катятся, как река льются!»

78. МОЛОДОЙ МАТРОС КОРАБЛИ СНАСТИЛ

Как во городе во Санктпитере,
Что на матушке на Неве реке,
На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белыих, полотняныих.

Что из вы́сока нова терема,
Из косящатого окошечка,
Из хрустальныя из оконенки,
Усмотрела тут красна девица,
Красна девица, дочь отецкая;
Усмотрев, выходила на берег,
На Неву реку, воды черпати:
Почерпнувши, ведра поставила;
Что поставивши, слово молвила:
«Ах, ты, душечка молодой матрос!
Ты зачем рано корабли снастишь
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белыих, полотняныих?»

Как ответ держит добрый молодец,
Добрый молодец, молодой матрос:

«Ах, ты гой еси, красна девица,
Красна девица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу, —
По указу ли государеву,
По приказу адмиральскому».

Подняла ведра красна девица,
Поднявши, сама ко двору пошла.
Из-под каменя из-под белого,
Из-под кустика с-под ракитова
Не огонь горит, не смола кипит, —
Что кипит сердце молодецкое
Не по батюшке, не по матушке,
Не по братце, не по родной сестре, —
Но по душечке красной девушке.
Перепала ли ему весточка:
Красна девица немочна лежит.
После весточки скоро грамотка:
Красна девица переставилась.

Я пойду теперь на конюший двор,
Я возьму коня что ни лучшего,
Что ни лучшего, самодоброго,
Я поеду ли ко божьей церкви,
Привяжу коня к колоколенке,
Сам ударюся об сыру землю.
«Расступися ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица,
Ты простись со мной, с добрым молодцем,
С добрым молодцем, с другом милыим,
С твоим верным полюбовником!»

79. ТРИ СЫНА МЕЧУТ ЖРЕБИЙ О СОЛДАТСТВЕ

Пропали наши головы
За боярами голыми,
За бурмистами-разбойниками,
За прикащичками-мошенничками!

У отца было, у матери
Три сына любимы;
Подымалась солдатчина,
Государева рекрутчина.
Заговорил родимой батюшка:
«Кому во службу итить?
Большому итить —
Тово жаль будет!
А середнему итить —
Детей много;
Итить сыну меньшому!»

Меньшой сын призадумался,
Перед батюшкой расплакался:
«Государь ты мой, батюшка,
Иль я тебе не сыночек,
Дому твово не работничек?»

Как заговорил родимой батюшка:
«Вы, сыновья мои любезные,
Вы возьмите по ножечку,
Подите во зелёный сад,
Вы срежьте по прутику,
Сделайте по жеребью,
Вы бросите жеребьи:
Которому достанется?»
Досталось сыну меньшему.

Меньшой сын расплакался:
«Государь ты мой, сударь батюшка,
Не покинь ты моей молодой жены
Со малыми с детками!
Сруби ты ей горницу новую,
С тремя красными окнами:
Первоё окошко в зеленый сад,
Другоё-то окошко на дорожку,
Третье окошко в чисто поле;
В чистом поле солдатушки воевать будут;
Они станут воевать,
Своих милых защищать!»

80. ТРИ СЫНА МЕЧУТ ЖРЕБИЙ О СОЛДАТСТВЕ

(ВАРИАНТ)

В мужика было богатого,
Да и три сына были хорошие.
Вот и вышло на них несчастьице —
Да невольщина-некрутчина!
Да и старшего сына жаль отдать,
А середнего не хочется;
Что идти ль, не идти сыну меньшему.
Как и меньший сын расплачется:
«Ох, и я ли вам не родный сын?»

Как возговорит-то и батюшка:
«Ах, и дети мои, вы родные,
Ах, идите-тка во зеленый сад,
Да вы срежьте по жеребью,
Ну вы бросьте-тка жеребий!»
Как досталось сыну старшему.

Старший сын пригорюнился,
Молода жена его расплакалася,
Малы дети разрыдалися.
Как возговорит да и меньший сын:
«Да не плачьте ж вы, да и родные:
Я иду за вас охотою».

81. МАТЬ ОТДАЕТ СЫНА В СОЛДАТЫ

Заря моя, зорюшка!
Что ты рано узошла?
Калина с малиною
Рано, рано расцвела.
На ту пору матушка,
Мати сына родила,
Мати сына родила,
Не собравшись с разумом,
Во солдаты отдала!

Не чаяла матушка
Своего сына избыть, —

Сбыла, сбыла матушка
За единый за часок?
Поехал мой батюшка
Во новенькой городок,
Купил, купил батюшка
Легкое суденышко,
Пустил, пустил батюшка
На сине море гулять.

Увидала матушка
С высокого терема,
Возгаркнула матушка
Громким голосом своим:
«Дитятко ль мое, дитятко,
Воротися, милое!» —
«Сударыня-матушка,
Теперь воля не моя!
Против воды, матушка,
Суденышко не плывет,
Против ветру буйного
Белый парус не стоит!»

82. МОЛОДЕЦ, ЗАПИСАННЫЙ В СОЛДАТЫ, ПЬЕТ

Во хорошем-то высоком тереме,
Под красным, под косящатым окошком,
Что голубь со голубушкой воркует,
Девица с молодцом речи говорила:

«А душечка, удалый добрый молодец!
Божился, добрый молодец, ротился,
А всякими неправдами заклинался,
Порукою давал мне спасов образ,
Святителя Николу чудотворца —
Не пить бы пива пьяного до-пьяна,
Зеленого вина не пить до-повалу,
Сладких медов, беспросыпных;
А ноне ты, мой надежа, запиваешься:
Ты пьешь-то пива пьяного до-пьяна,
Зеленое вино пьешь до-повалу,
А сладкие пьешь меды без просыпу!»

Ответ держит удалый добрый молодец:
«Ты глупая, девица, да неразумная!
Не с радости пью я, молодец, — с кручины,
С тоя ли б... великия печали:
Записан добрый молодец в солдаты,
Поверстан добрый молодец, я в капралы.
Не то мне, доброму молодцу, забедно,
Что царь меня на службу ту посылает;
А то мне, доброму молодцу, забедно:
Отец, мати старешеньки остаются,
А некому поить будет их, кормити;
Еще мне, доброму молодцу, забедно,
Что с недругом в одном мне полку быти,
В одной мне шириночке служити!»

83. ПРОЩАНИЕ РЕКРУТА С МИЛОЙ

Повадился Ванюшка
Ко боярским воротам,
Ко душе красной девице,
Ко прикащиковой дочке,
Ко Степановой Настасье.
«Дома ль, дома ль, Настенька, Настя?»

Настасьюшки в доме нету.
Настасья пиво варила,
Зелено вино курила;
К себе гостей зазывала,
Всех по лавкам рассажала,
Всех по лавкам, по скамейкам,
По дубовым дощечкам;
Супротив его Настасью
На дубовую дощечку.

Зелено вино курила,
Она гостям подносила.
Настасья скоро скакала,
Полуштофик в руки брала,
Рюмку водки наливала,
Ко Ванюше подносила:

«Ты испей, испей, Ванюша,
Испей, миленький дружочек,
Будто сахарный кусочек!» —
«Я не пью, не пью, Настасья!
На нас выпало несчастье —
Государево солдатство!»

Взяли Ванюшку, подхватили,
В новы сани посадили,
Ко приему привозили,
На фатеру становили.
Фатерушки становые,
Хозяюшки молодые
Парной баенки стопили,
Трои щелочки варили,
С камфарой мыло купили,
Ваню на-бело умыли,
В палату приводили,
Под меру становили.

84. МОЛОДЕЦ НЕ БОИТСЯ СОЛДАТСТВА

Мо́лодец, мо́лодец, разудалая голова,
Разудалая, кудрявая, еще кучерявая,
Иван, свет Петре́евич!
Ходил, гулял по лужку,
Проторил стёжку дорожку
Ко красному окошку,
Ко души красной деушке,
К Алгенье Петре́евной.

«Алгенья Петре́евна!
Ускрой, душа, окошка
Хрустального немножко;
Примай, радость, подарки:
На сто рублей атласу,
А на тысячу бархату,
А сметы нет алых лент;
Алгеньюшке цены нет!» —
«Иванушка, душа свет!

Приходи ко мне на совет;
Я хочу тебе сказати,
Хочу тебе поймати,
Во железушки сковати,
У солдатушки отдати». —

«Алгенья Петреевна!
Я сам молоде́ц завдале́ц:
Я железушки перебью,
Шо́лковой пояс переврву,
У солдатушки не пойду;
Хотя пойду-не пойду,
Тебе с собой возьму,
У висок терем уведу,
За дубовой стол посажу,
Винца, пивца поднесу».

85. МОЛОДЕЦ НАДЕЕТСЯ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СОЛДАТСТВА

Не кукушечка во сыром бору
Скуковала, скуковала,
Не в высок терем раскукушечка
Вестку подавала, вестку подавала, —
Го родная матушка
Слезно спричитала:

«Что хорош, что пригож, мое дитятко,
Хорош уродился,
Что хорош уродился,
Да несчастливо снарядился!» —

«Моя матушка, не плачь, не крушись,
Что во солдаты годился:
Золотой казной, размальчишка,
Казною откуплюся,
Зеленым вином, размальчишка,
Вином отопьюся!» —

«Золота-то казна, мое дитятко,
Казна не в помогу;

Зелено-то вино, мое дитятко,
Вино не в пособу!»

Снаряжали добра молодца
Во Иркутский город;
Подводили добру молодцу
Все мирски подводы:
Посадили добра молодца
На мирски подводы;
Повезли добра молодца
Во Иркутский город.
«Мимо любушки своей, голубушки,
Лихо прокачуся!»

Что ведут добра молодца
Во каменны палаты;
Что становили добра молодца
Под солдатску меру;
Что садят добра молодца
На кленовый стульчик.
«Что брейте его, добра молодца,
Брейте не жалейте!»

Что брили его, добра молодца,
Брили, не жалели.
«Соберу-ка я свои кудерцы
В итальянский плат;
Отошлю-ка я свои кудерцы
К матушке родной!»

86. МОЛОДЦА ПОЙМАЛИ У ДЕВУШКИ

Попила ты, моя головушка, погуляла
Из-за батюшки, из-за матушки буйной головою,
Из-за братца, снохи своей, невестушки,
За легкой работой, за легкой полевою.
Не гребень теперь мою головушку
Да не гребень чешет, —
То чешет мои русы кудри все пора-время.
Знать, послышали мои русы кудречки

Над собой несчастье,
Что то мое несчастье: на осень солдатчина.

Сегодняшнюю темну ночку всеё меня проловили,
Поймали меня, добра молодца, у прежния у прилуки,
У красныя у девушки, у милой Дуняшеньки
Во новых сенях, у девушки на коленях;
Сняли с ней, со Дуняшечки, шелковый поясочек,
Связали им добру молодцу назад белы руки,
Сковали белы ноженьки в немецки железы,
Посадили его, добра молодца, во новые сани,
Повезли его, добра, по большой дороге,
Становили добра молодца на мирской фатере.

Фатерушка добру молодцу ему не по мысли;
Повели его, добра молодца, в казенну палату,
Поставили добра молодца под казенную меру:
Ростом доброй молодец он не вышел,
Только вышел добрый молодец своей красотою.
Как поставили на круг его, добра молодца,
Как начали доброго молодца волоса брити:
Не устояли у доброго молодца резвые ноги.
Подбирала его русы кудри матушка родная.

87. МОЛОДЕЦ-СОЛДАТ ЖАЛЕЕТ МАТЬ, ЖЕНУ И ТЕЩУ

Как под яром, под ярочком,
Под крутыим бережочком
Тут стояло три садочка.
Как во первом во садочке
Кокушечка вскоковала,
Во другиим во садочке
Соловейка щепетала,
Как во третьем во садочке
Путь-дорожка пролежала.

Как по этой по дорожке
Мать сыночка провожала,
Сына в разуме пытала:
«Ты скажи, скажи, сыночек,

Скажи, ясный соколочек:
Кого тебе из трех жалко?» —

«Жалко жонку по закону,
А тещеньку по привету,
Еще мамыньку родиму:
Милей в белом свете нету'
Как она меня носила,
У бога милости просила;
Как она меня рождала,
Себе смерти обжидала;
Как она меня ростила,
На службицу проводила».

88. КАЗАК ЖАЛЕЕТ ОСТАВЛЕННЫХ МАЛЫХ ДЕТЕЙ

Как не ясен-то сокол, сокол по горам летал, —
Молодой-то офицер по полкам скакал.
Молодые казаки его во строю стоят,
Во строю стоят, все на конях сидят.
Как один-то казачек сидит, призадумался.
Подъезжал тут к нему млад полковничек,
Начал спрашивать его, все выспрашивать:

«Что ты, что ты, казачек, сидишь, призадумался?
Или жалко тебе свою казачью сторонушку?
Или жалко тебе отца с матерью?
Или жалко тебе свою молодую жену?
Или жалко тебе, казак, малых детушек?»

Отвечал казак правду-истину:
«Нет, мне жаль только малых детушек,
Малых детушек горемычныих,
Что остались они наги, босые;
Насидятся теперь за столом голодные,
Наглядятся они кусочка поданного».

89. МАТЬ НЕ ПРИНИМАЕТ БЕГЛОГО СОЛДАТА

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались...
Как заслышали мои русы кудри на себя невзгодье,

Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что уж быть-то мне, доброму молодцу, во солдатах,
Что стоять-то мне, доброму молодцу, в карауле.

Вот стоял я, добрый молодец, в карауле;
Пристоялись у доброго молодца мои скоры ноги.
Как задумал я, добрый молодец, задумал бежати;
Что бежал я, добрый молодец, не путем-дорогой,
А бежал я, добрый молодец, темными лесами.
Во темных лесах, добрый молодец, весь я ободрался;
Под дождем я, добрый молодец, весь я обмочился;
Прибежал я, добрый молодец, ко своему подворью,
Прибежавши, добрый молодец, под окном я постучался:
«Ты пусти, пусти, сударь батюшка, пусти обогреться!
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти обсушиться!» —

«Я б пустила тебя, мое дитятко, — боюсь государя;
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле:
Что буйным ветром тебя, дитятко, там обсушит,
Красным солнышком, мое дитятко, тебя обогреет!»
Что пошел-то я, добрый молодец, пошел, сам заплакал:
«Уж возьмись, загоритесь вы, батюшкины хоромы!
Уж ты сгинь-пропади, матушкино подворье!»

90. БЕГСТВО СОЛДАТ ИЗ ПОЛКА

Далече ты, раздольице, в чистом поле!
Тут шли-прошли невольнички молодые,
Размолоденьки невольнички — всё солдаты,
Из свово полку все бежали.

Ничего-то им на дикой степи не видати,
Завидели на дикой степи камыш-травку,
Тихохонько к камыш-травке подходили,
Жалобнехонько у камыш-травы ночевать просились:
«Ты пусти, пусти, камыш-трава, ночевати,
Укрой ты нас, камыш-травынька, от темныя ночи, —
Холщевые портяночки просушити,
Сафьянные сапоженьки пускай так провянут!»

С вечера камыш-травынька затихала,
А невольничков размолоденьких ночевать пустила.
Ко полуночи камыш-травынька зашумела,
Невольничков, добрых молодцев, пробуждала:

«Вставайте вы, невольнички молодые,
За вами, ведь, гонятся три погони:
Первая погонюшка — всё гусары,
Другая-то погонюшка — всё казаки,
А третья-то погонюшка — из вашего полку всё солдаты!»
Невольничков молоденьких поймали,
Из солдатских из ружей расстреляли.

91. ДЕВУШКА ЖЕЛАЕТ БЫТЬ ЖЕНОЙ СОЛДАТА

Из-за леса, леса темного,
Из-за гор-ли, гор высоких
Тут бежит-спешит молодой солдат,
Молодой солдат, строевой сержант.
На головушке он указ несет,
Во правой руке челобитьице.

У ключа, у ключа у гремячего,
У колодезя, у студеного
Добрый молодец коня поил,
Красна девица воду черпала,
Воду черпала, речь говорила:

«Ох, ты, душечка, молодой солдат!
Молодой солдат, строевой сержант!
Ты возьми, возьми за себя меня». —
«Ох, ты, глупая красна девица,
Неразумная дочь отецкая!
Мне нельзя тебя за себя взяти:
Мы вечор поздно со бою пришли,
Уж мы билися, рубилися
Трое суточки, не пиваючи, не едаючи,
Со добрых коней не слезаючи.

Наши ноженьки подогнулися,
Белы рученьки опустилися,
Сабли вострые притупилися».

92. ДЕВУШКИ И СОЛДАТЫ

Из-под камушка, из-под белого
Протекал ручей бел-серебряный.
Да по бережку, да по крутому
Шли-прошли два полка солдат;
Идучи они промеж собой молвили:
«Еще дай, братцы, переженимся!»

Красны девушки испужалися,
За старых замуж побросалися.
Солдатские жены насмеялися:
«Хорошо нам жить за солдатами:
Они пьют-едят все готовое,
Цветно платье носят государево;
Они в лагерях стоят во палаточках,
Во поход пойдут во кибиточках».

93. ДЕВУШКИ И СОЛДАТЫ

(вариант)

По улице-улице дорожка лежит;
Вот по этой по дорожке ворон конь бежит,
Ворон конь бежит, — вся земля дрожит,
Копытца гудут, подковы звенят.
Капитан едет с капитаншею,
С капитаншею, с енаральшею,
Капитанушка у нас — Андреюшка,
Капитанша его у нас — свет Марьюшка.

Они везли, везли вести новые,
Вести новые, невеселые:
Молодушек на игрище звать;
А ретивых баб на убахту драть,

Соломою набивать, песком насыпать;
Красных девушек замуж отдавать
За молодых солдат, за некрутичков.

Красны девушки испужалися,
Испужалися, разбежалися;
А послей того схаменулися:
«Знали б, ведали, мы б не бегали,
Мы бы замуж шли за младых солдат,
За младых солдат, за некрутичков:
У молодых солдат платье вольное,
Платье вольное, заслуженное».

94. СОЛДАТ ПРОСИТСЯ В ОТПУСК

Заводы ли вы моѐ фабришные,
Эх, да вы фабришные заводы, самы горемышные!
Уж и кто же вас, заводы, кто же заводил?
Заводил-то ли завод добрый молодец,
Добрый молодец зовут, а он Иван Федорыч,
Иван Федорыч.
На подмогу-то ему красна девушка,
Красна девушка, Палагеюшка,
Эх, красна девушка, Палагеюшка.
Эх, не достроимши завод, сама в лес пошла.
Не в лесу ли девушка она заблудилася,
Заблудилася.
Ох, да на рябинушку она, она загляделася,
Эх, загляделася.
Ох, да ты рябина ли моя, рябина кудрявая,
Ох, да ты кудрявая,
Ты кудрявая, моложавая!
Ты скажи-ка, рябина,
Когда ты взошла, когда выросла?

Эх, да я весной-то ли взошла,
Да я летом выросла. (2)
Эх, да не стой-ка ли рябина,
Не стой близко к бережку,

Эх, да близко к бережку,
Еще да на Дунай-реке, на Дунай-реке.
Эх, да по Дунаю-по реке плывет лёкка лоточка,
Плывет лёкка лоточка.
Она изукрашеная, ох, она изукрашеная,
Изукрашена, молодцами лоточка она изусажена.
Да рядовой солдат,
Ох, да на часах стоит, (2)
Ох, да на часах стоит, стоит,
На часы глядит. (2)

«Эх, да вы начальнички,
А вы, судьи праведны,
Судьи праведны!
Эх, да вы пустите-ка меня (2)
В домовой отпуск:
Ох, да у меня ли в доме три несчастьица:
Ох, перво несчастье — батюшка скончался;
Да как второе несчастье — матушка да во гробу лежит;
Ох, да молодая жена за гульбой пошла!»

95. ЛЕБЕДЬ И ЛЕБЕДУШКА, КАЗАК И ДЕВУШКА

Что ни пыль в поле подымается,
Ни туман с моря он качается, —
Подымались с поля гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, крылья у них белые.

Что один лебедь да он оставается,
Оставается, не поднимается:
Он повадился рано по зарям налетать
Ко своей ли ко белой ко лебедушке.
«Уж ты белая, ты моя лебедушка!
Да и где ж твое теплое гнездышко?»

Что ни пыль во поле подымается,
Ни туман с моря он качается, —
Подымались все казаченьки.

Как один казак остается.
Он повадился поздно по ночам ходить,
Ко своей душе красной девушке.
«Уж ты, милая, ты, моя раздушенька!
Покажи свою только короватушку,
А игде же она у тебя стоит?»
«Середи двора (о)на во тереме, —
Караульничек в нем родной батюшка».

96. ГУСИ-ЛЕБЕДИ И СЕРЖАНТ

Как не пыль в поле запылилася,
Не туман с воды подымается, —
Подымалися гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, утки серые;
Не сами собой подымалися, —
Ясного сокола испужалися.

Что один-от гусь выше всех летит,
Выше всех летит, лучше всех кричит,
Лучше всех кричит тонким голосом,
Тонким голосом лебединым.

Все солдатушки во строю стоят,
Молодой сержант на часах стоит,
На часах стоит, гусей спрашиват:
«Ох, вы, гуси, лебеди!
Вы куда летите, куда бог несет?
Не на мою ли родную сторону?
Не к мому ли вы к отцу, к матери!

Вы скажите, гуси, лебеди,
Мому батюшке челобитьице,
Родной матушке поклон до земли,
Молодой жене на две волюшки:
Хоть замуж поди, хоть во вдовах живи;
Не ходила бы она на боярский двор,
Не теряла бы малых детушек;
Малым детушкам благословеньице».

97. ДЕВУШКА ПРИНОСИТ ЖАЛОБУ НА СЕРЖАНТА

Ах, далече, далече в чистом поле,
Что не белые снеги забелелися,
Забелелися в чистом поле палатки солдатские.
Посреди полку стоит полотнян шатер,
Во шатре стоят столы дубовые,
За столом сидит млад полковничек:
Что того полку бомбандирского,
Со своими со штапами-офицерами.

Перед ним стоит красна девица;
Она просит у полковника
На того сержанта имрека:
«Заманил меня, девицу, во чисто поле,
Заманив меня, девицу, обманул ведь он».

Да что взговорит млад полковничек:
«Ах, ты гой еси, душа красна девица!
Не ходить было тебе во чисто поле,
Не смотреть было солдатской экзерциции:
У меня в полку солдаты молодые,
Молодые, холостые, неженатые».

98. СТРЕЛЬЦЫ И КРЕСТЬЯНИН

Шли стрельцов молодцов пятьдесят человек.
Сами сговорились, сами смолвилися:
«Ежели бы нам, ребятушки, кобылушку соловую,
Нам бы только экипаж везла,
Сами бы мы пешки шли!»

Едет крестьянин, дуб сволок;
Под крестьянином кобылушка соловая.
Взглянули они, сами смéхнулися:
«Что в Христа молили, то господь нам дал!
Ну-ка, сем-ка мы, ребятушки, навалимся!»

Видит крестьянин неминучее свое, —
Распрягает кобылушку солóвую,
На колено дугу распрямливает.

Всех перебил, будто волк переел;
Спины понабил, как сычуг снарядил.

«Ну-ка, ребята, челобитную писать,
Челобитную писать, к Москве посылать,
К Москве посылать, ко царю подавать!
К Москве нам идтить, — нам и правыми (не) быть,
Правыми (не) быть, виноватыми слыть.
Ну-ка, ребята, по своим домам!
Заставим мы жен банюшки топить,
Банюшки топить, свои спинушки лечить!
Раны на нас не копейчатые,
Раны на нас — все дубинный шлях!»

IV. ПЕСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ

99. МОЛОДЕЦ УБИТ РАЗБОЙНИКАМИ В КАБАКЕ

Во славном было городе, во Алатыре,
Во проезжей было, братцы, большой улице,
Стояло тут кружалечко государево;
За стойкою было, братцы, за сосновою,
За решеткою было, братцы, за железною,
За бочкою было, братцы, за дубовою,
Как на лавочке было, братцы, на сосновою,
Лежал тут зарезаной доброй молодец.
Правая ево рученька прочь отрублена,
Буйная его головушка испроломана,
Рубашечка у молодца вся искровленная,
На шеюшке удавочка шелковая.

Не ластынька вокруг молодца увивалася,
Не касатынька вкруг удалова улещалася, —
Увивалася, улещалася родна матушка:
«Говорила я тебе, дитятко: годи, милое,
Не ходи ты, мое дитятко, во царев кабак,
Не пей ты, мое дитятко, зелено вино:
Во царевом кабаке сидят люди недобрые,
Недобрые люди, воры-разбойники».

100. МОЛОДЕЦ УБИВАЕТ ЦЕЛОВАЛЬНИКА

Мила матушка своему сыну наказывала:
«Дитё-ли ты мое, дитятко, чадо милое мое!
Послушай, дитятко, наказа моего:
Не ходи ты, мое дитятко, поздно во царев кабак, —
Во царевом кабаке сидят твои недруги
И большие неприятели твои;
Хотят, мое дитятко, поймать тебя,

Поймать тебя хотят — зарезати;
Буйну твою головушку хотят отрезати,
Белую твою грудушку хотят взрезати,
Накрыть хотят белой грудью твои очи ясные,
Вынуть хотят из тебя, дитятко, ретиво сердце».

Подпоясал доброй молодец саблю острую,
Побежал он, доброй молодец, во царев кабак.
Прибежал доброй молодец во царев кабак,
Не застал он там неприятелей,
Стращат он бурмистров, целовальничков:
«Гой, ты гой еси, целовальничек, скажи правду-истину,
Кто меня в кабаке изгубить хотел?»

Таит целовальник разбойников и не сказыват.
Разгоралося у молодца ретиво сердце,
Не стерпя сердца, срубил целовальничку буйну голову;
Сказал им молодец таковы слова:
«А ищите меня, доброва молодца, за быстрым Днестром».

101. МУЖ-РАЗБОЙНИК

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за белого березничка,
Из-за частого осинничка
Выходила красна девица
На Дунай-реку умыватися;
Умылася, — умывшися, набелилася,
Набелившись, нарумянилась,
Нарумянившись, призадумалась,
Призадумавшись, слово молвила:

«Ах, талан ли мой, талан такой,
Или участь моя горькая;
На роду ли мне написано,
На делу ли мне досталося?
В лесу ли лесу не было,
Срубить ли мне было нечего?
В людях ли мне людей не было,
Любить ли мне было некого?

Как просватал сударь-батюшка
Что за вора, за разбойника,
За плута, за мошенника!..

Со вечера вор коня седлал,
Со полуночи вор со двора съезжал,
Ко белу свету вор домой приезжал;
Воскрикнул он громким голосом:
«Встречай меня, молода жена,
Примай коня томного,
Сымай платье кровяное!»

Убралась млада, на Дунай пошла,
На Дунай пошла платье мыть...
Всё платье перемыла,
Осталася рубашечка брата милого,
Брата милого, любимого!
Скорые ноги подломилися,
Белые руки опустилися,
Ясны очи помутилися,
Из глаз слезы покатилися...

Пришла домой да расплакалася:
«Ах, ты, свет мое ладо милое!
На что ты губил брата милого,
Брата милого, родимого?» —
«Не я губил — губила ночь темная осенняя!
Не виноват я в том, жена ты моя!
Была его встреча первая,
Встреча первая, молодецкая!»

102. МУЖ-РАЗБОЙНИК

(вариант)

Гостила у нас гостья дальняя, чужестранная.
Не сгостивши, гостья встосковалася,
Не по батюшке, не по матушке, —
По своем горе по великиим:
Не сумел меня батюшка вспоить, вскормить!
Не сумела меня матушка замуж отдать!

Отдала меня матушка замуж за море,
Не за князя, не за барина, —
За того ли вора, за разбойника...

Со вечера вор коня седлал,
Со полуночи со двора съезжал,
А к свету вор с добром на двор.
Он кричит своим громким голосом:
«Ты встречай-ка меня, молода жена,
Ты снимай-ка с меня шубу лисию,
Убирай-ка ты коня доброго,
Коня доброго, притомленного,
Убирай-ка ты платье цветное,
Платье цветное, прикровленное!
Угадай ты, жена, чей добрый конь?
Узнавай-ка ты, жена, шубу лисию,
Узнавай-ка ты платье цветное!»

Закричала жена громким голосом:
«Уж и что ты, злодей, наделал надо мной!
Разорил ты мою буйную головушку!
Погубил ты моего отца с матерью,
Погубил ты моего братца родного!
Шуба лисия — то моего батюшки,
Платье цветное — то моей матушки,
Добрый конь — моего братца родимого!»

Как и вынул вор саблю вострую,
Снес с своей жены буйну голову.
В зыбочке дитя надселося, ревя;
А вор-то сидит, прибаукивает:
«Ты бау-бау, мое дитятко,
Ты бау-бау, мое милое!
Не я твою матушку губил-терял, —
Погубили, потеряли злы товарищи!»

103. РАЗБОЙНИЧЬЯ ЛОДКА

Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Над горой взойди, над высокою,
Над дубровушкой, над зеленою,

Обогрей ты нас, добрых молодцев,
Атамана со казаками,
Есаула с добрыми молодцы,
Еще кормщика с водоливщиком!
Обсуши ты нам платье цветное
После бури, после вихорю,
После грома, после молнии,
После дожжика лиючего.
В конце лета, в конце теплого,
В начале осени, в начале холодныя,
Во сыром бору стоючи,
Без шатров и без палаток мы,
Что без верхнего платья теплого!..

Мы на легкой были пашенке —
На рукопашном на сраженьице.
Ничего-то мы не пошкотили,
Полонили только девицу,
Красну девицу, дочь отецкую.

Что пониже было города Нижнего,
Что повыше было села Лыскова,
Супротив того села Юрьева,
С луговой было со сторонушки,
Выпадала тут речка Керженка.

Что по той ли речке Керженке,
Как плывет тут легка лодочка.
Хорошо лодка изукрашена;
Что расшита легка лодочка
На двенадцатеры веселечки.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит есаул с багром,
По краям лодки добры молодцы,
Посередь лодки красна девица,
Разбойническая пленница,
Атаманова полюбовница.

Она плачет, что река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.

Как возговорит красна девица:
«Ты прости, прости, отец и мать,
Ты прости, прости, и род-племя!
Уж мне с вами не видатися!
Я досталася разбойникам;
Не нажить уж мне своей воли!»

104. РАЗБОЙНИЧЬЯ ЛОДКА

(вариант)

Как повыше села Лыскова,
А пониже было Юркина,
Против самого Богомолова,
В луговой было во сторонушке,
В захолустьице Волги-матушки
Выпадала тут речка быстрая
Своим устьицем в Волгу-матушку,
По прозваньицу речка Ке́рженка.

Выплывала тут легка лодочка,
Ах, не ловецкая лодка, молодецкая,
Ах, молодецкая, воровска косна,
Ах, воровска косна, лодка марьевска,
А разбойнички богомоловски.

Атаман-ат на носу он с багром стоит,
Есаул-ат на корме он с веслом сидит;
Середь лодочки золотая казна,
На казне сидит красная девица,
Атаманова полюбовница,
Есаулу-то сестра ро́дная.

Красная девица призадумалась;
Призадумавши, придремалася,
Придремамши, приуснулася,
Приуснумши, сон привиделся:
Атаману-то быть застрелену,
Есаулу-то быть изрублену,
А разбойничкам по тюрьмам сидеть,
А мне, девушке, быть на волюшке!

105. РАЗБОЙНИЧЬЯ ЛОДКА

(вариант)

Что повыше было села Лыскова,
А пониже было Богомолова,
Как на той было Волге матушке,
Там плывет-гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Пушкам, ружьецам исстановлена.

На носу сидит атаман с ружьем,
На корме стоит эсаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Посерёд лодки стоит бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красная девица,
Асаулова ро́дная се́стрица,
Атаманова полюбовница.

Она плакала-заливалася, —
Не хорош-то, вишь, сон ей привиделся:
«Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застреленому,
Асаулу быть пойману,
Добрым молодцам быть повешенным,
А и мне ли, красной девушке,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке;
А за то, про то красной девушке, —
Что пятнадцати лет на разбой пошла,
Я шестнадцати лет души губила,
Я зарезала парня белокурого,
Из белой груди сердце вынула.
На ножу сердце встропахнулося,
А и я, млада, усмехнулася!»

106. УБИЙСТВО АСТРАХАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова
Протекала, пролегала мать Камышенка река;
За собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга;
Она устьицем впадала в Волгу матушку реку.

Что по той ли было матушке Камышенке реке,
Как плывут тут, выплывают есаульные стружки;
На стружках сидят гребцы, все бурлаки молодцы,
Все бурлаки молодцы, все заволгски удальцы.
Хорошо, братцы, молодцы переряжены сидят:
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Однорядочны кафтаны, все камкой подложены,
Коноватные бешметы в одну нитку строчены,
Все тафтяные рубашки, галуном обложены,
На них штаники суконны по-старинну скроены,
Что желтой сафьян сапожки, все шильцом каблучки.
Они веслами гребут, сами песенки поют.

Становилися стружечки среди Волги к островку,
Они ждали, поджидали губернатора к себе,
Губернатора к себе астраханского еще.
Ах! что взговорят молодцы, бурлаки удальцы:
«Еще что-то на воде у нас белеется!»
Забелелися тут флаги губернаторские:
Ково ждали, пожидали, тово ляд и несет.

Астраханской губернатор догадается.
«Ах! вы гой еси, бурлаки, люди вольные,
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторское,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите ли вещицы астраханские!»

Ах! что взговорят молодцы, люди вольные:
«Нам не дорога твоя ли золота казна,
Нам не дорого цветно платье губернаторское,

Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские,
Дорога нам буйная твоя головушка!»
Как срубили с губернатора буйну голову,
Они бросили головку в Волгу матушку реку,
И что сами молодцы насмеялися ему:
«Ты добре ли губернатор к нам строгой был;
Ах! ты бил ли нас, губил, много в ссылку посылал,
Ах! ты жен наших детей, на воротах расстрелял».

107. РАЗБОЙНИКИ В ГОСТЯХ

Что же вы, ребята, приуныли?
Иль у вас, молодые, денег нету?
Седлайте, ребята, себе коней,
Своему атаману — пару в дрожки,
Поедем, ребята, к дяде в гости,
Попросим у дяди взаймы денег!

Как дядюшка скажет: «денег нету»,
А тетушка скажет: «ни копейки», —
Берите, ребята, с гряд поленья,
Щепляйте лучину помельчее,
Раскладайте огонь пожарчее,
Кладите на огонь дядю с теткой,
Пусть дядюшка скажет про деньжата.
Как дядюшка скажет: «денег много»,
А тетушка скажет: «сметы нету», —
Пойдемте, ребята, в кладовую,
Берите, ребята, рублей по сту!
Поедем, ребята, загуляем,
Запоем «Молодку» во всю глотку:
«Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая!
Полно тебе по сенюшкам ходити,
Полно тебе по милому тужити!» —
«Ах, как мне по милом не тужити!
Вовек мне такого не нажити:
Хорош-пригож милый уродился,
Он ростом, дородством, красотою...»

108. УСЫ

Ах, доселева усов и слыхом не слыхать,
А слыхом их не слыхать, и видом не видать;
А нонеча усы проявились на Руси,
А в Новом Усолье у Строгонова.

Они щепетко по городу похаживают,
А кораблики бобровые, верхи бархатные,
На них смурые кафтаны с подпушечками
С камчатыими,
А и синие чулки, астраханские черевики,
А красные рубашки, косые воротники,
Золотые плетни.

Собиралися усы на царев на кабак,
А садилися молодцы во единый круг.
Большой усище и всем атаман —
А Гришка Мурышка, дворянский сын,
Сам говорит, сам усом шевелит:
«А, братцы, усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и надо чем усам голова кормить,
На полатях спать и нам сытым быть.
Ах, нуте-тка, усы, за свои промыслы!
А мечитеся по кузницам,
Накуйте топоры с подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сделайте бердыши и рогатины
И готовьтесь все.

Ах, знаю я крестьянина: богат добре,
Живет на высокой горе, далеко в стороне;
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет, да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит,
А прохожиех-то людей ночевать не пущат,
А прямые дороги не сказывает.
Ах, надо-де к крестьянину умеючи идти:
А пó полю идти — не посвистывати,

А и по бору идти — не покашливати,
Ко двору его идти — не пошаркивати.
Ах, у крестьянина-то в доме борзые кобели,
И ограда крепка, избушка заперта,
У крестьянина вороты крепко заперты».

Пришли они, усы, ко крестьянскому двору,
А хватилися за забор да металися на двор;
Ах, кто-де во двери, атаман в окно;
А и тот с борку, иной с борку, —
Уж полна избушка принабуркалася.
А Гришка Мурышка, дворянский сын,
Сел впереди под окном,
Сам и локоть на окно, ноги под гузно.
Он сам говорит и усом шевелит:
«А и ну-тка ты, крестьянин, поворачивайся!
А и дай нам, усам, и попить, и поесть,
И попить, и поесть, и позавтрекати!»

Ох, метался крестьянин в большой анбар;
И крестьянин-от несет пять пуд толокна,
А старуха-та несет три ушата молока.
Ах, увидели усы, молодые молодцы,
А и кадь большу, в чем пиво варят.
Замешали молодцы, они теплушечку,
А нашли в молоке лягушечку.
Атаман говорит: «Ах, вы, добры молодцы,
Вы не брезгуйте!
А и по-нашему, по-русски — холоденушка».
Они по кусу хватили, только голод заманили;
По другому хватили, приоправилися;
Как по третьему хватили, ему кланялися:
«А спасибо те, крестьянин, на хлебе, на соли,
И на кислом молоке, на овсяном толокне,
Напоил нас, накормил, да и животом надели,
Надели ты нас, усов, по пятидесят рублев,
А большому атаману полтораста рублев».

А крестьянин-от божится: «Право, денег нет!»
А старуха ротится: «ни полушечки!»

А дурак на печи, что клеит, говорит:
«А, братцы, усы, удалы молодцы!
А и есть-де ведь у батюшки денежки,
А и будет вас, усов, всех оделять,
А мне-де, дураку, не достанется;
А все копит зятьям, растаким матерям!»

А проговорит усище, большой атаман:
«Братцы усы, за свои промыслы!
Ох, ну-тка, Афанас, доведи его до нас!
Ах, ну-тка, Агафон, да вали его на гонь!
А берите топоры с подбородышами,
Ах, колите заслон, да щепайте лучину.
Добывайте огонь, кладите на огонь середи избы,
Валите крестьянина брюхом в огонь,
А старуху валите ж... на огонь!»
Не мог крестьянин огня стерпеть,
Ах, стал крестьянин на огонь п...,
Побежал крестьянин в большой анбар,
Вынимал из-под каменю с деньгами кубышечку,
Приносил крестьянин да бряк на стол:
«Вот вас, усам, по пятидесят рублев,
А большому-то усищу полтораста рублев!»

Вставали усы, они крестьянину кланяются:
«Да спасибо те, крестьянин, на хлебе, на соли,
И на овсяном толокне, и на кислом молоке,
Напоил нас, накормил, животом наделил.
Ах, мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя убьем, и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возьмем!»

109. УСЫ

(вариант)

А как были усы, проявились на Руси,
А во матушке в каменно́й Москве.
На них шапочки собольны, вершки бархатны,
А кафтаны-армяки кумачом опушены,
Бороды, что помелы, а усы, как кнуты.

Проведали усы: за рекой живе мужик.
Он пашню не пашет — сам рожь продает;
Он деньги не кует — деньги взаймы дает;
Он солоду не растит — часто пиво варит.

Приходят усы ко его ко двору.
Воротечки вси позаперты стоят;
Они тын разобрали и на двор собрались.
Тот с борку и другой с борку,
И полная изобочка набуркалась.
На лавке усы и под лавкой усы,
И на печке усы, и под печкой усы,
И за столом сидя усы, и под столом сидя усы.
А большие усища-атаманище
Впереди ён сидит, ничево ён не говорит,
Только усом шевелит, поворачивает:

«Было б нам, хозяюшка,
Попить, поесть и позавтракать!»
А хозяин-то божится: «Право, хлеба нет!»
А хозяюшка божится: «нет ни крошечки!»
А хозяина связали, как борова палить,
А хозяюшку связали, как овечку стричь.
А хозяин говорит им:
«Ох, вы, братцы, усы, удалые молодцы!
Вы не дайте раззориться — дайте выговорить!..»
А хозяин-то пищит — коровашечку тащит,
А хозяюшка ревет — молока кринку несет.
Сыновья-то подбегают — пироги с полки хватают.

Они по разу хватили — понабралися,
А по другому-то хватили — Христу кланялися.
«Те спасибо, хозяин, на хлебе-на солѝ,
А тебе спасибо, хозяюшка, на пресном молочке!
Ищо этым, хозяин, не отóйдешься:
Надели нас, хозяин, по пятидесят рублев,
А большому усищу-атаманищу полтораста рублев!»
Хозяин-то божится: «Право, денег нет!»
А хозяюшка божится: «нет ни денежки!»
А хозяина связали, как борова палить,

А хозяюшку связали, как овечку стричь...
Хозяин и говорит:
«Ох, вы, братцы, усы, удалые молодцы!
Вы не дайте раззориться, дайте выговорить:
Во задней во клети, во засеке во муки́
Стоит денег сундук!» —
«Наделяй-ко усов по пятидесят рублев,
А большому усищу-атаманищу полтораста рублев!..»

Они и говорят:
«Поживи мужик подоле, — накопи денег поболе;
Мы назад пойдем — к тебе зайдем;
Тебя дома не застанем — твой дом сожгем!»

110. ДЕВУШКА — ДОБЫЧА РАЗБОЙНИКА

Разыгралась, разбушевалась Сура река;
Она устьицем упала в Волгу матушку.
На устьице вырос част ракитов куст,
У кустика лежит бел горюч камень,
А у камушка сидят все разбойнички:
Сидят-то они, дуван дуванят,
Да кому-то из них что достанется,
Кому золото, кому серебро,
Кому кунья шуба, кому золот перстень.

Одному добру молодцу ничего не досталося,
Доставалась ему одна красна девушка.
Как растужится-разгорюется удал добрый молодец:
«Во разбое-то я у вас первый был,
Во дуване-то я у вас последний стал!»
Как возговорит ему красна девушка:
«Ты не плачь, удал добрый молодец!
У меня, у красной девицы, есть кунья шуба,
Кунья шуба стоит восемьсот рублей;
Еще есть у меня, девушки, золотой перстень,
Золот перстень стоит девятьсот рублей».
Как возрадуется удал добрый молодец,
Что бросился ей на белую грудь,
Целовал ее белы рученьки.

111. УБЕГАЮЩИЕ РАЗБОЙНИКИ ПОКИНУЛИ ТОВАРИЩА

Как из славного царства Астраханского,
Что не грозная тут туча подымалася,
Подымалась-снаряжалась грозна высылка.
Что разъезд она держит до Кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого,
До притону ли казацкого.
Казаки, там сидя, догадалися,
Что во легкие во лодки пометалися.

Одного ли добра молодца покинули,
Что ни лучшего ль из молодцев — есаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горючими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:
«Государи вы, братцы-товарищи,
Не покиньте доброго молодца при бедности!
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою!»
Как товарищи от молодца уехали,
Поймали молодца на острове.

112. ВЫСЫЛКА ПРОТИВ РАЗБОЙНИКОВ

Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что повесили свои буйные головы,
Что потупили ясны очи во сыру землю?

Еще ходим мы, братцы, не перьвой год,
И мы пьем-едим на Волге все готовое,
Цветно платье носим припасенное.
Еще лих на нас супостат злодей,
Супостат злодей, генерал лихой,
Высылает из Казани часты высылки,
Высылает все-то высылки солдатские.

Они ловят нас хватают добрых молодцов,
Называют нас ворами, разбойниками.
И мы, братцы, ведь не воры, не разбойники:
Мы люди добрые, ребята все повольские,
Еще ходим мы на Волге не перьвой год,
Воровства и грабительства довольно есть!

113. МЫ НЕ ВОРЫ, НЕ РАЗБОЙНИКИ

Со напраслины головушки погинули наши,
Называли добрых молодцов разбойниками;
(Только) [1] мы были не воры, не разбойники;
Мы были все люди ремесленные;
Да мы неводы вязали все ременные,
Да мы щуки-те ловили все з гривами,
Да и окуни ловили со щетинами:
Где кони пропали, к нам следом пришли,
Ково в тюрьму возили, да ино мы в тюрьме сидели,
Да ково кнутьем стегали, у нас спинушки болят.
Да ино за рекой деревня четыре двора,
Да во той во деревне мой милой друг живет,
Да он солоду не растит, а пиво варит.

114. ХОРОША НАША ДЕРЕВНЯ

Хороша наша деревня — только улица грязна.
Хороши наши ребята — только славушка худа.

Это правда, это правда, это правда все была!

Только славушка худа, не пускают никуда.
Величают нас ворами да разбойниками.
Мы не воры, мы не воры, не разбойнички,
Мы уральские казаки-рыболовщички.
Уж мы рыбушку ловили по сухиим берегам,
По сухиим берегам, по амбарам, по клетям,
По амбарам, по клетям, по богатым мужикам.
Выбирал нас хозяин — что ни лучших молодцов.
Посылал нас хозяин все по рыночку гулять.

---

[1] Слово это в рукописи приписано на полях.

Мы по рыночку гуляли, невода мы закупали.
Уж такие невода — что ременны повода.
Запускали невода под богатые дома.
Наловили мы щук — что шубы из них шьют.
Наловили мы белуженек — калачиком рожки.
Наловили мы севрюженек — подвязаны хвосты.
У дедушки у Петра мы поймали осетра.
Уж такого осетра — что гнедого жеребца.
За того-то осетра мы попались в кандалы.
Мы попались на неделю, просидели круглый год.

Это правда, это правда, это правда все была!

Нам в тюрьме сидеть не скучно, только денежкам не вóд.
Мы в «парашнички» наймемся, нам пойдет большой доход.

Это правда, это правда, это правда все была!

Как пойдет доход калачный — только брюхо распускай
Отойдет доход калачный — только спину подставляй.
Как завалят раз пятнадцать — так запляшешь казачка.
Заревешь словно теленок, пуще спасского дьячка.
Из полицы, из тюрьмы идет Корнев со плетьми,
Молодецкою ухваткой пожимается плечьми.
Хоша били больно — гуляли довольно.
Хоша спинушка бита — девченочка нажита.

115. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РАЗБОЙНИКА

Что светил-то, светил месяц во полуночи,
Светил в половину;
Что скакал-то, скакал один добрый молодец
Без верной дружины.

Что гнались-то, гнались за тем добрым молодцем
Ветры полевые;
Что свистят-то, свистят в уши разудалому
Про его разбои.

Что горят-то, горят по всем по дороженькам
Костры сторожевые;
Что следят ли, следят молодца разбойничка
Царские разъезды;

Что сулят ему, сулят в Москве белокаменной
Каменны палаты,
Что и те ль палаты — два столба точеные,
Столбы с перекладиной!

116. ДОПРОС РАЗБОЙНИКА

Не шуми, мати, зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос ити,
Перед грозново судью — самово царя.

Еще станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянской сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?» —

«Я скажу тебе, надежа православной царь,
Всее правду скажу тебе, всю истинну.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищ — темная ночь;
А второй мой товарищ — булатной нож;
А как трети-ет товарищ — то мой доброй конь;
А четвертой мой товарищ — то тугой лук;
Что рассыльщики мои — то калены стрелы».

Что возговорит надежа православной царь:
«Исполать тебе, детинушка, крестьянской сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной!»

117. ДОПРОС РАЗБОЙНИКА

(вариант)

Ночка моя темная, ночка осенняя!
Уж и где ж молодцу ночевать будет?

Ночевать молодцу во сыром бору,
Во сыром бору, что под сóсною.

Зеленая сосна качается,
Добрый молодец пробужается,
Пробужается, сам пужается:
«Припаду ко сырой земле, послушаю,
Что не стонет ли мать сыра земля...»

Не качайся, сосна зеленая!
Не пугайся, сердце ретивое,
Ретивое сердце молодецкое!
Уж как завтра-то добру молодцу,
Добру молодцу во допрос идти.
Станет царь-государь тебя спрашивати:
«Уж ты с кем воровал, с кем разбойн чал?» —
«Я один воровал и разбой держал;
А товарищем был что мой верный конь;
А другой-то товарищ — булатный нож;
А пристанище — темная ночь».
Станет тебя царь-государь жаловати:
«Два столба тебе с перекладиною,
Еще крепкая петля пеньковая!»

118. ДОПРОС РАЗБОЙНИКА

(ВАРИАНТ)

Ах! ты сердце, мое сердце молодецкое!
Крепче твердого булата, крепче камени!
Ты трепещешь повсечасно в белом теле,
А доселе не вещало, не сказывало,
Что быть доброму детине во по́ймане;
Что ногам его проворным быть скованным;
Что сидет ему, детине, в темной те́мнице,
За запором и решеткой железными.
Ах! мне завтра, горемыке, в допросе быть
Перед грозным судиею, пред самим царем.
Станет царь наш правосудный меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка, доброй молодец,
Повинись мне, с кем ты грабил, с кем разбой держал?»
«Донесу я, государь, со всею истинной.
Воровали, разбивали со мной четверо:
Первый друг мне и товарищ был мой добрый конь;

А по нем второй товарищ — мой булатный нож;
На посылку я посылал калены стрелы,
Куда я их посылаю, туда сам нейду». —
«Исполать тебе, — царь скажет, — доброй молодец!
Надлежит тебя, детину, мне пожаловать,
Что высокими хоромами в чистом поле,
На двух столбиках дубовых с перекладиной,
С перекладиной кленовой и со петлею».

119. ПРАВЕЖ

Еще сколько я, добрый молодец, ни гуливал,
Что ни гуливал я, добрый молодец, ни хаживал,
Такого чуда-дива не нахаживал,
Как нашел я чудо-диво в граде Киеве.

Середи торгу-базару, се́редь площади,
У того было колодечка глубокого,
У того было ключа-то подземельного,
Что у той было конторушки Румянцевой,
У того было крылечка у перильчата,
Уж как бьют-то добра молодца на правеже,
Что на правеже его бьют,
Что нагого бьют, босого и без пояса,
В одних гарусных чулочках-то без чоботов,
Правят с молодца казну да монастырскую.

Из-за гор-то было, гор из-за высоких,
Из-за лесу-то было, лесочку, лесу темного,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнышко выкатается, —
Выкаталась бы там карета красна золота,
Красна золота карета — государева.
Во каретушке сидел православный царь,
Православный царь Иван Васильевич.
Случилось ему ехать посередь торгу.

Уж как спрашивал надежа православный царь,
Уж как спрашивал доброго молодца на правеже:
«Ты скажи, скажи, детина, правду-истину:
Еще с кем ты казну крал, с кем разбой держал?

Если правду ты мне скажешь, — я пожалую;
Если ложно ты мне скажешь, — я скоро сказню:
Я пожалую тя, молодец, в чисто́м поле,
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Уж как третьей перекладинкой кленовою,
А четвертой тебя петелькой шелковою!»

Отвечат ему удалый добрый молодец:
«Я скажу тебе, надежа православный царь,
Я скажу тебе всю правду и всю истину,
Что не я-то казну крал, не я разбой держал, —
Уж как крали-воровали добры молодцы,
Добрые молодцы, казаки.
Случилось мне, молодцу, идти чисты́м полем;
Я завидел: в чистом поле сы́рой дуб стоит,
Сырой дуб стоит в чистом поле кряковистый.
Что пришел я, добрый молодец, к сыру́ дубу́.
Что под тем было под дубом под кряковистым,
Что казаки, они дел делят,
Они дел делили, дуван дуванили.
Подошел я, добрый молодец, к сыру́ дубу́,
Уж как брал-то я сырой дуб посередь его,
Я выдергивал из матушки сырой земли,
Как отряхивал коренья о сыру землю́.
Уж как тут-то добры молодцы испугалися,
Со делу они, со дувану разбежалися;
Одному мне золота казна досталася,
Что не много и не мало — сорок тысячей.
Я не в клад-то казну клал, животом не звал,
Уж я клал тоё казну во большой-от дом,
Во большой-от дом — во царев кабак!»

120. МИЛАЯ ВЫКУПАЕТ ДРУГА ИЗ ОСТРОГА

Уж ты, гуленька, ты, мой голубочек,
Гуля, сизенькой ты, мой воркуночик.
Что ты, гуленька, в гости не летаешь:
Или садику моего не знаешь?
Или голосу моего не слышишь?
Тонко́й голос мой ветерком разносит.

Как не ласточка по полю летала,
Не касаточка к земле припадала,
Мне про милого реченьку сказала:
Будто мой-то милой сидит во засаде,
Во губернском каменном остроге.
Ни дверей то в нем нету, ни окошек,
Ни щелей там нету, ни протесов;
Только есть там одна труба выводная,
Выводная труба, свинцом залитая.
Как из трубоньки дымок повевает,
Мой-то миленькой в горе утопает.

Я возьму ли казны сорок тысячь;
Всю казну я ту расточала,
Той казной свово милого дружочка
Из неволюшки выручала.

121. МИЛАЯ ВЫКУПАЕТ ДРУГА ИЗ ОСТРОГА

(ВАРИАНТ)

Ты воспой, воспой, млад живоронек,
Сидючи весной на проталинке!
Доброй молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери,
Он просит тово жавороночка:
«Отнеси ты, млад жавороночек,
На мою ли, ах, дальну сторону,
Ты сие письмо к отцу, к матери!»
Во письме пишет доброй молодец:
«Государь ты мой, родной батюшка,
Государыня моя, родна матушка,
Выкупайте вы добра молотца,
Добра молотца, своево сына,
Своево сына, вам родимово!»

Как отец и мать отказалися,
И весь род-племя отрекалися:
«Как у нас в роду воров не было,
Воров не было и разбойников!»

Ты воспой, воспой, млад живороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Доброй молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к красной девице,
В другой раз просит жавороночка,
Чтоб отнес письмо к красной девице,
Во письме пишет доброй молодец:
«Ты, душа ль моя, красна девица,
Моя прежняя полюбовница,
Выкупай-выручай добра молотца,
Своево прежнево полюбовника!»

Как возговорит красна девица:
«Ах вы, нянюшки, мои мамушки,
Мои сенные верные девушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скоряй кованы ларцы,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте скоряй добра молотца,
Мово прежнево полюбовника!»

122. МИЛАЯ ВЫКУПАЕТ ДРУГА ИЗ ОСТРОГА

(ВАРИАНТ)

У Троицы у Сергия было под горою,
Стояла новая темная темница.
Во той ли во новой, во темной темнице
Сидел удаленький добренький молодчик.
Никто к нему не зайдет, никто не заедет;
Друзья-братья-товарищи все прочь отступились.
Зашла к нему, заехала матушка родная.

«Дитя ль мое, ты, дитятко, дитя-чадо милое!
Кому тебя, мое дитятко, будет выручати?
Друзья-братья-товарищи все в том отказали!
Семь раз тебя я, мое дитятко, выручала,
Семь тысячек денежек издержала,
Осьмой-то тысячи у меня недостало!
Так, знать, тебе, дитятко, здесь век ековати!»

123. МИЛАЯ ВЫКУПАЕТ ДРУГА ИЗ ОСТРОГА

(вариант)

«Ах, ты, душечка, жена моя молодая,
Что на улице застоялась,
На приказ, мой свет, загляделась,
На приказное на окошко?» —
«И ты, душечка, мой сердечный друг,
Я на улице застоялася,
На приказ, мой свет, загляделася:
Во приказе в государевом,
Что во той ли темной темнице,
За решеткою за железною
Сидит душечка, добрый молодец.
И он пишет себе грамотку,
Не пером пишет, не чернилами,
Он своими горючми слезми,
Не ко батюшке, не ко матушке,
Он ко душечке, к молодой жене:

«Ах, ты, душечка, молода жена,
Продавай свое житье-бытье,
Выкупай меня из неволюшки,
Как из той ли темной темницы!
Буде мало тебе всего покажется, —
В кабалу отдай малых детушек!»
На ответ пишет молода жена:
«Ах, ты, душенька, мой сердечный друг,
Не продам своего житья-бытья,
Не отдам в кабалу малых детушек!
Уж и так тебя бог помилует,
Государь тебя царь пожалует!»

Как далече, далече во чистом поле
Стоят два столбичка высокие,
Перекладинка лежит кленовая,
И петелька лежит шелковая . . .
«Уж как я тебе, друг, говорила,
Честью-лестию вас упрашивала:
«Не седлай коня поздо вечером,

Не съезжай с двора по полуночи,
Не вози платье кровавое!»
Уж как ты, мой друг, меня не послушался,
Ты седлал коня поздо вечером,
Ты съезжал со двора по полуночи,
Привозил платье кровавое;
Ты за то сидишь в темной темнице.
Не считай меня своей женой!»

124. ДЕВИЦА ПОСЕЩАЕТ ЗАКЛЮЧЕННОГО В ТЕМНИЦЕ

Ах! талант ли мой, талант таков!
Или участь моя горькая,
Иль звезда моя злощастная!
Высоко звезда восходила,
Выше светлого месяца,
Что затмила красно солнышко!

На роду ли мне написано,
На делу ли мне досталося,
Что во все дни горе мыкати,
С молодых-то дней печаль узнать;
Старой век мой приближается,
Моя младость сокрушается.

Сокрушила красна девица душа,
Что ни день, ни ночь покоя нет.
Я не знаю, как расстатися;
Довела она добра молодца
До погибели великия:
Разорился доброй молодец
От души ли красной девицы.

Как у нас было на тихом Дону,
Что на устьице синя моря,
Как поставлена светла светлица,
И еще тут темна темница.
Как во той ли темной темнице,
Что сидит ли доброй молодец,
Он повеся буйну голову.

Приходила красна девица,
Вызывала добра молодца.
Выходил к ней доброй молодец,
Как из той ли темной темницы,
При великой при кручинушке,
Во оковах во железных.

Усмотрела красна девица
Удалова добра молодца,
Что в такой тоске, кручинушке,
Говорила добру молодцу:
«Не печалься, доброй молодец,
Все оковы железные,
Они с ног твоих долой сойдут;
Как пойдем мы в поле чистое,
Что на устьице синя моря,
Разгуляем мы печаль свою,
И мы пустим по чисту полю,
И по устьицу синя моря,
По всему ли свету белому».

125. ДЕВУШКА В ОСТРОГЕ

Ох, ты, воля моя, воля, воля дорога,
Уж ты, воля дорогая, девка молодая!
В саду девка гуляла, красоту теряла,
Красоту девка теряла, калинку ломала,
Калинку ломала, во пуки девка вязала,
Во пуки девка вязала, корабль нагружала,
Корабль нагружала, в Москву отправляла.

По Москве девка ходила, в ряды заходила,
В ряды заходила, шали закупала,
Шали закупала, платочек украла, —
Как за этот за платочек в острожек попала.

Скучно, грустно красной девке в остроге сидеть;
Не было того тошнее в окошко глядеть.
Мимо этого окошка лежит путь-дорожка,
Как по этой по дорожке много ходят, ездят;
Моего дружка Ванюши, его здесь нету.

За рекой Ваня гуляет, за быстрой качает,
За быстрой качает с купецкою дочкой.
На купеческой на дочке сарафан кумачный,
Сарафан кумачный, работы домашней.

126. ВОР ГАВРЮШКА

Ты, долина моя, долинушка, раздолье широкое!
Ничего на тебе, моя долинушка, не уродилось;
Уродился на тебе, моя долинушка, только садик зелен.

Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
Что лежала-то дороженька не широкая;
Никто по той дороженьке нейдет, не проедет.
Проезжает же по той дороженьке один вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троечках разношерстных:
Перва троечка у него коней вороных;
Другая троечка у него-то коней гнедыих;
Третья троечка коней соловыих.

Что гнались-то за вором Гаврюшенькой три погони:
Первая погонюшка — все солдаты;
Другая погонюшка — все жандармы;
Третья погонюшка — все казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.

Приезжает вор Гаврюшенька во город Воронеж;
Он атласу и бархату закупает;
Никто-то вора Гаврюшку не признает,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитают.

Случилось идти вору Гаврюшеньке мимо темницы;
Признавала вора Гаврюшеньку своя братья.
«Уж ты, батюшка наш, Гаврюшенька, разбей ты темницу,
Уж ты выпусти нас всех, молодчиков, на волю,
На ту ли на волюшку — на матушку, на Волгу!» —
«Уж вы, братцы мои, товарищи, мне теперь не время:
За мной гонят же, за Гаврюшенькой, три погони;
Первой-то я погонюшки не боюся;
Второй-то я погонюшке не поклонюся;
Третьей-то погонюшке я покорюся!»

127. РАЗБОЙНИКИ РАЗБЕГАЮТСЯ ИЗ ОСТРОГА

Вы, леса мои, лесочки, леса темные!
Во лесах-то садики, садики зеленые;
Во садах кусты, кусты позаломаны.
Все дружочки наши, все-то позаловлены,
Во немецки во железа все-то позакованы,
Во большой домок все-то посажены.

Сидят-то они, богу молятся,
Со слезами в землю все-то кланяются:
«Ты возмой-ка, возмой, туча грозная!
Ты пролей-ка, пролей, батюшка, силен дождь!
Ты размой-ка, размой стены каменны,
Ты выпусти-ка нас на святую Русь!»

Из острога-то они все разбежались,
По темным лесам все-то размырялись.
На полянушку они, соколы, собирались,
Во кружок они, удалые, садились . . .

128. МОЛОДЦА ВЕДУТ НА КАЗНЬ

Ты, змейка-скоропейка, змея лютая!
Из норы ты, змея, ползешь, озираешься,
По песку ползешь, извиваешься,
По траве ползешь, всю траву сушишь,
Иссушила в поле всю травушку,
Да всю травушку всю муравушку,
Все цветочки все лазоревые!

Ты, душа ль, душа, красная девица,
Иссушила ты доброва молодца,
Как былиночку в чистом поле,
Довела ево ты до погибели,
Что до той ли темной темницы.

Что из славного села Преображенского,
Из тово приказу государева,
Что вели казнить доброва молодца,

Что казнить ево, повесити;
Ево белые руки и ноги скованы.
По праву руку идет страшен палачь,
По леву идет ево мать родна,
Позади идет красная девица,
Ево милая полюбовница,
Что зазноба ево ретива сердца,
Погубительница живота ево.

129. ДЕВУШКИ НА РАЗБОЕ

А в нас во Николе, во приходе
Собирались девушки под разбои.
Они русые косы расплетали,
Молодецкие кудри завивали,
Черные шляпы накладали;
Они вороных коней поседлали,
Ямские кафтаны надевали,
Вербажи-подпояски с полосами,
Кумачные штаны с напусками,
Белые чулочки с начесами,
Сафьяны-чеботочки с подковками.
Они ехали Юрья разбивати.

А Юрья они дома не застали,
А застали они Юрьеву дочку.
А Юрьева дочка догадалась;
Открыла окошко немножко,
Она девушкам речь говорила:
«Ой, как же вам, девушки, не стыдно?
Ой, как же вам, красные, не сором?
Что вы русые косы расплетали,
Молодецкие кудри завивали,
Черные шляпы накладали?
Что вы вороных коней поседлали,
Ямские кафтаны надевали,
Вербажи-подпояски с полосами,
Кумачные штаны с напусками,
Белые чулочки с начесами,
Сафьяны-чеботочки с подковками!»

130. ДЕВИЦА РАЗБОЙНИЦА

Что далече, далече в чистом поле,
Что при пути при широкой дороженьке,
Стояла тут кудрявая береза,
Тонешенька, белешенька, кудревата.

Под тою, под кудрявою под березою
Стояли тут станицы воровские.
Во той ли во станице красна девица.
Не песенки красна девица воспевает,
Что кричит красная девица, воет, плачет:
«Я сорок лет с разбойниками ходила,
Я сорок душ с душею погубила,
И батюшку, и матушке не спустила,
И род-племя красная девица потребила!»

Не голуби промеж себя воркуют,
Промеж себя разбойники речь говорили:
«Не стало у нас, братцы, атамана,
Засажен наш атаман во темницу,
Во темную темницу, заключенную;
Не в саду наш атаман гуляет,
Гуляет наш атаман по темнице,
По темной темнице, заключенной;
Тяжко-больно наш атаман воздыхает,
К сердечушку белы руки прижимает,
Любимую свою рощу вспоминает:
«Ой, свет же ты моя, воровская роща!
И как мне по тебе, роща, не тужити,
Под широкой дорожкой не стояти,
Купеческих людей мне не разбивати,
Только злата и сребра не отбирати!»

131. ДЕВИЦА — АТАМАН РАЗБОЙНИКОВ

Загуляла я, красна девица, загуляла,
Со удалыми со добрыми молодцами,
Со теми ли молодцами, со ворами.
Не много я, красна девица, гуляла,

Гуляла, красна девица, тридцать шесть лет,
Была-то я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом,
Стояла я, красна девица, при дороге
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать тысячь,
А старова и малова в щет не клала.

Я ездила по городам, по уездам,
Захотела, красна девица, загуляти
Во славное в Московское государство,
Захотелось мне, красной девице, посмотрети,
Богатых там купцов мне поглядети;
Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.

Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное Петровское на кружало.
Без счету я, девица, деньги выдавала,
Не глядя, рублевички за стоичку бросала.
«Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
Уж тут-то я, красна девица, бодрость оказала,
Уж храбро я и бодро поступала,
Атамановы поступки показала.

Уж тут меня, девицу, признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали;
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, в полицу,
Подымали красну девицу на дыбу.
Уж смело красна девица отвечала:
«Постойте, судьи мои, не судите!
Чево вам от меня больше желати?
Сама я вам, красна девица, повинюся;
Немного-то я, красна девица, гуляла.
Гуляла я, красна девица, тридцать шесть лет,
Была я, красна девица, атаманом,

Стояла я, красна девица, нри дороге
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать тысячь,
А старого и малого в щет не клала.
Захотела я, красна девица, загуляти
Во славное в Московское во царство,
По широкиим по улицам походити,
Богатых там купцов поглядети;
Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.
Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное Петровское кружало,
Не глядя, я рублевички вынимала,
За стоичку без счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали,
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, в полицу.

Судите, судьи, меня поскорее,
Раскладывайте огни на соломе,
Вы жгите мое белое тело,
После огня мне голову рубите,
Вы слушайте, судьи, моево приказа:
Ведите меня с товарыщи в чисто поле,
Зачинайте вы класть всех с ряду,
Меня, красну девицу, напоследок».
Я, лежа там, красна девица, возрыдала,
Об товарыщах своих я пожалела,
Что рано я вас, девица, погубила.
«Я в сей вине, красна девица, причина;
Простите, мои приятели, доброхоты!»

V. ПЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ БРОДЯЖНИЧЕСТВО, ДОРОГУ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПОЛЕ

132. ИЗВОЗЧИК ПОМИРАЕТ В ДОРОГЕ

Уж ты, степь моя, степь, степь Моздоцкая!
Широко ль ты, далеко ты, степь, протянулася!
Протянулася ты, степь, вплоть ты до Царицына!
Уж и чем же ты, степь, степь, ты изукрашена?
Изукрашена ты, степь, лесами, болотами
Да еще же ты, степь, большою дорогою . . .

Что никто-то по ней, никто не проезживал,
Только ехали там молоды извозчики, все коломенски . . .
Как случилося у них в извозе несчастьице:
Заболел-то, захворал молодой извозчичек,
Заболела у него буйная головушка,
От головушки у него ретиво сердце . . .

Заболевши-то, он, стал он им наказывать:
«Уж вы, братцы ли мои, вы, братцы-товарищи,
Не попомните вы моей прежней грубости!
Отведите-ка вы моих вороных коней моему батюшке,
Золотую ли казну — моей родной матушке,
Челобитьице — вы моей молодой жене,
Благословеньице — вы моим малым детушкам!»

133. МАТЬ ОТПРАВЛЯЕТ СЫНА ИЗ ДОМУ

Состроила матушка легенькой стружок,
Наняла сударыня молодых гребцов;
Отпустила матушка сына своего,
Сама выходила на крут бережок,
С крута бережечка на желтый песок;
С желтого песочка на сер камешек.

Кричит, кричит матушка громким голосом:
«Когда, когда, дитятко, вернешься домой?» —
«Не слышно мне, матушка, что ты говоришь! —
Молодые гребцы распотешилися . . .
Прилечу я, матушка, кукушкой весной;
Сяду я, матушка, в зеленом саду,
Стану куковать я кукушечкою».

134. ОТЕЦ ОТСЫЛАЕТ СЫНА НА ЧУЖУЮ СТОРОНУ

Отец на сына прогневался,
Приказал сослать со очей долой,
Велел спознать чужую сторону,
Чужую сторону, незнакомую.

Большая сестра коня вывела,
Середняя сестра седло вынесла,
Меньшая сестра плетку подала;
Как подавши плетку, заплакала,
Что заплакавши, слово молвила:
«Ах, братец, ты, братец родимый мой!
Когда же ты, братец, домой будешь?» —

«Сестрица, сестрица родимая!
Как есть у батюшки зеленый сад,
В зеленом саду — сухая яблонка;
Как расцветет та сухая яблонка,
Попустит она цветы белые,
Тогда я, сестрица, домой буду!

Что прогневавши отца родимого,
Один-то я остался, добрый молодец.
Еще нету со мной товарища,
Еще нету со мной друга милого,
Еще нету со мной слуги верного.
Товарищ мой, то ведь добрый конь,
А милый друг, то мой крепкий лук,
Слуги верные мои — калены стрелы;
Куда их пошлю, туда сам нейду».

135. МОЛОДЦА ЗАСТИГАЕТ В ДОРОГЕ НЕПОГОДА

Не беленька березонька к земле клонится,
Не ковыль трава в чистом поле зашаталася, —
Зашатаился, загуляился добрый молодец,
В одной тоненькой кармазинной во черкешечке;
У черкешечки рукавчики назад заткнуты,
И серебряной булавочкой они приткнуты.
За плечами несет он ружьецо, турку цельную,
Турку цельную, все ружьецо, снасть турецкую.
В правой руке он несет присошечек
Тоненький гордоленький.
Он присошечком, добрый молодец, подпираился,
Горючми слезами, разудаленький, заливаился.

Как над ним, над молодчиком, несчастьице солучилося:
Поднималась вдруг погодушка, с гор хурта-вьюга,
Заносила у добра молодца путь-дороженьку,
И сбивала-то добра молодца со дороженьки,
Прибивала-то добра молодца ко городу,
К тому ко городу, к незнакомому,
К незнакомому ко городу, ко Яицкому.

136. МОЛОДЕЦ ПРОСИТ НОЧЛЕГА У ТРАВКИ

Ах, как на дворе день вечеряет,
А под молодцем конь приставает
Молодец на коне недомогает,
Кручина да молодца обуяла.

Как негде молодцу приютиться,
От темныя ночи схорониться!
Он просится в травку ночевати:
«Ой, травка, травушка ковылёчек,
Пусти молодца ночевати,
Не год у тебя да годовати —
Едина мне ночка ночевати!
Мне цветное платье обсушити,
Мне доброго коня накормити!..»

По утру трава провещает:
«Вставай, молодец, пробуждайся,
Со травы росою умывайся;
Правым рукавом утирайся!
Друзья-братья уезжают,
Тебя, молодца, оставляют
На чужой дальной сторонке,
На той ли на чужой, незнакомой!»

Вставал молодец, пробуждался,
Со травы росою умывался,
Правым рукавом утирался;
Он кланялся на все четыре сторонки:
«Здорово ли, братцы, спали-ночевали?
А я, молодец, нездорово:
Друзья-братцы уезжали,
Меня, молодца, покидали
На чужой дальней сторонке,
На той ли на чужой, незнакомой!»

137. МОЛОДЕЦ ПРОСИТ НОЧЛЕГА У КУСТОЧКА

Пролегала во поле дороженька;
Шириной она, дороженька, она не широкая,
Далиной она не далекая.

Никто-то, никто по этой дороженьке не проезживал;
Ни конного, ни пешего по ней следу нету.
Проезжал по этой дороженьке удал добрый молодец;
Под ним добрый конь, его добрая лошадушка,
Худым она худенька,
Она притомленная да припотненная.

Пристигла его, доброго молодца, темная ноченька;
Своpачивал он, добрый молодец, со пути-дороженьки,
Приворачивал он, добрый молодец,
К кусточку, горькому полыночку.
«Ты позволь, ты позволь мне, кусточек, ночку ночевать!»
«Ты ночуй, ты ночуй, добрый молодец, ночуй, не убойся!
Постелюшка тебе, доброму молодцу, —

Что ковыль-травушка,
В изголовьице тебе — сам кусточек,
Часовые тебе, доброму молодцу, — частые звездочки,
Коню твоему, добрый молодец, коню — серые волки!»

138. ДВА БРАТА НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Ах, далече, далече в чистом поле,
Стояло тут деревце вельми высоко.
Под тем ли под древом вырастала трава;
На той ли на травоньке расцветали цветы,
Расцветали цветы, все лазоревые;
На тех ли на цветах разостлан ковер;
На том ли на ковре два братца сидят,
Два братца сидят, два родимые.

Большой-от братец в цимбалы играл,
А меньшой-от братец песню припевал:
«Породила нас матушка, как двух сыновей;
Вспоил-вскормил батюшка, как двух соколов;
Вспоивши-вскормивши, ничему нас не учил.
Научила молодцев чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, понизовы города.
Чужа дальна сторона без ветру сушит,
Без ветру сушит и без морозу знобит.
Как думала матушка нас век не избыть, —
Избыла нас родимая единым часом.
А теперь тебе, матушка, нас век не видать!...»

139. МОЛОДЕЦ НАШЕЛ НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ ПОЛОНЯНОЧКУ

Седина-ль моя, сединушка,
Седина моя молодецкая!
Ты к чему рано появилася,
Во черны кудри вселилася?

Ах, ты, молодость, моя молодость,
Ах, ты, молодость молодецкая!

Я не чаял тебя измыкати.
Ах, измыкал я свою молодость
Не в житье-бытье богачестве —
Во проклятом одиночестве!
Изошёл-то я, добрый молодец,
С устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку!

Не нашел-то я, добрый молодец,
Ни батюшки, ни матушки,
Ни братцев-то, ясных соколов,
Ни сестриц-то, белых лебедушек,
А нашел-то я, добрый молодец,
Полоняночку, красну девицу!

140. ДЕВУШКА УСПОКАИВАЕТ ИСПУГАННОГО МОЛОДЦА

Как и молодец шел дорожкою,
Разудаленький шел широкою;
Пристигала молодца ночка темная,
Ночка темная, ночь осенняя,
Ночь осенняя, ночь последняя,
Обуяла молодца во сыром бору,
Во сыром ли бору под со́сною,
Что под со́сною, сосно́й, под зеленою.
Что постель в молодца — мать сыра земля,
Возголовье в молодца — бел-горюч камень,
Одеяло в молодца — роса мокрая,
Роса мокрая, роса холодная.

Подымалися ветры буйные,
Что шумит-то, гремит лес-дубровушка,
Зелена ли сосна, сосна шатается,
Добрый молодец пугается,
Он за девушку все хватается.
«Не пугайся, не бросайся, добрый молодец!
Что шумит это, гремит лес-дубровушка,
Зеле́ная сосна это шатается,
Тебе сердце бьется, все пугается».

141. СЕСТРЫ НАХОДЯТ УЕХАВШЕГО БРАТА УБИТЫМ

Воспоил, воскормил отец сына;
Воспоя, воскормя, не взлюбил сына;
Не взлюбя сына, со двора сослал:
«Ты поди, мой сын, со двора долой!
Ты спознай-ка, сын, чужую сторону,
Чужу сторону, незнакомую!»

Как у молодца, в него три сестры,
Три сестры, три родные;
Как большая сестра коня вывела,
Как середня седло вынесла,
Как меньшая сестра плетку подала;
(О)на, подавши плетку, все заплакала,
Во слезах братцу слово молвила:
«Ты кода-ж, братец, к нам назад будешь?» —

«Уж вы, сестры мои, вы родимые!
Вы подите-тка на сине море,
Вы возьмите-тка песку желтого,
Вы посейте-ка в саду батюшки;
Да кода песок взойдет, вырастет,
Я тогда-ж, сестры, к вам назад буду».

Как прошло братцу ровно девять лет;
На десятой год сестры искать пошли:
Как большая сестра — в море щукою,
Как середняя сестра — в поле соколом,
Как меньшая сестра — в нёбо звёздою.
Как большая сестра про братца не слышала,
Как середняя сестра про братца слышала,
Как меньшая сестра братца видела:

Что лежит убит добрый молодец
На дико́й степи, на Саратовской.
Его добрый конь в головах стоит,
Он ко́пытом об сы́ру землю бьет:
«Ты устань, проснись, добрый моло́дец!
Тебя сестры все искать пошли!»

Не сыскавши брата, все летать стали
По степям, степям, по Саратовским;
Налетали на свово братца, на родимого:
«Ты устань, проснись, добрый молодец!»

Как и добрый молодец не просыпается.
Тут девушки слезно плакали;
Похоронили (о)ны свово братца родимого;
Похоронивши, (о)ни слезно плакали;
(О)ны ковыль-травами прикрывали,
(О)ны горюч камень прикладали,
Приложивши камень, полетели на свою сторонушку.

142. МОЛОДЕЦ НАХОДИТ ПРИЮТ В КАБАКЕ

Хмель ты мой, хмеля, веселая голова!
Кто с хмелюшкой поводится,
Тот будет человек.
Поводился, побратался молоденький умок,
Тот не глупой разумок.

На кабак идет детинка,
Словно маков цвет цветет;
Показалася ему кабацкая изба,
Словно светлица светла,
А кабацкой голова, как сизой орел сидит,
Целовальники-чумаки, будто ясные сокола.
С кабаку идет детинка,
Как липинка гола,
В чем матушка родила,
И как бабушка повила;
Показалася ему изба,
Словно темная тюрьма,
А кабацка-то голова —
Словно сидит сам сатана.

143. ЦАРЬ В КАБАКЕ

Что из славного города из санкт.-Питера
пролегала путь широкая дорожечка.

Что по тои пути широкия дорожечки
туда шло-прошло удалых 30 молотцов;
молодец молотцу волос к волосу,
волос к волосу молотцы да голос к голосу.

Случилось им итти мимо царев кабак,
мимо то же кружало государево.
Еще все они молотцы на проход прошли,
что один из них доброй молодец оставается.

Приворачивал молодец на царев кабак,
что на то же кружало государево.
Отворяет он кабацкие двери на пяту,
да он молитца спасу и пречистой,
поздравляет он бурмистров со ларешными:
«А вы здравстуите, бурмистры и ларешные!
вы отмеряите питья мне за пятьсот рублев,
а товарищам моим за целую тысячю».

Уже как в то время бурмистры соглянулисе,
соглянулисе бурмистры, расмехнулисе;
Уж как стали у молотца выспрашивать:
«Еще как тебя, доброи молодец, по имени зовут,
еще коего города урождением?»

Что ответ держит удалой доброи молодец:
«Урождением города каменной москвы,
что квартирушка стоит в кремле городе,
в кремле городе против ивана великого».

Уж как в то время бурмистры испугалисе:
«Ах, ты ой еси, батюшко, наш православной царь,
золота твоя казна не запечатана,
твои погребы глубокие не заперты»...

VI. ПЕСНИ О ЛЮБВИ И О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ДЕВУШКИ И МОЛОДЦА

144. ДЕВИЦА ПОБОРОЛА МОЛОДЦА

Как летом по травке, весной по муравке,
Ой, люшеньки-люли, весной по муравке,
Тут ходит-гуляет удалой молодчик,
Кричит-выкликает красную девицу,
Ой, люшеньки-люли, красную девицу.
«Иих, выди, душа девушыка, ко мне за вороты,
Со мною, с молодчиком, со мной побороться».

Ии, девушка к молодчику, к нему выходила,
Иих, с удалыим с молодцем речи говорила:
«Ии, не хвались, молодчик, не хвались, удалой,
Иих, не хвались, удалой, своей силой малой:
Иих, сперва поборися, иих, потом похвалися!»

Иих, деушка молодчика она поборола,
Иох, красная уда́лово она с ног иишибла,
Пуховаю шляпоньку с нево долой шшибла,
Иих, русые кудерюшки на нем всколочила,
Ии, суконну поддёвочку в грязи заморала,
Иих, розову рубашку на нем изорвала,
Иих, шелков поясочек на нем перервала,
Э, козловы сапожки долой поскидала,
Иах, белевы́ чулочки в грязи затоптала.

Иах, стал доброй молодчик, стал он отряхнулса,
Аах, на все на сторонушки, на все оглянулса.
«Иих, матушка родима на горе родила,
Иах, несчастною долей меня наделила,
Ии, долею несчастной, ах, несчастной, еще силой малой,
Иих, на чужу сторонушку гулять отпустила.
Иой, на чужой сторонке, а мне счастья нету.
Иих, нету мне ни в мире, нету ни в народе,
Иих, ни в большúм девичьем, в большим кураводе!» —

«Иих, пойдем, пойдем, дитятко, пойдем погуляем,
Иих, зайдем к красной деушки, в глаза поругаем:
«Ии, деушка-девица, как тебе не стыдно!
И какова ты мóлодца могла обесчестить:
Иих, пуховою шляпыньку с нево долой шибла,
Иах, русые кудерюшки на нем всколочила,
Ии, суконну поддёвочку в грязи заморала,
Ии, розову рубашку на нем изорвала,
Иих, шелков поясочек на нем перервала,
Э, козловы сапожки долой поскидала,
Иах, белевы чулочки в грязи затоптала!» —

«Иих, матушка родима, я этово молодца могу приубрати!
И эх, не тужи, не печалься, удалой молодчик,
Аах, пуховаю шляпыньку я могу надети.
Иих, русые кудерьки могу причесати,
Иих, суконну поддёвочку я могу замыти,
Иих, розову рубашечку я могу зашити,
Ии, шелков поясочек я могу связати,
Иих, белевы́ чулочки я могу я замыти,
Иих, козловы сапожки, иих, могу я надети,
Иих, за бесчестье молодца сем раз поцелую!»

145. ДЕВУШКИ БЬЮТ И ПРОГОНЯЮТ НЕЗВАНОГО ГОСТЯ

Вечор девки вечеринку сидели;
Пришел к девушкам незваный гость,
Не зван, не ждан, не почествованный.
Стали девки перешептываться:
Нам чем гостя будет потчивати?
Пивцом, винцом, сладкой водочкой,
Орехами, оплеухами?

Взяла девка парня за голову;
Коя в щеку, ина за волосы;
Через скамью за котыли волокут;
Через избу будто шари́чек катят;
По сеничкам кулаками в плечи бьют;
По крылечку каблуками в спину бьют;
По лестнице будто ступочку катят;

По улочке будто в дудочку играют;
По задворью будто в скрипочку скрипят.
Пришел домой, прирасхвастался:
«Не дай, боже, в вечериночке бывать,
Не дай, боже, с красным девушкам шутить!»

146. СЕРА КОЗУШКА

Ходила-гуляла сера-ко́зушка
По крутенькой горке;
Она дражнивала-подражнивала
Она серого волка:

«Ох, я тебе, серого волка,
Я тебе не боюся!
Я тебе не боюся —
У рощу схоронюся;

У рощу схоронюся —
Листочком накроюсь.
Я листочком накроюсь —
Коренечком зароюсь».

«Дражни-дражни, сера-ко́зушка,
Сама берегися!
Мы устанем ранешунько,
Да на вутре посмотрим».

Рожки, ножки лежать на дорожке —
Серы-ко́зушки нету.
«Ну, вот тебе, сера-ко́зушка,
За твои похвалы,
Ну вот табе, сера-ко́зушка,
За твои насмешки!»

Ходила-гуляла Надеждушка
У высоким теремочку.
Она дражнила-подражнивала
Молодого Васильюшку:

«Ну, вот я тебе, Васильюшка,
Ну, я тебе не боюся.
Ну, я тебе не боюся —
У тереме схоронюся,
Дверями запруся,
Замками замкнуся». —

«Дражни-дражни, Надеждушка,
Сама берегися!
Мы устанем ранешунько,
Да на вутре посмотрим».

Девки грают, венцы сьяють —
Надеждушки нету.
«Ох, вот табе, Надеждушка,
За твои похвáлы,
Ну вот табе, Андреевна,
За твои насмешки».

147. ГАЛКА И СОКОЛ

Как за нашим за двором,
За зеленым садом,
Росла трава шелкова.
На травоньке снежина,
На снежине тропина.

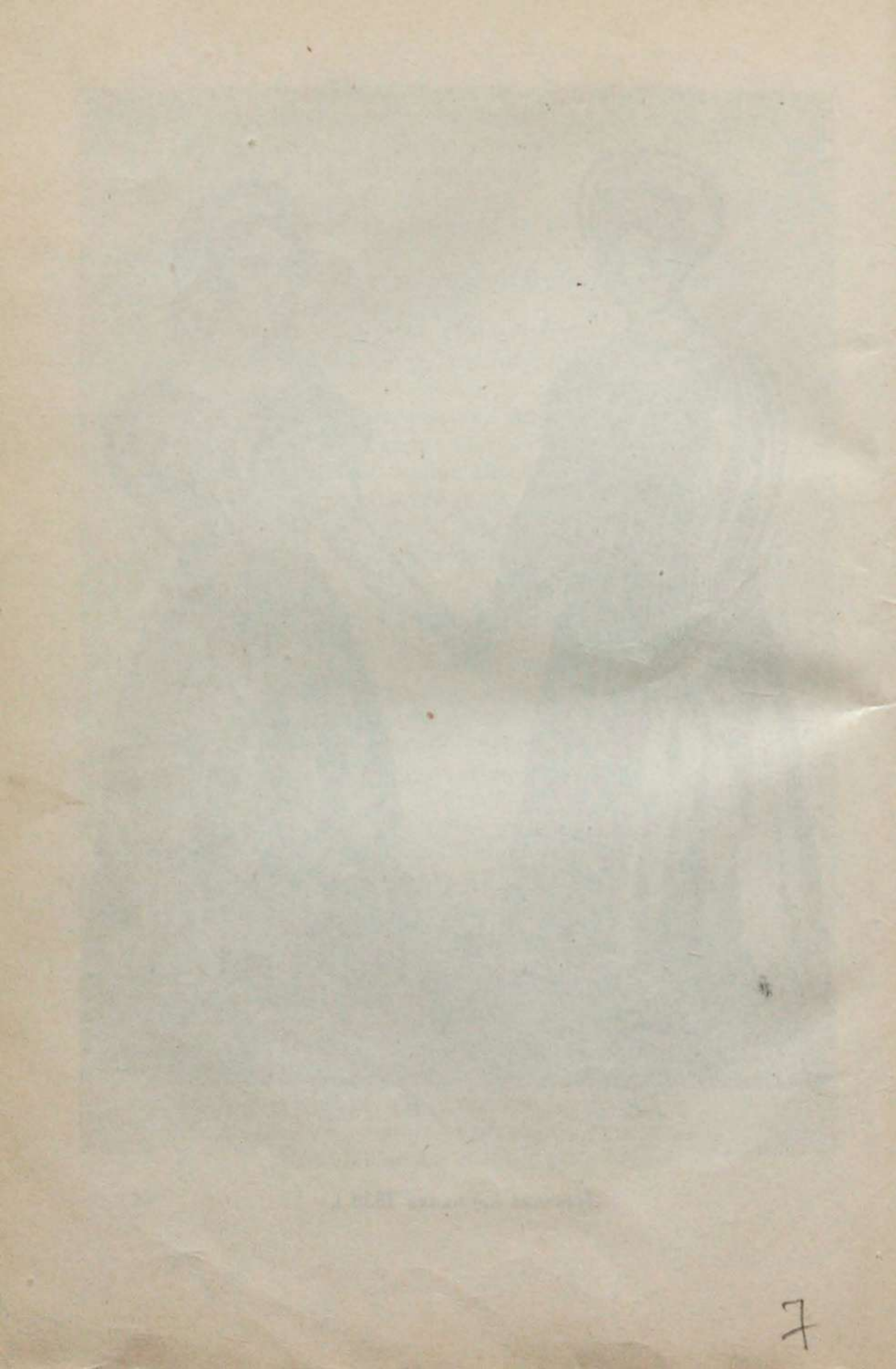
По той тропе галка шла,
За галонькой сокол шел.
Поймал галку за крыло,
За то крыло правое,
За то перо черное.

А галонька взмолилась,
Соколику корилась:
«Пусти, сокол, погулять,
По волюшке полетать!» —
«Тогда галку выпущу,
Когда крыло выломлю,
Все перышки выщиплю!»

Лубочная картинка 1833 г.

7

Как за нашим за двором,
За зеленым садом,
Росла трава шелкова.
На травоньке снежина,
На снежине тропина.

По той тропе Анна шла,
За Анюшей Ванюша.
Поймал Анну за руку,
За ту руку правую,
За косоньку русую.

Анюшенька взмолилась,
Ванюшке корилась:
«Пусти, Иван, погулять,
Караводом поиграть!» —
«Тогда Анну выпущу,
Когда руку выломлю,
Русу косу выщиплю!»

148. ДЕВУШКА МЕШАЕТСЯ В ТКАНЬЕ

Как во городе во Санктпитере,
На проезжей славной улице,
Напротиву двора гостиного,
У Милютина да на фабрике,
Середи двора да широкого,
Как стояла да светла светлица
Со оконенкой со стекольчатой.

Как во той ли да светлой светлице,
Как сидела тут красна девица,
Душа Аннушка, полотно ткала,
Радость Карповна, миткалиное;
Что по краешкам круги золоты,
По уголышкам ясны соколы,
По покромочкам черны соболи,
По прошивочкам мелки пташечки.

Как съезжалися полотна смотреть,
Полотна смотреть миткалиного;
Приходили тут красны девицы,
Приезжали к ней добры молодцы.
Что не знала красна девица,
Как пришел ее родной батюшка.

Красна девица испугалася,
Полотно ткати помешалася:
Круги золоты раскатилися,
Ясны соколы разлетелися,
Черные соболи разбежалися,
Мелки пташечки распорхалися.
«Как не жаль-то мне тонка полотна,
Что не жаль-то мне ясных соколов,
И не жаль-то мне черных соболей,
Как не жаль-то мне мелких пташечек,
Что не жаль-то мне красных девушек, —
Только жаль-то мне добрых молодцев!»

149. ДЕВУШКА В ГОСТЯХ У МОЛОДЦА

У нас да во городе, во Белеве,
В Николаевском во приходе,
В белых, каменных во палатах,
Во стекольчатых во комнатах
Молодец звонко в гусли играет,
Ему девушка припевает.

При упой песни приуснула
У добра молодца на коленях,
У холостого под полою,
Под тафтяною, голубою.

Удалой молодец пробуждает,
Потихоньку, не пужает:
«Встань, девушка, встань, проснися,
Встань, красная, пробудися!
За тобою матушка приходила,
Шелковую плеть приносила». —

«Играй, молодец, играй, не бойся.
Я матушки не боюся,
Я от батюшки отолгуся.
Я скажу: была за рекою,
За быстрою за водою,
У подруженьки просидела,
Со реки узор сонимала,
Золотой ковер вышивала,
Золотой ковер со месяцом:
Светел месяц со лучами —
Иванушку с сыновьями,
Ясно солнышко со лучами —
Марьюшку с дочерями».

150. ДЕВУШКА ВЫЗЫВАЕТ МОЛОДЦА ИЗ КОНТОРЫ

В государевой конторе
Сидел молодец в уборе,
Сидел молодец в уборе;
На нем пара голубая,
На нем пара голубая:
Природная коса,
Природная коса
До шелкова пояса,
До шелкова пояса,
Черной лентой увита.

Красна девица душа,
Свет Авдотьюшка,
Она нужду возымела,
В контору идти посмела.
Она богу помолилась,
Всем приказным поклонилась,
Всем приказным поклонилась,
Челобитну подала,
Челобитну подала,
Из конторы вон пошла,
Из конторы вон пошла,
Сама глазом повела.

Тут молодец догадался,
Из конторы вон пошел,
Из конторы вон пошел,
Красну девицу нашел.

Как большая-то сестрица —
Свет Авдотьюшка,
А меньшая-то сестрица —
Душа Аннушка.
Как привадили девицы
Молодых к себе ребят,
Молодых к себе ребят,
Удалых молодцов,
Удалых молодцов —
Петербургских купцов.

Они коней закладали,
По Питеру разъезжали,
По Питеру разъезжали,
Красных девушек катали.

151. ДЕВУШКА ВЫЗЫВАЕТ МОЛОДЦА ИЗ КОНТОРЫ

(вариант)

В государевой конторе
Сидит молодец в уборе.
Пришла девица в снаряде:
Во кисейной белой юбке,
Во голубом полушубке.
Бела юбка с вомборами,
Полушубок со хозами,
Что на шее шаль бугарска,
На головке хоз повязка,
В ушах серьги зерновы,
Черны глазы веселы.
Черным глазиком взвела,
Из конторы вон пошла,
Всю зазнобушку дала.

Молодец-то не стерпел,
Девке в след он поглядел,
Бросил письма и дела.
«Мне не дороги дела:
Пришла девица мила!»
Уродилась хороша —
Во детинушку дружка,
В Александрушка.

152. ДЕВУШКА ИДЕТ ЗА ВОДОЙ И НАВЕЩАЕТ МИЛОГО

Я жила-была у матушки дроченое дитя;
Не пускала меня матушка на улицу гулять.
Уж мне хочется, младешеньке, в зелены сады ходить.
Я ведерочки возьму, сама по воду пойду,
Сама по воду пойду, на Фонтанку на реку,
На Фонтанку на реку, к Поцелую кабаку,
К Поцелую кабаку, по студеную воду.

Чем мне по воду идти, лучше к милому зайти.
Мой милой-сердце рад, воротечки отворял,
Воротечки отворял, за белы руки примал;
В особливую ведет, все веселия дает.
Я у мила забавлялась до вечерния зари.

Я ведерки подняла, на Фонтанку пошла;
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла.
Несучи я, младенька, раздумалася,
Гарнитуровым платочком махалася:
Как домой, младой, придтить, как мне матушке сказать?
Не умела, как сказать; поучилася солгать.
Скажу: гуси прилетели, скажу: серенькие,
Скажу: воду возмутили, скажу: свеженькую;
Я стояла на Фонтанке на реке, на крутом берегу,
Дожидалася, младенька, чтоб устоялася вода.
Ах, мой батюшка родной не поверил тому;
Моя матушка родная попечалилася.

153. ДЕВУШКА СПИТ У АДЪЮТАНТА НА КОЛЕНЯХ

Уж как на лугах, лужечиках на зеленых,
На зеленых лужечиках на царевых,
Что не беленькие лебедушки солетались,
Собиралися души ли, красны девицы
Что во нижние во лагери погуляти,
Адъютантских новых палатушек посмотрети.

В адъютантских новых палатах сидят солдаты;
Они думали крепкую думушку за едино,
Заманили их, красных девушек, во палаты,
Что пивцом-винцом красных девушек поили.
Еще все ли красны девицы не упивались;
Что одна из них красна девица упилася;
Приупившись, красна девица приуснула
Что у младого адъютанта на коленях.

Что не белая лебедушка стрепеталась, —
От крепкого сну красная девица пробуждалась,
Что горючими слезами умывалась,
Что русой косой красна девица утиралась;
Во слезах она, красная девица, говорила:
«Уж я тяжко перед богом согрешила,
Уж батюшка и матушку прогневила,
Весь и род-племя красна девица посрамила,
Что себя ли красна девица в стыд вронила,
Уж я младого адъютанта полюбила!»

Полюбивши, красна девица слезно плачет;
Во слезах она, красна девица, говорила:
«Мне ль за ветром в чистом поле не угнаться!
Что со вечера солдатам поход сказан
Что ко славному ко городу Кенизборгу,
Что на ту же на прусскую на границу!»

154. НОЧНАЯ ПОЕЗДКА ДЕВУШЕК К ДРУГУ

Ах, во городе-посаде в Устюге Великом
Были-жили две девицы, родные сестрицы;
Что охочи те девицы по ночам гуляти.

Убиралися девицы в драгоценное платье,
В драгоценное платье, в немецки уборы;
Приказали те девицы пары коней заложить:
Пару коней вороную, а другую — соловую.

Поезжали те девицы по улкам кататься.
Как на всяком карауле все их окликали:
«Еще что ездят за люди, люди молодые?»
Отвечали тут девицы, родные сестрицы:
«Еще что кому за дело? мы — посадские люди!»

Приезжали те девицы к милу другу в гости.
Были приняты девицы со всякою честью,
Как увожены девицы в светлые светлицы;
Тамо с другом обнимались, в любви целовались.
Подносили тем девицам по чарке горелки:
«Вы испейте, наши гости, испейте, дорогие!
С чарки пьяным вам не быть, любви нашей не отбыть!»
Они чарки выпивали и другой желали.
Ах, как третью вкусили и за стол засели.

Подносили тут девицам золотые карты.
«Поиграйте, наши гости, любезны, забавьтесь!»
Между оною игрою с собой говорили:
«Ты не пей, моя сестрица, не пей ты, родная,
Пивца-винца, сладка меду не дерзай вкушати!
Будет батюшку бесчестье, а нам худо слово!»
И в таких-то разговорах столько веселились,
Что у друга своего и спать повалились.
Ночь им так была мала, что и скука не брала;
Что лицом разно лежали, но вечно жити желали.

155. ВО ЗЕЛЕНОМ САДОЧКЕ ГУЛЯЛА ДЕВИЦА

Ах, свет моя кудрявая береза!
Любила ты при холоде стояти
Во славные крещенские морозы.

Во хорошем во зеленом садочку
Ходила тут, гуляла красна девица,
Наливные сладки яблочки щипала.

Из высока хорошего терему
Узрел да усмотрел доброй молодец.
А он сам ли молодец да усмехнулся.

«Откуду ето зерно да прикатилось?
А надобно к нему мастера прибрати,
А мастера прибрати дорогого,

Да кто бы ето зерно да проалмазил,
На золотой спенечик бы посадил,
Ко двум бы цветным яхантам придвинул».

156. МОЛОДЕЦ УГОВАРИВАЕТ ДЕВУШКУ НОЧЕВАТЬ У НЕГО

Ах, по мосту, мосту,
По калинову мосту,
Ай шол тут молодец
На нем аленькой кафтан,
А за ним идет девица,
На ней желтой балахон,
На ней желтой балахон,
Юбка радужная,
Юбка радужная,
Шапка бархатная,
Шиты алые чулки,
С позументом башмаки.

Он брал красну девицу
За правую за руку,
Он повел красну девицу
Во высокой во терем,
Он сажал красну девицу
За дубовой стол,
Подносил красной девице
Зелену чару вина.
Девка чару принимала,
Мила друга обнимала,
Девка чару выпивала,
Молодца поцеловала.

Ах, стал тут молодец,
Уговаривать ее:
«Ах, девушка, ночуй,
Ты сударушка, ночуй;
Ты ночуешь у меня,
Подарю радость тебя:
Золоты в уши сережки,
С подвесочками!
Ты с которыми домой
Придешь с весточками».

Оставалася девица,
У молодца ночевать,
Во всем платье спать ложилась,
На тесовую кровать.

157. ВОЕННЫЙ ОПОЗДАЛ НА УЧЕНИЕ

Как приехал урядничек ко Степочке в гости.
Он только приехал, опять уезжает.
Вышла Степа за ворота, его провожает;
Она его провожает, все плачет-рыдает,
Молодого урядничка ночевать уймает:
«Ночуй, ночуй урядничек, хоть ночку со мною!» —

«И три ночи и четыре я бы рад ночевати, —
Будут меня, урядничка, товарищи ждати,
Будут меня, молодого, во глаза ругати!
Хотя, Степа, заночую, буди меня рано,
Буди, Степа, меня рано, чтоб не рассветало,
Чтобы мои товарищи коней не седлали,
Чтобы мои музыканты музыки не грали!» —

«Проспал я, урядничек, до белого свету,
Проспал я, молоденький, до красного солнца;
Проспал я, урядничек, коня вороного,
Коня, коня вороного, седелице ново,
А на седле — попоночка зеленого шелка;
А сам же я, урядничек, Гребенского полка,
Гребенского я полка, Червленой станицы!»

158. ПРИКАЗЧИК ПРОСПАЛ СВОЮ ДОЛЖНОСТЬ

Дарю я приказчичку,
Дарю молодому
Жилет пике белый,
Часы золотые,
А еще на шею
Черный атлас галстук.

Недавно приехал,
Опять уезжает.
Стоит раскрасавица,
Плачет и рыдает,
Гостить оставляет.
«Погости, молодчик,
Хошь один денечек!» —

«Я бы рад, красавица,
Погостить и два́-дни.
Дорога-то дальна,
Да время-то поздно.
Пожалуй, ночую;
Буди меня рано,
Чтоб не рассветало,
Чтоб мои товарищи,
В город не ходили,
Чай-кофей не пили!»

Проснулся молодчик —
На дворе-то бе́ло.
Стоит раскрасавица,
Очень оробела.
«Что же ты, красавица,
Меня не будила?» —
«Хотела будити,
Да вы крепко спите!» —

«Проспал я, проспал
Приказчицку должность,

Нельзя мне, молодчику,
Пройти панским рядом.
Все мои товарищи,
Все меня там знают;
Друг друга толкают,
Нá смех поднимают;
Хозяину скажут,
Хозяин откажет.
Проспал, я проспал
Приказчицку должность!»

159. ЧЕРНОБРОВАЯ АННУШКА

Казань город славной;
Стоял кабак главной.
Во том ли кабаке
Сидят новы чумаки, —
Они поют песню нову
Про Аннушку черноброву.

Купеческа дочка Анна
За маером ночку ходит,
У маера ленту просит.
Какова эта фигура —
Анне ленточку купить?
Поларшина дать полтину,
А широку — полтора,
А всей ленточке цена два,
Анне в косу вплетена.

Ты расти, расти коса,
До шелкова пояса,
Всему городу краса,
Молодым сухота,
А женатым печаль.

Астраханской поп
Был до девок добр,
При дороженьке стоит,
Он полтинами дарит.

Не стало у попа
Ни полтины, ни гроша,
Одна ряска хороша.
Поп ряску скидаёт,
Ряску Анне отдает.
Анна ряску не берет,
За собой попа ведет.

Увидали попа
Три фицера из окна;
Они хлопнули окном,
Побежали за попом.
Ох, ты, Аннушка модна,
Будь во тереме одна,
Только выдай нам попа.
Мы станем попу
За молебен отдавать,
Кулаками надувать;
Ряску в тряску,
Попа в толчки.

Поп вырвался бежать,
На заставу набежал,
Солдат Яшка удержал,
Три плеухи ему дал
И дорогу указал:
«Ты беги, беги (попок),
Не срони с. . . порток!

160. КОТ ХОДИТ К БОЯРЫНЕ

У ворот девка стояла,
Рукавом девка махала,

Припев: О-охо, да охти мне.

Рукавом девка махала,
К себе милого ждала,
Не простова холостова,
Офицера молодова,
Офицера молодова,
Что маёра полевова.

Маёр по торгу гуляет,
Маёр порох закупает, (2)
Пистолеты заряжает, (2)
За Неву реку стреляет.

За Невою за рекою
Что живет мужик бобыль.
У тово ли бобыля
Ни кола нет, ни двора, (2)
Ни скота, ни живота,
Один серенькой коток,
На нем аленькой платок.

Как повадился коток
Во свободку на краёк, (2)
Что во новой во дворок
Ко боярыне вдове,
Ко сержантской ко жене.

Как увидели кота
Два сержанта из окна;
Они хлопнули окном,
Побежали за котом.
«Тебе полно, кот, ходить,
Полно, серенькой, дурить,
Потерять тебе коток,
С шейки аленькой платок!» —
«Стану больше я ходить,
Стану больше я дурить!»
Очутился не коток,
Очутился мой дружок,
Очутился мой милой,
То маёр молодой.

161. ЗВЕРЕК ХОДИТ К ДЕВУШКЕ

Зверь ли мой, зверечек,
Ясный соколочек!
Расповадился зверечек
По ягодки за речку
К Аннушке сестричке.

Душа Аннушка сестричка
По саду, саду гуляла,
Черемушку ломала, (2)
Пученьки вязала,
На дороженьку бросала,
Приметочки клала.

«Приходи-ко, мил дружочек,
Ко времю во гости,
Когда батюшки нет дома,
Когда матушка в гостях,
Милы братья за стрельбою,
Сестра за гульбою,
Голубушки-невестушки за работой!»

Одна я, красна девица,
Дома оставалась,
Со зверьком лежала,
На правой руке держала,
Левой обнимала,
Дружком называла,
В уста целовала,
К сердцу прижимала.

Говорит мне мой дружочек,
Ясный соколочек:
«Случай будет в Питер ехать,
Привезу тебе подарок,
Кумачу, китайки». —

«Кумачу я не хочу,
Китайки не надо,
Только надо мне, девоньке,
Алого глазету
На три шубки, на три юбки,
На три душегрейки,
Чтоб не стыдно красной девке
На улицу выйти,
С людьми говорити».
Она вышла-выходила,
С людьми говорила.

162. ЗВЕРЕК ХОДИТ К ДЕВУШКЕ

(вариант)

Все девушки веселятся,
Они водят хоровод,
Бедна Катенька томится,
Гулять хочется, нельзя;

Ее маменька бранится,
Точно лютая змея,
Не пущает ее мать на улицу погулять,
С молодцами погулять.

Вечернею зарей, несчастливой судьбой,
Переулочком пешком
Кот забрался к Кате в дом,
На черну печь залез,

Поронял с полки горшки,
Загремели черепки.
Вдруг старушка услыхала,
Будит: «Катенька, проснись,

Встань, Катенька, проснись,
И молитву сотвори!» —
«С нами божеская сила, отойди прочь, сатана
От любови создана!»

163. БЫК, КОТОРЫЙ НЕ ЕСТ СЕНА

Вдоль по улице метелица метёт,
За метелицей сударушка идёт:
А сударушка черна быка ведет,
Чернова быка с лысиною.

Привела быка к широкому двору,
Сама вскрикнула громким голосом:
«Ах! мать моя, матушка,
Ах! ты, мать, государыня моя!

Уж где мне быка привязать?» —
«Привяжи к частоколинке,
И дай ему соломинки:
Трухни трухи сенной!» —

«Ах! трухнула бы те, матушка,
Лихорадка с болестью,
Черная немочь с лихостью:
Ведь, мой бык не сенистой,

Ведь, мой бык не соломистой;
Моему бы быку скляница вина,
На закуску пирога с творогом,
На заедку щей с чесноком».

164. ДЕВКА ГОЛУБЯ КУПИЛА

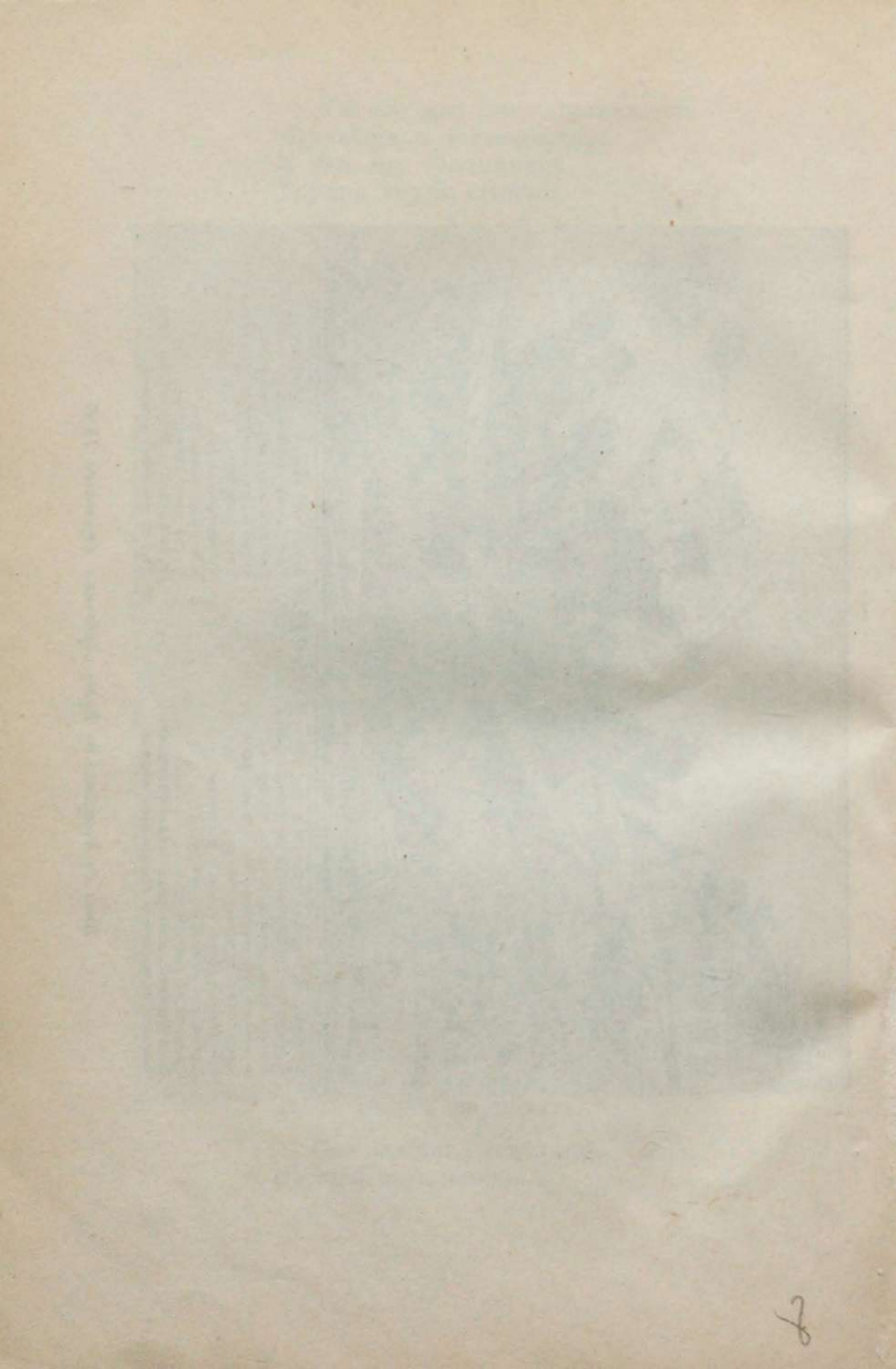
Идет молодец горой,
Зовет девушку с собой.
«Гулю-гулю, голубок,
Гулю-гулю, животок,
Пойдем, девушка, со мной,
Пойдем, красная, со мной;
У нас жить девке добро,
У нас жить да хорошо,
У нас поле альненое,
А другое посконное;
Альненое — на тонкое,
Посконное — на толстое».

Девка по торгу ходила,
Девка голубя купила, (2)
Пятьдесят рублев дала (2)
И подводу наняла, (2)
Пять рублев за то дала;
Привезла его домой,
Посадила на кровать, (2)
Зачал голубь ворковать.

Она всыпала пшеницы,
Налила ему сытицы.

Вниз по матушке по Волге. Лубочная картинка 1859 г.

«Ах, ты клюй, голубь, пшеницу,
«И ты пей, голубь, сытицу!»

Не клюет голубь пшеницы,
И не пьет голубь сытицы.
«Уже шиш, голубь, долой;
Полети, голубь, домой!»

Не летит голубь долой,
Не летит голубь домой.
«Я тогда полечу,
Как тебя полюблю, (2)
За себя возьму!».

165. ПОБОИ МИЛОГО

Собиралися, союталися люди добрые,
Говорили люди добрые речь хорошую,
Что хвалился добрый молодец красной девкою:
«Что люблю я, люблю красну девушку,
Я за одно ее, шельму, буду больно бить,
Что вечер она поздно ко двору пришла».

Он ударил красну девку по белом лицу,
Он разбил ли, раздробил ли лицо белое,
Обкровавил, обруднявил платье цветное;
Обкровавивши, обруднявивши, он превжаснулся:
«Ты не бойся, не пужайся, красна девушка душа!» —

«Не боюсь я, не пужаюсь, добрый молодец;
Я взумею, красна девка, сказать батюшке,
Я взумею, красна девка, солгать матушке:
Как со вечера, моя матушка, дробен дождик шел,
Со полуночи, моя матушка, лютый вдарил мороз;
Я на ту пору, красная девка, богомольная я была,
Я по утру собиралася к обедне итить,
На первой порог ступила — спотыкнулася,
Я разбила, раздробила лицо белое свое,
Обкровила, обруднявила платье цветное усё, —
Я об этом ли, сударь батюшка, слезно плакала».

166. ПОБОИ МИЛОГО

(вариант)

Как у вдовушки-вдовицы,
У молоденькой Дуняши
Были три дочери хорóши:
Одна Даша, другá Маша,
Третья душечка Катюша.
У Катюши друг Ванюша,
Ваня миленький дружéчик,
Размалиновый душéчик.

Он к ней часто в гости ходит,
Он по многу денег носит:
Когда рубль, когда полтину,
Когда синюю бумажку,
Когда синюю бумажку,
Каленкору на рубашку,
На белýю грудь цепочку,
На головушку платочек,
Быть как розовый цветочек,
На рученьку перстенёчек,
Белый стразовый глазочек.

На широкий двор
Ванюша заходит,
С ноги на ногу ступает,
На двор Катю выкликает,
Уму-разуму пытает.
Он ударил Катю в щеку,
Размахнулся во другую,
Во другую, во любую:
«Уж ты стой, Катя, не падай!
Говори речи, не хвастай:
Вечер были у тебя гости,
Были гости дорогие,
То фабричные ребята!»

167. ОТЕЦ ПОСАДИЛ ДЕВУШКУ В ТЕМНИЦУ

Как прошла ли про девицу небылица,
Будто бы я батюшку обессудила,
Родную матушку обесчестила,
Что сама-то я ко милу другу приходила.

Ах, за то на меня батюшка осердился,
Родимая матушка распрогневалася. . .
Что построил мне сударь-батюшка темницу,
Без дверей-то он построил, без окошек;
Что одна только у темницы трубица.

И я стану своего батюшку просити:
«Проруби ты мне, сударь-батюшка, три окошка:
Уж как первое окошко в чисто поле,
А другое-то окошко в сад зеленый,
Ах, как третье-то окошко на сине море!»

Как по утру я, красна девица, рано встану,
Погляжу-то я, красная девица, в чисто поле,
Ничего-то я, красна девица, не видала.
Погляжу-то я, красна девица, в сад зеленый, —
Жалобнехонько в саду пташки распевали.
Погляжу-то я, красна девица, на сине море, —
Как плывет тут, выплывает нов кораблик,
Как на том кораблике мой дружочек.

Я в окошечко милу другу кричала,
Я платочком милу другу махала, —
Как не слышит мой сердечный друг, не видит;
Так я ручушкой милу другу махнула,
В окошечко милу другу поклонилась:
«Ты прости, моя надежа, мил сердечный друг!
Уж как знать, что мне с тобою не видаться».

168. ДЕВУШКА ВЫГНАНА РОДИТЕЛЯМИ ИЗ ДОМА

Милешенька, милешенька своя сторона,
Еще того миляе да красна девица,
Что выкупила молодца из неволюшки,

Из той же из неволюшки из солдатския;
Что выкупу дала девка пятьдесят рублев,
Пропить-проесть дала девка ровно сто рублев,
Туды-сюды издержана ровно тысяча.

«Надеженька, надеженька, мил сердечний друг!
Живем мы с тобою, мил сердечний друг, не теперечи.
Что никто-то нашей тайности, друг, не сведает» . . . —
«Только сведали соседи приближенные,
Сказали на нас, девица, отцу и матушке».

Отец-матушка на девицу воскручинились;
Призывают красну девицу в нов высок терем,
Снимают с красной девицы платье цветное,
Надевают на красну девицу платье черное,
Согоняют красну девицу со двора долой.

Ай, пошла же девица, сама заплакала.
На стречу ей идет молодец —
Надеженька, надеженька, мил сердечний друг.

169. ДЕВУШКА — МАТЬ РЕБЕНКА

Я пойду ли, молоденька,
Во всю темну ночь гуляти,
Во всю темну ночь гуляти,
Своего милого искати.

Я нашла своего милого
В зеленом саду под грушей.
Ахти, горе горевати,
Беду некому сказати!

«Ты не сказывай, девица,
На купчика молодого,
Ты скажи, скажи, девица,
На сержанта полевого!
Буде спросят про сержанта,
Ты скажи: он во походе,
Ты скажи: он во походе,
Да на шведской на границе». . .

Во горнице, во светлице,
Молодой тут писарь пишет;
Перед ним стоит девица,
Его белы руки ломит,
Его белы руки ломит,
Горючие слезы ронит . . .
В колыбелюшке девица
Дитя малое качает:
«Ты баю, баю, дитятко,
Баю, малое родное!
За тобою, за дитятем,
Вся гульба моя пропала,
Вся гульба моя пропала,
Я от купчиков отстала». . .

170. ДЕВУШКА — МАТЬ РЕБЕНКА

(вариант)

Я по садику хожу, хожу,
На цветочки гляжу, гляжу,
Поджав ручевьки, ношу, ношу,
Я по миленьком тужу, тужу.
Поди прочь, не докучай, молодец!
Мне привычно одной пасти овец. . .

Мне скучно весной было одной:
На пригорочке, сироточка, сижу,
С моря на море посматриваю.
Пташка с пташкой перелетывают,
Пташка с пташкой целуются;
Целовались, миловались всякий час;
У меня слезы каталися из глаз.

Я доселева красавицей слыла;
Уж нынече суха стала, бледна,
Иссушила свое белое лицо,
Потеряла свою девью красоту. . .
Иссушил меня детина молодой,
Чернобровый, черноглазый, сердце мой!

Я на батюшка судьбы богу кладу,
На родимую на матушку:
По что батюшко постой частой держал,
Зачем матушка мне волюшку дала,
Что сестра, курва, сосводничала?
Замалешенько быстрешенька была —
Первоучкой паренечка родила,
Другоучкой я девушку.
Уж парила дитятку,
Во парочке на полочке парила.
Уж я бабушке гривенку дала,
Попу-батюшку сорок алтын;
Капитанушку пеганушку свела,
Капитанше подстав голи снесла,
Уж я девушкам по ленточке,
Что по ленточке по аленькой!

171. ДЕВУШКА — МАТЬ РЕБЕНКА

(иного содержания)

Ты, мужик-крестьянин,
Ты не сей пшеницу:
Ярова пшеница
С куколем родится;
Не роди ты, мати,
Бесчастну дитятю:
Бесчастной дитяти
Худо жить на свете.

Ты не смейся, братец,
Чужой сестрице:
А твоя-то сестра
Во лугах гуляла,
Сына породила;
Она гнула люльку,
Что со дубу корку,
А пеленки рвала,
Что с клену листья,
А свивальник драла,
Что с липы лыко.

Как повесила люльку
На белу березу,
Она стала качать,
Прибаюкивати:
«Ты баю, дубовик,
Ты баю, кленовик,
Ты баю, липовичек,
Спи, березовичек!»

Как возговорит дитя,
В колыбели лежа:
«Что не я дубовик,
Что не я кленовик,
Не я липовичек,
Не березовичек.
У меня был отец
Удалой молодец,
Родна матушка была
Красна девица душа».

Как возговорит мать
Своему дитяти:
«Дай бог дитяти
Каменем лежати». —
«А тебе бы, мати,
Горой стояти». —

«Дай бог дитяти
Щукой в море плыти». —
«А тебе бы, мати,
Берегом лежати». —

«Дай бог дитяти
Соколом летати». —
«А тебе бы, мати,
Березой стояти». —

«Дай бог дитяти
Да конем владети». —
«А тебе бы, мати,
В терему сидети
Да на меня глядети».

172. КАБАК И ПРИТОН

Сторона ль ты моя, сторонушка чужедальная!
Я прошел тебя, сторонушка, всю с конца в конец,
Не нашел я в тебе ни отца, ни матери,
Находил в тебе добрый молодец один царев кабак.

Во кабак пошел добрый молодец, словно цвет цветет.
С кабака-то он идет — в чем мать его родила.
Увидала доброго молодца красна девица душа:
«Что зайди, зайди, добрый молодец,
Ты хоть ночку заночуй!» —

«Что боюсь, боюсь, красна девица, изведешь ли ты меня:
Изваляется мое бело тело по подлавичью,
Разнесут мои ли косточки зверья лютые,
Растаскают по чистом полю черные вороны».

173. ВНИЗ ПО МАТУШКЕ, ПО ВОЛГЕ

Вниз по матушке, по Волге,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего в волнах не видно, —
Одна лодочка чернеет.

Никого в лодке не видно, —
Только парусы белеют,
На гребцах шляпы чернеют,
Кушаки на них алеют.
На корме сидит хозяин.
Сам хозяин во наряде:
Во коричневом кафтане,
Во грезетовом камзоле,
В алом шелковом платочке,
В черном бархатном картузе.

Вспомни, вспомни, мой любезный. Лубочная картинка 1850 г.

Уж как взговорит хозяин:
«Мы прогрянемте, робята,
Вниз по матушке по Волге,
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановой здоровью!»

Аленушка выходила,
Таки речи говорила:
«Не прогневайся, пожалуй, —
В чем ходила, в том и вышла:
В одной тоненькой рубашке
И в кумачной телогрейке!»

174. ГЕРОИНЯ ПРИТОНА

Уж вы гряньте, ребяты,
Вниз по матушке по Волге;
Заворачивай-ка, ребяты,
Ко Печоре, ко горе,
К Конопану мужику.

У Конопана мужика
Была дочь хороша,
Свет Графенушка душа.
Никто Грушеньку не любит,
Никто замуж не берет.
Полюбил Грушу детина,
Иванушка сиротина,
Живот-сердце заразил.

Мне Мартын дал пять алтын,
Степан — восемь алтын,
А Егор на задор — полтора рубля на стол.

Груня по торгу ходила,
Груня голубя купила,
Груня голубю гороху дала.
Он гороху не клюет,
Таки речи говорил:
«С двора голубь улечу,

Три беды с двора снесу:
Что первую беду —
Коней пару уведу,
А другую-то беду —
Тебя, Груня, увезу,
Что третью-то (беду) —
И хоромы-то сожгу!»

175. КУЛАЧНЫЙ БОЕЦ, ДРУГ ДЕВУШКИ, УБИТ

Заваруй, варуй, варуйко,
Сила маленькой детинка,
Проложил Сила дорожку
Мимо валу землянова,
Мимо саду зеленова,
Архирейскова большова,
Во Чудинскую слободку,
Ко Чурилову подворью,
Ко Варварину здоровью.

А Варвара залежала,
Платом голову связала.
Приезжали, навещали
Трое сани с козырями;
Привозили, приносили
Трои дороги подарки: —
Ах! как первые подарки —
Шестьдесят аршин китайки;
А другие-то подарки,—
Пятьдесят аршин гризету,
Голубова, дорогова;
Ах! как третьи-то подарки —
Золотой водки два штофа:
«Ты вставай, душа Варвара,
Оправляйся мое сердце!»

Ко второму часу ночи
Не звезда с неба упала,
Весть Варваре перепала,
Заваруюшки не стало:

На бою Силу убили,
Со раскату застрелили,
Молодцово платье сняли!

Тут Варварушка вставала,
Пятьдесят рублев хватала,
Силе платье выкупала:
«Я те, Сила, говорила,
Не водись, Сила, с ребятам,
Со двужильными со браты;
Не теперешние воры,
По ночам часто ходили,
Они окна выбивали,
Они окна выбивали,
Красных девок доставали,
Доставали, целовали».

176. МОЛОДЕЦ СМАНИЛ И ХОЧЕТ БРОСИТЬ ДЕВУШКУ

Ты, дуброва моя, дубровушка,
Ты, дуброва моя зеленая,
Ты к чему рано зашумела,
Приклонила ты свои ветви?

Из тебя ли, из дубровушки,
Мелки пташечки вон вылетали;
Одна пташечка оставалася —
Горемычная кокушечка.
Что кокует она и день, и ночь;
Ни на малый час перемолку нет.

Жалобу творит кокушечка
На залетного ясного сокола:
Разорил он ее тепло гнездо,
Разогнал ее малых детушек
Что по ельничку, по березничку,
По часту леску, по орешничку.

Что во тереме сидит девица,
Что во вы́соком сидит красная

Под косящатым под окошечком;
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.

Жалобу творит красна девица
На заезжего доброго молодца,
Что сманил он красну девицу,
Что от батюшки и от матушки,
И завез он красну девицу
На чужую дальну сторону,
На чужую дальну незнакомую;
Что завезши, хочет кинути.

177. ДЕВУШКА ПОДАЕТ ЖАЛОБУ НА МОЛОДЦА

Кручинушка, кручинушка красной девицы,
Что любил меня мил сердечный друг, да он покинул,
Красоте моей, разбестия, насмеялся.

Я пойду ли, красна девица, во Тверь город,
Я куплю же лист гербовыя бумаги,
Напишу ли я на молодца челобитну,
Я подам ли её московским сенатóрам:
«Уж вы, ой еси, московские сенатóры,
Рассудите меня с молодцем по правде,
Что по истинному по крестному целованию!»

А и как взговорят московские сенаторы:
«Уж ты глупа, красна девица, неразумна,
Променяла ты свой ум-разум на безумье!
Не сама ли ты за молодцем ходила,
Не людей ли ты за молодцем засылала?» —
«Не сама же я за молодцем ходила,
Уж сам же молодец за мной ходил!»

178. ДЕВУШКУ ОТДАЮТ ЗАМУЖ

Светик Танюшка злосчастна
Уродилася бессчастна;
Не знаю, как быть, во несчастье жить;

Во несчастье младой жить,
Печаль-горе отложить.
Не буду тужить и себя не крушить.
О пустом тужить не стану,
Скоро плакать перестану.
Пущай люди бают, пущай говорят,
Пущай, пущай говорят,
Что извадилась гулять,
Многих приучила холостых робят,
Да что многих приучила
И каждого иссушила, —
Все это пустое, наносны слова!

Не боюсь я пустых слов,
Пошлю к милому послов,
Чтобы побывал, хоть на малый час.
Идет милый ко двору,
Огородом в вечеру;
Ручкою махнул, головкой качнул.
Я, увидевши милого,
Не стерпя часа такого,
В зелен сад пошла, к милому зашла.
Поклон милому отдавши,
Целовалися, обнявши,
Севши на траву, под яблонь в саду.
Я сама себя сгубила —
Другу тайность объявила,
Что многих люблю холостых робят.

Пошел милый, рассердился,
Со мной, бедной, не простился,
Только он сказал, что «впредь не жди».
Потом стала не мила,
Что совесть ее худа:
«Постоянства нет, ко мне верности!»

Ох, отец Ташу бранит,
Ходить в вечеру к милаго двору
И гулять ей не велит.
«Учить больше я не стану,

Отдать замуж я не чаю,
Нету жениха, нету жениха;
Хотя б чорт дал жениха
Да старого мужика,
Отдал бы я дуру, не стал бы держать!»

Приезжал мужик богатый,
Что богатый тароватый,
В девяносто лет, хоть люби, хоть нет.
«Свету белого отстану —
С бородой любить не стану,
Либо утоплюсь, либо удавлюсь!»
Как проведал Яшка Свинин,
Отдают, что Ташу силой,
Скоро подбегал, ночку ночевал;
Да он ночку ночевал,
Колечушком подарил:
«Не плачь, не тужи,
Светик ты моя, возьму за себя!
Не достанься никому,
Только мне одному!»

179. ДЕВУШКА СКРЫВАЕТ ОТ ДРУГА, ЧТО ОНА СГОВОРЕНА

Как я нонче, добрый молодец, всею ночь не спал,
Все ходил-гулял, все пригуливал
Ко девичьему новому терему,
Ко тому-то было ко крылечку ко точеному,
Ко тому-то было ко окошечку, окошку крашеному.

Я стуку-то, стуку во окошечко золотым перстнем:
«Ой, да ты дома ли, раздушенюшка,
Да ты, красная девушка?
Как и что у тебя, у красной девушки,
С вечера огонь горел?
Как и кто у тебя, у красной девушки, за столом сидел?
Перед кем же ты, красная девушка,
Так-то слезно плакала?»

«Что огонь-то горел у меня, красной девушки,
То я дело делала!
За столом-то сидел у меня, у красной девушки,
Родимый батюшка мой;
Как журил-то, бранил меня родимый батюшка
За худы дела;
Перед ним-то ли я, красная девушка,
Так-то слезно плакала». —

«Ой, да ты лжешь, красная девушка,
Лжешь ты, облыгаешься!
Что огонь-то горел у тебя, у красной девушки,
То у тебя сваты были;
За столом-то сидел у тебя, у красной девушки,
Твой новый полюбовничек;
Перед ним же ты, красная девушка,
Так-то слезно плакала!»
Как и тут-то молодец возвел свою руку правую,
Да и ударил же добрый молодец красную девицу
В щеку левую.

180. ДЕВУШКА РАЗЛУЧЕНА С ДРУГОМ, ВЫДАНА ЗА ИНОГО

«Вспомни, моя любезная, мою прежнюю любовь!
Как мы с тобой, моя любезная, погуливали,
Ночи темные, осенние просиживали,
Тайные речи, моя любезная, говаривали»... —
«Тебе, мой друг, не жениться, а мне замуж-от нейти.
Женись, женись, мой любезный, за тебя замуж пойду»...

В чистом поле при раздолье новый высок терем стоит,
Во тереме во высоком девушки песенки поют;
Знать, что мою хорошую сговаривают,
Сговаривают, собирают, замуж отдают.

Середь дворца стоит крыльцо раскрашено хорошо;
С того крыльца ведут к венцу расхорошую мою:
Жених ведет за рученьку, дружко за другу,
Третий стоит, сердце болит: любил, да не взял.

Поил, кормил хорошую, всё прочил себе,
Доставалась моя хорошая иному — не мне,
Иному — не мне, не товарищу мому́, —
Доставалась моя хорошая лиходею моему.

«Постой, моя хорошая, поговорим мы с тобой!» —
«Я бы рада с тобой говорити, жених не велит». —
«Хорошая, пригожая, хоть платочек урони!» —
«Я бы рада уронила, платка в руках нет». —
«Хорошая, пригожая, с руки перстень урони!» —
«Я бы рада перстень уронила, в пыли запылишь». —
«Постой, моя хорошая, простимся со мной». —
«Я бы рада с тобой простилась, кони не стоят,
Извозчики малёшиньки не сможут сдержать,
Лакеюшки с похмельюшка, головка болит».

181. ДЕВУШКА РАЗЛУЧЕНА С ДРУГОМ, ВЫДАНА ЗА ИНОГО

(вариант)

Вечор поздно вечером беседушка шла,
Шла-прошла беседушка, сударка была;
Сударка была, рядом сидела,
Чай-водку пила, случилась хмельна,
Случилась хмельна, пару слов дала,
Пару слов дала: «Я буду твоя,
Я буду твоя, неразлучная!»

В вечеру позднешенько — сговореная,
По утру ранешенько — увезеная!
Жалко мне сударушки, что замуж идет;
Большая досадушка: товарищ берет,
Товарищ берет, рядышком живет;
Он рядом живет, через один забор,
Через один забор, окошком на двор,
Окошком на двор, крыльцо под окном.
В окошко гляжу: сударка идет,
Сударка идет — сердечко замрет.
Что назад пройдет — сердце отойдет!

182. ЛЮБЯЩУЮ ДЕВУШКУ ОТДАЮТ ЗА СТАРИКА

Я ласточкой прилетала, я касаточкой увивалась,
Я давно, давно со милым не видалась.
Я увиделася, возрадовалась,
Я на шеюшку к милу дружку бросалась,
Я из горницы в горницу ходила,
Я из шкапчика графинчик вынимала,
Я стакан водки наливала,
Я милу-то дружку подносила:
«Ой, ты пей, моя надежда, не спивайся,
На меня, на красну девку, не надейся:
Уж я девушка сговорёна».
Сговорил меня батюшка родимый
За того ли человека, за старова.
Уж и мне ли, красной девке, не хотелось,
Мне хотелось, красной девке, за милова,
Я с которым в девушках водилась,
Золотым витым колечушком дарила.

Как за это меня матушка бранила:
«Ох, ты курва, б..., негодяйка!
Ты куда с руки колечушко девала?» —
«Уж я, матушка, виновата:
В зеленом саду, матушка, гуляла,
Я белу́, белу́ капустушку полола,
Золото колечко обронила;
Нелюбимая подружка находила,
Свово прежнего любовничка дарила».

183. ДЕВУШКА ВЫХОДИТ ЗА ТОГО, КТО ПОЙМАЛ ЕЕ ВЕНОК

А рано, рано пава летала.

Припев: Згукните молодцы, згукните,
Подайте голосу, подайте!

А раньше того Татьяна вставала.
Татьяна вставала, перья сбирала,
Перья сбирала, в рукавок клала,
В рукавок клала, в веночек вила;

Звивши веночек, на голову вздела;
На головку вздела, на Волгу пошла.

Откуль взялись буйные ветры,
Сорвали у ее перловый венок,
Покатили его а в Дунай реку.
Откуль взялись три рыболовы.
«Вы, рыболовы, вы, молодые,
Достаньте ж вы мой перловый венок!
Который достанет, за того ж замуж пойду!»

Первый же скочил — тот не схватил,
А другой скочил — дальше потопил,
А третий вскочил — веночек схватил.
«Во за этого ж я и замуж иду!»

184. МОЛОДЕЦ, ПОПЛЫВШИЙ ЗА ВЕНКОМ ДЕВУШКИ, ТОНЕТ

Во саду девки гуляли,
Во саду красные гуляли,

Припев: Калина, малина!

И цветики сорывали,
И венки совивали.
Они самы загадали,
В быстру реку кидали:
Кто веночек поймает,
За того замуж выду.

Где ни взялся молодчик
Из Суровского ряду;
Он в коришневой бекеше
И в пуховой-то шляпе,
В полотняной сорочке,
В шитой жилетке,
Он в козловых сапожках,
В бумажных чулочках.

Разувался, раздевался,
В быструю реку кидался;

Венок уплывает,
Молодец потопает;
Венок-то повернулся,
Молодец захлебнулся.
«Охти! согрешила,
Молодца потопила,
А себе не получила
И людям не вручила».

185. ДЕВУШКА НЕ ХОЧЕТ СТАРОГО МУЖА

Во саду, былю во вишенье,
Во зеленом виноградьице
Что стояла светла светлица;
Что дверьми она на улицу,
А окошками в зеленый сад,
А крылечьком на широкий двор.

Что во той ли светлой светлице
Что сидела красна девица-душа.
Она плачет, что река льется,
Возрыдает, как ручьи текут,
Ко ларчику припадаючи,
Ко оковану причитаючи:

«Ах, ты, ларчик, ты, мой ларчик дорогой,
Окованная коробочка моя!
Потеряла твои золоты ключи
И со шелковым со поясом.
Еще кто-бы мои ключики нашел,
За того бы я замуж пошла!»

Идет улицею старый муж,
Он и поясом помахивает,
Золотым ключом побрякивает.
«Пропадайте, мои золоты ключи
И со шелковым со поясом!
Я нейду, нейду за старого замуж,
Ни отнюдь и не подумаю,
Никого в том не послушаю!»

186. СТАРЫЙ ЖЕНИХ — ГЕРОЙ

Как по тихому было
У нас по Дунаю,
По крутому было бережку
Тут ходят и гуляют
Удалые молодцы;
По другую сторонушку —
Красны девицы-души́.

Как одна из них девчонка
Всех смелей она была,
Всех она вот посмелее и повежливее:
Через тихий Дунай
Она голос подала:
«Кто ж бы, кто ж бы, ребятушки,
Посмелее из вас был:
Кто ж бы тихий Дунай переплыл,
За того ж бы я, красная девка,
За того б замуж пошла!
Ни за чем бы, красная девка,
Не разгадывала:
Ни за старость, ни за младость,
Ни за бедностью его».

Выбирался старичишка-стар,
Седа уж его борода.
Он скидает и бросает
Цветно платьице с себя,
Он кидался и бросался
Во Дунай быструю реку.
Он плывет-всплывает,
Точно серый селезе́нь;
Он головушку несет,
Точно лебедь молодой.
Подплывает старо́й,
Ко крутому бережку.

Тут и красная девка
Испугалася его,
За подруженек своих бросалася.

«Уж вы, девушки-подружки,
Сберегите вы меня
От такого от старого,
От седой уж его бороды!»

187. ДЕВУШКА ВЕНЧАЕТСЯ ТАЙКОМ

За реченькой слобода
Не велика, не мала,
Всего сорок три двора;
Как от края третий двор —
Там вдовушка живет;
У вдовки дочка хороша,
Пропадала всею ночь.

Во самую во полночь
Пошла вдовка дочь искать, —
Навстречу ей молодец,
Всему городу купец.
«Не видал ли, молодец, моей дочери?» —
«Уж я видел твою дочь:
Во Климовом селе
Стоит церковь на бугре;
В этой церкви она стоит
По плечь с разудалым молодцом, —
Обручается венцом,
Переменяется кольцом».

VII. НЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Молодуха в семье мужа. Лубочная картинка 1862 г.

10

188. ПОСЕЩЕНИЕ РОДНОГО ДОМА

Как клонилася калина
К сладкой ягоде малине;
Собиралася сестрица
Ко родному братцу в гости.

Уж как брат глядит в окошко,
А невестка во другое,
Уж как братец-от тут молвит:
«Дорогая гостья едет!»

А невестушка та молвит:
«Уж как чорт это не гостья,
Из иной избы то кошка,
Уж как ета бы да гостья
Хоть бы весь век не бывала;
И двора б моего не знала,
Ко двору б следа не клала!»

К воротам сноха выходит,
Выкликает злых собачек:
«Улю-лю-лю, вы, собачки,
Улю-лю-лю, вы, борзые,
Улю-лю-лю, вы возьмите,
Улю-лю-лю, разорвите,
Ее кости размечите!»

Как пошла де су сестрица;
И слезами залилася,
Во слезах речь говорила:
«Пропади, моя сторонка,
Зарасти, моя дорожка,

Что травою-полыньею
И цветами пустоцветом!
Ты прости, прости, мой братец!
Уж как дай же, боже, братец,
Хоть бы век мне не бывати,
И двора б твоего не знати,
К двору следа не класти!»

189. ПОСЕЩЕНИЕ РОДНОГО ДОМА

(иного содержания)

Калинку с малиною вода поняла;
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись с разумом, замуж отдала,
Замуж отдала за неровнюшку,
За неровнюшку, в чужу сторону,
Во чужу сторонушку, во лиху семью.
Чужая сторонушка без ветру сушит;
Чужой отец с матерью без дела бранят;
Посылают меня, молоду, во полночь по воду.
Зябнут, зябнут ноженьки, у ключа стоя;
Прищипало ручиньки к коромыслицу;
Текут, текут слезоньки по белу лицу;
Утираю слезоньки белым платком.

Не буду я к матушке ровно три года;
На четвертом годике пташкой полечу,
Горькой я пташечкой кукушечкою.
Сяду я у матушки в зеленом саду
На любиму яблоньку на матушкину.
Горькими слезами я весь сад потоплю,
Тяжелыми вздохами весь сад посушу;
Закукую в садике жалобнехонько;
Горькими причетами я мать разбужу.

Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
«Вставайте, невестушки, голубки мои!
Что это за чудо у нас случилось?
Что у нас зеленый сад без ветру посох?

Без дождя без сильного садик потонул?
Что у нас во садике за пташка поет,
Жалобною песенкой сердечушко рвет,
Ретиву сердечушку назолу дает?»

Большая невестушка возговорила:
«Что это за пташечка, пойдем, поглядим!»
Середня невестушка: «Пойдем, изловим!»
А малый-то братец: «Пойдем, застрелим!»
Жена ему молвила: «Пташечки не бей:
Пташечка кукушечка — сестрица твоя;
Прилетела горькая с чужой стороны,
Со чужой сторонушки, из лихой семьи!» —

«Али ты безумная? Сестрица моя —
Белая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяюшка, худа и бледна!» —
«Оттого худа-бледна — в чужой стороне:
На чужой сторонушке плохое житье!»

190. МОЛОДУХА НЕ БОИТСЯ МУЖА

Ой, на улице воробышек попрядывает;
Уж он девушек, молодушек на улицу зовет:
«Уж вы, девушки, молодушки, сходитеся играть,
И скакать, и плясать, и в ладоши трепать!»

Вот девушки говорят: «Нам своя воля гулять, —
Отцы-матери велят, не заказывают,
Не заказывают — все приказывают».
Молодушки говорят: «Нам нет воли погулять,
Нам нет воли гулять, — нам мужья не велят,
Нам мужья не велят, все приказывают,
Все приказывают и заказывают...»

Уж я мужнину грозу в узелочек завяжу,
В узелочек завяжу, в уголочек положу,
В уголочек положу, а сама гулять пойду;
Где узел-то лежит, там угол задрожит...

Прихожу я ко двору, — лежит свекор на полу;
Лежит свекор на полу, — я ногою топону,
Я ногою топону и под лавку скопону.
А свекруха на печи — ровно сучка на цепи;
А деверья, как кобелья, — по подлавочью лежат,
По подлавочью лежат, по собачию рычат;
А золовки-колотовки против печки стоят;

А мой миленький дружок, он на лавочке лежит;
Он на лавочке лежит, одну речь говорит:
«Ой, и полно вам, собаки, на мою жену рычать,
На мою жену рычать и кутить, и мутить,
И кутить, и мутить, наговаривати!»

191. МОЛОДУХА НЕ БОИТСЯ МУЖА

(вариант)

Ах, по сеням-сеням,
По новеньким
Ходила-гуляла
Свекровка лютая.
Будила-журила
Сноху свою:
«Невестушка, встань,
Голубушка, встань!»
Невестка вставала,
Порыкивала,
С постели подушки
Побрасывала:
«Ах, что за житье, —
Все рано вставай,
Да поздно ложись!»

Ах, по сеням-сеням,
По новым сеням
Ходила-гуляла
Матушка родная,
Журила-бранила
Сына своего:
«Ах, что ты за сын,

Что за семьянин?
У нас на дворе
Не очень вдобре:
Конюшни раскрыты,
Кони сведены;
Не бьешь ты жену,
Не учишь молоду».

Он взял с крюка плеть,
Повел жену в клеть,
Он бьет по подушкам, —
Сказал: «по женушке»,
Он бьет по щепам, —
Сказал: «по щекам».
Матушку утешил,
А жену не зувечил.

192. МОЛОДАЯ ЖЕНА УХОДИТ ГУЛЯТЬ ОТ СТАРОГО МУЖА

Елинка, елинка, ты меня высушила
И сердце во мне вызнобила,
Мне, младой-младешеньке, за угрюмым живучи!
Что угрюмый муж — да неровня мне,
Не пускает младешеньку на улицу гулять.

Я, млада-младешенька, гульливая была, —
Прялочку взяла, сама в беседушку пошла.
Петухи пропели, — сижу, молода;
Другие пропели, не подумаю идти;
Третьи вспели, заря взошла,
Я, млада-младешенька, домой пошла.

По двору ходит лютой свекор.
«Ты, батюшка-свекор, проводи меня домой!» —
«Подь, подь, невестка, не бойся ничего:
Спит твой муж, не пробудится».
Я, млада-младенька, во горенку вошла;
Прялочку под лавочку, башмачки под кровать,
И я скок на кровать.

Стал мой угрюмый пробуждаться:
«Ты, душечка жена, не теперь ли пришла?» —
«Ты, старый чорт, не бредишь ли?
Седая борода, не во сне ли говоришь?
Я хочу вставать, хочу горенку топить,
Хочу щи и кашу варить,
Тебя, старого, кормить!» —
«Спасибо ты, жена, не забыла ты меня!» —
«Как тебя забыть, коли нельзя избыть,
Коли нельзя избыть, коли чорт накачал!»

193. МОЛОДАЯ ЖЕНА УХОДИТ ГУЛЯТЬ ОТ СТАРОГО МУЖА

(вариант)

Ох, кумушки, голубушки,
Сестрицы мои, подруженьки!
Сойдитеся, соберитеся,
В одно слово сговоритеся,
Говорите речь-пословицу.

Что у вас мужья молодые,
Как ягодки налитые,
У мине, молодой, старичище,
Седая у его бородища.
Сам на вулицу не ходи(т),
И мине, молоду, не пущае(т),
Не пущае(т)-пригрущае(т),
У клеть на ночь запирае(т),
Замочками замыкае(т),
Замочками нутряны́ми,
Ключиками золоты́ми.

А я, молода, игрелива,
Мостовину проломила,
Я уходами уходила,
Я уездами уезжала,
Усю но́чушку проиграла:
Я с вечера до по́лночи,
Со полуно́чи до бела́ света,
Со бела света я до обеда.

Пришла двору нездорова.
У мине горенка не топлёна,
Дежá хлеба не мешена,
Коровушка не тéшена,
Дровец нету ни палочки,
Водицы нет ни капельки.

Пойду молода за водою,
Возьму старого с собою,
Усажу в пролуб головою:
«Оставайся, чорт с тобою,
А я, молода, удовою,
Мои детушки сиротáми».

194. ЖЕНА РАСПРОДАЕТ ХОЗЯЙСТВО НА ПОКУПКУ УКРАШЕНИЙ

Мой муж не пахáрь,
А я, молода, не пряха,
Замáшная рубаха,
Пенечные рукава,
Деружные паликá.

Как поехал муж пахать,
А я, молода, села прясть
Под вышним оконушком,
На вышней на лавочке.

Я — глядь-поглядь, молода,
У вышние воротá:
Как со вышних со ворот
Приехали торгаши,
Ребятушки хороши,
Усе с мылами, с белилами,
С разными с румёнами;

Узъезжали к нам на двор,
Становились под окном,
Усходили на терём.
Я за мыла — кобылу,

А за румёна — корову,
За белила — скирд овса.

Приехал муж с по́ля:
«Иде, жена, кобыла?» —
«Сударь, поить водила,
У трясинушки утопила». —

«А йде, жена, корова?» —
«Ох, ты муж же, муженёк!
Глупо́й у тебе разумок:
Я у стадичко прогнала —
Из стадичка пропала». —

«А йде, жена, скирд овса?» —
«Ох, муж же ты, муженёк,
Плохой у тебе разумок!
С лучинкою ходила —
Я скирд овса спалила». —

«А йде, жена, попелок?» —
«Ох, муж ты, муженёк,
Глупой у тебе разумок!
Как поднялси ветерок,
Разнес увесь попелок!»

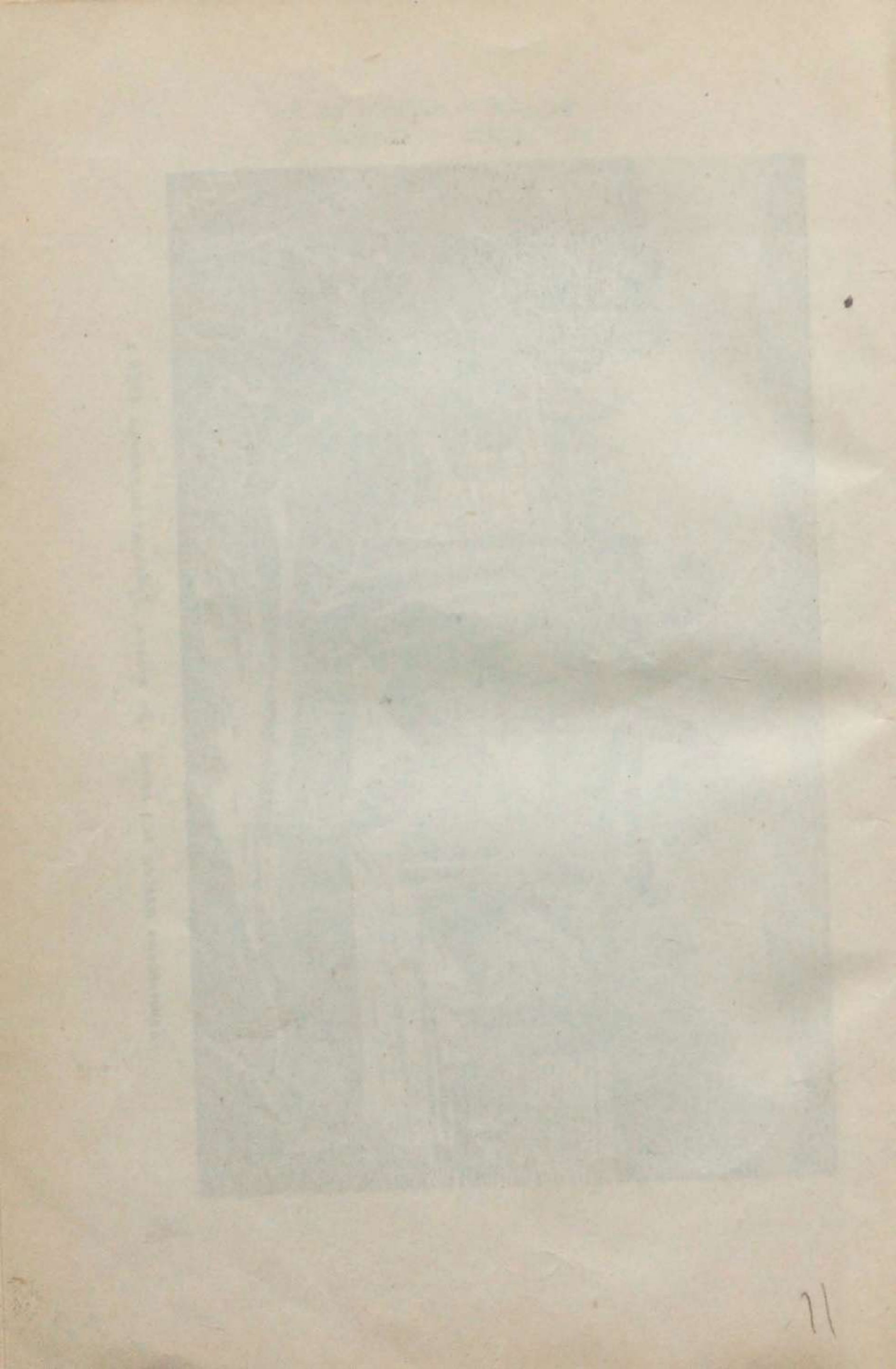
195. ЖЕНА МОДНИЦА И НАСМЕШНИЦА

Мужик пашеньку пахал,
Сам на солнышко глядел.
«Уж как все люди поели,
Все позавтракали;
А моя курва жена
Долго есть не несет.

Уж я выпрягу лошадку,
Да поеду домой».
Муж подходит ко двору,
Жена ходит по двору,
Жена беленая,
Нарумяненая.

Деревенская пляска под пение «Во лузях». Лубочная картинка 1869 г.

«Уж ты где, жена, была,
Где, сударыня, была?» —
«Я была, сударь, была,
У соседа во гостях». —
«Что ты, женушка, пила,
Что, сударыня, пила?» —
«Я пила, сударь, пила
Сладку водку да вино.
За твое, сударь, здоровье
Стакан водки выпила». —
«Ну, спасибо те, жена,
Не забыла ты меня!» —
«Как же мне тебя забыть?
Я не знаю, как изжить!»

Как жена мужа любила —
В тюрьме местечко купила,
Полтора рубля дала
И подводу наняла.
«Вот те, милый муженек,
Особливый уголок!
Не паши, не ори,
Только руку протяни,
Христа бога помяни!»

196. ЖЕНЫ ПОКУПАЮТ ВОЛЮ НАД МУЖЬЯМИ

Летел голубь, (2)
Летел голубь через город, (2)
Ион нес вести,
Ион нес вести до невесте:
«Вы, девушки,
Вы, девушки, вы, подружки,
Мы складемся,
Мы складемся по полтине,
По полтине, по холстине.
Мы пойдемте,
Мы пойдемте к воеводе:
«Воевода, воевода,
Воевода, царь господский!
Ты дай воли,

Ты дай воли на три годы,
На три годы,
На три годы, над мужьями!» —
  «Не дам воли,
Не дам воли на три годы,
На три годы, над мужьями, —
  Я дам воли,
Я дам воли, на полгода,
  На полгода,
На полгода, над мужьями!» —
  «Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
  Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,
  Но я буду,
Но я буду погоняти
  Чапельнищем,
Чапельнищем по бельмищам,
Помельнищем по ребрищам,
    Я поленом,
Я поленом по колену».

197. МУЖ НЕВЕЖА

Вы раздайтесь, разодвиньтесь, добрые люди,
Уж вы дайте ж мне, младеньке, погуляти,
Мне лазоревых цветов сорывати,
Мне шелковые травы да потоптати,
Пока батюшка-сударь замуж не выдал
За того ли за детину, за невежу!..

  На кабак идет невежа, — тужит-плачет,
С кабака идет невежа, — свищет-гаркат,
К широку двору походит, — восклицает:
«Уж как дома ли жена да молодая?
Отворяла бы широкие ворота!»

  А как я ли, молоденька, тороплива:
Поскорешеньку с постелюшки вставала,
На босу ногу башмачки надевала,

Я двором-то бежала, поспешала,
Я покрепче ворота запирала,
Посмелее со невежей говорила:
«Ты ночуй, ночуй, невежа, за вороты!
Вот те мягкая перина — белая пороша,
Шитый браный положек — частые звезды,
А высокое изголовье — подворотня,
Соболино одеяло — лютые морозы!
Каково тебе, невежа, за вороты,
Таково мне, молоденьке, за тобою,
За твоею за удалой головою!»

198. МУЖ НЕДОРОСТОК

Ой куда мне недоросточка
Куда дети?
Положу я недоросточка,
Спать от стенки, —
От стенки недоросточек,
Он озябнет.
Ой куда ж мне недоросточка
Куда дети?
Положу я недоросточка
К середечку, —
У середечке недоросточек
Задохнется.
Ой куда ж мне недоросточка
Куда дети?
Положу я недоросточка
Спать от краю, —
Да от краю недоросточек
Расшибется.
Ой куда ж мне недоросточка
Куда дети?
Заверну я недоросточка
В дерюженку,
Положу я недоросточка
В теleженку,
Запрягу я недоросточку
Лошаденку,

Повезу я недоросточка
В чисто поле,
Во чисто поле,
На раздолье,
Привяжу я недоросточка
Ко березе.

199. МУЖ НЕДОРОСТОК

(вариант)

Я у батюшки манешенек родился,
Я у матушки глупешенек женился,
Я привел жену молодую,
Словно ягодку в лесе боровую,
Словно яблочко в саду налитое.

Молодая-то жена меня не взлюбила,
Негодяем-то меня она называла:
«Ты пойдем-ка, негодный,
Пойдем к тестю в гости,
К тестю в гости, к тестю в гости,
К теще побывати!»

А пришлося негодяю мимо идти рощи.
Привязала негодяя к белой березе,
А сама-то ли пошла загуляла,
Ровно девять денечков к нему не бывала.
На десятый-ет денечек жена стосковалась,
Стосковалась, стосковалась, стала тужить-плакать:
«Сходить было, подти к негодяю!»

Не дошедши негодяя, жена становилась,
Низехонько ему поклонилась.
«Хорошо ли ти, негодный, в пиру пировати?» —
«Государыня-жена, мне-ка не до пира:
Мне соловушки головушку всее пробили,
Мне комарики плечики искусали,
Мне муравушки ножки обточили!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня кормить хлебом?» —

«Государыня-жена, стану калачами!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня поить квасом?» —
«Государыня-жена, все стану сытою,
Я сытою, сытою, сладкой, медовою!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня пущать в гости?» —
«Государыня-жена, ступай хоть и вовсе!»

200. МУЖ НЕДОРОСТОК

(иного сложения)

Промеж двух белых берез
Речка протекала.
Ох, река, река протекала, (2)
Вода холодна́я, (2)
Э, холодна вода, водица, (2)
Вода ключевая. (2)
Ох, нельзя, нельзя,
Воду пити, (2)
Нельзя ее почерпнути; (2)
Ох, нельзя, нельзя,
Жону бити, (2)
Нельзя ее поучити.(2)
Эх, уж я бил-то жону час, (2)
Сам плакал неделю. (2)

Эх, расхорошая только хозяйка
Мужа не взлюбила,
Ой лю́ли-полю́ли, мужа не взлюбила. [1]
Позвала-то жена мужа,
Она к тестю в гости,(2)
К теще пировати,
Ой лю́ли-полю́ли к теще пировати.
Им пришлось-то идти,
Идти мимо рощи.
Обманула она, провела
В берези́ву рощу.

---

[1] Далее припев в таком виде повторяется.

Распоясала с негоднóво
Она шелков пояс.
Привязала она негоднóво
Ко белóй березе.
Привязамши она негоднóво
Пошла загуляла.

Ровно девять-то денечков
К нему не бывала.
На десятый-от денечик
Тоска обуяла,
Тоска-скука обуяла,
Пошла побывала.

Не дошомши свово негоднóво,
Она остановилась.
Подошла я к любезному,
Низко поклонилась.
Уж я все-то ли про все
Ево доспросилась.

«Хорошо ли тебе, муж негодной,
В пиру пировати,
Што в пиру-ту пировати,
Во гостях гостити?»

«Расхорошая жена-хозяюшка,
А мне не до пиру!
Мне твое-то пированье —
Одно гореванье.
Мне солóвашти головку
Дó мозгу пробили.
Эх, комарики-сударики
Плечá искусали.
Мне сухие-то сучечки
Бока проломали.
Мне ползучи муравли
Ножки . . . и!» —

«И эх, отвяжу тебя я, негодной,
С большим с уговором,

С уговором тебя, с уговором,
Со низким поклоном.
Уж ты будешь ли меня, негодной,
Меня кормить хлебом?» —
«Расхорошая моя хозяйка,
Стану калачами!» —
«Уж ты будешь ли меня, муж негодной,
Меня поить квасом?» —
«Расхорошая моя хозяйка,
Я буду тебя сытою,
Я сытою, я сытою, сладкой, медово́ю!» —
«И эх, уж ты будешь ли меня, негодной,
Меня пущать в гости?» —
«Расхорошая моя хозяйка,
Ступай хоть и вовсе!» —
«И эх, уж я вовсе не гожуся,
Назад ворочуся,
С милым распрощуся!»

201. СТАРОГО МУЖА ПОЛОНИЛИ ТАТАРЫ

Вечер млада-младешенка я пьяна была,
Не помню я, младешенка, домой как пришла.
Пришла млада-младешенка к чюжим воротам.
Добро было подворьецо, старуха лиха!

Как жить было с милым другом, старик разлучил.
Приехали татарова, полонили старика.
На конь стара посадили, то — радость моя!
Под конь ноги подвязали — веселье мое!
Назадь руки повязали — хи-хи да смехи!
Подле лесу поехали — кручина моя:
Зацепитца, оторветца, домой прибежит,
Меня младу-младешенку прибьет, прижурит,
С милым другом младешенку в конец разлучит.

202. СТАРОГО МУЖА ПОЛОНИЛИ ТАТАРЫ

(ВАРИАНТ)

Уж я по полю хожу,
Я по чистеньком гуляю,

Что не ўси цветы, гляжу,
Что хорошо расцветаются;
Одного я й не вижу
Багрового василечка:
Ти его ж то ребяты
Да косами поскосили, (2)
Да косами поскосили,
За шляпами позносили?
Ти его ж то девочки
Да серпочками посжали, (2)
Да ўвеночки ўвивали, (2)
На головушку ўскладали, (2)
К обеденке ходили?

Я пó торгу хожу,
Я по рыночку гуляю,
Я усих людей вижу,
Что хброшо пьют-гуляють;
Одного я не вижу
Свойго милого дружочка:
Ти его ж то татары,
Да татарушки й узяли, (2)
Ему рученьки звязали, (2)
Ноженьки сковали?

Что не жаль же мне,
Что татарушки узяли,
Только жаль мне того,
Что не крепко звязали:
А ион вырвется, ўтекеть,
Мне головушку набьеть!

203. МУЖ БОГАТЫЙ ВЕЛИЧАЕТСЯ И БЬЕТ ЖЕНУ

Уж ты, сад ли мой, садочек,
Зеленое мое виноградье!
Уж я день под тобою простояла,
И я с батюшкой речи говорила:
«Государь ты мой, батюшка родимый,
Не отдавай ли меня, батюшка, младу замуж,

Как рябина. Снимок со столбца Приказного стола 1699 г.

Не гляди, мой батюшка, на богатство,
Не с богатством жить, — с человеком,
Не с высокими хоромами, — с любовью,
Не с частыми перерубами, — с советом,
Как богатство, мой батюшка, во клетке,
А мое цветно платьице на стенке». . .

А лежит мой ревнивый муж на лавке,
Заставляет меня старый разувати;
Только я за сапог, он в щеку,
Только я за другой, — он в другую;
Как и я-ли, молода, не смолчала,
Рассукиным сыном называла:
«Ты рассукин сын, расканалья,
Не нашедши вины, стал увечить!»

204. ЖЕНА СМИРЯЕТ СТАРОГО МУЖА

Поиграйте вы, девушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во свою волю у батюшки,
Что во неге у матушки,
Во прохладе у братьицев!
Неравно замуж выйдется,
Неравен чорт навяжется,
Неравен накачается:
Либо старое уродливое,
Либо молодо спесивое,
Либо в ровню упрямчивое!

У меня, младой, старый муж,
Поперек постели лежит,
Восупор со мной речи говорит,
Раздевать, разувати велит,
Балахон с плеч стягивати
И оборы разматывати!

Что не та в поле ягода цвела,
Не того отца дочерь была,
Не на то была у матушки,
Чтобы мне старика разувать!

У меня руки белые,
У него ноги грязные;
На руках моих золоты перстни;
Что мои ручки загрязнятся,
Перстеньки поломаются!

Я пойду, млада, в торг торговати,
По обычаю товара купить.
Я за камешек три денежки дала,
За цепочку целый алтын.
Навяжу стару на ворот,
Я спущу стара на воду,
А сама взойду на гору,
Посмотрю на стара старика,
Каково старый плавает:
Се рука, се нога вверху,
А буйна голова ко дну!

Да как взмолится старый муж:
«Уж ты, женушка, душка моя,
Перейми из воды старика!
Уж я рад на тебя работать:
По три утра сырой ржи молоть,
По три утра не завтракати,
По четыре не обедывати,
Уж я рад годовалый житник есть,
Троеденную кашу хлебать!»

205. СТАРЫЙ МУЖ ТОНЕТ, ДОСТАВАЯ ЦВЕТОК ЖЕНЕ

Вечор девку обманули,
За старого сговорили:
«Поди, девка, за старого;
За старым жить не долго,
Не долго жить — три недельки!»

Живет девушка недельку;
Живет она и другую;
На третьей-то стосковалась:
«Пойдем, старый, погуляем,
Сине море повидаем!»

Середь моря расцвел цветик.
«Поди, старый, сорви цветик!» —
«Боюсь, жена, — утону я!» —
«Не бойсь, старый, не утонешь!
Не бойсь, старый, чорт не возьмет!»
В первый ступил — по колени;
В другой ступил он — по горло;
В третьи ступил — как ключ ко дну.
«Слава богу, обманула!
Старого мужа утопила!»

206. ЖЕНА СЖИГАЕТ НЕЛЮБИМОГО МУЖА

Как, рябина, как, рябина кудрявая!
Как тебе не стошнится,
Во сыром бору стоючи,
На болотину смотрючи?

Молодица ты, молодушка,
Молодица ты пригожа,
Как тебе не стошнится,
За худым мужем живучи,
На хорошего смотрючи,
На пригожего глядючи?

Наварю я пива пьяного,
Накурю я вина зеленого,
Напою я мужа пьяного,
Положу его серед двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною.

Выду я на улицу,
Закрычу я своим громким голосом:
«Осудари вы, люди добрые,
Вы, суседи приближенны!
А ночес гром-от был,
А ночес молонья сверкала, —
Моего мужа убило,
Моего мужа опалило!» —

«А ты б...-страдница!
А не гром убил, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела!»

207. ЖЕНА СЖИГАЕТ НЕЛЮБИМОГО МУЖА

(вариант)

Соловей мой, соловьюшка,
Соловейко молоденький!
Ой лёли, али, ляй, лёли!
Али лёй лёли, лёй лёли!
Как табе не стошнится,
Во сыром бору сидемчи,
На сыры боры глядемчи,
На зелену дубравушку?

Молодка, молодушка,
Молодка молодая!
Как табе не стошнится,
Во горенки всё сидемчи,
На старого мужа глядемчи,
На седу его бородушку?

Пойду молода в темной лес,
Нарву хмелю ярого,
Наварю пива рьяного,
Напою мужа пьяного,
Положу спать на погребе,
Накрою соломою,
Соломою гречишною,
Оторью пашанишною.
Пойду я, молодешунька,
Во новую горенку,
Возьму я лучинушку,
Лучину сосновую,
Подожгу я соломушку,
Солому гречишную,
Выду я на вулицу,
Крикну громким голосом:
«Вы братцы-товарищи!

Моего мужа гром убил,
А мине бог помиловал:
С каравати свалилася,
Рукой защитилася,
Доской заслонилася».

208. ЖЕНА ВЕШАЕТ МУЖА

По совету жена мужа зазвала:
«Пойдем, муж, у сад
Сладких яблок ирвать!»

Повешу мужа я на яблоньку,
На яблоньку на садовую,
На грушицу на зеленую.
Приду ко двору, сяду на полу,
Сяду на полу, я подумаю:

«Худо, худо жить за худым мужем,
Хуже того нет: мужа дома нет!
Пойду млада у сад
Мужа домой звать» . . .
Мой муж, он не слухает,
Не лезет долой и нейдет домой:
Сладких яблок не накушался,
Соловьевых песен не наслушался!

209. ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

Случилось мне, доброму молодцу,
Мимо зеленого саду ехати,
Случилось мне диво видети.
Такого дива, братцы, не видано,
И такого, братцы, чуда не слыхано.

Как под яблонью под кудрявою,
Что под грушею под зеленою,
Что на травушке, на муравушке,
На цветах, цветах на лазоревых,
Как жена мужа потерять хочет.

Вынимает она булатный нож,
Что садится к нему на белы груди,
Распорола ему белую грудь,
Что закрыла его очи ясные;
Она смотрит в его ретиво сердце;
Посмотрев, сама молвила:
«Ты каков был до меня, мой друг,
Такова тебе и кончинушка!»

210. ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

(вариант)

Как по ельничку, по березничку,
Как по частому по осинничку,
Все ходил, гулял тут воро́ный конь;
Трои сутки непоеный был,
Неделюшку некормленый был,
Тесмянну́ю узду изорвал,
Шелков повод в ногах вытоптал,
Черкасское седло себе на бок сбил.

Во селе было во Царицыне,
У купца было у богатого,
По прозваньицу Нехлюдова,
Приключилося несчастьице,
Несчастьице, безвременьице,
Что жена с мужем заспорила,
Вострым ножичком зарезала,
Не простым ножом, булатныим,
Что булатныим, бурлатскиим.
На ноже сердце повынула,
На ноже сердце встрепенулося;
Жена шельма улыбнулася;
Улыбнувшись, слово молвила:
«Умирай ты, мой мне постылый муж,
Твой пришел к тебе конец нежданный».

211. ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

(иного содержания)

У нас было во новом городе,
Во новом городе, во Саратове,

На заре было на утренней,
На восходе красна солнышка,
У купца ли, купца у богатого,
У богатого, у Шахматова,
Несчастьице в доме сделалось,
Несчастьице немалое,
Как жена-то мужа потеряла,
Вострым ножичком зарезала.
В холостой его погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала;
Сама взошла в нову горницу,
Во столовую светлицу;
Она села под окошечко,
Под хрустальное стеклышко;
Сама плачет, как река льется.
Прилетели к ней два сокола,
Два сокола, два ясных,
Деверья ее любезные.
«Здравствуй, сноха, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Где же братец наш, Иванушка?» —
«Ваш братец увел коня поить». —
«Ты, сноха наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Его добрый конь в конюшеньке,
Шелкова узда на гвоздике!
Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха белая лебедушка!
Да что у тебя в избе за кровь?» —
«Белу рыбицу пластала,
Бела рыбица больно билася!» —
«Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха белая лебедушка!
Да где братец наш, Иванушка»? —
«Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мне буйну голову!
Вашего братца я потеряла,

Вострым ножичком зарезала,
В холостой погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула
Да желтым песком засыпала!». . .

212. ЗАРЕЗАННЫЙ ГОЛУБОЧЕК

Гуленька-голубочек, кто тебя зарезал?
Батюшка зарезал.
Матушка, сестрица мясо не ела,
Все за столом просидела;
Все за столом просидела, косточки собирала,
В платок завязала.
Пошла сама на речку, косточки промывала,
В бережок зарыла;
В бережок зарыла, ножкой притоптала,
Яблочьком прикрыла.

Прошли скоморохи, прошли молодые,
Молодые веселые;
Увидели кусточек, увидели ракитов,
Зеленой дубочек!
Они срезали по пруточку, они сделали по гудочку,
Навязали струны.
«Ох, вы, гудки, не гудите, мово батюшку не будите,
Моей матушке не мешайте;
Они спят с печали, со великой со кручины,
Со великой со кручины:

Родна брата разрубили, родна брата разрубили,
И в землю зарыли.
Ах, жаль мне, ах, тошно! Где его схоронили,
Где его схоронили?» —
«У Петра, у Николы, под тремя колоколы,
Под большими звоны». —
«Кто по нем плакал?» — «Два волка хохлаты,
Два кобеля мохнаты».
Сучка да с печки скочила, хвостик в сусло обмочила,
Много бед тем нашутила.

Лучинушка. Лубочная картинка 1849 г.

Бить было сучку, да кочерга далеко,
У Савки в лавке, в Питере.

213. БРАТА РОМАНА УБИЛИ

Уточка моховая,
Где ночéсь ночевала,
Где ночéсь побывала?
«Там, там, на болотце,
У Кузьмы-Демьяна,
У святой Варвары».

Печка топилась светленько,
Кашка варилась густенько,
Пирожки на полке прячутся,
Пиво в бочке дерется.

Шли, шли, шли скоморошки,
Выпрутали по пруточку.
«Вы, гудки, не гудите,
Матушку не будите.
Матушка старенька,
Батюшка молоденек,
Три братья по службам,
Две сестры по замужам.

Брата Романа убили,
Под колокол схоронили,
Кадильцем накадили,
Просвиркой помянули.
Кто по брате Романе поплачет?
Два волка мохнатые,
Две свиньи горбатые,
Две курицы безхвостые.
Да два петуха безголовые».

214. ХУДАЯ ЖЕНА И ЛЮБИМАЯ ДЕВУШКА

Не пью я, молодешенька, пива, ни вина,
Только я кушаю медку с холодку.
Люблю я молодчика молоденького,

Который, душа моя, вечор приходил,
Дорогих подарочков кулек приносил.
Кулек-то приму, в ларец положу,
В ларец положу, замочком запру . . .

Зачем, зачем, молодец, давно не пришел?»
«Затем, затем, девица, давно не бывал:
С угрюмой женою побранка была,
Бранила б...-страдница тебя и меня,
Корила б...-страдница тобою меня!» —
«Убей, убей, молодец, угрюму жену!
Возьми, возьми, молодец, меня за себя!» —
«Ах, глупая девица, неразумная:
С угрюмой женою мне век вековать,
С тобою, душа моя, мне час часовать!»

215. ХУДАЯ ЖЕНА И ЛЮБИМАЯ ДЕВУШКА

(вариант)

Сказали про молодца, что он не жив, не здоров,
Сказали по удалого, что он без вести пропал.
Вечор, вечор молодец, вдоль он улицы прошел,
Любимую песенку шибко-громко просвистал,
Ко мне, красной девице, в терем голос подавал,
Чтоб я, красна девица, не дремала б, не спала,
Ждала б, дожидалася к себе милого дружка.
Хотел придти милый друг во двенадцатом часу,
Пришел, пришел молодец он на утренней заре.

Стучит-гремит молодец под косящатым окном.
«Ах, спишь ли ты, девица, или так с горя лежишь?» —
«Ах, что же ты, милый друг, вечор долго не бывал?» —
«За тем, за сем, девушка, позамешкался в дому.
С худою женою-то у нас побраночка была,
Бранила она, бестия, тебя, мой друг, и меня;
Тебя, красную девицу, очень дурно назвала.
Уж я-то и бил шельму, чуть живу на свет пустил!» —
«Не бей, не бей, молодец ты свою худую жену!
С худою женою-то, тебе век с ней вековать,

Со мной, с красной девушкой, одну ночку ночевать!
Седлай, седлай, молодец, свого во́рона коня,
Съезжай, съезжай, молодец со широкого двора!»
Сама ж ему красна девица насмеялася в глаза.

216. У ЖЕНАТОГО ТРИ СТОРОЖА

Ой, ты, роща ты моя, роща, рощица березовая!
Ах, да ничего-то в роще, в роще, в роще не родилося;
Ах, да уродились в роще, в роще, в роще грибы, ягоды.

Ах, да что брала-то грибы, грибы, брала красна девица;
Уж бравши-то она, бравши, она заплуталася,
Ах, да заплутамши она, Маша, стала аукаться:
«Ах, да ты ау-ка, ты ау, ау, ау, мил сердечный друг!
Уж ты что, ты, милый, милый, что мне не откликнешься?

«Мне нельзя-то, Маша, нельзя,
Нельзя мне откликнуться!
Да за мной-то стоят, стоят трое сторожи:
Что и первый сторож, сторож, сторож — тесть-ет батюшка;
Да другой-ет сторож, сторож, сторож — теща матушка;
Что и третий-ет сторож, сторож, сторож — молода жена!
Ты возмой-ка, возмой-ка, возмой, возмой, туча грозная,
Ты убей-ка, убей, убей тестя батюшку!
Прострели-ка ты стрелой, ой, стрелой тещу матушку!
Молодую-то жену, ох, жену, жену я и сам убью!»

217. ЧУЖАЯ И СВОЯ ЖЕНА

Пан мой, пан мой, пан пропоец,
Я пропала, я пропала, пан, за тобою,
За твоею, пан, головою!
Сам пьешь, сам ешь, сам танцуешь,
Про меня, младешеньку, не вспамятуешь!

Сижу я, младешенька, при кручине,
При великой, злой при печали.

Пойду я, младешенька, погуляю,
Что белая рыбица вниз по Дунаю.
Там на Дунае да на бережечке
Стоит сосна, сосна зеленая;
Под той сосной сидит казак,
Держит гусли под полою,
Звончатые под правою.
Он сам гуслям приговаривает:
«Ай, вы, гусли мои, гусли звончатые!
Ах, вы, струны мои, струны золотые!
Ай, вы, мысли мои, мысли молодецкие мои!
Занесли вы меня, мысли, на чужу сторонку,
Заставили ходить по чужой стороне,
Заставили любить чужу мужнюю жену. . .
А чужая-то жена — лебедь белая моя;
А своя-то ведь жена — полынь горькая трава». . .

Ай, чей это садок? погулял бы в нем!
Чья во садике капуста? поломал бы ее,
Поломавши бы капусту, за тын побросал!
Ай, чей это терем? побывал бы в нем!
Чья в тереме девица? за себя бы взял!
Я не бил бы, не журил, лишь белил-румян купил!
Ты белись, моя надежа, и румянься, душа,
Ты ходи в красне, покуль я в Москве!
А меня в Москве не будет, и тоски тебе прибудет. . .
«На что хорошо ходить, коли некому любить?
На что мягко стлать, коли не с кем спать?
Ай, спи, душа, в тосках на голых досках!»

218. СТАРЫЙ МУЖ СМИРЯЕТ МОЛОДУЮ ЖЕНУ

Задумал старичок
На другой жениться;
Сидел-сидел, думал
У другой жениться:
Старую узять —
(О)на не буде работать;
Молодую узять —

(О)на любить не буде;
Хотя (о)на буде, —
На улицу дуне,
Про старого суди:
«У мово ли старичка —
Замашная голова,
Козиная борода,
Свинячья еда».
Задумал старичок
На базар поехать;
Задумал старичок
Купить себе братожок.
Приезжае старичок ко двору, —
Ходи жонка по двору,
Жонка у шубке,
Жонка у юбке,
Жонка у шелковом платку.
Поймал молодую жену,
Привязал молодую жену
К избяному дерну;
Он по земи сапогом,
По плечам братогом.

«Расскажи ты, молодая жена,
Какая моя голова?» —
«У мово ли старичка
Кучерявая головка». —
«Расскажи ты, жена,
Какая моя борода?» —
«У мово старичка
Шелковая бородка». —
«Расскажи ты, жена,
Какая моя еда?» —
«У мово старичка
Купеческая еда».

219. НЕМИЛАЯ ЖЕНА ПОМИРАЕТ

На молодца тоска-горюшко, горе нападает,
У доброго молодца женушка помирает.

«Ты помри-тка, помри, постылая, поскорее,
Ты спусти-тка меня, молодца, на волю,
Ты на волюшку спусти, на легку на работу,
Ты на легкую меня — на струговую!

Я пойду ли, схожу в кузницу новую,
Я скую-то себе топорик булатный,
Я пойду-схожу в часту рощицу зеленую,
Я срублю себе там сосенку жаровую,
И срублю себе я горенку что новую,
Я повырублю окошечко колодне,
Я повыкладу-кладу себе печи кирпичны,
А повыведу трубы я дымовые;
Я поставлю ль в новой горенке столы дубовые
И повыставлю стулики кленовые;
Проведу ли трубушки я что до сама неба;
Пролежу за печкою вплоть я до обеда.
Ветры в эти трубы веют-завывают,
А меня ль, молодчика, горе разбирает.

Я пойду ль, пойду, добрый молодец,
Пойду ль, пойду, поженюся;
Я возьму себе женку молодую,
Малым детушкам своим мачеху лихую.
Малы детки слезно плачут-возрыдают,
Лиху мачеху громко проклинают:
«И ты сгори-тка, ты сгори, наша горенка новая!
И ты помри-тка, ты помри, наша мачеха лихая!
Ты повыстань-ка, восстань, наша матушка родная!»

220. МУЖ ОТПРАВЛЯЕТ ЖЕНУ НА ЛОДКЕ

Ах, ты, молодость, моя молодость,
Ах, ты, молодость веселая!
Износил-то я тебя, молодость,
Не в корысти, не в радости;
Да к тому ж горю худа жена —
Ни продать нельзя, ни променять ее,
Ни слуге своему пожаловать . . .

Ах, со горя, со кручинушки
Я пойду гулять на быстру реку,
На быстру реку Волгу-матушку,
Я куплю жене легку лодочку,
Я найму, найму молодых гребцов,
Молодых гребцов, удалых молодцов;
Я пущу жену вниз по матушке,
Вниз по матушке по Волге-реке. . .

И я сам взойду на круту гору,
Погляжу-то я за худой женой,
За худой женой, некорыстною,
Каково ловет моя жена!
Как мое сердце сожалелося,
Закричу-то я громким голосом:
«Воротись ты, моя худа жена,
Воротись, мое горе бедное!
Уж как мне тебя жаль стало!
Доживать уж век с худой женой,
Со худой женой, некорыстною!»

221. МУЖ ПРОСИТ СМЕРТЬ ВЗЯТЬ ЕГО ЖЕНУ

Мальчик моложеватый,
Белый кудреватый,
Что ты рано женат?
«Не хочу я с женой жить,
Хочу девушек любить,
Им гостинчики носить,
А жену свою сушить!
Уж я высушу жену
Суше ветру-вихорю,
Суше травы ковылю». . .

— Уж ты, девушка-сударушка,
Не ходи ты в лес одна:
Из лесочку, из куста
Распрестрашна смерть пришла! —

«Уж я, мальчик молодой,
Этой смерти не боюсь,

В пояс смерти поклонюсь:
«Воротися, смерть, назад,
Умори мою жену!»
Не успел слова сказать,
Подъезжаю ко двору —
Впереди жена лежит,
Под передниим окном,
Под хрустальныим стеклом,
Под белыим полотном!»

222. КНЯЗЬ РОМАН ЖЕНУ ТЕРЯЛ

А князь Роман жену терял,
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку, во Смородину.

Слеталися птицы разные,
Сбегалися звери дубравные;
Откуль взялся млад сизой орел,
Унес он ручуньку белую,
А праву руку с золотым перстнем.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
Ты где девал мою матушку?»

Ответ держит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
«Ты гой еси, молода княжна,
Молода душа-Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мытися,
А мытися и белитися,
А в цветно платье наряжатися».

Кидалась молода княжна,
Молода душа-Анна Романовна:
«Вы гой еси, мои нянюшки, мамушки,

А сенные красны девушки!
Пойдем-то со мной на высокие терема,
Смотреть мою сударыню матушку,
Каково она моется, белится,
А в цветно платье наряжается?»
Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки, мамками;
Ходила она по всем высоким теремам,
Не могла-то найти своей матушки.
Опять приступила к батюшке:

«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
А где девал ты мою матушку?
Не могли мы сыскать в высоких теремах».
Проговорит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
«А и гой еси ты, молода княжна,
Молода душа-Анна Романовна,
Со своими няньками, мамками,
Со сенными красными девицами!
Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленый сад,
Во вишенье, в орешенье».
Пошла ведь тут молода княжна
Со няньками, мамками во зеленый сад,
Весь повыгуляли, никого не нашли в зеленом саду.

Лишь только в зеленом саду увидели,
Увидели новую диковинку:
Неотколь взялся млад сизой орел,
В когтях несет руку белую,
А и белу руку с золотым перстнем;
Уронил он, орел, белу руку,
Белу руку с золотым перстнем,
Во тот ли зеленый сад.
А в та-поры нянюшки, мамушки
Подхватили они ручельку белую,
Подавали они молодой княжне,
Молодой душе-Анне Романовне.

А в та-поры Анна Романовна,
Увидела она белу руку,
Опознавала она хорош золот перстень
Ее родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Как белая лебедушка скрикнула;
Закричала тут молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
А сенные красные девушки!
Бегите вы скоро на быстру реку,
На быстру реку Смородину!
А что тамо птицы слетаются,
Дубравные звери сбегаются?»

Бросалися нянюшки, мамушки,
А сенные красные девушки
По край реки Смородины:
Дубравные звери кости делят,
Сороки, вороны кишки тащат.
А ходит тут в зеленом саду
Молода душа-Анна Романовна,
А носит она руку белую,
А белу руку с золотым перстнем.
А только ведь нянюшки
Нашли они пусту голову,
Сбирали они с пустою головой
А все тут кости и ребрушки,
Хоронили они и пусту голову
Со теми костьми, со ребрушки,
И ту белу руку с золотым перстнем.

223. КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Ишша жил как кнезь Михайло,
Была Катерина пожила́,
А была ведь дочь Настасья, да чядо милое у их.
Говорит как кнезь Михайло да он кнегины пожилой;
«Скиновай-ко цветно платье да надевай-ко черно платье;
Ты садись в корету в темну, да ты поедем-ко со мной».

Она байкат, она люлькат да дочь Настасьюшку свою:
«Уж ты спи, усни, Настасья, да чядо милое мое;
Уж ты спи, усни, Настасьюшка, вплоть до миня».

Как повез тут кнезь Михайло
Свою кнегину да пожилу,
Он во далече в чисто поле, во роздольицё;
А убил ведь кнезь Михайло да там кнегину да пожилу;
Схоронил ведь кнезь Михайло да он под белую березу.
Он под белу под березу да он под саму под вершину.

Приезжает кнезь Михайло да ко своёму да ко двору.
Пробужаитсе дочь Настасья да чядо милоё его.
Он и байкат, он и люлькат дочь Настасьюшку свою:
«Уж ты спи, усни Настасья, да чядо милое мое;
Уж ты выростешь больша, я сошью тебе шубу кунью».
Говорила дочь Настасья да чядо милое его:
«Мне не надо, мне не надо да шуба куньея твоя;
Только надо, только надо да мне-ка матушка родна».

Он и байкат, он и люлькат да чядо милое свое:
«Уж ты спи, усни, Настасья, да чядо милоё моё;
Я срублю тобе, Настасья, да златоверховат терем». —
«Мне не надо, мне не надо да златоверховат терем;
Только надо, только надо да мне как матушка родна». —

«Уж ты спи, усни Настасья, да чядо милое мое;
Я возьму тобе, Настасья, да тибе матерь молоду».
Говорила дочь Настасья да чядо милое его:
«Мне не надо, мне не надо да твоя мати молода;
Только надо, только надо да мине матушка родна;
Ты возьмешь-ка мне не матерь, — злую мачеху лиху:
Уж вы седите как с ей за дубовые столы,
Посáдите же вы миня да край дубового стола,
Уж вы станите кусочек да рукода́но мне давать». [1]

Как пошла ведь дочь Настасья да в нову горенку,
Ишша села дочь Настасья да под окошечько.

---

[1] «Сама не засмеет взять. — из рук давать будут» (Пояснение певицы).

А бежат ведь волки серы да всё розрывчетые.
Тут спроговорит Настасья да чядо милое его:
«Уж вы где жа, волки, были,
Да уж вы што, волки, чюли?» —
«Ишша были мы, волки, да во чистом поли,
Ишша ели мы, волки, да мясо свежое:
А убил ведь кнезь Михайло да он кнегину да пожилу.
Схоронил вед он кнегину
Да он под белу да под березу,
Он под белу под березу да он под саму под вершину».

Ишша та же дочь Настасья да чядо милоё его
А кидаласе, бросаласе да выше лавици брусятой,
А сибе ведь тут Настасья да и смерть придала.

224. ДОНСКОЙ КАЗАК УБИВАЕТ ЖЕНУ

«Посиди, Дуня, под окошечком,
Потерпи горя хоть немножечко!» —
«Родной батюшка, насиделася,
Много горюшка натерпелася!

Мое горюшко из-под камешку,
Из-под камешку, камню белого.
Тут течет-бежит речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая.
Через ту реку — мост калиновой,
Мост калиновой — куст ракитовой».

Как под тем кустом девка мылася.
Она мылася и белилася,
В чиста зеркила смотрилася,
Красоте своей она дивилася;
На гору взошла, дивовалася,
Дивовалася, ужахалася:
К ней навстречу-то шел донской казак,
Вел коня поить —
Не коня поить, сву жену губить.

А жена мужу взмолилася,
В резвы ноженьки поклонилася:

«Уж ты муж мой, муж,
Муж донской казак!
Не губи меня рано с вечера,
Ты губи меня близ полуночи:
Дай добры́м людям
С поль убратися,
Малым детушкам разоспатися».

225. МУЖ УБИВАЕТ ЖЕНУ ПО КЛЕВЕТЕ МАТЕРИ

Я не год служил и не два года,
Я на третий год побывать пошел:
Меня мать встречала среди улицы,
Сестра родная середи двора,
Молода жена в новой горнице.

А, пришедши, мать стала жалиться:
«Ты дитя мое, чадо милое,
Ты учи жену, учи с молоду!
Как твоя жена весь твой дом снесла,
Вороных коней всех распродала».

Тут мне, молодцу, сердце тюкнуло:
Я пойду, возьму саблю острую,
Я срублю, пойду буйну голову.

Я пойду, схожу на конюшенку:
На конюшенке все кони стоят,
Все кони стоят, веселы стоят.
Пойду молодец во зеленый сад:
В зеленом саду все цветы цветут.
Пойду молодец в нову горницу:
В новой горнице лишь качель висит;
Во качелюшке дитя малое.

«Ты дитя мое, чадо милое!
Как твоя-то мать во крови лежит,
А моя-то мать за столом сидит.
За столом сидит, с женихом сидит.
Ах, моя-то мать — змея лютая,
Змея лютая, подколодная».

226. МУЖ УБИВАЕТ ЖЕНУ ПО КЛЕВЕТЕ МАТЕРИ

(вариант)

Летела пава через улицу,
Ронила пава павино перо;
Мне не жаль пера, жаль мне павушки.
Ой, мне жаль молодца, — один сын в отца,
Один сын в отца, добрый молодец,
Он на службу идет государеву.

Он и год служил, и другой служил;
А на третий год ко двору идет.
Его мать встрела середи поля,
А сестра встрела середи села,
А жена встрела середи двора.

Ой, и мать сыну поразжалилась:
«А твоя жена увесь дом снесла —
Что коней твоих пораспродала,
Соколов твоих пораспустила,
А меды твои поразвыпила».

Вынул молодец саблю вострую,
Он и снес жене буйну голову.
Голова жены покатилася
Ворону коню под праву ногу.

Пошел молодец во конюшеньку:
Кони стоят, сено-овес едят.
Пошел молодец во соколенку:
Соколы сидят, почищаются;
И меды стоят не починены.
Пошел молодец на новы сени:
На новых сенях колыбель висит,
Колыбель висит, там дитя кричит.

«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нету матушки,
У меня, молодца, молодой жены!»
Пошел молодец на высок терем, —

Как ударится он о дубовый стол:
«Что не мать ты мне и не матушка,
А змея же ты подколодная!»

227. КНЯЗЬ УБИВАЕТ ЖЕНУ ПО КЛЕВЕТЕ СТАРИЦ

И женился князь во двенадцать лет:
Он ли брал княгиню девяти годов;
Он ли жил со княгиней ровно три годы;
На четвертый год он гулять пошел.

Он гулял, гулял да ровно три года;
На четвертый год он домой пошел.
И идет он по полю по чистому . . .
Встретилось ему две старицы,
И две старицы, две черноризицы;
И спрашиват князь у тех старицей:
«Вы давно ли, давно ли с моего двора;
С моего двора с княженецкого?» —
«Мы теперь, теперь да теперешенько
С твоего двора с княженецкого!» —
«А здорово ли стоит мой высок терем,
И здорово ли живут добры конюшки,
И здорово ли живут чайны чашечки,
И здорово ли пьяны питьица,
И здорово ли живут и цветны платьица,
И здорово ли живет молода жена?»
На ответ-то держат и те старицы:
«Твой высок терем покося стоит,
Добры кони да все заезжены,
И чайны чашечки да всеisприбиты,
И пьяны питьица да все исприпиты,
Цветны платьица да все изношены,
Молода жена во терему сидит,
Во терему сидит колубень качат» . . .

И не синее-то море всколыбалося, —
У князя сердце разгорелося.
И приходит князь к своему двору,
К своему двору да княженецкому.
Топнет ворота правой ноженькой, —

Улетели те ворота середи двора,
Середи двора да княженецкого . . .
Вышла княгиня на круто крыльцо
В одной тоненькой рубашке без нитничка,
В однех беленьких чулочках без чеботов . . .
Вынимал тут князь востру сабельку,
И срубил у княгини буйну голову.

А в терем-то заходит, — колубеня нет,
Колубеня нет, все пяла лежат.
Сколько шито было, вдвое сплакано,
Все князя домоичек дожидано . . .
Уж как тут ли князь да закручинился.
И сходил во конюшеньку стоялую:
Добры кони не езжены,
Лучше старого да лучше прежнего;
Чайны чашечки да не прибитые,
Пьяны питьица да не припитые,
Цветны платьица да не изношены . . .

И не сине море всколыбалося,
А у князя сердце разгорелося,
И заставал он, князь, и во чистом поле
Этих старицей да черноризицей.
Вынимает князь и востру сабельку,
Он срубил у стариц буйну голову.

228. СЕЛЕЗЕНЬ И УТКА

Уж как по мосту, мосточику,
По мосточку, калина,
По частому, малина,
Селезень-от переходит,
Ой, калина, переходит, малина,
Серу утку переводит,
Ой, калина, переводит, малина.

Сера утка потонула,
Ой, калина, потонула, малина.
Селезень-от испугался.

Ой, калина, испугался, малина,
Круг уточки увивался,
Ой, калина, увивался, малина.
«Свет ты, моя сера утка,
Ой, калина, сера утка, малина!
Кабы мне тя не́ жаль было,
Ой, калина, не́ жаль было, малина,
Не стал бы я тужить, плакать,
Ой, калина, тужить, плакать, малина,
Тужить, плакать, горевати,
Ой, калина, горевати, малина.

Пойду, выйду в чисто поле,
Ой, калина, в чисто поле, малина,
Попрошу я ветров буйных,
Ой, калина, ветров буйных, малина:
«Вы подуйте, ветры буйны,
Ой калина, ветры буйны, малина,
Со четырех со сторонок,
Ой, калина, со сторонок, малина!»

Сине море всколыхнулось,
Ой, калина, всколыхнулось, малина.
Со дна утка встрепенулась,
Ой, калина, встрепенулась, малина.
Селезень-от взрадовался,
Ой, калина, взрадовался, малина,
«Свет моя ты, утка сера,
Ой, калина, утка сера, малина,
Лебедушка моя бела,
Ой, калина, лебедушка, малина!»

229. ГОЛУБЬ И ГОЛУБКА

В вечеру у меня
Да голубка была,
Ой, голубка была,
Да на крыле спала,
Ой, на крыле спала,
Дружком назвала:

«Ой, дружочек мой миленький,
Голубь сизенький!
Спишь, не спишь, голубчик?
Не проспи меня!»

Проснулся да голубчик:
Голубушки нет!
Ой, нету да голубушки,
Не мил белый свет!
Ой, кидался-бросался
По всем сторонам,
Ой, по всем сторонам,
По барским домам,
По барским домам
Да по купеческим.

Ой, у купца в саду
Охотничек был,
Охотничек был,
Да ружьеце купил,
Ружьеце купил
Да голубку стрелил,
Голубку стрелил;
Ой, застрелил да голубушку
У купца в саду,
Ой, у купца в саду,
Под яблонцею,
Ой, под яблонцею
Да под зеленою.

230. ГОЛУБЬ И ГОЛУБКА

(вариант)

Не свивайся, не свивайся, трава, с павилицей,
Не слетайся, не слетайся, голубь, со голубкой,
Не свыкайся, не свыкайся, молодец, с девицей;
Хорошо было свыкаться, тяжко расставаться!

Со полудни до вечерен голубчик летает,
Он летает, он летает, голубушки ищет:

Не нашедши он голубки, у людей-то спросит:
«Где видали, где слыхали про мою голубку?
А моя-то, ведь, голубка очень знакомита:
Очи ясны, брови черны, личиком беленька».

Пробиралася голубка на синее море,
Она мхами и болоты, черными грязями,
Села, пала над водою, плакала слезами,
Утирала слёзы горьки русыми косами.

«Звала меня, позывала боярыня в гости,
Сулила мне, посулила конопли две горсти,
Конопли две горсти, пшеницы пригоршни:
Как у той ли боярыни кровать тесовая,
На кровати перинушка лежит пуховая».
Заливалася голубка своими слезами,
Прощалася с голубчиком, умильно вздыхала.

231. МАЧЕХА ИЗБЫЛА ПАДЧЕРИЦУ.

Была у батюшки родимая дочь,
У неродной мачехи постыло дитя.
Не знала мачеха, как пачерь избыть;
Избыла пачерь единым часом.
Снарядила мачеха махонькой стружок,
Привязала стружок у крут бережок,
У крут бережок, у бел камышок;
Повязала, не вязала, не прикрепливала.

Пошла пачерька к берегу гулять,
Увидала пачерька махонькой стружок;
Задумала пачерька в стружке погулять,
Гулючи-ючи рыбочьку ловить.
«Ловись, рыбка малая, большая;
Не рвись, тянись, сетка шелковая».
Не рвалась, тянулась сетка шелковая,
Выплывала сетка в широ море.

Вышла мачеха на крут бережок,
Вскрикнула мачеха зычным голоском:

«Воротись, дитятко, у крут бережок,
Воротись, милое, хоть проститися».
Рада б воротиться, стружок не стоит,
Сетка шелковая в море тащит;
Утянула пачерьку в синё морё.

Как не всплачется злая мачеха,
Возрыдает природный отец:
«Воротись, дитя милое, хоть проститися,
Старику отцу очи закрыть!»
Не слыхал батюшка, как дочь плакала,
Ветер выл, речи уносил:
«Ты не жди меня, родной батюшка,
Подождет меня злая мачеха —
Не гостьею, кукушечкой в сад.
Как раз закую, траву высушу,
Другой закую, весь сад погублю,
В третий закую, душу затоплю».

По сеничкам мачеха похаживае,
Своих невестушек побуживае:
«Станьте, детушки, станьте, ластушки;
Раным с израни кукушица закукала?
Старшой брат говорит: «наб убить»;
Середний брат говорит: «прочь отгонить»:
А меньшой брат говорит: «постой, погоди!
Не наша ль кукушица с чужой стороны,
Не наша ль сестрица из-за моря?»

VIII. ПЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ МОНАШЕСКИЙ БЫТ

232. СТАРЕЦ ИГРЕНИЩЕ

Из мона́стыря да из Боголюбова
Идет старец Игренище, Игренище Кологренище.
А и ходит он по мона́стырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай спусти.

Пришел-то старец под окошечко
Человеку к тому богатому.
Просил честну́ю он милостыню:
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи свеклы красныя.
А тот удалой господин
Добре сослал редечки горькия,
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя,
А с тою ли девушкой поваренною.

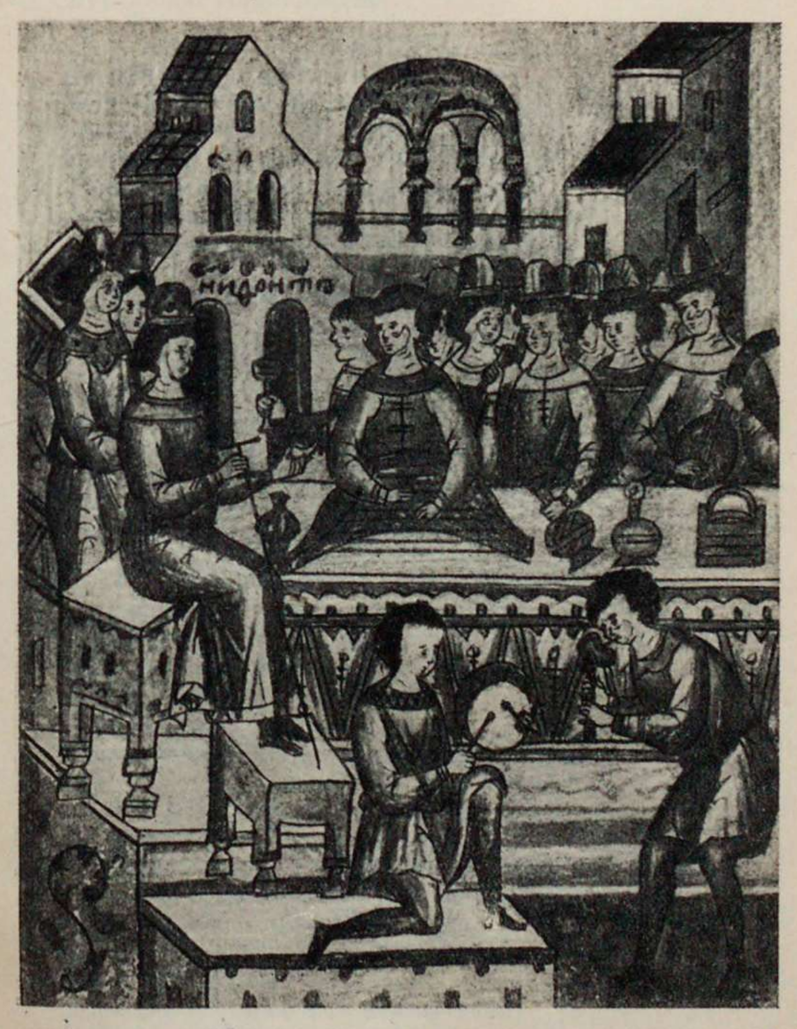
Сошла та девка со двора она
И за те за вороты за широкие.
Посмотрит старец Игренище Кологренище
Во все четыре он во стороны.
Не увидел старец, он Игренище
Во всех во четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи свеклы красныя,
А и рад-то девушке чернаушке.

Ухватил он деушку чернаушку,
Ухватил он посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою
И со той капустой белою,
И со той со свеклой красною.

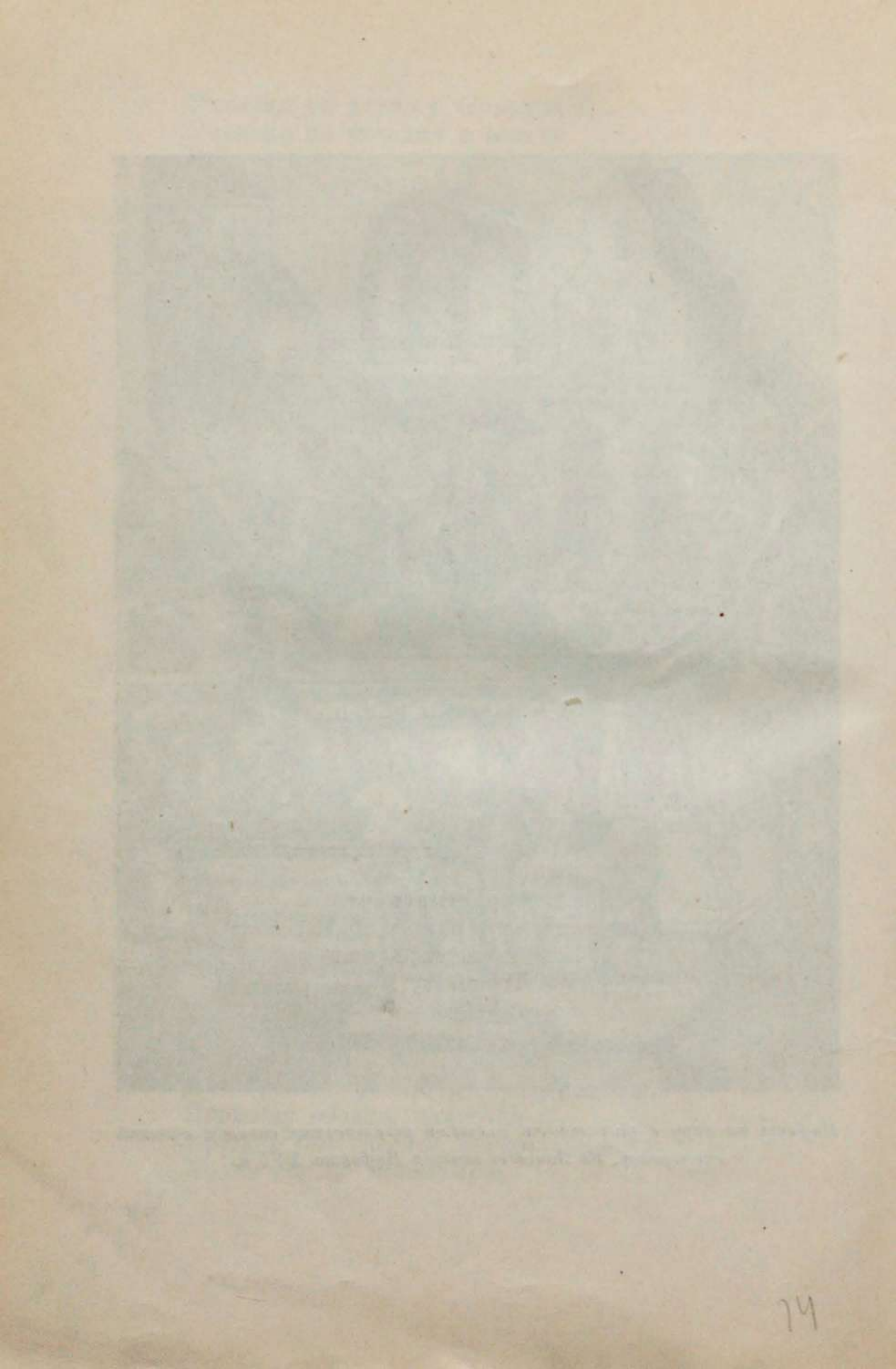
Пошел он старец по монастырю;
И увидели ево ребята десятильниковы,
И бросалися ребята оне ко старцу,
Хватали оне шилья сапожные!
А и тыкали у старца во шелковой мешок.
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы росол пошел.

А и тут-то ребята десятильниковы,
Оне туто со старцом заздорили.
А и молится старец Игренище,
А Игренище Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы,
К чему старца меня обидите!
А меня вам обидеть не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монастырь,
А и я молодцев вас пожалую:
А и первому я дам пухов колпак,
А и век-то носить да не износить,
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-то во тятивочку повыстеган,
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими».
А и тут ему ребята освободу дают.

И ушел он, старец Игренище,
А Игренище Кологренище
Во убогие он свои во келейки,
А поутру ранешенько ранешенько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежу обедни, заутрени
Пришли оне, ребята десятильниковы;
Ходят оне по монастырю.

Нифонт на пиру с разгульными юношами развлекается вином и музыкой скоморохов. Из Лицевого жития Нифонта XVI в.

А и спрашивают старца Игренища,
Игренища Кологренища.

А увидел сам старец Игренище,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-то, ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне в келью идите».
А всем рассказал им подробно все,
А четверть пройдет, другой приди,
А всем рассказал, по часам рассказал.

Монастырски часы были верные,
А который побыстрее их ребят наперед пошел
Ко тому старцу, ко Игренищу.
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в пол-третья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить да не износить,
Поминать старца Игренища!

И по тем часам монастырскием
А и четверть прошла, другой пришел.
А в-та-поры старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок ево, детину, донага,
Полтораста ударов ему в спину влепил.

А и тех-то часов монастырскиех
Верно-то их четверть прошла,
И третей молодец во монáстырь пошел
Ко тому старцу, ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел ево старец Игренище,
Игренище Кологренище,
А скоро удобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.

«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всех я вас, ребят пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется;
А другому наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монáстыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить!»

233. РАЗГУЛЬНЫЕ МОНАХИ

Против солнца, на востоке,
Монастырь Ращен стоял.
Как в келейке монашенки спасаются,
По три раза они на день напиваются.

Как к обедне зазвонят,
Так чернец пойдет в кабак
Свою рясу пропивать,
Клобук закладывати.

Целовальник не примает,
Чернеца в шею толкает:
«Поди прочь, кавалер!
Казначей пить не велел!»

Чернец вышел за врата;
Его взяла разнота:
«Чем мне в келейку идти,
Лучше в роще погулять!»

Девки в роще грибы брали,
Черначенька не видали;
Доходили до конца,
Увидали чернеца . . .
Чернец ходит по тропе
Во высоком клобуке.
Становились девки в круг;
К ним идет сердечный друг.

Девки песенки запели,
Вот чернец пошел плясать,
А молоденька монашенка похаживати,
С ноги на ногу монашенка постукивати,
Про свое житье монашеско рассказывати:
«Распроклятое тако
Наше монашеско житье!
Распроклятая такая
Наша келья земляная!
Оставлю в тебе, келейка, спасенье,
Свое спасенье, свое монашеское!»

234. ДВА ПАРНЯ В ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Стрелецким ребятам
Полюбил(ся) монастырь,
Двум парнишкам холостым.
Женски платья надевали,
В монастырь брели,
Через тын (н)ов в монастырь,
К игуменье в гости:
Уж ты, матушка игуменья,
Прими нас в монастырь!

Игуменья не узнала,
В монастырь приняла,
Казначейше отдала.
Хорошо она нас водила,
И сладко кормила.

Вот монашенки дознались,
Стали игуменье доносить:
«Уж ты, матушка игуменья,
Помутился монастырь
От двух парнишков холостых!»
Монашенки . . . . .
Игуменья сводня,
Архерей потатчик,
Задонской монах
Загулялся в . . . . . уш,
Монашенки люли, монашенки люли!

235. ПАПЕНЬКА С МАМЕНЬКОЙ СПОР СПОРИЛИ

Папенька с маменькой спор спорили,
Спор спорили об своей дочери:
Маменька хочет игуменье отдать,
Папенька хочет за князя отдать.

Маменька пошла за сто двадцать верст,
Папенька пошел за сто семьдесят верст.

Немного погодя и маменька идет,
Маменька идет и игуменью ведет;
Игуменья идет, востры ножницы несет.
«Садись-ка ты, девица, мы станем постригать!» —
«Дайте мне, девице, цветное платье снять!» —
«Снимешь ты, девица, как черно надевать!» —
«Дайте мне, девице, русу косу расплесть!» —
«Расплетешь ты, девица, как станем постригать!» —
«Дайте мне, девице, лицо бело измыть!» —
«Смоешь ты, девица, горючиим слезам!» —
«Дайте мне, девице, с подружкам проститься!» —
«Простишься, девица, как в келию пойдешь!»

Немного погодя, и папенька идет,
Папенька идет и князя ведет.
Князь молодой удивляется:
«Чья это шапочка на столике лежит?
Чья это руса коса на гвоздике висит?
Чья это монашина хорошая сидит?»
«Князь молодой, ступай с богом домой!
Уж, верно, мне, девице, не быть за тобой!»

236. ДЕВУШКА ПРОСИТ МОЛОДЦА ОТДАТЬ ЕЕ В МОНАСТЫРЬ

Перед нашими широкими воротами
А утоптана трава, утолочена мурава,
Ощипаны цветочки лазоревые.
Еще кто траву стоптал, кто мураву столочил?
Сотоптала, столочила красна девица-душа,
Стоючи она с надежею, с милым другом.

Он держал красну девицу за белы ручки
И за хороши за персти злаченые,
Целовал, миловал, ко сердцу прижимал,
Называл красну девицу животом своим.

И проговорит девица-душа красная:
«Ты, надежа мой, надежа, сердечный друг!
А не честь твоя, хвала молодецкая,
Без числа больно, надежа, упиваешься,
А и ты мной, красной девицей, похваляешься;
А и ты будто надо мной все насмехаешься».

Ему туто, молодцу, за беду стало;
Как он бьет красну девицу по белу ее лицу.
Он расшиб у девицы лицо белое,
Проливал у девицы кровь горячую,
Замарал на девице платье цветное.

Расплачется девица перед молодцем:
«Когда тебе девица не в любви пришла,
А и ты сделай мне, надежа, ветляненький стружок,
А и ты сделай мне на нем муравленый чердачок,
А и сделай беседу дорог рыбий зуб,
Исподерни ту беседу рытым бархатом,
А и дай мне, надежа, пятьдесят гребцов,
А другое пятьдесят в провожатые,
Отпусти меня, друг-надежа, за сине море,
За сине море во почестный монастырь;
Постригусь я, молоденькая, посхимлюся!
На постриженье ты дай мне пятьдесят рублев,
На посхименье дай мне другое пятьдесят!»

237. МУЖ ТОНЕТ, ЖЕНА ИДЕТ В МОНАСТЫРЬ

На синем было на море,
На тихом было заводье,
Потонул тут Василий князь,
От злата венца идучи.

Оставалась молода княжна:
«Уж вы, бояра, бояра!

Воротите вы комоня
На родимую сторону,
Ко родимому батюшке,
К государыне-матушке!»

Они приехали к батюшке:
Посмотрела в окошечко
Молодая невестушка:
«Богоданная матушка!
К нам не гостьюшка приехала;
К нам приехала подворница,
Вековая постельница!» —

«Ой, вы гой еси, бояра!
Воротите вы комоня
Ко святому монастырю,
К самобольшей игуменье . . .
Ты, честная игуменья!
Постриги меня в старицы,
Ты построй мне-ка келейку,
Просеки три окошечка:
Первое-то окошечко —
Ко святому благовещенью,
А второе-то окошечко —
На родимую сторону,
А как третье-то окошечко —
На синее на море,
На тихое заводье:
Потонул тут мой венчанный муж,
Венчанный муж, Василий князь! . .»

238. НЕВОЛЬНОЕ ПОСТРИЖЕНИЕ ЖЕНЫ

Возле реченьки я хожу, молода,
Меня водоньки потопить хотят . . .
А немилый муж все журит-бранит,
Все журит-бранит, постричься велит:

«Постригися, моя жена немилая,
Постригися, моя жена постылая!

За постриженье тебе дам сто рублей,
За посхименье дам тебе тысячу!
Я построю тебе нову келейку,
Обобью ее черным бархатом,
Ты в ней будешь жить да спасатися,
Что спасатися, богу молитися!»

Как и ехали тут купцы богатые,
Как увидели они нову келейку,
Дивовалися новой келейке:
«Ах, и что это, братцы, за келейка?
Хорошо келья построена,
И малехонька, и новехонька!
Уж и кто же в ней спасается,
Или вдовушка, или девушка?»

Выходила к ним млада старочка,
Хорошенька, молодехонька;
Поклонилася им низехонько,
Поклонимшися, слово молвила:
«Тут спасается не девушка,
Не девушка и не вдовушка,
А спасается тут жена мужняя:
Не в любви жила, не в согласии!»

Как и взмолится тут немилый муж:
«Расстригися ты, жена моя милая!
За расстриженье дам тебе тысячу,
За рассхименье — все именьице!
Я построю тебе нов высок терем,
А со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами,
Будешь жить в нем, прохлаждатися,
Во цветно платье наряжатися!»

Как возговорит молода старочка:
«Что не надо мне твоей тысячи,
Ни всего твоего именьица,
Мне не надобен нов высок терем!

Я останусь в этой келейке;
Уж я стану жить, спасатися,
За тебя богу молитися!»

239. ЧУРИЛЬЯ ИГУМЕНЬЯ И СТАФИДА ДАВЫДОВНА

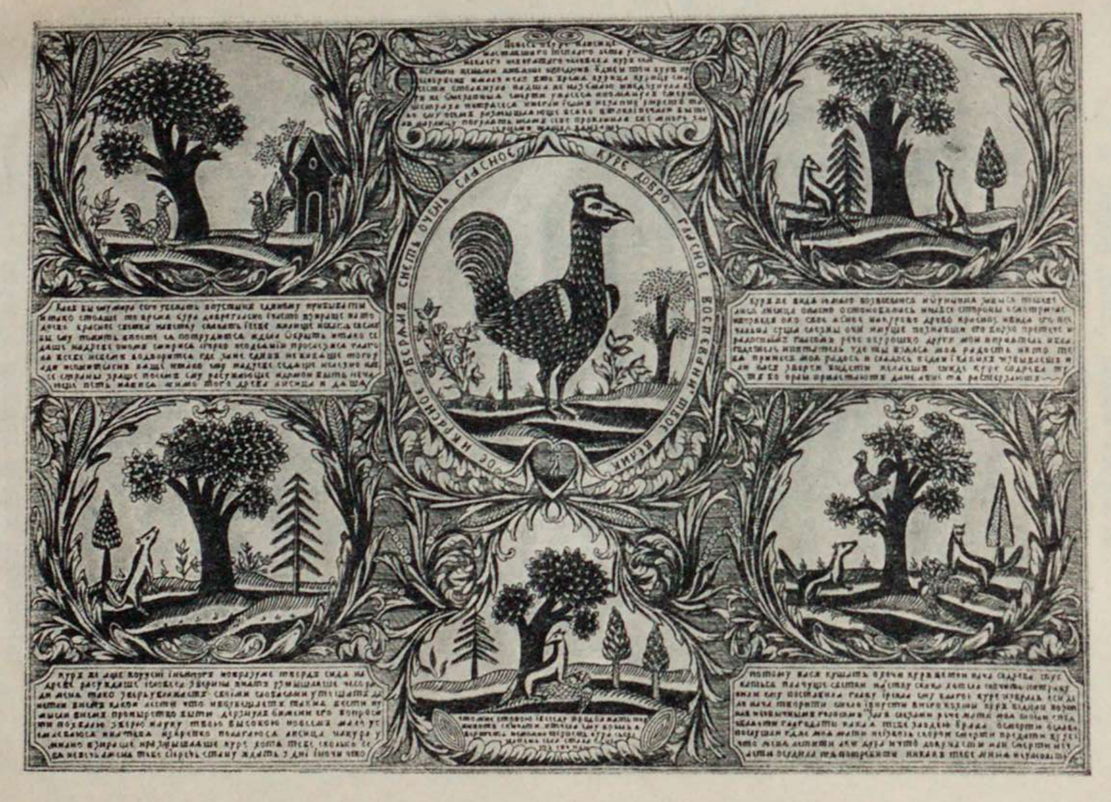
Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей;
А и не было чуднее благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему по дьячку;
А у нашего Христова благовещенья честного,
А был у нас-де Иван пономарь.
А горазд-де Иванушка, он к заутрене звонить.

Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чурилья к заутрене.
Будто галицы летят, за ней старицы идут:
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок;
Позади ее девиц и сметы нет.

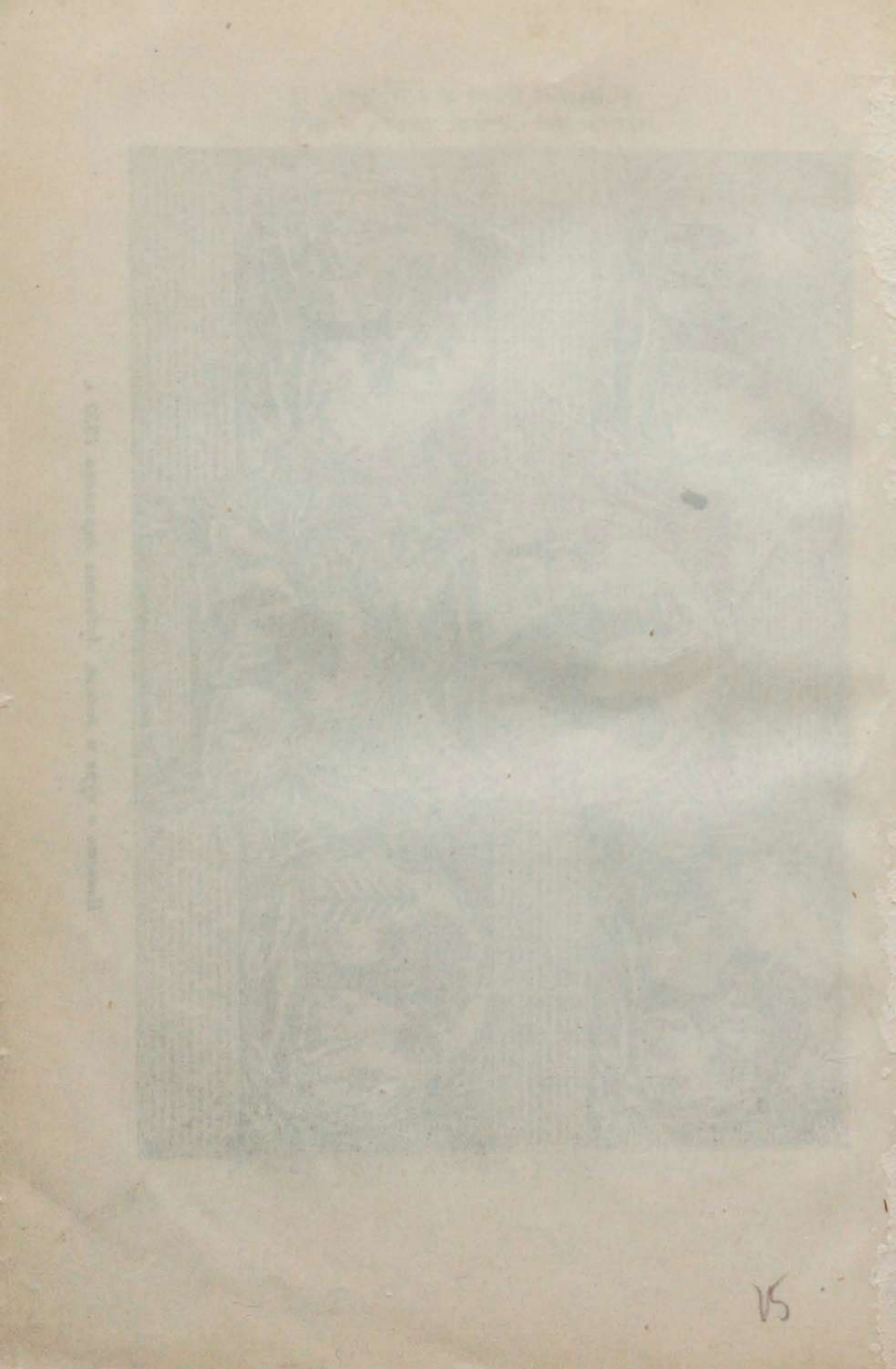
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в олтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние;
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмехаются.

Проговорит Чурилья игуменья:
«А и Федор дьяк, девий староста!
А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмехаются?»

А и Федор дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы, черницы, души красные девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежу собой, девицы, усмехаетесь?»

Повесть о куре и лисице. Лубочная картинка 1852 г.

15

Ответ держат черницы, души красные девицы:
«А и Федор дьяк, девий староста!
А сором сказать, грех утаить!
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмехаемся, —
У нас нету дьяка запевальщика,
А и молоды Стафиды Давыдовны;
А Иванушки пономаря зде же нет».

А сказал он, девий староста,
А сказал Чурилье игуменье:
«То девицы поют, мешаются,
Промежу собой девицы усмехаются, —
Нет у них дьяка запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».

А сказала Чурилья игуменья:
«А ты, Федор дьяк, девий староста!
А скоро ты побеги по мона́стырю,
Скоро обойди триста келий,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны!
Али Стафиды, ей мало можется?
Али стоит она перед богом, молится?»

А Федор дьяк заскакал, забежал,
А скоро побежал по мона́стырю,
А скоро обходил триста келий,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит;
А Федор дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел;
Он двери отворил, и в келью зашел.

«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же, княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое-бо дело богу молитися, к заутрене идти!»

Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца, водки добрыя.

И другой медку сладкого,
И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зелена вина,
Другой меду сладкого,
И скажи Чурилье игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».

А и тот-то Федор, девий староста,
Он скоро пошел ко заутрене
И сказал Чурилье игуменье,
Что той-де старицы, Стафиды Давыдьевны,
Мало можется,
Едва ее душа полуднует.

А и та-то Чурилья игуменья, отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монáстырю,
Испроехала триста келий,
И доехала ко Стафидины кельицы,
И взяла с собою питья добрые,
И стала ее лечить-поить.

240. МОНАШЕНКА НА СУДЕ

Во городе, во Питере
Случилася беда:
Молоденька монашенка
Сыночка родила,
И в три часа после полуночи
Топить его несла.

Увидели монашенку
Рыбáки молоды,
Сковали же монашенку
В железны кандалы,
Отправили монашенку
К игуменьше на суд.

Игуменьша рассудлива
На всех венцы надела.

На всех венцы, как жар, горят,
На ей венец потуск.

Позадь стоит родная мать,
Слезнешенько плачет.
«Не плачь, не плачь, родная мать,
Не 'т вас погибла я!..
Не надо бы монашенке
В зеленой сад ходить;
Не надо было монашенке
Хорошу водку пить;
Не надо бы молоденькой
Фицерика любить!»

241. ПЕТУХ И ЛИСИЦА

Как сидел петушéйло, духовное дитя,
Во березоньке.
Как пришла тут лисица ко березоньке,
Стала она петуха есть оманывати,
Ай, оманывати да подговаривати:
«Ай же, петушейло, е духовное дитя!
Опустись теперь на землю!»
Стал петушок опущатися,
С ивинки на ивинку да перепурхивать,
А с пруточка на пруточек перескакивати.
Поймала лисица петуха в когти,
Стала держать его плотно.
Как спрогóворит петушейло, духовное дитяте:
«Ай, спусти петуха, меня, духовная мати!
Будешь ты в Даниловом монастыре просвиров печи».
Тут у лисицы отслабли нёгти, отпустила она петуха.

Тут-то пошла лисица ко боярину на двор,
Думала себе она куру изловить.
Тут-то петух запел-зарычал,
Тут-то лисица перепала есть.
Побежали на лисицу девки с кокотáми,
Бабы с помялами.
Тут-то едва меня, лисицы, не убили.

Тут-то думает лисица: «Уловлю я петуха»:
Тут поднялся петух е на се́дало.
Надо той лисице петуха изловить,
Изловить, уморить петуха, его жизни решить.
Как пришла тут лисица опять,
Опять стала петуха оманывати,
А оманывати да подговаривати:
«Ай, ты, петушейло, духовное дитя!
Опустись теперь на землю!»

Смотрит петушейло на лисины слова,
Отвечат он лисице:
«Ты оманешь теперь, задавишь петуха!» —
«Ты не бойся теперь, духовный сын,
Не ома́ну теперь, не за́давлю!»

Тут-то лисица обá́яла да обсоветовала.
Опустился петух на сыру землю.
Сгребла петуха она в когти,
Стала держать его плотно.
«Ай же, ты есть, духовная мати лисица,
Спусти ты петуха!» —

«Не отпущу я от себя петуха:
Ты жил был у господина на дворе,
Захотелось мне курицу уловить, —
Ты затрёснул, запел-зарычал;
Налетели тут девки с кокота́ми, бабы с помялами,
Так едва меня, лисицы, не убили в ты поры!
Вы — блудники, беззаконники,
По девяти, по десяти жен держите,
А на улицу сходите да деретéсь,
Не над малою корыстью
Напрасную резную кровь проливаете!»

Крылушка обломала, перышка общипала,
Стала с бочка теребить, —
Только и жив был пе́тышка.

IX. ПЕСНИ АРХАИЧНЫЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ И ОБРАЗАМ

242. ЗМЕЙ ГОРЫНИЧ И КНЯГИНЯ

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору.
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
На люта змея, на Горынича.

Кругом ее ножки змей обвился,
Кругом башмачка сафьянова,
Кругом ее чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет ее в белые груди,
В белые груди человечески;
Целует ее во уста сахарные.

От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела;
Носила в утробе чадо девять месяцев.
На десятой-то чадо провещилось,
Провещилось чадо, проговорилось:

«Уж ты гой еси, родная матушка!
Когда я буду на возрасте,
На возрасте в пятнадцать лет,
Уж ты скуй мне палицу боевую,
Боевую палицу во сто пуд.
Мне палица легка покажется,
Уж скуй, матушка, в полтораста пуд.
Тогда-то родимая матушка,
Буду я со змеем дратися,
Зайду к нему в пещерички змеиные,
Сойму с него буйну голову,
Подниму ее на вострый кол,
Поднесу ее к твоему дворцу».

243. ЖЕНА УЕХАВШЕГО КОРОЛЯ УМЕРЛА ОТ РОДОВ

Поехал наш королюшка
На воеваньице,
Покинул сам жену свою
Он на гореваньице
Со малыми, со глупыми-
Он со детушками.

Сто́новился королюшка
В зеленых лугах,
Ложился спать королюшка
Под белый под шатер.
Привиделся королюшке
Удивительный сон:
Из-под правою под ручуньки
Ясен сокол вылетал,
Из-под левою, из-под белою —
Сера утица.

Как встамши наш королюшка,
Встал с дивушку сам дале́й.
«Пойду, спрошу в деревню старушеньку:
К чему клонит этот сон?
Родимая моя баушка,
Рассуди ты мой сон! . .»[1] —
«А я тебе, мой королюшка,
Всее правду скажу, да не похвастаю.
Твоя жена, Марюшенька,
Сынка тебе родила,
Во младыих во летечках
И сама с ним померла».

Бросался как королюшка
В зеленые луга,
И садился королюшка
На доброго своего коня.
Подъезжает как королюшка
К своему к широкому ко двору.

---

[1] Пропущено изложение сна.

Тесовые его воротечки
Все раствореные стоят,
Хрустальные его стеколицы
Завешены черной тафтой,
А полковники и капитанщики
Принапудреные стоят.

Пойду я, спрошу полковничков:
«Кто есть в мой горенке?» —
«Взойди, взойди, королюшка,
Не убойся никого!
Одна твоя жена, Марюшенька,
Во гробе лежит;
Одни твое́ малы детушки
Перед нею стоят,
Перед нею стоят, слезно плачут все».
Взошел же сам королюшка
И пал на белую ей грудь,
И залился королюшка слезьми
Горько-на́-горько.

244. МАТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА ГУБИТ ЕГО ЖЕНУ

Поехал наш князек Михайло
Он во царскую да во службу,
На половина путе́ да большой дорожки
Под нем доброй конь спотыкнулся,
Черная шляпушка с нево да долой свалилась.

Как возговорит князь Михайла:
«Что-то в доме в мое́м нездорово:
Либо матушке моей в живе не стало,
Либо мо́лодой моей княгини!»
Со дорожки князь назад воротилси.
Подъезжает князь к широкому подворью;
Родная матушка ево встречает,
И за белые рученьки ево принимала,
И во уста его целовала.

Как возговорит князь Михайла:
«Уж ты, матушка моя родима,

А где моя мо́лодая княгиня?» —
«Во собор она ушла богу молиться!» —
«Нет, в соборике ее, матушка, там не бывало!»
Побежал князь скоро к нянькам и к мамкам.
«Уж вы, нянюшки мое́, мамки,
И рос-сенные мое́ вы, красны девки,
Вы скажите, деушки, де моя княгиня?» —
«Мы бы ради тебе, князек, сказали: —
Мы твоей мамыньки боимси!» —
«Вы скажите, деушки, не убойтесь!» —

«Твоя мамынька родима,
Жаркую банюшку топила,
Бел-горюч камень она разжигала,
И по белой груде́ княгини катала,
И сразу две она души загубила:
Первую — твою княгиню,
А второва — в ней младенца».
Побежал скоро князек к матушке родимой.
«Уж ты, матушка моя родима,
Ты змея стала скоропе́я!
Зачем ты сразу две души загубила:
Первую—мою княгиню, а второва—в ней младенца?»

245. ЖЕНА КНЯЗЯ МИХАЙЛА СОШЛА С УМА И УТОНУЛА

Как поехал же князь Михайло
В чисто полечко погуляти
Со своими князьями-бо́ярами,
Со советничками потайными,
Со причетничками уда́лыми.
Его добрый-ет конь споткнулся.
«Что ты, добрый мой конь, спотыкаешься?
Али слышишь ты невзгодушку?
Али чувствуешь кручинушку?
Али дома у нас нездоровится?» —

— Молода моя княгиня нездорова:
Ума-разума лишилася,
Во в сине море броси́лася.

Тут-то плыли, выплывали
Две лодочки дубовые,
Рыболовщички молодые;
Они ки́дали и бросали
Белосиненькие неводочки,
Белоду́бовые наплавочки;
Изловили да свежу рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою.
Того рыболовы испугалися,
Все по кустичкам разбежалися:
«Ай, поймали мы белую рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою!» —

Князь Михайло во в чистом поле
Задумал он крепку думушку
Про великую кручинушку.
Его ретивое сердце зашумело,
Ретивое ему не сказало
Про великую его досадушку.
Возговорит князь-ет Михайло тут
Слова ласковые, знакомые:
«Ай-бо, вы, князья мои, бо́яра,
Вы, советнички потайные!
Расскажите-ка кручинушку:
Мой-то добрый конь споткнулся здесь,
Повесил он буйную голову;
Знать, печаль-то мне, кручинушка,
Мне великая невзгодушка!
Молода жена с ума сошла;
Она бросилась во в сине море,
Во в Кивач-реку быструю,
А Иртыш-река поперек бежит.
Воротитесь-ко, князья-бо́яра,
Вы, причетнички богатые!»

Воротился князь Михайло тут,
Он к себе-то во в высок терем.

Как встречали его домашние,
Они бросились на широкий двор,
На широком двору крепко плакали,
Все кричали громкиим голосом:
«Обо еси, великий князь!
Уж мы скажем те, проговорим,
Как случилася невзгодушка:
Княгиня-то, наша матушка,
Ума-разума лишилася;
Она бросилась во в сине море,
Во в сине море, к желтым пескам!»

246. ОБРАЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДЕРЕВО

Злое зелье крапивное,
Еще злее да люта свекра!
Люта свекра — молодой снохе:
«Ты поди, моя невестка! во чисто поле;
Ты стань, моя невестка, меж трех дорог,
Четырех сторон,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою!»

Туда ж ехал добрый молодец;
Он стал под рябинушку,
Кудрявую, кучерявую;
Без ветру рябина зашаталася,
Без дождю рябина мокра стала,
Без вихрю рябина к земле клонится,
За черные кудри ловится.

Приехал сын к матери:
«Сударыня, моя матушка!
Иде ж моя молода жена?» —
«Твоя жена с двора сошла,
С двора сошла, детей свела!» —

«Сударыня, моя матушка!
Сколько в службе не езживал,
Такого дива не видывал:

Как в поле, промеж трех дорог,
Меж трех дорог, четырех сторон,
Как стал я под рябинушку,
Кудрявую, кучерявую,
Без ветру рябина зашаталася,
Без дождю рябина мокра стала,
Без вихрю рябина к земле клонится,
За черные кудри ловится!» —

«Возьми, сын, ты остру саблю,
Ссеки рябину под корень!»
Он раз вдарил, она охнула,
Другой вдарил, она молвила:
«Не рябинушку секешь,
Секешь свою молоду жену!
А что веточки — то наши деточки!»
Пришел сын да и к матери:
«Не мать ты мне, не сударыня,
Змея ты мне подколодная!
Свела ж ты мою молоду жену,
Сведи теперь меня!»

247. ОБРАЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДЕРЕВО

(вариант)

Ай, молодость, молодость,
Да чем тебя вспо́мянуть? (2)

Ай люй люли, ай люли,
Да чем тебя вспомянуть?

Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною, (2)
Тоскою кручиною,
Великой печалию. (2)
Пойду млада по воду,
Скачу ведра под гору; (2)
Скачу ведра под гору,
Сама взойду на гору;
Сама взойду на гору,
Раскинуся яблонью;

Раскинуся яблонью,
Яблонью кудрявою.

Тут ехали бо́яри
С семидесят го́родов,
Колют в доски тонкие
Делать гусли звонкие.
Кому в гусли по́играть?
Кому под них поплясать?

248. ЕЛИНКА ПРИКРЫВАЕТ ТЕЛО УМИРАЮЩЕГО

Край дорожки, край широкия, московской,
Тут стояла зеленая, темна роща;
В этой рощице стоит в углу елинка;
Как на этой, на высокой на елинке,
Что на самой, на зеленой на вершинке
Тут сидела, горевала вольна пташка,
Горе-горькая то серая кукушка . . .
Не кукует она, бедная, тоскует,
Под елинушкой все пташка примечает.

Под елинушкой убит лежит молодчик,
Не убит Иван — лежит он не застрелен,
Только острыми копьями весь исколот.
На нем тонка, тонка белая рубашка,
Тонка, белая и вся покрыта кровью.

Как промолвит тут Иванушка словечко:
«Ах, ты матушка, зеленая елинка!
Распусти-ка надо мною зелены ветви,
Молодецкое прикрой ты бело тело,
Чтобы люди надо мною не смеялись,
Частым дождичком чтоб тела не мочило,
Красным солнышком чтоб тела не сушило,
Чтобы люты звери тела не таскали,
Черны вороны чтоб тела не клевали,
Чтоб отец и мать об этом не узнали».

249. СОФЬЯ И ВАСИЛИЙ

Было-то у вдовушки девять сыновей,
Одна была дочь, одинешинька . . .

Хотела сказать я: «Господи, прости»,
А попало сказать: «Васильюшка, братец!
Ты потронься, подвинься поближе сюда!»

Васильева матушка лиходейка была,
Поскорешенько сходила во зеленый сад,
На гривенку купила зелья лютого,
На другую купила зелена вина.
Софии подносила зелье лютое,
Василью подносила зелено вино.
«Софиюшка пей, Василью не давай!
Васильюшка пей, Софии не давай!»
Софьюшка пила, Василью поднесла;
Васильюшка пил, Софии подносил.
Вот молвила Софья: «Сердечко щемит!»
Вот молвил Василий: «Головка болит!»
И вот к утру-свету преставилися.

Головку Софии крутили в парчу,
Василья крутили в камчату тафту.
Садили гроб Софьи крупным жемчугом,
Садили Васильев гроб чистым золотом.
Несли гроб Васильев на буйных главах,
Несли гроб Софии на белых руках.
Василья хоронют с восточной страны,
Софию хоронют под западную.

Разрослась на Василье золотая верба,
На Софиюшке вырос кипарисовый куст,
Листочки с листочками слипалися;
Пруточки с пруточками свивалися.
Старый пойдет — расплачется;
Молодой пойдет — раздивуется,
Малый пойдет — распотешится . : .
Васильева матушка лиходейка была,
Поскорешенько вербу повыломала,
Кипарисное древо повырубила.

250. ЦЮРИЛЬЁ ИГУМЕНЬЁ

У цюдного креста у благовещенья
Не было попа да всё не дьякона,
Не было большого да запеватеня;
Было сорок девиць да со девицею,
Было сорок робиць да со робицею;
Тут было-жыло Цюрильё игуменьё.

Здумали девици к обедни ходить,
Здумали девицы молебны служить.
Да на правом-то на крылосе Василей-от поет,
Да на левом-то на крылосе Снафидушка поет.
Тут Василий поет: «Да подай, боже»;
Да Снафида поет: «Да подай все сюды, [1]
Я тобя не вижу, жыть ни быть не могу».
Тут Василий со Снафидушкой смигалисе,
Злаценым перснем да поменялисе.

Тут уцюл-то Цюрильё игуменьё:
«Уж вы, сорок девиць да со девицею,
Уж вы, сорок стариць да со старицею!
Уж вы дайте-тко Снафиды да несушеной ржи молоть;
Ешше пусть-то Снафидушка утешитьсе,
Ешше пусть наша Давыдьёвна утрыщетьсе».

Воспроговорил Василий Романовиць:
«Уж вы, сорок девиць да со девицею,
Уж вы, сорок стариць да со старицею!
Уж вы дайте-тко Снафиды звонцаты гусли играть;
Ишше пусть моя Снафидушка утешитьсе,
Да ишше пусть моя Давыдьёвна унежитьсе».

Тут уцюл Цюрильё да егуменьё;
Он пошел ко змеи да к серопегое:
«Змея, ты, змея да серопегая!
Уж ты дай мне-ка зельиця лютого,
Лютого зельиця розлюцьнёго
Розлуцить мне Василия Романовиця
Що со младой со Снафидушкой со Давыдьёвной».

---

[1] Вероятно вместо: подайся.

Наливает-то Цюрыльё егуменьё,
Наливает стокан зельиця лютого;
Он да подавает Снафидушки Давыдьёвной
«Ты прими, Снафидушка Давыдьёвна,
Уж ты нашого пивьця да маластырьского;
Нашо-то пивьце да на просыпку лехко».

Спроговорит Снафидушка Давидьёвна:
«Уши-ти выше не живут головы,
Жононьки больше не живут мужовьей» . . .

Подавает-то Цюрильё егуменьё,
Он да подаваёт Василью Романовицю:
«Да ты прими, Василий Романовиць,
Ишше нашого пивьця да маластырьского;
З нашого пивьця да не болит голова,
Нашо-то пивьцё да на просыпку легко́».

Принимает Василий правой рукой,
Выпивает-то Романовичь едным духом.
У Василья резвы ноги подломилисе,
У Василья белы руки опустилисе,
У Василья голова с плець покатиласе.

Подаваёт-то Цюрильё-то егуменьё,
Подаваёт-то Снафидушки Давидьёвной:
«Ты прими, прими, Снафидушка Давидьёвна,
Уж ты нашого пивьця да маластырьского;
С нашого пивьця да не болит голова,
Нашо-то пивьцё да на просыпку легко».

Принимает Снафида правой рукой,
Выпивает-то Давыдьёвна едным духом.
У Снафиды резвы ноги да подломилисе,
Да у Снафиды белы руки опустилисе,
У Снафиды голова с плець покатиласе.

Тут-то Цюрильё испужалосе.
Всё да на Васильевой могилы, на Снафидиной

Выростало два деревьця кудрявые;
Они вме́стях кореньицемь сросталисе,
Да они вме́стях вершиноцькой свивалисе.
Да тут народ, все люди здивовалисе.

Тут уцюл Цюрильё егуменьё.
Он пошел-то ко старьцю в келейку:
«Уш ты, старець, ты, старець в келейки!
Що же тако цюдо цюдилосе?
На Васильёвой могилы, на Снафидиной
Да выростало два деревьця кудрявые;
Они вме́стях кореньицем сросталисе,
Они вме́стях верьшиноцькой свивалисе».

«Стань-ко, Цюрильё, на праву да на ногу,
Посмотри-тко ты, егуменьё, на леву на руку;
Що на руки у тебя потписаноё,
Що на левой да напецятаноё?»
Стал-то Цюрильё на праву на ногу,
Посмотрел тут егуменьё на леву на руку:
«То на руки у меня потписаноё:
Василей со Снафидой в пресветлом раю». —

«Уж ты стань-ко, Цюрильё, на леву на ногу,
Посмотри-тко ты, егуменьё, на праву на руку;
Що на руки у тя написаное,
Що на право́й да напецятаноё?»
Стал тут Цюрилье на леву на ногу,
Посмотрел тут егуменьё на праву на руку:
«То на руки у меня написаное:
Да Цюрильё егуменьё да в кромешной в ад».

251. ИВАН ДОРОДОРОВИЧ И СОФЬЯ ЦАРЕВНА

Ише было-то во городи во Киеви,
Ай ў ласкового князя у Владимера,
Там была-то у ево племяньниця любимая,
Ише та-ли ведь Софья, все царевна-та;

Ише был-то Иван да Дородбровиць.
Они жили-были-то от города неподалеку тут.

А народ, вси люди добры, про их все проводили тут
Говорил-то тут Иван все Дородоровиць:
«Уж ты гой еси, ты Софья ты, царевна-я!
Ай погинули народ вси православные
Как за наши-ти за души, души правядны!
Посмотри-ко ты сходи да в зелены сада́:
Вси опали-то сада, да с древа всяко листьицё зелёноё,
Через то ведь опал да всё зелёной лес,
Вси погинули народ ведь православной-от, —
Осужали они нас все понапрасному».

Зазвонили-то к заутрени всё к ранною,
Тут ставает Софья, все царевна-та,
Она будит-то Ивана Дородбровиця:
«Ай ставай-ко ты, Иван-свет Дородоровиць,
Двоюрóдной ты ведь мой да милой брателко!
У мня теплятце лампадки масла божьёго,
Вси затéплёны свешши да воску ярого».

Говорит-то ей двоюродной все брателко
Шьто по имени Иван да Дородоровиць:
«Я севодьне всё ведь видел страшной сон,
Уж я страшной сон, всё я не знаю как:
Я иду будто, иду да во божью́ церьковь;
Набегали мужики будто ко мне настрецю-ту,
Отрубили и отсекли мою голову».

Тут става́ёт он, скоро одеваитце,
Он приходит во божью церьковь да богу молитце.
Во божьей-то церьквы всё да ёгó поносить стали:
«Уж ты гой еси, Иван-свет Дородоровиць!
Розведитесь вы ведь с Софьей-то, с царевной-то,
Не приводите нас во грех, да людей многиих».

Говорит-то тут Иван да Дородоровиць:
«Кабы ум-то у вас был, дак не грешили бы:
Ище Софья-та-царевна — я ей сцитаю за родну сестру».

Не внимают мужики всё деревеньские;
Говорят они ему да таковы реци:
«Мы ведь станем-то тебя да все посматривать».[1]

Он приходит домой, да сам росплакалсэ;
Говорит-то Софья, все царевна-та:
«Не тужи-ка ты, не плаць, мой двоюрóдной брателко!
Не оставит нас господь, всё бох помилует».

Только поконьцили рець свою печальную,
Отпираютце двери скоро нá пяту.
Тут приходит два-та палаця всё немилóсьливы;
Они отсекли у Ивана Дородоровиця,
И отсекли у ёго хоть буйну голову;
Они взели-то Софью, всё царевну-ту,
Ее взели они да за русý косу,
Ей убили тоже всё смертью напрасною.
Погребли они ведь скоро ихны всё святы тела;
У их выросло-то на могилах вси разны́ цветы,
Шьчо у тех-ли у мошшей, мошшей нетленных.

252. ДЕВУШКА ПРОКЛИНАЕТ РЕКУ, УТОПИВШУЮ МИЛОГО

«Ой, матушка, тошно мне,
Сударыня, грустно мне,
Умереть с горя хочу!» —
«Не умирай, дитятко,
Не умирай, милое,
Без духовного попа!
Не привесть ли, дитятко,
Не привесть ли, милое,
Да духовного попа?» —
«Не надо мне, матушка,
Не надо, сударыня,
Мне духовного попа:
Приведи мне, матушка,
Приведи, сударыня,
Я кого верно люблю;
Люблю я, матушка,

[1] «Убить хотят!»

Люблю, государыня,
    Я донскóва казака».
Казачек милёшенек,
Казачек глупёшенек,
    Казак добрый человек.
Чесал казак кудерьки,
Расчесывал русые
    Часты́м рыбьим гребешком.
Расчесамши кудерьки,
Расчесамши русые,
    Пухову́ шляпу надел.
Надемши он шляпочку,
Надемши пухóвую,
    Вдоль по улице прошел:
Прошедши он улицу,
Прошедши широкую,
    Быстра реченька бежит.
По этой по реченьке,
По этой по быстроей,
    Тóнка жёрдочка лежит;
По этой по жёрдочке,
По этой по тоненькой,
    Мой миленький перьходил.
Перьломилась жёрдочка,
Перьломилась тоненька,
    Мой любезный потонул.
Свалилася шляпочка,
Свалилась пухóвая
    С удалова мóлодца;
Поплыла эта шляпочка,
Поплыла пухóвая
    Вдоль по быстрой по реке:
Увидала девица,
Увидала красная,
    Из высóка терема,
Проклинала девица,
Проклинала красная,
    Эту быструю реку:
«Занесло бы реченьку,
Занесло бы быструю,

Да желтым песком!
Каково же реченьке,
Каково же быстроей,
Без крутых берегóв?
Таково-то девице,
Таково-то красавице
Без милова жить без дружка!»

253. ДЕВУШКА ПРОКЛИНАЕТ РЕКУ, УТОПИВШУЮ МИЛОГО

(вариант)

Ко Дунайскому крутому бережочку,
По тому же по сыпучему песочку,
Тут ходила-то душа красна девица.
Доходила до трех братьев выборовых,
Воздрыданьице словечушко промолвит:

«Не слыхали ль, не видали ль про милова?»
Ну большой-от говорит: «Я не видел!»
Ну середний говорит: «Я не слышал!»
А меньшой-то говорит: «Я-то слышал!
На Дунайском на крутом на бережочке,
На том же на желтом на песочке
Стояла гробница белдубова.
Тут лежало бело тело молодецко,
Бело тело твоего лежит милова.
Потонул он во батюшке тихом Доне!» —

«Не спасибо тебе батюшке, тиху Дону!
Разлучил мово милого от дому,
Потопил своей тихою водою!
Я пойду, пойду на берег на прикрутой,
Кинусь-брошусь я с крутого бережечка!»

254. ПЕРЕВОЗЧИК И ДОЧЬ СОЛНЦА И МЕСЯЦА

«Красен лесок, черемушник,
Когда ты рос, когда ты цвел?» —
«Я рос (2) под дождичком,
(Я) цвел (2) под солнышком!»

Красны девушки боярыни
Пошли в бор по ягоды.
Пришли девки ко быстрой реке:
«Есть ли перевозчичек? . .
Перевозчик, добрый молодец,
Первези нас на свою сторону».

Все девки переехали,
Одна девка оставалась.
Она ему говорит:
«Перевощик, добрый молодец,
Первези меня на свою сторону!» —
«Я первезу, тебя за себя возьму».

Она ему говорит:
«Сукин сын, перевозчик,
Ты спросил бы меня,
Чьего я роду, чьего я племени.
Я роду ни большово и ни меньшово:
Мне матушка — красно солнышко,
А батюшка — светел месяц,
Братцы у меня — часты звездушки,
А сестрицы — белы зорюшки».

255. КАННИБАЛЬСКОЕ УГОЩЕНИЕ

«Не сиди, девушка, поздно вечером,
Ты не жги, не жги восковой свечи,
И не шей, не шей брана пологa,
И не трать, не трать пусто золота!
Не спать девушке в этом пологе,
Тебе спать, девушка, во синем море,
Во синем море, на желтом песке,
Обнимать девушке круты берега,
Целовать девушке сер горюч камень!» —

«Не серди меня, добрый молодец!
Ведь я, девушка, не безродная:
У меня, девушки, есть отец и мать,
Отец и мать, два братца милые.

Я велю братцам подстрелить тебя,
Подстрелить тебя, потребить душу.
Я из косточек терем выстрою,
Я из ребрышек полы выстелю,
Я из рук, из ног скамью сделаю,
Из головушки ендову солью,
Из суставчиков налью стаканчиков,
Из ясных очей — чары винные,
Из твоей крови наварю пива.

Позову я в гости всех подруженек,
Посажу я всех по лавочкам,
А сама сяду на скамеечку:
«Вы, подруженьки, мои голубушки,
Загану же я вам загадочку,
Вам хитру-мудру, не отгадливу:
Во милом живу, по милом хожу,
На милом сижу, из милого пью,
Из милого пью, кровь милого пью».
Тут все девицы призадумались;
Одна девица и прирасплакалась.
Эта девица была сестрица.
«Говорила я братцу милому:
Не ходи, милой, к девушке в слободу,
Что она тебя ведь совсем сгубит!»

256. ЦАРЬ ДАВЫД И ЕГО ДОЧЬ ОЛЕНА

У царя у Давыда
Был сын Соломон,
Была дочка Олёна.

Дочку призывает:
«Ох ты дочка, Олёна!
Вставай ты поутру поране,
Умойся ты беленько,
Надевай ты платье подвенечно». —
«Ох ты, батюшка разумный!
Кажи ты мне законного брака,
Что я буду его знати?» —

«Твой жених стоит в божьей церкви,
В божьей церкви тебя дожидается».
Она в божью церкву пришла:
Увидала свово брата;
Закон не примает,
Мать венца на главу не надевает.
Все с себя цветно платье кидала,
Башмачки и чулочки с ног бросала.

Побегла она по беленькому по снежочку,
По лютому по морозу.
Подбегла она ко батюшкиному к окошку:
«Ох ты, батюшка родимый, отоприся!» —
«Ох ты, дочка Олёна!
Назови ты меня лютыим свекром?» —
«Ох ты, батюшка родимый!
Где это виделося,
В котором царстве случилося,
Чтобы батюшку лютым свекром назвати?»

Побегла она ко матушкиному к окошку
По беленькому по снежочку,
По лютому по морозу:
«Ох ты, матушка родима, отоприся!
Все я ноженьки свои признобила». —
«Ох ты, дочка Олёна!
Назови ты меня лихою свекровью!» —
«Ох ты, матушка родима!
Где это случилося,
Чтобы матушку свекровью назвати?»

Побегла она ко братнину к окошку:
«Ох ты, братец, родимый ты, отоприся!
Все я ноженьки признобила». —
«Ох ты, сестрица родима!
Назови ты меня законныим браком!»
«Ох, братец родимый!
Где это случилося,
Чтобы сестру родну брату взяти?»

Побегла она во чистое поле,
Всплакнула она своим жалкиим голосом:
«Ох, вы собегайтеся, лютые звери,
Вы съедайте мое бело тело:
Моя душа много согрешила.
Солетайтеся, карги-вороны, черны вороны,
Растерзайте вы мое тело белое!»
И собегалися лютые звери,
Солетались карги-вороны, черны вороны,
Растерзали ее тело белое
И растаскали ее тело по чисту полю;
Пошла ее душенька ко господу богу.

257. БРАТ ЛЮБИТ СЕСТРУ

Кончил курс своей науки,
Я в дом родительский попал.
Просил отца благословенья,
Которова отец не дал.

Друзья! пред вами сознаюся,
Сестру родную сполюбил,
Всегда преследовал за ею,
Всегда к любви ее склонял.
Зашел однажди к сестре в спальню.
Тихонько двери растворил,
Пал пред нею на колени,
Сказал: «Люблю, сестра, тебя».
Сестра от жалости сказала:
«Люблю, братец, тебя!»

Шибко двери растворились,
Юсходит грозный их отец,
Глаза свирепостью блистали,
Узор свой кинул на детей.
«Уж вы, дети мои, дети,
Нашто пролйли кров мою!
Уж ты, сын мой недостойный,
Тебе на каторгу сошлю!
Уж ты, дочь моя, красýтка,
С тебе голову снесу!»

С отколь ангел заявился,
Всех урозь их разогнал.

258. БРАТ ЖЕНИЛСЯ НА СЕСТРЕ

Как на горке, на горе,
На высокой, на крутой,
Стоял новой кабачок,
Сосновенький чердачок.
Как во этом чердачке
Пьет голенький мужичок.

Богачи дивуются,
На что он пируется.
«Не дивуйтесь, богачи!
Шинкарочке заплачу!
Разменяю талера, —
Куплю пива и вина!
Шинкарка, шинкарочка,
Поверь мне пивца, винца!» —
«Верю, верю, младый пан,
На тебе синий кафтан,
За тебя дочку отдам!
Моя дочка Анночка —
Распрекрасна кралечка!»

В субботу помолвлена,
В воскресенье венчана.
Поехали ко венцу,
Не сказалися отцу;
Приехали от венца,
Спросили пивца, винца;
Стали пить-попивать,
Поименно называть.

«Скажи, скажи, младый пан,
Как по имени зовут?» —
«Из мещан я мещанин,
По прозванью Карпов сын.

Скажи, скажи, млада панья,
Как по имени зовут?» —
«Из мещан мещанка я,
По прозванью Карповна». —
«Поди, сестра, в монастырь
Замаливать тяжкий грех,
А я пойду в темный лес!»

259. СЕСТРА И БРАТ

С вечера позднехонько девки думал-думали,[1]
На белой-то зоре в лес по ягоды они (пошли),
За калинкою, за малинкой, за черной смородиной.
В лесу все девушки, все красны ягод принабрались они.
Одна Машенька не набрала ничего,
Заплуталась красна девка в лесу,
Заплутавшись становилась ко дубу.

Мимо девушки, мимо красной
Никто не проедет, не пройдет,
Только зайка серой пробежал.
Как за заинькой, за серым люта львица прошла.

За львицей, за лютой млад охотничек едет,
Не доехавши охотник, со добра коня слезал,
Подошедши к красной девке, низко кланялся он ей.
Не спрося он ума-разума своего,
Стал он с девкой шуточки шутить.
Отшутимши шуточки, стал выспрашивать ее:

«Скажи, девушка, скажи, красная,
Чьего матери отца?»
Отвечала красна девка:
«Я не царского и не барского, богатого отца дочь;
Нас у батюшки было семь дочерей,
Восьмой-ет братец ко царю служить пошел,
А девятой братец в лес охоту возымел».

---

[1] Повторение неполного слова при пении в условиях музыкального размера.

Узнает охотник — девка родная ему сестра,
Вынимает млад охотник свой булатный острый нож.
«Прощай, девка, прощай, красная,
Прощай, родная сестра!»
Зарезал охотник сам себя.

260. МАТЬ ХОЧЕТ ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА СЫНА

Как у Брянска купца
Была дочка хороша,
По горенке ходила,
Двух купчиков любила,
Двух сыночков родила,
Сама бабушкой была,
В пеленочки сповила,
На Дунай речку снесла:
«Вы крутые береги,
Детей моих стерегй!
Вы желты мелки пески,
Не давайте мне тоски!
Красна лодочка плывет, —
Сколыхни моих детей.
Соловей, мой соловей,
Не буди моих детей!»

На двенадцатом году
Пошла девка по вodý,
Стала девка воду брать,
Стал корабль приплывать.
Там два молодца сидит,
Один весельцем правйт,
Другой речь говорит:
«Что-ж ты, девица, стоишь?
На нас, молодцов, смотрйшь?» —
«Уж я, девица, стою,
На вас, молодцов, смотрю:
За одного замуж пойду,
За другого дочь отдам». —
«Уж ты девица умна,
Ты нам матушка родна».

261. ДОЧЬ ТЫСЯЧНИКА

Я у батюшки дочка была, у тысяшничка,
У тысяшничка;
Приневолил меня рóдный батюшка
Замужь девушку итти,
Да итти, да и замужь
Девушку итти,
На все грехи тяжки,
Грехи тяжки поступить,
Тяжки поступить.

Да дождуся я, девка, темной ночи,
Во полночи уйду во темный лес,
Да в лес.

Я молилась, девка, трудилась,
Девяносто лет, девка, я со зверьми,
Со зверьми;
Да не видала я, краснá девчонка,
Человечева лица,
Я лица;
Да не слыхала я, краснá девчонка,
И я звону, я божьего,
Божьего.

Да как у девушки стало лицо,
Как дубовая словно кора,
Да кора;
Да у девушки стали виски
Словно беленькой лянок,
Да лянок.
Я да пойду я, девка, побреду я
Ко своему батюшке на двор,
Я на двор;
Да настречу мне, красной девчонке,
Да святой идет монах,
Да монах.
Да испужался он, святой монах,
Человечева лица,
Да лица.

«Да не пужайся, святой монах, да
Эта кожа — человек,
Человек,
Да исповедай меня, причасти ты,
Во святые мощи отпусти».

262. НЕВЕСТА ТОНЕТ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Ходил, гулял по Дону козак молодой,
Льет девиця слезы над быстрой рекой.
«Об цем, девиця, плацешь, об цем слезы льешь,
Аль нет отця родного, аль се́стер жаль?» —

«Как мине не плакать, как слез не ронить:
Миленькие мои братцы вдаль ладят отдать,
Миленьки-ти невестки засватать велят.
С тобой я, милой, обруцялась, охотой иду!
Когда я бы́ла молоде́нька, ребенком жила,
Ходила я, гуляла по улице одна,
На встрецю мне цыганка — праву́ю руку́ брала,
Она думала, гадала, кацяла головой:
«Ты несцястная девиця, несцястна й судьба:
Ты, красавиця, потонешь в свой свадебной день!» —

«Ты не верь-ко да не верь, милая, цыганке младой,
Я тебе, мила́я, устрою я цигунной мост.
Мост цигунной-от и длинной на тысяцю верст,
По бокам я поставлю ширинку солдат,
Я впиред по́шлю двести, триста́ позади».

Весь поезд трону́лся, становился в ряд,
Под невестой конь поткнулся, поткнулся да упал.
Упал, упал, провалился крозь цигунной мост,
Карета упала с невестой в волну.

Тут невеста скрыцяла: «Прощчай, белой свет!»
Ещчо повторила: «Прощчай, милой друг!»
Жених испугался, пару слов сказал;

«Не прахом-ли тибя взяло, глубокой волной!
Подайте мне китару звонцяту мою
Разыграть мне-ка горе, разгонить тоску!
Вирю я цыганки, вирю молодой!»

263. БЕСЧАСТНЫЙ МОЛОДЕЦ

Ты, бессчастный добрый молодец,
Бесталанная твоя головушка! . .
Что ни в чем-то мне, братцы, талану нет,
Ни в торгу, братцы, ни в товарищах;
Что ссылают меня с корабля долой:
«Ты сойди, сойди с корабля долой!
От тебя ли, от бессчастного,
Сине море взволновалося,
Все волны в море разыгралися».

Уж как взговорит бессчастный молодец:
«Мы пригрянемте все в веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко часту кусту ракитову,
И мы срежемте по прутику,
И мы сделаемте по жеребью,
Уж мы кинемте во сине море!»
Уж как все жеребьи поверх воды,
А бессчастного — как ключ ко дну!

264. БЕССЧАСТНЫЙ МОЛОДЕЦ И РЕКА СМОРОДИНА

Когда было молодцу
Пора-время великое,
Честь-хвала молодецкая,
Господь-бог миловал,
Государь-царь жаловал,
Отец-мать молодца
У себя во любве держал;
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися;
Суседи ближние
Почитают и жалуют;

Обложка песенника-листовки, изд. Коноваловой, М., 1914

Друзья и товарыщи
На совет съезжаются —
Совет советовать,
Крепку думушку думати,
Они про службу царскую
И про службу воинскую.

Скатилась ягодка
С сахарного деревца;
Отломилась веточка
От кудрявыя от яблони;
Отстает добрый молодец
От отца, сын от матери.
А ныне уж молодцу
Безвремянье великое:
Господь-бог прогневался,
Государь-царь гнев взложил,
Отец и мать молодца
У себя не в любве держат,
А и род-племя молодца
Не могут и видети,
Суседи ближние
Не чтут, не жалуют,
А друзья-товарыщи
На совет не съезжаются —
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.

А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая.
С кручины-де молодец,
Со печали великия
Пошел добрый молодец,
Он на свой конюшенный двор;
Брал добрый молодец,
Он добра коня стоялого;

Наложил добрый молодец,
Он уздицу тесмяную,
Седелечко черкаское;
Садился добрый молодец
На добра коня стоялого;
Поехал добрый молодец
На чужу дальну сторону.

Как бы будет молодец
У реки, у Смородины,
А и змолится молодец:
«А и ты, мать быстра река,
Ты, быстра река, Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды конины,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!»
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
«Я скажу те, быстра река,
Доброму молодцу,
Я про броды конины,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые.
Со броду кониного
Я беру по добру коню,
С перевозу частого —
По седелечку черкескому,
Со мосточку калинова —
По удалому молодцу;
А тебя, безвремянного молодца,
Я и так тебя пропущу!»

Переехал молодец
За реку, за Смородину,
Он отъехал, молодец,
Как-бы версту, другую,
Он своим глупым разумом,
Молодец похваляется:

«А сказали про быстру реку, Смородину:
Не протти, ни проехати
Не пешему, ни конному;
Она хуже, быстра река,
Тое лужи дожжевыя!»

Скричит за молодцем, как в сугонь,
Быстра река Смородина
Человеческим языком,
Душой красной девицей:
«Безвремянный молодец,
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечные —
Два востра ножа булатные,
На чужой дальной стороне —
Оборона великая».

Воротился молодец
За реку, за Смородину.
Нельзя что не ехати
За реку, за Смородину . . .
Не узнал добрый молодец
Того броду конииого,
Не увидел молодец
Перевозу частого,
Не нашел добрый молодец,
Он мосточку калинова;
Поехал-де молодец,
Он глубокими омуты.
Он перву ступень ступил, —
По черев конь утонул;
Другу ступень ступил, —
По седелечко черкеское;
Третью ступень конь ступил, —
Уже гривы не видети!

А и змолится молодец:
«А и ты, мать быстра река,
Ты, быстра река, Смородина!

К чему ты меня топишь,
Безвремянного молодца?»
Провещится быстра река
Человеческим языком,
Она душой красной девицей:
«Безвремянный молодец!
Не я тебя топлю,
Безвремянного молодца, —
Топит тебя, молодец,
Похвальба твоя, пагуба!»

Утонул добрый молодец
Во Москве-реке, Смородине;
Выплывал его добрый конь
На крутые береги;
Прибегал его добрый конь
К отцу его, к матери;
На луке на седельныя
Ярлычок написанный:
«Утонул добрый молодец
Во Москве-реке, Смородине».

265. НЕИЗБЫВНОЕ ГОРЕ

Ах, ты, сердце мое, сердце,
Ретивое молодецкое,
Все ты ноешь-унываешь,
Ничего ты мне не скажешь,
Ни радости, ни веселья,
Что ни злой большой кручины!

Привязалося ко мне горе,
К молодому человеку.
Мне не сбыть горя, не сжити,
Ни в беседушке засидети,
Ни в компании загуляти,
Ни запить горя, ни заести!
Я не знаю, как мне быти,
Своему горю пособити! . .

Я пойду ли в чисто поле,
Я рассею свое горе
По всему ли чистому полю . . :
Уродись ты, мое горе,
Ты травою-муравою,
Белой ярою пшеницей . . :

Посадили молодца в темницу;
Во темнице свету нету;
Только свету со сторонки,
Со сторонки со восточной.
Прилетала ко мне птица,
Приносила она письма
И печальные мне вести:
Отец с матерью при смерти,
Молода жена скончалась.
Я стану, молодец, проситься
С отцом, с матерью проститься;
Я заеду в чисто поле,
Посмотрю на свое горе.

Уродилось мое горе
Полынь-горькою травою.
Ни скосить полынь не можно,
Ни конем ее скормити . . .
Знать, мне век мой будет жити
В злой и горестной кручине.

266. НЕИЗБЫВНОЕ ГОРЕ

(вариант)

Я пойду, молода, к торгу на ярмонку,
Ой да лилешуньки к торгу на ярмонку.
Семянов куплю я ж три семечка,
Ой да лилешуньки я ж три семечка.
Первое семечко — винная ягодка,
Другá семечко — виноградное,
Третье семечко — горе великое.

Через три дня я ж пойду
Ў свой зеленый сад семена садить.
Винную ягодку я — под яблоньку,
Виноградную я — под грушицу,
Горе великое я под тын мечу.

Через три дни я ж пойду
Ў свой зеленый сад семена глядеть.
Винная ягодка — несходимая,
Виноградное — неродимое,
Горе великое с тынóм рамно,
Со тынинкою, с хворостинкою!

Горе великое под корéнь ломлю,
Я за тын мечу, я конем топчу,
Конем вóроным, кругом кованым . . .

На коню сидит добрый молодец,
Добрый молодец, сын отеческий.
Сын отеческий, свет-Стехванушка, сын Ильинович.
Уронил плетку, плеть шелковую, сторублеву́ю.
«Уж ты, друг ты мой, ты Анисьюшка,
Друг Анисьюшка, друг Семеновна,
Ты подай плетку, плеть шелковую». —
«Не могу поднять, не могу подать:
Не могу подать, руки заняты,
На руках дите се мое лежить».

267. ГОРЕ, ПРЕСЛЕДУЮЩЕЕ МОЛОДЦА

А и горе, горе, гореваньице!
А в горе жить — некручинну быть,
Нагому ходить — не стыдитися,
А и денег нету — перед деньгами,
Появилась гривна — перед злыми дни!
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхого.

Не откормить коня сухопарого,
Не утешити дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера!

А горе, горе, гореваньице!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я от горя в темны леса —
А горе прежде век зашел;
А я от горя в почестный пир —
А горе зашел, впереди сидит;
А я от горя на царев кабак —
А горе встречает, уж пиво тащит!
Как я наг-то стал, насмеялся он!

268. ГОРЕ ПРЕСЛЕДУЕТ ДЕВИЦУ

Уж как шло горе по дороженьке;
Оно лыками горе связано,
И мочалами перпоясано;
Привязалось горе к красной девушке.

Уж я от горя во чисто поле —
Горе за мной с косой бежит:
«Выкошу, выкошу все чисты поля,
Сыщу-найду красну девицу!»

Уж я от горя в зелены луга —
Горе за мной с серпом бежит:
«Выжну, выжну зелены луга,
Сыщу-найду красну девицу!»

Уж я от горя во темны леса —
Горе за мной с топором бежит:
«Вырублю, вырублю я темны леса,
Сыщу-найду красну девицу!»

Уж я от горя в монастырь пойду —
Горе за мной несет ножницы:
«И здесь сыщу красну девицу!»

Уж я от горя во сыру землю —
Горе за мной со лопаткою;
Стоит горе, усмехается,
Собой горе похваляется:
«Доконал, доконал красну девицу!
Вогнал, вогнал во сыру землю!»

X. ПЕСНИ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К ЖИВОТНОМУ ЭПОСУ

269. БОБЕР И ЛИСА

На реке было, на речке, на Унже реке,
На быстрой реке купался бобер.
Не выкупался, весь выгрязнился;
На гору взошел, отряхивался;
Под гору сошел, ложился под куст.

Приходила лиса, будила бобра:
«Вставай-ка, бобер, вставай, молодой!
Охотнички свищут, черна бобра ищут,
Хотят бобра бить, хотят застрелить,
Лисью шубу шить, бобром опушить,
Катю нарядить, гулять отпустить!»

270. БОБЕР И ЛИСА

(ВАРИАНТ)

У колодезя у студеного купался бобер,
Купался бобер, купался черной.
Покупавшись, бобер на гору пошел;
Обсушается, отряхается.

Охотнички ездят, черна бобра ищут,
Хотят бобра убити, хотят облупити
Да шубку шити, бобром опушити,
Пастуховой жене подарити.
Пастухова жена — неурядливая:
Шубку наденет, животину погонит,
Захлюстается;
Пришедши домой, шубку скинет,
Под лавочку кинет.

У колодезя у студеного купался бобер,
Купался бобер, купался черной.
Покупавшись, бобер на гору пошел;
Обсушается, отряхается.
Охотнички ездят, черна бобра ищут,
Хотят бобра убити, хотят облупити
Да шубку шити, бобром опушити,
Красной девице подарити.

271. СОБОЛЬ И КУНИЦА

Далеченько в чистом поле,
Еще тово подалече, при раздолье
Стояла в долу белая береза;
Со кореню береза свилевата,
Ко вершинушки кудревата,
Бумажными кисточками щеголевата.

Под той ли под белой под березой
Спит-почивает черный соболь со куницей.
Куница черному соболю говорила:
«Не ложись, черный соболь, возле краю,
Наумовы охотнички по займищу разъезжают,
Шелковы тенеты разметали,
Хотят тебя, чернова соболя, поймати,
Хотят с тебя, чернова соболя, шкуру сняти,
Из твоей шкуры хотят шубу сшити,
Мной, куницей, обложити».

272. ДВА ТУРА И ТУРИЦА

Мы вечор, братцы, были пьяны,
А на утро нечем похмелиться.
Да мы скинемся, братцы, по денежке,
Мы по денежке да по серебряной;
Да мы купим, братцы, зеленого вина,
Зеленого вина да полтора-то ведра;
Да мы выйдем за град, прогуляемся,
Да за ту же стену белокаменную;
Мы взойдем же, братцы, на крутую гору,
Да сядем, братцы, за единый круг,

Да мы сядем, братцы, похмелимся,
Да мы выпьем, братцы, по чарочке,
Да по чарочке зеленого вина! . .

Да вы, слуги мои, слуги верные!
Вы подайте мне золотую трубу,
Золотую трубоньку подзорную.
Мы посмотрим-ка, братцы, во далечу,
Мы во далечу да во чистое поле.
Как не во далече да во чистом поле,
Там не пыль-кура да споднималася,
Споднимавши кура с земли до неба;
Там увидели два гнедых тура,
Два гнедых тура золоторогие,
Золоторогие да одношерстные.
Да бежали туры во синее море,
Да спускались туры в море по брюхо,
Забивали туры морду по уши,
Доставали туры ключевой воды;
А напившись, туры в море поплыли.
Переплывши туры Окиан-море,
Переплывали туры на Буян-остров.

Там встречала их родная матушка,
Молода турица златорогая,
Златорогая да одношерстная:
«Да вы, дети мои, дети умные!
Да где же вы были, где гуливали?» —
«Да мы были, матушка, во Шахаре,
Мы гуляли, родная, во Яхере,
Мы русскую землю сквозь прошли,
Царя белого да в глаза видели;
Да мы видели ее, диковину,
Мы да русскую девку чернявушку;
Да читала девка книгу евангельскую,
Да не сколько читала — вдвое плакала».

273. ОЛЕНЬ-ЗОЛОТЫЕ РОГА

Не разливайся ты, мой тихий Дунай,
Не заливай зеленые луга!

Во тех ли лугах — все ковыла трава,
Во той ли ковыле — там белый олень,
Там белый олень-золотые рога.

Мимо там ехал Иван господин,
Мимо там ехал Иванович,
Вдарил оленюшку плеточкою,
Вдарил рогатова белой, шолковою.

Как сговóрит ему белый олень:
«Ты не бей мине, Иванушка,
Ты не бей мине, Иванович;
Невкое время гожусь я тебе:
Будешь жениться — на свадьбу приду, —
На двор узойду — весь двор освечу,
У терем приду — всех гостей узвеселю;
А больше всего — Анну твою,
Чтобы она да не плакала,
Чтобы она не лила да горючих слез».

274. УСТИМАН (УСТИН)-ЗВЕРЬ

Как не пыль-то во чистом поле запылилася,
Не туманушки со синя моря подымалися, —
Появлялися со дикой степи таки звери:
Не два соболя бегут со куницею,
Наперед у них бежит стар устиман-зверь.

На нем шерсточка, на устимане, бумажная,
А щетинушки на устимане все булатные,
Как на кажинной на щетинушке по жемчужинке,
Посередь спины у него, устина, золото блюдо.
Не чистой-то жемчуг по блюду рассыпается, —
Все-то звери лютые разбегаются.

Подбегали звери дивные к Янку-к реке.
Воскричал, взгаркнул тут устиман-зверь
Своим вельми громким голосом.
Все сыры дубы с кореньев посломалися,
А быстра река Яикушка возмутилася.

Устоял только один сыр-матерый дуб.
На дубу на том сидел не сизой орел,
Не сизой орел, — удалый добрый молодец.
Уж он метился из винтовочки глазом верным;
Попадал же он устину-зверю в ретиво сердце.
И падал тут устиман-зверь на мать-на сыру землю.
Застонала мать сыра земля и расступилася,
Пожрала она зверя лютого, самого устимана.

275. СКИМЕН-ЗВЕРЬ

Как изда́леча дале́ча
Из чиста́ поля,
Из того было раздольица
Широкого,
Что не грозная бы туча
Накаталася,
Что не буйные бы ветры
Подымалися:
Наперед-то выбегает
Лютой скимен-зверь.
Как на скимене-то шерсточка
Булатная,
Наперед-то его шерсточка
Спрокинулась.
Добегает вор собака
До быстрой реки;
Становился вор собака
На задни лапы;
Закричал он, вор собака,
По-звериному;
Засвистал он, вор собака,
По-соло́вьему;
Зашипел он вор собака,
По-змеиному.
От его было от крику
От звериного,
Что быстрая река-мать
Взволновалася;

От его было от свисту
От соло́вьяго,
Что темны леса к сырой земле
Клонилися;
От его было шипенья
От змеиного,
Зелена трава в чистом поле
Повянула.

276. ИНДЕЙ-ЗЕМЛЯ И ИНДРИК-ЗВЕРЬ

А и где бы, слышно, глупо́му жить,
Глупо́му жить, неразумному? (2)
А и где, слышно, есть Индей-земля, (2)
Индей-земля всё богатая! (2)

Как и много там злата се́ребра, (2)
Да на больше тово дорогова земчуга. (2)
Во Индей-земле степя́ дикие, (2)
Степя́ дикие, леса темные, (2)
Да во тех лесах живет индрик-зверь: (2)

На нем шорсточка всё земчужная, (2)
Да и грива-хвост позлачёная, (2)
А копытцы в нево все булатные, (2)
Из ноздрей у нево огонь пышет, (2)
Из ушей у нево идет дым столбом. (2)

Он и бегает пить во Тарью́-речку; (2)
Он бежит, бежит — вся земля дрожит. (2)
Прибегает он во Тарью́-речку, (2)
Забродит он да по щеточку,
Он и воду пьет, как ушатом в себе льет. (2)

Как Тарья́-речка сколыхалася, (2)
Сколыхалася, раскачалася, (2)
Раскачалася на двенадцать верст.
На крутых горах там и львы свищут,
На сырых то дубах все орлы скрыжут.

277. КОНЬ, ЗАБЫТЫЙ ХОЗЯИНОМ

Хозяин, хозяин, добрый молодец!
Ты пьешь, гуляешь, прохлаждаешься,
Промежду себя, хозяин, забавляешься,
Своево добра́ коня на умор моришь!

Двое суточки сивой добрый конь
Не кормлен стоит и не поенный.
На третьи сутки отрывается, —
Убег сивый конь на дикую степь;
Подбегает сивый добрый конь,
Ко Днепру реке, ко глубокия;
Захотел испить ключевой воды.
Круты бережки обрываются,
Со желтым песком осыпаются.

278. СОСТЯЗАНИЕ КОНЯ С СОКОЛОМ

Как на рубеже государевом
Что стоит растет сыр мате́рой дуб,
На дубу сидит млад ясен сокол,
Под дубом стоит сивый добрый конь!
Они спор держут с ясным соколом,
Не об ста рублях, не об тысячи,
Об своих буйных головушках.

Соколу лететь по поднебесью,
А коню бежать по сырой земле,
До того ль места до урочного,
До того ль ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.

Как соко́л летит — колокол звонит,
А как конь бежит, лишь земля дрожит;
Прибегает конь прежде сокола
До того места до урочного,
До того ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.
Шелковой травы наедается,

Ключевой воды напивается;
Он и час стоит, и другой стоит,
А на третий час и сокол летит.

Как сокол летит — колокол звонит.
Он упал коню во резвы ноги:
«Ты прости, прости, сивый добрый конь,
Я не сам сокол позамешкался,
Залетел сокол в тихи заводы,
Еще бил сокол гусей, лебедей,
Гусей, лебедей, серых уточек».

279. СОСТЯЗАНИЕ КОНЯ С СОКОЛОМ

(вариант)

Как из далеча, из-под далеча, во чистом поле,
Тут стоял да рос сыр матерый дуб.
У сыра дуба кореньица булатные,
А коринушка у сыра дуба жемчужная,
Сучки-веточки на сыром дубу хрустальные,
А листоченьки на сыром дубу бумажные.
Под сырым дубом было стойлице коневие,
А во стойлице — сивый резвый конь.
На вершинушке у сыра дуба сидел млад ясен сокол.

Как ясен сокол над добрым конем насмехаться стал:
«Уж ты, кляча, кляча, сивый резвый конь!
На тебе же, кляча, шерсть олений,
А черно́е мясо твое вороние!»
За досадушку то добру коню показалося,
И ясен сокол с добрым конем позаспорили,
Они спорили не об ста рублях, не об тысяче,
Они спорили об своих буйных головушках.

Соколу лететь доставалося через синё море,
А коню бежать доставалося вокруг синя моря.
Конь бежит, бежит — вся земля дрожит,
А сокол летит — как колокол звенит.
Прибегает конь до местеченька до урочного,
До того места — до колодезя до глубокого.

Как прибег к себе сивый резвый конь, сам во стойло стал.
Уж он час стоял, и другой стоял, — нету сокола,
А на третьем он на часике появляться стал.

Прилетел сокол ко добру коню, пропустивши срок,
Уж он пал коню в резвы ноженьки за просроченье.
Тут ясен сокол добру коню виноваться стал:
«Ты прости меня, сивый резвый конь, виноватого!
Я летел, сокол, через синё море шибче вихоря,
И увидел я на синем море стаю лéбедей;
Выбрал я себе что ни лучшую лебедушку;
Лебединого ее мяса я понакушался
И за этим-то я, ясен сокол, позамедлился».

280. БУРЯ УНИЧТОЖАЕТ ГНЕЗДО ОРЛА

На батюшке было на Окиян-море,
На его было на крутых бережках,
На желтых его песках сыпучих,
На сыпучих песках, мелких, рассыпчатых.
Вырастало тут кипарис-древо.

Со комеля деревцо свилевато,
Ко середочке деревцо сучковато,
Ко вершиночке деревцо кудревато,
На самой вершиночке были развилочки;
На развилочке сидел млад сизой орел.

Он сидел, орел, ровно три года.
Прилетала к орлу орлинушка;
Они начали совыкатися;
По совыканьицу стали вить тепло гнездо:
На завив кладут бело серебро,
Середочку выкладывают красным золотом,
Краюшки вынизывают мелким жемчугом,
В уголушки втирали дороги самоцветные камни.

Выводил орел своих детушек,
Сизых, младых орлятушек.

Как добрый молодец стал на возрасте,
Его детушки стали быть на возлете.
Вдруг несчастьице на Окиян-море случилося:
Подымалася полуденная погодушка,
Со всего света сильна полоса;
Всколыхала она Окиян-море
С краю во край и с конца в конец,
Подрывала кипарисово кореньице,
Потопляла орлино тепло гнездушко,
Во гнездушке малых его детушек.

Тут воскликнул, восплакнул млад сизой орел:
«На что было мне, орлу, орлинушку?
На что было мне, орлу, тепло гнездушко!
На что были мне, орлу, малы детушки?»
Возвивался орел высокохонько,
Опущался орел низехонько,
Ушибался орел о бел горюч камень.

281. ОРЕЛ В СТАРОСТИ

Летал-то, летал млад сизой орел по крутым горам.
Он, летаючи, состарился;
Пробивала у него сединушка между резвых крыл,
Побелела у него головушка ровно белый снег,
Потусмели у него, сиза орла, очи ясные,
Промахал сизой орел свои крылья резвые,
Обломал свои остры когти вплоть до пальчиков.

Прилетали ко сизу орлу три черных ворона,
Прилетели к нему и в глаза глядят ему,
Во глаза-то глядят, ему речи говорят:
«Полно, полно тебе, стар сизой орел,
По крутым горам летать,
Гусей-лебедей бивать!» —

«Ах, кабы были мои прежние залетные крылышки,
Мои крылья резвые, когти острые!
Догнал бы я всех вас, трех воронов,
И избил бы я вас вплоть до бела тела!»

Начали молодца три черных ворона клевать
И ретивое его сердце вынимать.
«Ах, вы, братья-товарищи, где вы подевалися?
Или вы по крутым горам разлеталися?»

282. ГНЕЗДО СОКОЛА

Ох, ты, батюшка, тихий Дон!
Прорыл-прокопал горы высокие,
Славой выводишь круты бережки,
Посередь их становились часты островы.

На море, на устьице
Свивал сокол тепло гнездышко:
На завивочку кладет сокол
Краснова золота,
А покрышечку красит
Чистым серебром,
А за завивочку трипом-бархатом.

Урядил и тепло гнездо хорошохонько.
Только нет у сокола соколинушки,
Соколинушки, молодой жены;
Не то бы он урядил лучше того.

283. СОКОЛ И СЛУГА

Во селе-то, во селе было Измайлово,
У князя было у Волхонского,
Из терема было из высокого,
Из окошечка было из косящего,
Из стекольца из хрустального
Вылетал тут, вылетал млад ясен сокол,
Млад ясен сокол, пташка вольная.

За соколом бежит слуга верная,
Он кричит своим громким голосом:
«Ох, ты ой еси, млад ясен сокол!
За тебя ли меня, сокола, казнить хотят,
Казнить-то хотят, хотят вешати!»

Он кричит-то ему, кричит громким голосом:
«Воротись ты, воротись, слуга верная!
Я теперь сокол на своей воле!
Вечор-то вы надо мною надругалися:
Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,
Поили сокола водою болотною!»

284. СОКОЛ И ВОРОНЫ

Загоралась в чистом поле ковыль трава,
Добиралась до белова каменя.
На камне сидел млад ясён сокол,
Подпалил он свои крылушки,
Обжог свои скорые ножушки.

Прилетали к соколу стадо воронов,
Садились вороны вокруг нево,
В глаза ясну соколу насмехалися.
Называли они сокола вороною:
«Ты ворона, ворона подгуменная!»

Тут возговорит млад ясен сокол:
«Как пройдет моя беда со кручиною,
Отрощу я свои крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги скорые;
Я взовьюся млад ясен сокол выше облака;
Опущуся в ваше стадо быстрей стрелы,
Перебью вас, чорных воронов, до единово!»

285. СОКОЛ В КЛЕТКЕ

Растужился млад ясен сокол,
Сидючи сокол во пойма́ню,
Во золотой во клеточке,
На серебряной на нашесточке.

Жалобу творит млад ясен сокол
На залетные свои крылышки,
На прави́льные мелки перышки:
«Ой, вы, крылья мои, крылышки,
Прави́льные мелки перышки!

Уносили вы меня, крылышки,
И от ветра и от вихря,
От сильнова дождя осеннего,
От осеннего от последнего;
Не унесли вы меня, крылышки,
От заезжего добра молодца,
От сударева охотничка!»

286. СОЛОВЕЙ В КЛЕТКЕ

Соловей ли-то на сем свете не птица,
И на тово-то безвременьецо бывает.
Поймали да соловеюшка в чистом поле,
Да посадили соловеюшка во клетку.
Не поят меня, соловеюшка, не кормят,
На свою волю соловеюшка не спускают.

Что из высока хорошего терему,
Что из красного косящего окошка,
Что да узрела, усмотрела красна девица,
«Ах, ты гой еси, младой да соловеюшка,
Ты потешь меня, красну девицу,
Да ты потешь мою сердешную зазнобу.
Я сама тебя соловеюшка потешу.
Я построю тебе серебряную клетку,
Прикажу я тебя, соловеюшка, поить кормить».

287. ВОЛГА ЗАЛИВАЕТ ГНЕЗДО СОЛОВЬЯ

Ох, ты, Волга, Волга моя матушка!
Широко ты, Волга, разливалася,
В круты бережки не вбиралася
Со желтым песком, со сыпучиим.
Понимала Волга все горы, долы,
Все горы, долы, часты островы,
Часты островы, все луга зеленые;
Еще поняла част ракитов куст
Со соловьиным со теплым гнездом.

Ох, ты, батюшка, соловеюшка!
Ты воспой, воспой громким голосом,

Ты подай голос Волге матушке:
«Ох, ты, Волга, моя Волга матушка!
Каково тошно тебе расставатися с тонким ледком:
С тонким ледком со осенниим,
Таково-то мне тошно с малыми детками,
С малыми детками, со соловьятками;
Подмочила ты мое тепло гнездышко,
Пертопила ты моих малых детушек».

288. СГОРЕВШЕЕ ГНЕЗДО СОЛОВЬЯ

По роще, рощице по кленовою,
По рощице по зеленою
Девчоночка там гуляла,
Не со той ли правой ручки
Кольцо потеряла,
Не с той ли с досадушки
Рощу проклинала,
Не со всех ли с четырех углов
Рощу зажигала:

«Гори, гори, рощица,
Гори, лес дубровый.
Выгорайте-ка в роще пенья,
Все пенья, коренья,
Все развольны пташечки
На тло вылетайте!»

Один-разъедин глуп соловушек,
Один бедный оставался,
На теплом гнезде засиделся,
На свых на детушек на глупеньких,
На детей он загляделся.

Прилетала к соловью разгорька кокушечка,
Журит-бранит соловья:
«Не вей теплое гнездышко
В лужках при дорожке!

Ты бы свил-сорудил
Где-нибудь при болотце.
Никто твое гнездышко не раззóрит,
Никто твоих малых детей не разгóнит!»

289. ПТИЦЫ НА МОРЕ

Протекало теплое море,
Слеталися птицы стадами,
Садилися птицы рядами;
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу синицу:
«Гой еси ты, малая птица,
Малая птица синица!
Скажи нам всю истинную правду,
Скажи ты нам про вести морские:
Кто у вас на море большие?
Кто у вас на море меньшие?»

Провещает малая птица,
Малая птица синица:
«Глупые вы, русские пташки!
Все птички на море большие,
Все птички на море меньшие,
Орел на море — воевода,
Перепел на море — подьячий,
Петух на море — целовальник,
Журавль на море — водоливец:
То-то долгие ноги,
То-то французское платье,
По овсяному зернышку ступает;

Чиж на море — живописец,
Клест на море — портной мастер,
Сова у нас на море — графиня:
То-то высокие брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки,
С ножки на ножку ступает,
Высокие брови подымает;

Гуси на море — бояра;
Утята на море — дворяне,
Чирята на море — крестьяне,
Воробьи на море — холопи:
Везде воробейко срывает,
Бит воробейко не бывает;
Лебеди на море — князи,
Лебедушки на море — княгини;
Желна у нас на море — трубачей,

Ворон на море — игумен,
Живет он всегда позадь гумен;
Грачики на море — старцы,
Галочки — старочки-чернички,
Ласточки — молодички,
Касаточки — красные девички;

Красная рожа — ворона,
Зимою ворона по дорогам,
Летом ворона по застрехам;
Рыболов на море — харчевник;
Дятел на море — плотник:
Всякое дерево он долбит,
Хощет нам храм сорудити;

Сокол у нас на море — наездник:
На всякую птицу налетает,
Грудью ее побивает;
Кулик на море — рассыльщик,
Кокушка — та вздорная кликушка,
Блинница на море — цапля,
Чечет — гость торговый,

Сорока-то у нас — щеголиха:
Без калача не садится,
Без много спать не ложится,
Без сладкого меду не вставала,
Пешая к обедне не ходит,
Все бы ей в богатых колымагах,
Все бы она во коляске.

Все бы ей кони вороные,
Все бы ей кареты золотые,
Все бы ей робята молодые,
Все бы молодые, холостые;

Бедная малая птичка,
Малая птичка-синичка:
Сена косить не умеет,
Стадо ей водить не по силе;
Гладом я, птичка, помираю».

XI. ПЕСНИ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ

290. ТЕТУШКА АРИНА

Тетушка Арина по рыночку ходила,
На три денежки куделюшки купила,
На алтышек веретешек прихватила;
Пришла домой, на полицу положила.

Ты лежи, моя куделя, всю неделю,
У хорошие прядеюшки другую!
Что по пятницам добры жены не пряли;
По субботам по родителям давали;
В воскресенье на веселье выходили.
В понедельник баню-парушу топила;
Во вторничек я париться ходила;
А во середу с угару пролежала;
В четверток я буйну голову чесала;

Я во пятницу ранешенько вставала,
Три я ниточки тонешенько напряла,
Три мозоли кровяные навертела.
Пришла, милому мозоли показала:
«Посмотри-ка, мой любезный, на работу!» —

«Наплевай, моя сударушка, не майся,
Три недели во постельке проваляйся!
Нарастут в саду широкие лопушки, —
Мы сошьем те сарафанчик-раздуванчик,
Сарафанчик раздуванчик-размаханчик,
Воротушку из лопушки, поясочек диделечек.

Не ходи, моя милая, мимо саду,
Мимо саду, мимо саду зеленого,
Чтобы там тебя солдаты не признали,
Сарафана раздувана не содрали!»

Тут увидели поповы овцы, козы, —
Сарафанчик-раздуванчик изорвали,
Сарафанчик изорвали, воротушку изжевали,
Поясочек изглодали, в грязь втоптали.

291. ДУНЯ ТОНКОПРЯХА

Наша Дуня не точёт, не прядёт,
Только Дуня с винокурами гулят.

Ах, поставила Авдотьюшка кросна
Уж и тем кроснам девятая весна,
Девятая, десятая пошла.
По прошести трава поросла,
По навою част осинничек,
По подножкам мелки пташечки сидят.

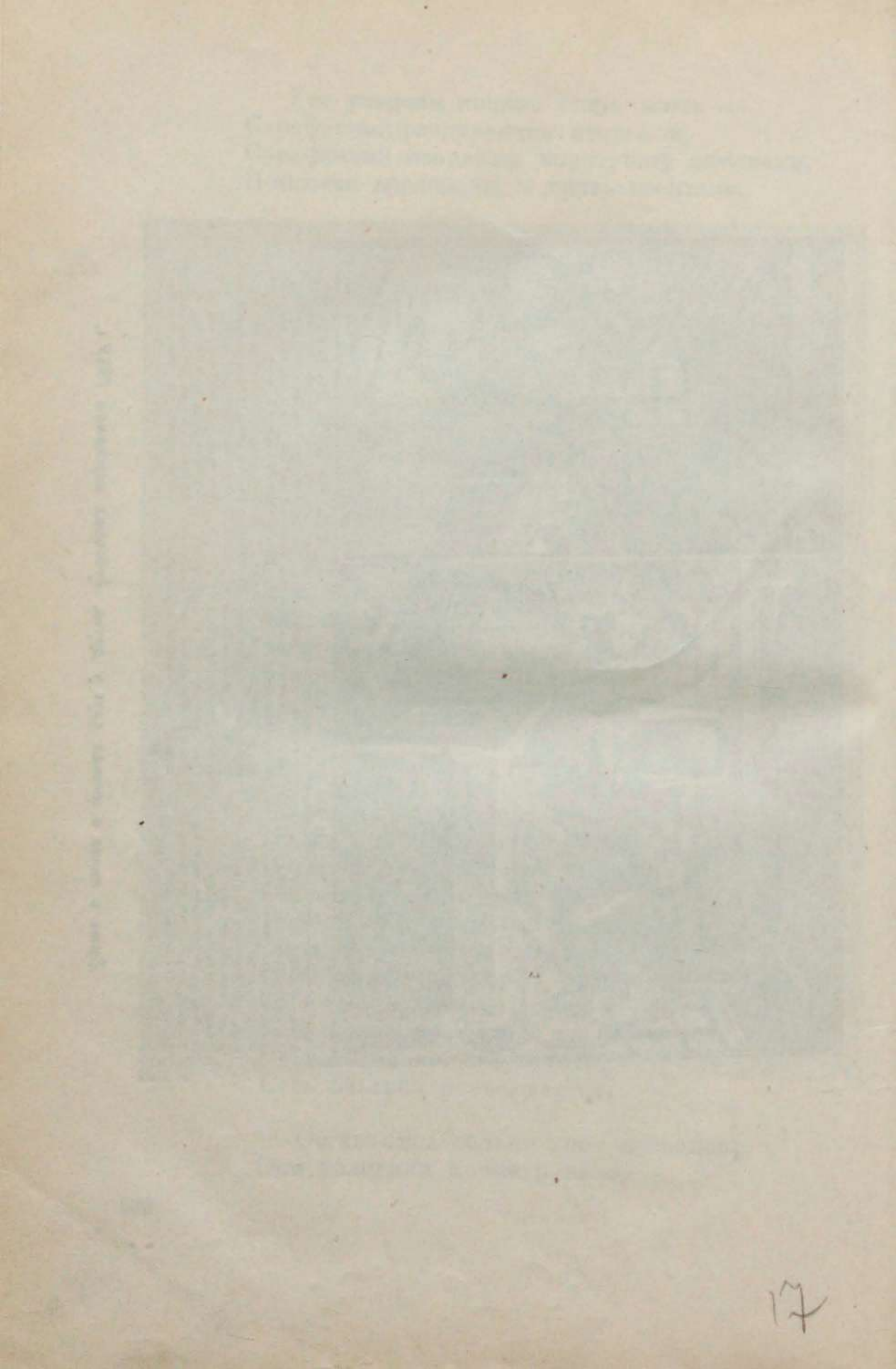
Ах, найму-то я троих косцов,
Троих косцов, удалых молодцов
Шелкову траву повыкосити,
Част осинничек повырубити,
Мелких пташечек повыпугати.
На печи-то сено сушивали,
На полатях стога метывали.

Ах, и выткала Авдотьюшка кросна:
Во концах-то кони путалися,
Во петлях-то черти давливалися.
Понесла Дуня холсты на реку, —
От холстов река высохла.
Понесла Дуня холсты на шесты, —
От холстов шесты ломаются.
Понесла Дуня холсты во лузя, —
От холстов лузя вылегли.
Понесла Дуня холсты на базар, —
От холстов кони пугаются,
Весь базарец разъезжается.

Оставались только трое молодцов;
Они холстики посматривали,

Зять и теща в гостях друг у друга. Лубочная картинка 1889 г.

Они Дунюшку похваливали:
«Что Дуня за ткахонька,
Что Авдотьюшка за пряхонька!»

292. ПАРАНИНЫ ХЛЕБЫ

Ах, Пашенька, Парасковьюшка,
Счастливая Параня, таланливая!
Она растворит квашенку на донышке,
Что на донышке, во ведерышке;
По уторам-то мука, середи квашни вода.
Три недели квашня кисла, — не выкисла;
На четвертую неделю замолаживалась.

Ах, на пятую неделю стала хлебушки валять.
Она по полу валяла, по подлавичью катала,
На печи пекла, кочергой сгребла,
Кочергой сгребла, кулаки прижгла.
Она склала в коробок, поехала в городок;
Приехала в городок и расклала на полок.

Ах, никто хлебы не купит, никто не торгует!
А казанские купцы пересмешливые:
Они хлебов не купили, только цену-то набили.
Она склала в коробок, поехала во домок.

Ах, на встречу Паране еще тот да иной,
Ах, тот да иной, дворянин молодой:
«Что, Паранюшка, везешь,
Что, Прасковья, продаешь?» —
«Я не каменье везу, не кирпичье продаю,
Уж я хлебы везу, мягки беленькие,
Мягки беленькие, вострокисленькие».

Приехала во домок, склала хлебы в уголок.
У них сивая свинья-то догадлива была;
Она хлебов-то не ела, только корочки измяла,
Только корочки измяла, три недели пролежала;
На четвертой на неделе небу душу отдала.

293. АХ, МУЖ ЖЕНУ ЛЮБИЛ!

Ах! муж жену любил,
Щепетненько водил:
По морозу нагишом,
По крапиве босиком.

Ах! жена мужа любила,
Щепетней того водила,
Щепетней того водила,
В тюрьме место откупила,
В тюрьме место откупила,
Пятьдесят рублев дала.

«Ах! вот тебе, муженёк,
Вековечной уголок,
Ни толки, ни мели,
Только руку протяни,
Только руку протяни,
Да Христа вспомяни,
Да Христа вспомяни,
И готовое прими!»

294. ТЕЩА И ЗЯТЬ

По реке, реке, да по реченьке
Сеяли девушки ярой хмель,
Ярой хмель по тычинке вверх;
Сеявши девки приговаривали:
«Без тебя, хмелинушка, пива не варят,
Пива не варят и вина не курят;
Добрые молодцы не женятся,
Красные девушки замуж нейдут!»
Теща про зятя пирог пекла:
Соли да крупы на четыре на рубли,
Мучки да лучку на восемь рублев;
Стал же пирог без рубля двадцать.
Этот пирог семерым не съесть, —
Зять-от сел да присестом съел.

Теща по горнице похаживает,
Косо на зятя поглядывает,
Ходючи, приговаривает:
«Как тебя, зятюшко, не рóзорвало?»
Теща-то зятя поставя на порог,
Как поставя на порог, и дала ему пинок.
Зять полетел что до задних до ворот;
Идет он, не оглянется,
Тещенькою похваляется:
«Дай же мне, боже, и век не бывать,
Век не бывать, пирога не едать!
Теща добренька, пирог тот хорош!»
Зять-ли про тещу пивца варил,
Пива наварил до ко масленице,
Звал-ли он тещу ко радунице.
Теща пришла накануне Рождества.
Стал зять тещу потчевати
В четыре-ли полена дубовых,
Пятая плетка посвистывала.
Теща идет, не оглянется,
Зятем она похваляется:
«Дай же мне, боже, и век не бывать,
Век не бывать и пивца не пивать!
Зятюшко добренек, пивцо хорошо,
Как пивцо хорошо, да с похмелья тяжело,
Что головушка болит, ретиво сердце щемит!»

295. ЗЯТЬ СМЕТАННИК

По новой по роще
Поехал зять к теще
На жену просити.
Теща его встрéла.
«Здорово, мой зятик!
Здорово, касатик!» —

«Сударыня теща!
Не дюже здоров я:
Жена дома била». —
«За что тебя, зятик?
За что, мой касатик?» —

«Сударыня теща,
Я сам глупо сделал:
Залез в погребочек,
Поел всю сметанку,
Не много, ни мало —
Двенадцать горшочков». —

«Моя дочка дура:
Чего мало дула!» —
«Прощай, моя теща,
Прости, распканалья!» —
«Прощай, мой зятик,
Прости, мой сметанник!»

296. КУМА К КУМЕ В РЕШЕТЕ ПРИПЛЫЛА

Как кума-то к куме в решете приплыла.
А я так и ухом не веду, я так и глазами не гляжу.
Еще чем-то мне кумушку потчевати?
Да как есть про куму воробей во саду,
Воробей во саду, да и тот без заду.

Разложу я воробья на двенадцать блюд:
Душку, головку в пирог загну,
Я зашейную часть наперед пошлю,
Самого воробья жарким наряжу.
Еще кушай-ко, кума, не засаливай уса!
Не верти, кума, в руках, не носи, кума, домой!

297. КУМА К КУМЕ В РЕШЕТЕ ПРИПЛЫЛА

(ВАРИАНТ)

Как кума-то к куме в решете приплыла, (2)
Припев: Кума-ль моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
В решете приплыла, веретёнами гребла, (2)
Веретёнами гребла, до́нцем правила. (2)
Приплыла-то кума ко крутому бережку, (2)
Ко крутому бережку, ко зеленому лужку. (2)
У куме во саду воробей без заду́, (2)
Воробей без заду́, он без задних ног. (2)

Ощипали воробья на четыре перины, (2)
Как сварили воробья во пивном во котле, (2)
Разломали воробья на двенадцать кругов, (2)
А кума-то куму стала потчевати:
«Ну, и ешь ты, кума, не засаливай уста,
Не засаливай уста, не совай в рукава,
Не совай в рукава, не носи дочерям,
Не носи дочерям, не корми ты зятьев,
Не корми ты зятьев, не 'бижай сыньев!»

298. ХОЗЯИН И ГОСТЬ

Как во городе было во Суздале,
Во Ефимовской славной улице,
В доме с теремом вновь построенном,
Где угрюмой муж, жена ласкова,
Где дворецкой хил, слуги добрые,
Где извозчик туп, кони скорые,
Где всего много, а есть нечего,
Где гостей зовут, а никто нейдет
Для хозяйского нраву грубого,
Для приему всем изневажного.

Как случился тут приглашеной гость,
На обед придти в четверговой день:
Как не буря тут взволновалася,
Кровь в хозяине разыгралася;
Принахмуря он брови серые,
Руки пегие в кулаки согнул,
Растворил свой рот зверообразный,
Бранил гостя тут приглашеного,
Без причины безо всякия.

Как вступилась жена кроткая
За обиду за гостиную:
«Ты почто, почто бранишь гостя, муж,
Не за то ль только, что он ходит к нам?»
«Перестань, жена, закричал тут муж,
Мне обиду гость сделал крайнюю,
Он съел у меня пару шург больших,

Пару шург больших двукопеечных!»
Что услышав гость, рассмеялся тут,
Рассмеялся вдруг, плюнул, вон пошел,
Перестал с тех пор в этот дом ходить.

299. КАБАЦКИЙ ДЕТИНА

От чего хмелек
Зарождается сперва?
От матушки, от сырой земли,
От гнилой соломины.
Кто поводится с хмелечком,
Тот и будет человек!
Как повадился детинка
Во кабак ходить гулять,
Во кабак идет детинка —
Ровно маков цвет цветет;
С кабака идет детинка —
Ровно липенька гола,
Что гола, гола, гола,
В чем матушка родила,
В чем бабушка повила!
Он и улицей прошел,
Он к народу подошел,
Он к народу подошел,
Во весь голос закричал:

«А у нас вчера, робята,
Филимон ночевал,
На полатях спал,
Семь бед сбедовал:
Семь девушек украл,
В кошелище поклал,
На плечище поднял,
На льдище снес,
По льдищу растрес;
Да и все эти девчонки
Располозилися,
Разъелозилися.

А как старая девчища
Васильевища
Залезла в дуплище,
В осиновище.
Калачом-то манили
Да не выманили;
Топором-то рубили
Да не вырубили.
Как и стара старика,
Его чорт догадал —
Девке кукиш показал.
Девка выскочила,
Глаза вытращила;
Девка дура, девка дура —
Пошла к старосте на думу:
«Уж ты, дядя-староста,
Рассуди пожалуйста!»
Староста умен,
Праву ручоньку отвел,
Девку по уху оплел.

300. ВАСИЛЬЮШКА ПУТЯТИНСКИЙ

Жил свет Васильюшка Путятинский.
Ён трудно, больно во постелюшке лежал,
Что не сможа ён головы поднять.
Выпил чарочку зелена вина, —
С винца голова весела,
Со пива просыпаться тяжело,
Со колачика шейка бела,
Со попряничка румяньице,
Со киселенька поектанийце,
С толоконца порыганийце.

Мне гусятинки не хочется,
Поросятинки на ум нейдет.
Захотелося говядинки,
Право свежей бычачинки.
Вот я крикну свою скорую слугу,
Слугу, свою верную посылочку:

«Ты поди ко мне, скорая слуга!
Поди, верная посылочка!
Походи по рынку, по дворам,
Поцепи быка веревкой за рога.
Доведи быка к болотийцу,
Привяжи быка к сосоночке,
Приударь быка березинкой,
Хорошенько с быка кожу сними,
Половину на куски разруби,
А другую на поварню отошли,
Прикажи мати нажарить, наварить,
Штоб до свету артель накормить,
Штобы не было пеняльщиков,
А после того желальщиков;
Во дворе пану не сказывали б».

Была баба шельмилица,
Была старая харчевница,
Ничаво-те ена не взяла, —
Только бычьи рожки да ходилочки.
Хорошо баба выпаливала,
Чередно яну выскабливала,
Ету стюдиньку наваривала,
По ночовочкам разливывала,
На боярушек вынахывала,
А боярушки откухывали,
Калачом яну закусывали,
Ету стюдиньку похваливали:
«Хороша твоя, бабушка,
Хороша твоя стюдинька!» —
«На здоровье вам, боярушки,
На здоровье, кормилицы!
На здоровье, мои батюшки,
Со великою со сытностью,
Што со вашего-ж со добрых».

301. ЖЕНИТЬБА СНИГИРЯ

За морем синичка непышна была,
Непышно жила, а пиво варивала,

Солоду купила, хмелю взаймы взяла;
Черный дрозд пивоваром был.

Снигирюшка по сеничкам похаживает,
У совушки головушку поглаживает.
«Дай, нам, боже, пиво сварить и вино выкурить!

Стали все пташки про себя говорить:
«Что ж ты, снигирюшка, не женишься?» —
«Я рад бы жениться, да некого взять:
Взял бы я чечетку, — та тетка моя;
Взял бы синичку, — сестричка моя;
Взял бы ворону, — долгоносая;
Взял бы сороку, — щепетлива б...
Есть за морем перепёлочка,
Та мне ни тетушка, ни кумушка,
Я ее люблю, за себя возьму».

302. ЖЕНИТЬБА СНИГИРЯ

(вариант)

На море синичка непышна была,
Непышна была, пиво варила,
Солоду купила, хмелю в займы брала.
Черный орел пивоваром был,
Знал он удачу пиво варить,
Пиво-то варити, вино выкурити.

Снигирь по сеничкам похаживает,
Совушку за ручечку поваживает;
Совушка речь выговаривает:
«Соберем к себе мы всех пташечек!»
Вдовушка ко совушке, ко совушке незваная пришла.

Стали они, пташки, про себя говорить:
«Что же ты, снигирюшка, не женишься?» —
«Рад бы я женился, да некого взять!
Взял бы спернатку, — это матка моя;
Взял бы я чечетку, — то тетка моя;
Взял бы я пестричку, — сестричка моя;

Взял бы я ворону, — долгоносая она;
Взял бы я сороку, — щекотливая она.
За морем есть перепелочка;
Та мне не матушка, не тетушка;
Я бы поехал, за себя бы ей взял,
Наперед себя журавля послал».

Он, прилетевши, рассказывает весть:
Едет-де скоро, приедет вдруг,
Славный жених да снигирь молодец!
Дружкою зван был тароватый скворец;
Сваха была упадчивая —
Проворна гагара обманчивая.
Сделалась свадьба преславная,
Созвана музыка вся главная.
Здравствуй, хозяин с хозяюшкой!
Здравствуй, снигирь с молодою женою!

303. СОВА В ГОСТЯХ

Воробей пиво варил, молодой сына женил,
Всех гостей собрал, всех соловьюшек;
Одну сову не позвал, одну Савельевну.
А совушка сама прилетела, Савельевна незваная;
Сама села середи двора, середи двора на цыпочки,
Заиграла сова на скрипочке.

Воробей плясать пошел, молодой вместе с совушкой.
Он совушке на ножку наступил,
Савельевне ноженьку отдавил.
А совушка рассердилась, Савельевна прогневилась,
Воротами скрипнула, вереями хлопнула.

Воробей в погонь пошел, молодой за совушкой.
«Ты, совушка, вернись! Савельевна, воротись!»
Она ему ответ отвечала:
«Я роду не простого, не простого я, княжеского,
Я — майорская дочь, генеральская сноха,
Я, сова, — офицерская жена!»

304. СОВА НЕВЕСТА

Была синичка за морем богатенькая.
Всех она пташечек в гости звала;
Одну сову позабыла созвать.
Сова госпожа не спесива была —
Пришла и попозже всех, села повыше всех.

Сычушка по горенке похаживает,
Сове госпоже бокал меду поднашивает:
«Совушка, станем-ка думу думать!
Совушка, станем-ка брателка женить!» —

«Сычушка, станем-ка невест выбирать!
Сороку взять, — щекотлива;
Ворону взять, — картавита.
Взять, не взять сову госпожу!

Совушка, умеешь ли ты ткать и прясть?» —
«У нас матушка ткала да пряла, —
Не по две рубашки носила!
А ты, сычушка, умеешь ли пашеньку пахать?» —
«У нас в городе не пашут, не орют,
Да все калачики жорют;
В деревнях хоть пашут и орют,
А все мякину жорют».

305. СОВА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

«Сова ль моя, совонька,
Заречная вдовонька,
Заречная барыня,
Евгенья Степановна,
А где ты живала,
Где ты поживала?»

«Я живала в лесище,
В горелом дуплище». —
«Никто тебя, совоньку,
Никто тебя, вдовоньку,
Никто не зазнает,
Никто не сведает».

Зазнали же совоньку,
Заведали вдовоньку
А два луня белых,
А два друга милых.
Стали сову сватать,
Стали засватати,
Сватов засылати.

Прислали к ней свата,
Совиного брата, —
Ватутина дурака.
Воробей был дружкой,
Ворона плясушкой;
А ворон-то по дворам
Цыплят собирает,
Обед припасает.

Вы, братцы родимые,
У нас седни праздник,
Заутра веселье!
Всячины напячено,
Всего наворочено:
Две лягушки пареных,
Четыре ожареных.

Сова собиралась
В онучки-тряпички,
В банные затычки;
Подзатыльник лычный,
Кокошник тряпичный,
Сережки горохові,
Подвязки мочальны.

Полетела совонька
Во чистое поле;
Садилася совонька
На ровное место.

Летит гурьба журавлей.
Испугалась совонька:

«Что это за люди,
Что за крестьяне?» —
«Наша сова дура,
Не знает ни тура,
В нашем поле не бывала,
Наших людей не видала.
А наши-то люди,
Наши-то крестьяне —
Голова турецкая,
Одежа немецкая,
Ноги, как лутошки».

Сова замуж вышла,
Сова обручалась.
Посадили совоньку,
Посадили вдовоньку,
Посадили на ветье
Да и начали . . .

306. СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ КОМАРА

Стукнуло, грянуло в лесе,
Комар с дубу свалился.
Упал он на коренище,
Сбил он догола плечище.

Слетались мухи-горюхи,
Славные громотухи.
Стали они возглашати,
О комаре вспоминати:

«Ах, ты, наш милый комаре,
Жаль нам тебя невмале!
Как будешь ты умирати,
Где нам тебя погребати?» —

«Похороните меня в поле,
При зеленой дуброве».
Там-то казаки бывают,
Часто горелку испивают,

Туду и сюду обзирают,
Про комара вспоминают:
«Тут-де лежит комарище,
Славный донской казачище!»

307. СВАТОВСТВО И ПОХОРОНЫ КОМАРА

Далече, далече в чистом поле,
Стояли тут два садочка,
В них вспевали два щеглочка,
Что будет-де свадьба веселая,
Веселая, матерая:
Комар с мухой сговорится,
И будет он на ней жениться.

Прилетали к комару слепни,
Они свадьбу разбивали:
«Худа тебе муха невеста:
Прясти она не умеет,
Ни в кроснах ткати не знает».

Полетел комарище в лесище,
Садился комар на дубище.
Дуб под ним зашатался,
Комар весьма испугался.

Стукнуло-грянуло в лесе, —
Комар с дубу свалился;
Упал он на коренище,
Сбил он до костей плечище.

Слеталися мухи-горюхи,
Славные громотухи;
Стали они возглашати,
О комаре вспоминати:

«Ах, ты, наш милый комаре,
Жаль нам тебя невмале!
Как будешь ты умирати,
Где нам тебя погребати?» —

«Похороните меня в поле,
При зеленой дуброве!»
Там-то казаки бывают,
Часто горелку вспивают,
Туды и сюды обзирают,
Про комара вспоминают:
«Тут-де лежит комарище,
Славный донской казачище;
Лежит тут брат комару,
Сей дубровы господарю!»

308. СВАТОВСТВО И ПОХОРОНЫ КОМАРА

(вариант)

Как задумал комарочек жениться
Как на той-ли на мухе-горюхе.
Уж та-ли муха-горюха
Не умеет ни ткать, ни прясть,
Ни ткать, ни прясть и початочки мотать.
Что с той-ли со кручины
Ударился комарочек во лесочек,
Из лесочка на дубочек,
Со дубочка на пенечек;
Он о дубочек убил свою буйну голову.
Солеталися мухи-горюхи,
Они комарово тело поднимали,
Они клали комарово тело во гробницу,
Что во ту-ли во гробницу золотую.
Как поехали они хоронити,
Как навстречу-то им боярин:
«Ах, вы, мухи-горюхи,
Да что же это у вас за покойник:
Князь или полковник,
Или боярин?» —
«Ах, это у нас ни князь, ни полковник,
Ни большой думный боярин,
А это-ли тело комарово» .—
«Ах, вы, мухи-горюхи,
Да чьи ж это в поле кони ходят?» —

«Ах, эти-ли кони комаровы,
Со такова со Дуная приведены». —
«Ах, вы, мухи-горюхи,
Да чьи ж это хоромы-то строят?» —
«Ах, эти-ли хоромы комаровы,
Со такова-ли Дуная привезены».

309. СВАТОВСТВО И ПОХОРОНЫ КОМАРА

(вариант)

Собирались господа — усё бояри,
Стали толковати-говорити:
«С кем будем мы комóрика женити?
Оженимте комóрика мы на мушке!»

Бестия муха за невесту.
По двору муха летовáла,
В погребе муха зимовала,
С горлачиков вершиночки снимала, —
Тым она комóрика пропитала;
Выпитала комóрика великого, —
Полетел комар в чисто поле.

Как сел комар на дубочку,
Приложил головушку ко листочку.
Откуль взялся буйный ветер,
Ион дубищу завалил,
Комарищу разобил,
Растрёс, разнёс буйны кости.

Ох, и там тесорики тесовали,
Комару ж то гроб готовали,
Разными стружками выстругали,
Разными сукнами выкладали.
Собирались господа — ýсё бояри,
Яны тому диву дивовалися:
«Ох, что ж ето за покойник,
Ни князь, ни маиор, ни полковник, —
Ажну-ж ето комарище,
Ион сел на коника, прибóдрился».

310. МУХА ТОНЕТ, ЕЕ ПОХОРОНЫ

Восколебалося море,
Сыра земля застонала,
Начали сильны ветры дути,
Что стала муха тонути.

Завопела громким гласом
Та муха пред смертным часом:
«Ах, как бедно погибаю,
Чем пособити не знаю?»

Сбежались славны матрозы,
Все комары долгоносы.
Съехались сильны драгуны,
Слепни, зреть мушьей фортуны.

Тут налетели татары,
Жуки, знатны боляры,
Тащить муху начали
И друг ко другу кричали:

«Инные пусть добывают,
Другие корабль промышляют!»
Пока тащили ту муху,
Преславную воспевуху,

Муха пота залилася
И страшной смерти преда(ла)ся.
Вытащив, вси подхватили
И в свой корабль положили.

Едучи по синю морю,
Спрашивать стали княгиню:
«Скажи, любезная мати,
Где нам тебя подевати?»

Тело бездушно молчало,
А мореплавцам на разум пало:
«Ну-те в ковчежец положим
И печаль нашу отложим».

И так ее в ковчег положили,
По синю морю пустили.
Потом плакали горько:
«Знать тя видели только!»

311. КАЗНЬ КОМАРА

Ох, матушка, немогу,
Родимая немогу,
Немогу, немогу, немогу,
Могу, могу, могу! —
Комар сел мне на ногу, (2)
На ногу, на ногу, на ногу,
Ногу, ногу, ногу!
Ой, ноженьку отдавил,
Все суставцы изломил,
Изломил, изломил, изломил,
Ломил, ломил, ломил!
Подай, мати, косаря, (2)
Косаря, косаря, косаря,
Саря, саря, саря!
Рубить, казнить комара, (2)
Комара, комара, комара,
Мара, мара, мара!
Отлетела голова, (2)
Голова, голова, голова,
Лова, лова, лова!
За Трухмальны ворота, (2)
Ворота, ворота, ворота,
Рота, рота, рота!

312. МЫЗГИРЬ

По-край болота
Жили мызгирь толстой, клоп простой,
Мошка грязная до строка некошная.

Оне завоевали да и заворовали:
Дескать, друг дружку и хвалят,
А мызгиря-борпа ни к какому делу не ставят.

Это мызгирю стало вредно,
И взяло его великое непокорство.
Он с горя, с кручинушки стал ножками трясти
Да мережки плести

И ставить те мережки на те путь-дорожки,
Где мухи летали.
Одна муха летала да в мережку и попала.

Мызгирь пришел, в мережке муху застал,
Ей руки и ноги связал,
И стал ее бити-губити и за горло давити,
А муха — вопити.

Услыхала их драку честная госпожа оса.
Она прилетела в скорости, боса,
Да и без пояса;
Прилетала да тут же в мережку и попала.

Однако рвалась да вырвалась и говорит:
«Ах, тошно моей голове!
Лучше жить бы мне в своей слободе:
У нас выезды частые,
А у мызгиря-плута вымыслы лихие!»

Вот пропустили про мызгыря такую славу,
Будто бы его заслали в дальные города,
Будто бы ему там руки и ноги связали
И шибко-больно наказали.

Мухи после того первую весенку летают
Да песенки попевают;
В барские домы летают, крестьян кусают.
Как бы муху убить,
А она, плутовка, и улетит.

Вот мухам стал жар не по нутру,
И все они забрались в дуплю.
А мызгирь тогда сдружился с клопом да с тараканом
И со сверчком-блинником,
А дуплю подтенётил.

Сверчок-смолчок сел на ковер да в дудочку заиграл,
А клоп да таракан учали бить в барабан.
Мухи такого шуму испугались,
Тотчас все из дупли выбирались,
И все в мережку попались.

Мызгирь их в мережке застал,
Всем им руки-ноги связал,
И учал их бити-губити и больно за горло давити,
А мухи — вопити.

Тогда мухи, которые и по воле летали,
К мызгирю тут прилетали,
И все ему покорство воздавали.
Сему судному делу конец,
А кто сложил про его, — молодец!

313. ТРАВНИК

А и деялося в весне,
На старой на Канакже.
Ставил Потанька плужок
Под окошко к себе на лужок.

От моря-то синего,
Из-за гор высокиех,
Из-за лесу-лесу темного,
Вылетал молодой травник.
Прилетал молодой травник,
Молодой зуй болотиник,
А садился травник на лужок;
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи травник по лужку,
Да попал травник в плужок
Своей левой ноженькой,
Он правым крылышком,
Да мезиным перстичком.
А и пик-пик-пик травник,
Сидючи травник на лужку,
На лужку травник, во плужку.

Едва травник вырвался,
Звился травник высоко,
Полетел травник далеко;
Залетел травник в Москву
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок Кручок.
А и тут поимали его,
Били его в дуплю,
Посадили его в тюрьму.
Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил.
И за то его выпустили
Да кнутом его выстегали,
По рядам его выводили.

Едет дуга на дуге,
Шелудяк на хромой лошади,
А все травника смотреть,
Все молодого смотреть.
Едва травник вырвался,
Взвился травник высоко,
Полетел травник далеко,
На старую Канакжу,
Ко Семену Егупьевичу,
И ко Марье Алфертьевне,
И ко Анне Семеновне.
Залетел травник в окно;
По избе он похаживает,
А низко спину гнет,
Носом в землю прет,
Сбой за собой держит
И лукавство великое.

А Семен травника не взлюбил,
Господин травника не взлюбил:
«А что за птица та,
А что за лукавая?
Она ходит, лукавится,
Сбой за собой держит,
А и низко спину гнет,
А носом в землю прет!»

И Семен травника по щеке,
Господин по другой стороне;
А спину, хребет столочил,
Тело, печень прочь оттоптал:
Пряники сладкие, сапогами печатаные,
Калачи крупичатые, сапогами толоченые.

В-та-поры мужики,
Неразумные канакжана,
Они ходят - дивуются:
«Где травника не видать?
Где молодого не слыхать?
Не клюет травоньки,
Он вечны зеленые».

Говорит травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградное вишенье:
«А глупы мужики,
Неразумные канакжана!
Травник с похмелья лежит,
Со Семеновы почести;
А Семен его потчивал,
Господин его чествовал:
Спину, хребет столочил,
Тело, печень оттоптал».

314. ТРАВНИК

(вариант)

Ах, ты, Сенька, ты, Сенька-Семен,
Господин, в Москве не бывал,
Господин, зуйка не видал!
Не велик зуек серенький,
У его задок беленький,
Право крылышко серенькое,
У него ножки желтенькие.

Чи-ги, виль-виль, зуенек,
И спорхнул-полетел за реку,

На болото, на травоньку,
Весной на проталинку,
Ко Потаньке на зеленый лужок.
Он носиком травку клюет,
Правой ножкой притопывает,
Над Потанькой насмехается.

«Танька-Потанька, мужик,
Ты поставь-ко, поставь крупик,
Волосяно силышко,
Крутолобу лапочку!»

Попадал-попадал зуенек
В волосяно силышко,
В крутолобу лапочку
Своей правою ноженькою
И своим правым крылышком:
Праву ножку повыломал,
Право крылышко повыдергал.

Приезжали с государева двора,
Взяли-поймали зуя,
Посадили его в санки,
Во саничики резаные,
Во оглоблицы писаные;
Привезли зуя в Москву
К благоверному нашему царю;
Посадили зуя на стол,
По грехам и выспрошали,
По рядам и высчитали,
На спине калачи пекли
И пряники жареные,
Сапогам напечатаные.

Полежал зуенек на боку,
Спорхнул-полетел за реку
Ко своей и молодой ко жене
Марье Екимовне.
«Где, зуенек, побывал?» —
«Побывал зуенек в Москве

У царя на потешности,
У Потаньки на похвальбе».

315. ЛУНЕК

Как повадился мужик на охоту ходить,
На охоту ходить, перепелок ловить.
Не поймал он перепелки, поймал белого лунька.
Лунек беленький, хвостик серенький.

Присадился наш лунек, присадился животок,
Потихохоньку, полегохоньку.
Как присел, присел лунек, присел белый животок.
Приложился наш лунек, приложился животок,
Потихохоньку, полегохоньку.

Как прилег, прилег лунек, прилег белый животок.
Разоспался наш лунек, разметался животок:
Одно крылышко протянет, а другое поведет;
Одну ноженьку протянет, а другую поведет.

Просыпался наш лунек, просыпался животок.
Озирался наш лунек, озирался животок.
Умывался наш лунек, умывался животок.
Утирался наш лунек, утирался животок.

Подымался наш лунек, подымался животок,
Потихохоньку, полегохоньку.
Как привстал, привстал лунек,
Привстал белый животок.

А хозяин говорит: «Лунька надобно убить!»
Как расплакался лунек, разрыдался животок.
А хозяйка говорит: «Чтоб на волюшку пустить!»
Расплясался наш лунек, расплясался животок.

316. ГРИБЫ СОБИРАЮТСЯ НА ВОЙНУ

Да как вздумал дубовик
Да под дубом сидючи,
На все грибы глядючи, —

Он выставливает,
Расстанавливает,
Чтобы всем опенкам
На войну итти.

Припев: Прутка, нут-ка, (3)
Ну, ну, ну,
Прутка, нут-ка, (3)
Сердце мое!

Отказалися опенки,
У них слишком ноги тонки:
«Не повинны мы
На войну итти!»

Да как вздумал дубовик
Да под дубом сидючи,
На все грибы глядючи, —
Он выставливает,
Расстанавливает,
Чтобы всем белянкам
На войну итти.

Отказалися белянки:
«Мы ведь сами же дворянки,
Неповинны мы
На войну итти!»

Да как вздумал дубовик
Да под дубом сидючи,
На все грибы глядючи, —
Он выставливает,
Расстанавливает,
Чтобы всем мухоморам
На войну итти.

Отвечали мухоморы:
«Мы ведь сами сенатóры,
Неповинны мы
На войну итти!»

Да как вздумал дубовик
Да под дубом сидючи,
На все грибы глядючи, —
Он выставливает,
Расстанавливает,
Чтобы всем груздочкам
На войну итти.

Отвечали ж ему грузди:
«Подавай нам ружьи,
Мы повинны все
На войну итти!»

317. ХМЕЛЬ СЕБЯ ВЫХВАЛЯЕТ

Как во городе было во Казани,
Середи было торгу на базаре,
Хмелюшка по выходам гуляет,
Еще сам себя хмель выхваляет:

«Уж как нет меня, хмелюшки, лучше,
Хмелевой моей головки — веселее!
Еще царь-государь меня знает,
Князья и бояре почитают,
Священники-попы благословляют;
Еще свадьбы без хмеля не играют,
И крестины без хмеля не бывают;
Еще где подерутся, побранятся,
Еще тут без хмеля не мирятся.

Один лих на меня мужик-крестьянин:
Он частешенько в зеленый сад гуляет,
Он глубокие борозды копает,
Глубоко меня, хмелину, зарывает,
В ретиво сердце тычиночки втыкает,
Застилает мои глазоньки соломкой.

Уж как тут-то я, хмель, догадался:
По тычинкам вверх подымался,
Я отростил свои ярые шишки . . .

Но все лих на меня мужик-крестьянин:
Почастешеньку в зеленый сад гуляет;
Он и стал меня, хмелюшку, снимати,
И со малыми ребятами щипати,
В кулье, в рогожи зашивати,
По торгам, по домам развозити.

Меня стали мужика покупати
И со суслицем во котликах топити.
Уж как тут-то я, хмель, догадался:
Я из котлика вон подымался,
Не в одном мужике разыгрался,
Я бросал их о тын головами,
А во скотский помет бородами».

318. ЖИЛ-БЫЛ МОТОРНЫЙ

Жил-был моторный на белом свету,
Пил-ел лапти, глотал башмаки,
По углам лазил, в окно доставал;
Чорт его обрушил к богатому в клеть.

Увидел моторный коробку в клети.
«Коробочка, коробочка окованная!
Что ж в тебе, коробочка, положено?» —
«Есть у меня, моторный, денег сто рублей».

Начал моторный деньги выгребать.
Пошел моторный во царев кабак,
Протер моторный денежкам глаза.

XII. ОБРАЗЦЫ НОВЕЙШЕЙ БАЛЛАДЫ

319. МОРЯЧКА

На берегу сидит девица,
Она шелками шьет платок.
Работа чудная такая,
А шелку лишь недостает.

И вот на счастье парус вьется,
Скользя в сияньи ясном дня.
«Моряк любезный, нет ли шелку,
Хотя немного, для меня?» —
«Ну, как не быть такой красотке!
Какой угодно цвет для вас?
У нас есть белый цвет и алый!» —
«Мне нужен белый нежный цвет;
Я для самой принцессы шью!» —
«Вы потрудитесь поскорее
Войти на палубу мою!»

Она взошла, поднялся парус,
А шкипер шелку не дает
И про любовь в стране далекой
Он песню чудную поет.

Под шум волны и пенья звуки
Она уснула крепким сном
И, пробудившись, видит море,
Все море синее кругом.
«Моряк, пусти меня на берег;
Мне душно от волны морской!» —
«Проси, что хочешь, но не это;
Ты здесь останешься со мной!» —

«Нас три сестры: одна за графом,
Другая — герцога жена,
А я, всех лучше и моложе,
Простой морячкой быть должна». —
«Не беспокойся, дорогая,
Оставь печальные мечты;
Ведь не морячкою простою,
А королевой будешь ты.
Я восемь лет искал повсюду
Тебя, прелестная моя,
И если хочешь знать ты — кто я,
Я — сын наследный короля».

320. НА ВОЛГЕ

Меж крутых берегов
Волга речка течет;
Вслед за ней, за волной,
Легка лодка плывет.

В ней сидит молодец,
Волны режет веслом,
Шапка с кистью на нем
И с веревкой в руке . . .

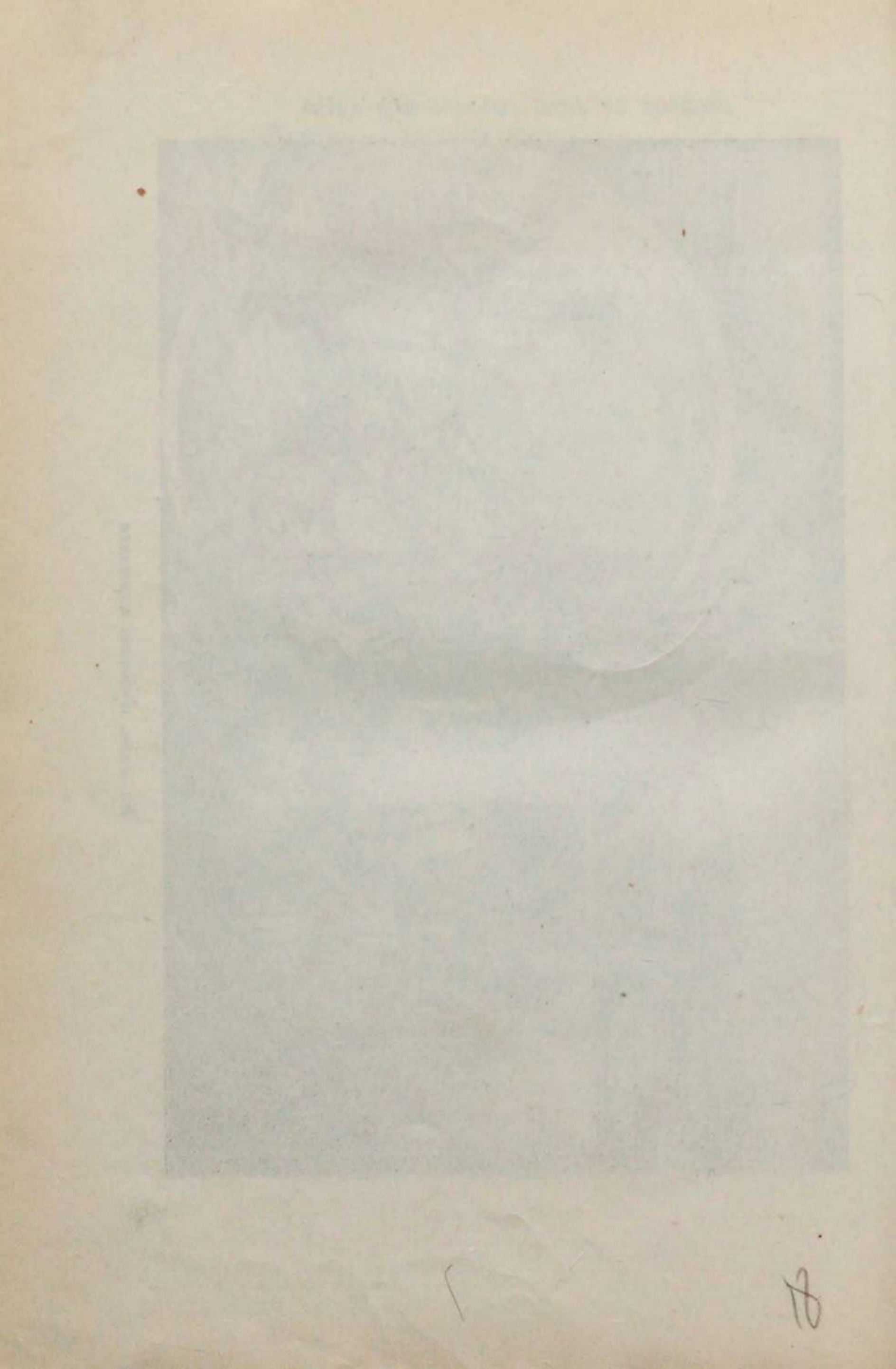
К бережку подплывал,
Лодку вмиг привязал;
Сам взглянул на терем,
Соловьем засвистал.

А девица краса растворила окно
По веревке в руках
Приняла молодца;
Всее ночь пировал с черноокой душой.

Утром, ранней зарей,
Отправлялся домой.
Тем крутым бережком,
Шапка с кистью плывет.

На Волге. Лубочная картинка

321. ВОЗВРАТИВШИЙСЯ ЖЕНИХ-СОЛДАТ

Как во селе, селе Покровском,
На проезжей большой улице
Собирались красны девушки,
Все играли хороводами.
Одна девушка не в кругу стоит,
Не в кругу стоит, задумалась;
Очи ясные заплаканы,
Не вплетает в косу русую,
В косу русую ленту алую,
А все прячет под косынкой белою.

К ней подходит молодой солдат,
Молодой солдат израненный;
Стал он с девушкой разговаривать:
«Что ты, девушка, не в кругу стоишь,
Не в кругу стоишь, не с девушкам?
Не вплетаешь в косу русую,
В косу русую ленту алую,
А все прячешь под косынкой белою?» —

«Ах, служивый, я не девушка,
Не вдова я, не молодушка,
Сирота я вовсе круглая. . .
Вот три года тому минуло,
Как бурмистр и мир рассердились
На мого на друга милого,
Жениха мне обручального.
Нет ни весточки, ни грамотки;
Видно, мой милой на войне убит!» —

«Ты, душа ли красна девица,
Вот возьми-ка полотенечко;
Не твое ли рукодельице?
В полотенечке золот перстень;
Не с твоей ли правой рученьки?»
Тут девица взрадовалася,
Узнавала друга милого,
Жениха ей обручального.

322. МУЖ-СОЛДАТ В ГОСТЯХ У ЖЕНЫ

Уж как шли-прошли солдаты,
Они шли-прошли слободкой;
В слободке становились,
У вдовушки попросились:
«Ты, вдова, вдова, Наталья!
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, постояти!
Нас немножечко, маленько:
Полтораста нас на конях,
Полтретьяста пешеходов».

А вдова им отвечала,
Ночевать их не пущала:
«У меня дворик маленек,
А горенка не величка!
У меня детей семейка!»

Они силой ворвалися,
Во горенку вобралися.
Они сели по порядкам:
Пешеходы все по лавкам,
А конница по скамейкам;
А большой гость впереди сел,
Впереди сел под окошком;
А вдова стоит у печки,
Поджав свои белы ручки;
Стоит она, слезно плачет.

А большой гость унимает:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно ль, вдова, овдовела?» —
«И я в горе позабыла». —
«Уж и много ль, вдова, деток?» —
«У меня деток четвёро». —
«Уж и много ль, вдова, хлеба?» —
«У меня хлеба осмина». —
«Уж и много ль, вдова, денег?» —
«У меня денег полтина». —

«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мне пониже!
Ты скинь, вдова, с меня кивер,
В кивере — полотенце:
Не твого ли рукодельца?
На правой руке колечко:
Не твого ли обрученья?»

А вдова-то испугалась,
Во новы сени бросалась,
Малых детушек будила:
«Вы вставайте, мои дети!
Вы вставайте, мои малы!
Не светел-то месяц светит,
Не краснóе солнце греет, —
Пришел батюшка родимый!»

А большой гость отвечает:
«Не буди ты малых деток!
Я пришел к вам не на долго:
На один я на денёчек,
Что на éдный на часочек!»

323. ОБМАНУТАЯ ДЕВУШКА УТОПИЛАСЬ

Один купец рассказывал рассказ.
Один молодец девчонку обольстил.
Обольстимши, золотым кольцом дарил.
Подаримши, обещался замуж взять.
Замуж не взял — стал смеяться он над ней.

Потом вышел неприятный разговор.
Отдал перстень — получил свое кольцо.
Потом вышел на парадное крыльцо,
Закричал своим лакеям, кучерам:
«Вы заложьте тройку вóроных коней,
Подавайте ко крылечку поскорей!»
Сел в коляску — быстры кони понеслись.
У красавицы из глаз слезы полились.

Отец с матерью про дочку говорят:
«Что какая разнесчастная наша дочь!
Что в такие часы-минуты рождена,
И в какого же тирана влюблена!» —
«Ты, тиран, тиран, мальчишка молодой!
Зачем мучаешь, тиранишь ты меня?»
Взяла ведры — за водой было пошла.
Почерпнумши ведры, становила под горой,
Перкрестилась, сама скрылась под волной.

324. ОБМАНУТАЯ ДЕВУШКА УТОПИЛАСЬ

(иного содержания)

Не велела мне матушка
Мне белиться, румяниться,
На чернó брови сурмити,
В цветное платье рядитися,
В холостую горницу хаживать,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривать,
С холостыми и с женатыми.

Я не слушалась матушки,
Я белилась, румянилась,
На черно брови сурмила,
В цветное платье рядилася,
В холостую горницу хаживала,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривала,
С холостыми и с женатыми.

Обманул меня молодец,
Обманул расканальский сын:
Он сказал, что нет отца, матери,
Уж как нет молодой жены,
Молодой жены с детушками.

Уж как я ль, красна девушка,
На его слова прельстилася,
С вихорем думу думала,

С вихорем я разгадывала:
Он повез на свою сторону,
На дороге всю правду сказал,
Всю правду, всю истинную:
«Не пугайся, красна девица,
Не пугайся, дочь отецкая!
Я хочу тебе всю правду сказать,
Всю правду, всю истинную:
У меня есть и отец, и мать,
У меня есть молодая жена,
Молода жена с детушками».

Залилась я, красна девушка,
Я своими горючьми слезами,
Во слезах слово молвила:
«Ты, удалый добрый молодец,
Ты зачем же меня обманывал?
Мою молодость подговаривал?»

Он привёз на свою сторону.
Как встречает его и отец, и мать,
Как встречает молода жена с детушками.
«Ты родимый, родной батюшка!
Я привез вам вековую работницу,
А тебе, родна матушка,
Вековую переменьщицу,
А тебе, молодая жена,
Вековую постельницу,
А вам, малым детушкам,
Вековая вам нянюшка,
А себе, добру молодцу,
Вековую разувальницу».

Залилась красна девушка
Своими горючьми слезами,
Во слезах слова молвила:
«Ты не смейся, добрый молодец!
Я отцу твоему не работница,
А матери не переменьщица,
А жене твоей не постельница,

А детям твоим не нянюшка.
Ты, удалый добрый молодец!
И ты дай мне вёдры дубовые,
И я пойду на Дунай реку,
На Дунай реку по́ воду».

Почерпнула вёдры, поставила,
На все стороны помолилася,
С отцом, с матерью простилася:
«Ты прости, мой родной батюшка,
Ты еще прости, государыня матушка,
Еще прощай, добрый молодец».
Уж в первóй-то она взошла
По свой шелков пояс,
А в другой-от она взошла
По свои могучи плеча,
А уж в третий-то она взошла
По свою буйну голову.

Увидал добрый молодец
Со высокого терема,
Со косящатого окошечка,
Закричал он громким голосом:
«Не топись, красна девица,
Не топись, дочь отецкая!
Отвезу тебя на твою сторону,
К твоему ли к отцу, к матери,
К твоему роду-племени».

325. ДЕВУШКА НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ ЖЕНОЮ ЛАКЕЯ

Я вечор дружка милого
Провожала со двора.
Провожала, наказала:
«Не забудь, милой, меня!
Если ты меня забудешь,
Нужно вспомнить про любовь!» —

«Скучно, Машенька, жить-то будет,
Так пиши писемца ко мне!» —

«Уж я рада бы писала,
Не с кем грамотку послать:
Слугу верного послать,
Так злая мачеха узнат!»
Злая мачеха узнала,
Хочет замуж отдавать
За такого за невежу —
За лакея подлеца.
«Я с лакеем жить не буду,
Можно вскоре помереть».

Поутру рано вставала,
Выходила на крыльцо,
Выходила за ворота,
Выпускала сокола.
«Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко,
Ты высоко и далеко —
В славный город во Казань;
Разыщи дружка в Казани,
Сядь поближе ко ему;
Сядь поближе ко дружочку,
Тяжелешенько вздохни,
Жалобнешенько воспой,
Про меня, красну девицу,
Все подробно расскажи:

Что меня, красну девицу,
Хотят замуж отдавать
За такого за невежу —
За лакея подлеца».
В нову горницу зашла,
Вдоль по лавочке легла,
Белы рученьки вздынула,
Остру саблю подняла,
Себя смерти предала.

Мил Россиюшку проехал,
Не нашел Маши милей.
Ко воротичкам подъехал,

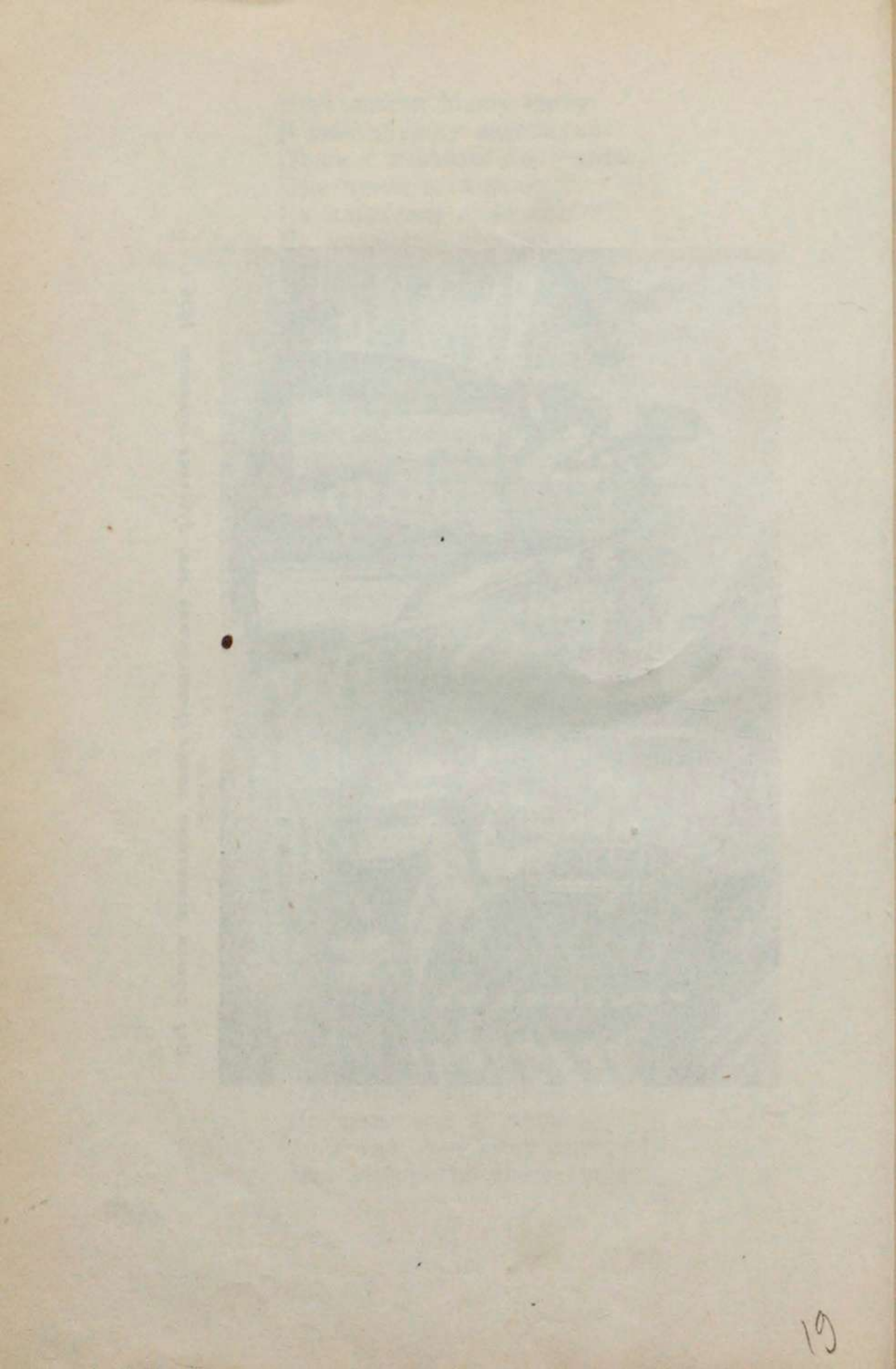
Чуть застал Машу живу.
Я еще дружку вздохнула:
«Меня с певчими проводить».
Еще певчи-то запели,
На кладбище понесли;
На кладбище принесли,
В могилу стали класть.

326. ДРУГ ДЕВУШКИ УБИВАЕТ СЕБЯ

Как во нашей во деревне,
Во веселой слободе
Жил мальчишка лет в семнадцать
Неженатой, холостой;
Как любил-то свою девку,
Обещался замуж взять.
Его люди научали:
«Ты спросись-ко у отца». —
«Позволь, батюшка, жениться,
Позволь взять, кого люблю».
Отец сыну не поверил,
Что любовь на свете есть:
«Есть на свете люди ра́вны,
Надо всех равно любить».
Отвернулся сын, заплакал —
Прямо к Саше в теремок.
Под окошком постучался:
«Выйди, Саша, на часок,
Дай мне руку, дай мне праву,
С руки перстень золотой.
Не отдашь с руки персте́нька,
Не увидимся с тобой».
Пошел, вышел на крылечко,
Востру саблю обнажил;
Обнаживши востру саблю,
Себе голову срубил.
«Покатись, моя головка,
По шелковой по траве!»
Тогда отец сыну поверил,
Что любовь на свете есть.

Под деревом ветвистым стоял крестьянский дом. Лубочная картинка 1856 г.

827. ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ КУПЦА

Как под липой, под липой,
Под кудрявой зеленой,
Сидел молодец такой,
Держал гусли под полой.
Ах, вы, гусли, мои гусли,
Вы, гуселечки мои!
Разыграйте, гусли-мысли,
А я песенку спою
Про женитьбу про свою,
Как женила молодца
Чужа дальня сторона,
Макарьевска ярмонка!

Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близь гостиного двора,
У Софронова купца
Солучилася беда
И не малая;
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.

Как искали ту пропажу
По болотам, по лесам,
По Макарьевским пескам;
И нашли эту пропажу
У Машкова на дворе,
В новой бане на полке.
Ее буйная головушка
Испроломанная,
Ее русая коса
Вся растрепанная,
Цветно платье
Все изорванное,
Все изорванное,
Все издерганное.

Вот и сам-от победитель
Под окошечком сидит;
Таки речи говорит:
«Не ко мне ли гости едут?
Не меня ли хотят брать?»
Как по первой по пороше
Трои саночки катят,
И звенят, и гремят,
Лишь копыточки стучат.
Приворачивай, ребята,
К Акулинину двору!
Акулинушка бежит,
На ней платьице шумит.
«Акулинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отворяй-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!»
Уж как взяли молодца,
Подхватили удальца,
Посадили в крепку горенку —
В каменный острог . . .

328. МАЛЬВИНА

Тихо стонет сине море,
Тихо зыблется луна,
По долине, по дубраве,
По дорожке столбовой
Рыцарь бенный все спешит
Ко Мальвине молодой.
Тут Мальвину снаряжают
Мертву бенную к венцу.
Она плацет, слезы льются,
Што со слез руцья шумят.
«Вы, подружки, не спешите,
Дайте серцю погрустить,
Вы ядино мне скажите,
Как мне милаво забыть?
Мне забыть ево не можно,
Отдалась ему душой.

Праву руценьку давала,
Мне велел родитель мой».
Долго ехал гось нежданный!
Поздно, рыцярь молодой!
Для злодея все не позно.
Рыцярь саблю обнажил;
Обнаживши саблю востро,
Да словечушка сказал;
Сабля вострая взвиласе,
Тут Мальвина померла.
Померла наша Мальвина,
С ней сконцялася любоф.
Полотном тело прикрыли
И послали за попом,
Поп-от с певцием приехал
Мертво тело отпевать.
Громко певцие запели,
На кладби́що понесли.
Приносили на кладбищо,
Востонула вся земля.
Вся селенная сказала:
«От любови померла».
Тело в гробе говорило:
«Подойди, милой, сюда,
Подойди, милой, поближе,
Стань ко гробу моему.
Помолися, милой, богу,
Телу душу возврати». —
«Помолиться богу можно,
А воротить душа нельзя».

829. ЖЕНИХ-МЕРТВЕЦ

Бедная, горькая осталась, —
Мил уехал на суда.
Не пила, хлеба не ела,
Ровно съела смерть худа.

Поздно вецером сидела
В новой горнице одна,

Вдруг застукало у стенки,
У моиф новыф ворот.
Вижу, двери отворяет,
Милой бледненькой идет.

Ён хотел миня обняти
Своим белыми рукам,
Ён хотел поцеловати
Рассахарными устам,
Вдруг захлопало крылами —
На дворе петух запел . . .
Кабы знала это время,
Заколола б петуха.

330. НЕЖДАНЫЙ ГОСТЬ

Шел мальчишка темнотою,
Закрывался вольный свет,
Добрым людям для спокоику,
А мне, девке, ради сну.

Я немножечко заснула же,
Мил стучался у дверей.
Девка гневно закричала:
«Еще кто, смелый, пришел?» —

«Я, мальчишка, заплутался же,
Квартерушки не нашел;
Я от сильныя погодушки
Передрог, давно стою!»

Девка двери отворяла же,
Молодчика пущала́.
Его рученьки холодные
Снежком стала оттирать.

Его русые кудерюшки
Духом стала отдувать.
Стал мальчишка (о)тогреваться,
Стал в гусе́люшки играть,
Новы песни припевать.

331. КАЗАК

Стояли казаченьки при крутой горе,
Из этих казаченьков один был лихой:
Один год проживши с женой молодой,
Сказано казаченьке на службу идтить.
Жаль ему расстаться с женой молодой;
Стал с женой прощаться — жене говорит:
«Будь ты мне, жена, до могилы верна,
До могилы верна — до гроба честна».

Поехал казаченька врагов побеждать.
Побеждал он враженьков копьем и мечом.
Победимши враженьков, воротился назад.
Навстречу казаченьке начальство большо,
Шляпы на нем со перами, кресты на груди:
Казак им ни слова — так молча прошел.
Поехал казаченька в родительский дом;
Навстречу казаченьке родитель идет.

«Здорово, родимый, здорова-ль семья?» —
«Мы, сынок, здоровы; несчастье твое:
Молода твоя хозяюшка сына родила.
Мы, сынок, простили — прости уж и ты».
Берет же казаченька шелковую плеть,
Ударил хозяюшку промеж белых плеч;
Пошел же казаченька из дому вон.
«Пропади ты, безмозглая, пуста голова,
Когда ты забыла, казаченьку, меня!»

332. СВИДАНИЕ

При лужке, лужке, лужке
Конь гулял на воле.
Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю.
Как поймаю, обротаю
Шелковой уздою.

Дернул шпорам под бока,
Конь бежит стрелою.

Ты беги, беги, мой конь,
Беги, торопися.
Прямо любушки моей,
Там остановися.

Ты ударь, мой добрый конь,
Камень копытóю,
Что бы вышла девчоночка
С черными бровями.
Не вышла девчоночка,
Вышла ее мати:

«Здравствуй, здравствуй, милый зять,
Хаживайте в хату». —
«А я в хату не пойду,
Во двор не заеду;
Привяжу коня к крыльцу,
Сам пойду в светлицу, —

Разбужу я крепкий сон,
Красную девицу».
Девчоночка стала,
Ничего не спала;
Правой ручкой обняла,
Три раз целовала.

333. ВЫ ЗНАВАЛИ ЛЬ МОЕГО ДРУГА?

Рассказать ли вам, подружки,
Про несчастье про свое?

Вы знавали мово друга,
Какой бравый молодец;
Какой бравый парень, славный,
Мил прославился боец!

Черный ворон, храбрый воин,
При всей армии — войне,
Он стражался со врагами,
Там головку положил.

Дело было за морями:
Там девчоночка гуляла
До двенадцати часов.
С ей стречался, поравнялся
В белом саване мертвец.

«Что же ты, девица, гуляешь,
Не боисся никово?» —
«Да ково же мне бояться:
Тут мой миленький схоронен,
На ём камень положо́н:
Полтораста в ём пудов;
Он окрашен серебром».

334. ДВЕ СЕСТРЫ

Был цярь молодой,
Имел ён двух доцек
Не́ равныф собой:
Старшая дочка
Дурняе, чем ночь,
А младшая дочка
Беляе, чем день.

Старшая младшую
Манила тайком:
«Пойдем-ко, сестрича,
Пойдем погулять,
Пойдем-ко, ронная,
На берег морьской».

Черен был море,
Покрой гробовой.
«Погляди, сестрица,
Как вода смыла!»
Не стерпела смолянка
Сгневала, смогла.
Я свою-то сестру младшу
Столнула в морё.

Вдруг забилисе волны,
Завыли лесá,
Красоточка бьется
Крутым бережкам.
«Не бейся, сестрича,
Крутым бережкам:
На божию землю
Не ступишь ногам».

Невод рыбачил
Во тихую ночь,
Изловил невод
Он чарёву дочь.

335. КОЛЕЧКО

Потеряла я колечко, потеряла я любовь,
А по этом по колечке буду плакать день и ночь.
Где девался тот цветочек, что долину украшал?
Где мой миленький дружочек, что словами обольщал?

Обольстил милый словами, он уверил навсегда:
«Не плачь, девица, слезами, — будешь вечно ты моя!»
Мил уехал и оставил мне малютку на руках.
Как взгляну я на малютку, так слезами я зальюсь.

«Чрез тебя, моя малютка, пойду в море утоплюсь,
А тебя, мой злой мучитель, я навеки прокляну».
Долго русою косою трепетала по волне,
Правой рученькой махала: «Прощай, миленький, прощай!
Ни на что так не взирала, как на этот темный бор,
Ни о ком так не страдала, как о миленьком своем!»

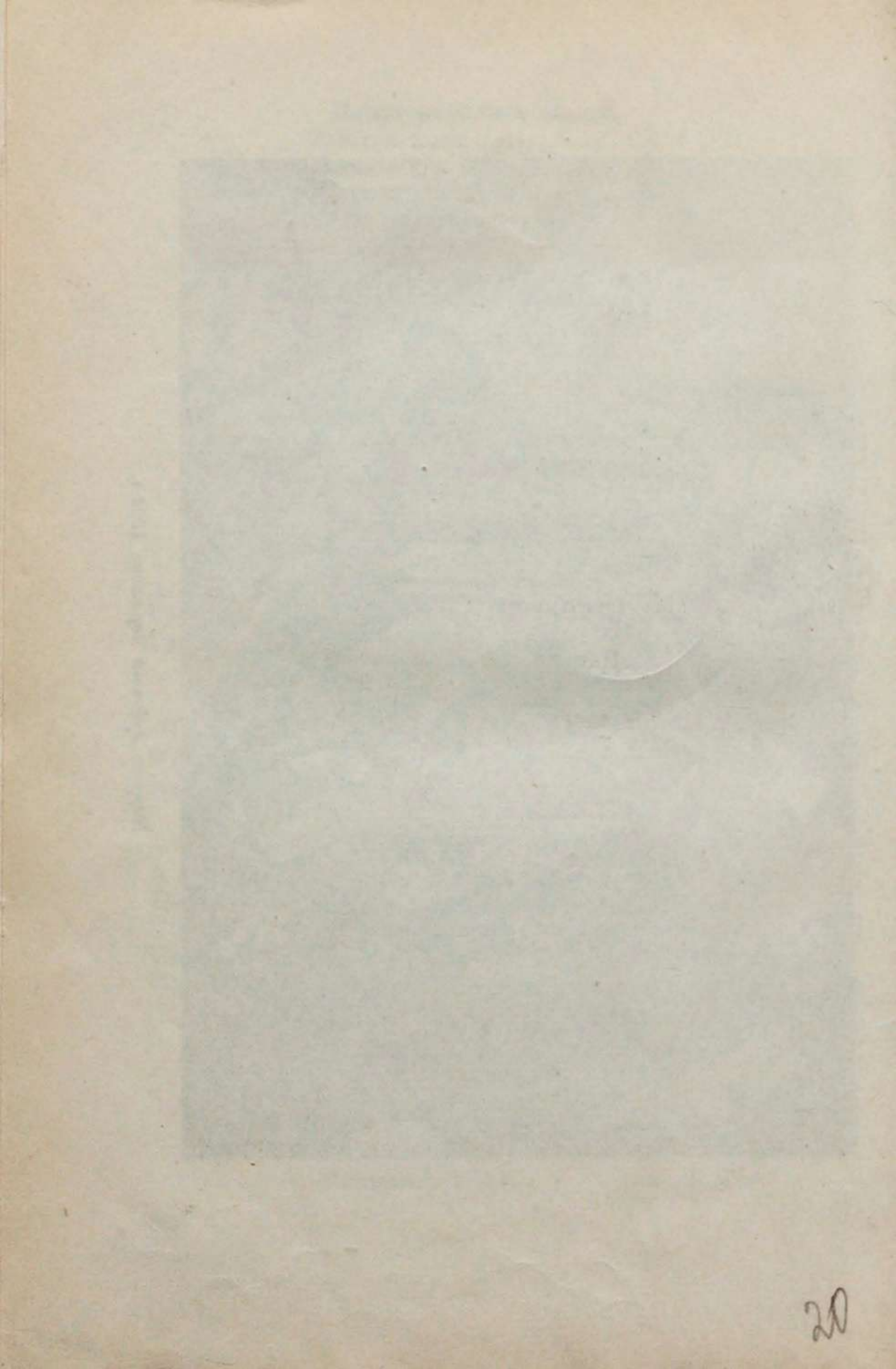
336. ПОХОРОНЫ ЧУРКИНА

Среди лесов дремучих
В безмолвии идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.

Маруся. Лубочная картинка 1902 г.

210

20

Носилки не простые, —
Из ружьев сложены,
А поперек ружьев стальные
Мечи положены.

На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой.
Струится кровь из раны
По буйным по вискам;

Одна струя быстрей
Течет по волосам,
Ремни его кольчужны
Изрублены висят;

Ножи и пистолеты
За поясом торчат.
Мы шли, остановились,
Сказали: «Братцы, стой!

Давайте поскорее
Могилу брату рыть!»
Мы вырыли глубоку
На желтыим песке,

На желтыим песочке,
На крутом бережке!
Спустили, положили,
Сказали: «Брат, прощай!

Тепере нам не время
Беседовать с тобой!»
А сами поскорее
Опять в кровавый бой.

337. РАЗБОЙНИЧЬЯ ШАЙКА

Из-за лесу из-за гор подымалась туча-гром,
Подымалась туча-гром со частым мелким дожжем,
А со этого дожжа быстра речка протекла.

Как по этой ли по речке легка лодочка пловет,
А во этой ли во лодке два разбойничка сидят!
Два разбойничка сидят, про неволю говорят:
«Наша шайка удалая, разбессовесна такая,
Когда пьяная напьется, не боится никого,
Одного она боится — атамана своего».
Из-за гор ветер шумит, — атаман на нас летит,
Атаман на нас летит, громким голосом кричит:
«Становитесь, братцы, в строй, собирайтесь на разбой!
Оседлайте вы коня атаману своему.
Вы гоните вдоль дорожки, принимайте ямщика».
Ямщик старый с бородой, с ним купчишка молодой.
Он чернеет и бледнеет, и от страха весь дрожит.
Он от страха весь дрожит — ему пуля в лоб летит.
Ему пуля в лоб летит, ямщик речи говорит:
«Изрубите мое тело и сожгите на огне,
Вы сожгите на огне, не тужите обо мне.
Вы поставьте гроб дубовый, скороните под дубровой,
Вы обейте гроб холстом, скороните под кустом».

338. ПОДКИДЫШ

Все было тихо в час полночи,
Все мрачно в тишине ночной.
Темно окрест, не видят очи,
Сокрыто все туманной мглой.

Никто из жителей селенья
Туды не выйдет, не пройдет,
Где на пороге новоселья
В тиши младенец слезы льет.

Но вот зарей позолотились
Вершины дальних синих гор,
И всё в селеньи пробудилось,
Пошли в работу с ранних пор.

Вот, криком детским пробужденный,
Хозяин вышел поглядеть;

Испуганный и изумленный
Младенца в избу взял согреть.

Жена с постели поднялася,
За ней работники пришли!
В деревне новость разнеслася,
Что вот подкидыша нашли.

«Ну что же? бог послал нам сына!
(У нас детей нет никого!)
Крестьянина, поселянина,
Нам можно воспитать его!»

И вот малютка подрастает —
В семье уж четверо ребят.
Ребенка часто грусть терзает,
Когда про счастье говорят.

Ему становится и стыдно,
И грустно в обществе детей,
И больно сердцу, и обидно
Смотреть на ласки матерей.

И от рождения несчастный,
Ты не узнаешь, где твой род?
Греху младенец непричастный,
Обманутой любови плод.

В семье чужой тебя усвоят;
Без ласк, безродный, ты взрастешь.
Хотя тебя вспоят и вскормят,
Слезой хлеб часто обольешь.

И обесславленный, клейменный
Позором матери своей,
В минуту скорби, огорченный
Не раз проклятье скажешь ей.

А мать несчастная украдкой
Подчас заглянет в твой приют,
И поцелуй воздушный робкой
С молитвой бедная пошлет.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ПЕСНИ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К СКАЗКАМ И АНЕКДОТАМ БЫТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ

1. Гостиный сын увозит девушку. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 82.

Тот же текст у *Соболевского*, I, 245, по песеннику 1780 г. Других, близких к этому тексту, вариантов нет. Отдаленный у *Соболевского*, II, 220. Примыкает к сказкам с мотивом об увозе царевны на корабле: «Семь Симеонов» и др. В былине о Саламане (*Рыбников*, II, № 52—53) увозят его жену.

Текст нашей песни старый, прекрасной сохранности. Герой ее гусляр, как в некоторых былинах.

2. Приказчики увозят девушку. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 80, № 1932 (б. Орловская губ.).

Вариант у *Соболевского*, I, № 246, по песеннику 1780 г.: понизовые бурлаки увозят из Казани дочь стольникова приказчика. Ср. *Добровольский*, «Смоленский этнографический сборник», IV, стр. 579, № 1, варианты а, б, с. В нашем тексте есть неисправности: Калуга оказалась на Волге, вероятно вместо Казани или какого-либо другого губернского города, более близкого к Ржеву. К этому же циклу принадлежит и известная песня: «Ивушка, ивушка, зеленая моя» (*Соболевский*, II, № 37—41); содержание ее довольно неясное.

3. Казак и шинкарка. *Иваницкий*, Повествовательные песни, собранные в Вологодском у., стр. 316.

Варианты *Соболевского*, I, № 216—225. Мотивы увоза, истязания и убийства ясны лишь в немногих вариантах: по одному — девушка взяла с собой «худо и добро, злато-серебро» (№ 217), по другому — воз с перинами и воз злата-серебра (№ 225). В этих же вариантах корчма называется польской, королевской, а увезенная девушка оказывается еврейкой. Ясно, что песня сложилась в условиях войны и национальной вражды и является свидетельством жестоких отношений и воздействий социальной верхушки, которая находила для себя выгоды в том, чтобы создавать и поддерживать войны и ненависть народов. Большинство вариантов показывает, что ненавистническая идеология не пользовалась популярностью: она выпадала из текста песни, которая сохраняет в большинстве случаев один голый, схематический рассказ, без всякого его осве-

щения. Один из наиболее ясных вариантов находится у *Добровольского*, IV, стр. 508, № 25 в. В нем казак перед пыткою прямо спрашивает: где деньги твои? В другом, более естественном и человеческом, спасителем девушки является молодой матрос (№ 25 г).

4. Девица обыграла молодца. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 75.

Варианты у *Соболевского*, I, № 325—327. Тема — состязание молодца и девицы с победой на стороне последней. В данном тексте состязание осложняется задаванием трудных вопросов («загадок»), что является обычным песенным и сказочным мотивом о мудрой девице (Семилетка).

5. Братья и нескромная сестра. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 107, № 2021 (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у.). Запись П. И. Якушкина и А. Кострова.

Известна как былина: Алеша Попович и сестра братьев Збродовичей, Петровичей и др. См. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 2, М., 1875, стр. 64—69, 3 варианта; *Марков*, Беломорские былины, М., 1901, стр. 476, № 93; *Ончуков*, Печорские былины, стр. 22, № 3. Много разнообразных вариантов у *Григорьева*, т. I; в числе их есть варианты и с безыменным молодцем, стр. 244, № 72, стр. 259, № 81. Наша песня, очевидно, потускневшая копия с былины, сохранившаяся в такой местности, где оригинал давно забыт. След от первоначального текста, однако, сохранился в названии героя романа «сын-попович».

6. Девушка-воин. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 79, № 1449 (б. Московской губ., г. Москва). Запись П. В. Киреевского.

Варианты редки. Ср. у *Соболевского*, VII, № 578 (девицы едут на войну). Примыкает к циклу сказаний о девушке-воине и о переодевании девицы или женщины, желающей скрыть себя или выступить в роли мужчины. Ср. сказки: А*875 I, [1] 880 А, *В, 881, 882 А, 883, 884 А, *В. См. исследование *Сазоновича*, Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче», Варшава, 1886. Любопытен следующий вариант (текст с чертами местного говора):

Як сказали молойцу да й у службу йтить,
А у того ж того молойца
Нет ни матушки, ни 'тца,
Тольки у того молойца
Да двенадцать дочерей.

Во первая дочь говорить:
«Як идить, так идить!»
А другая говорить:
«Як служить, так служить!»
А третия говорить:
«Ох, ты, батюшка родной,

---

[1] Ссылка: А и следующее число означает здесь и дальше: *Н. П. Андреев*, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Лгр., 1929.

ПОДКИДЫШЪ ПѢСНЯ

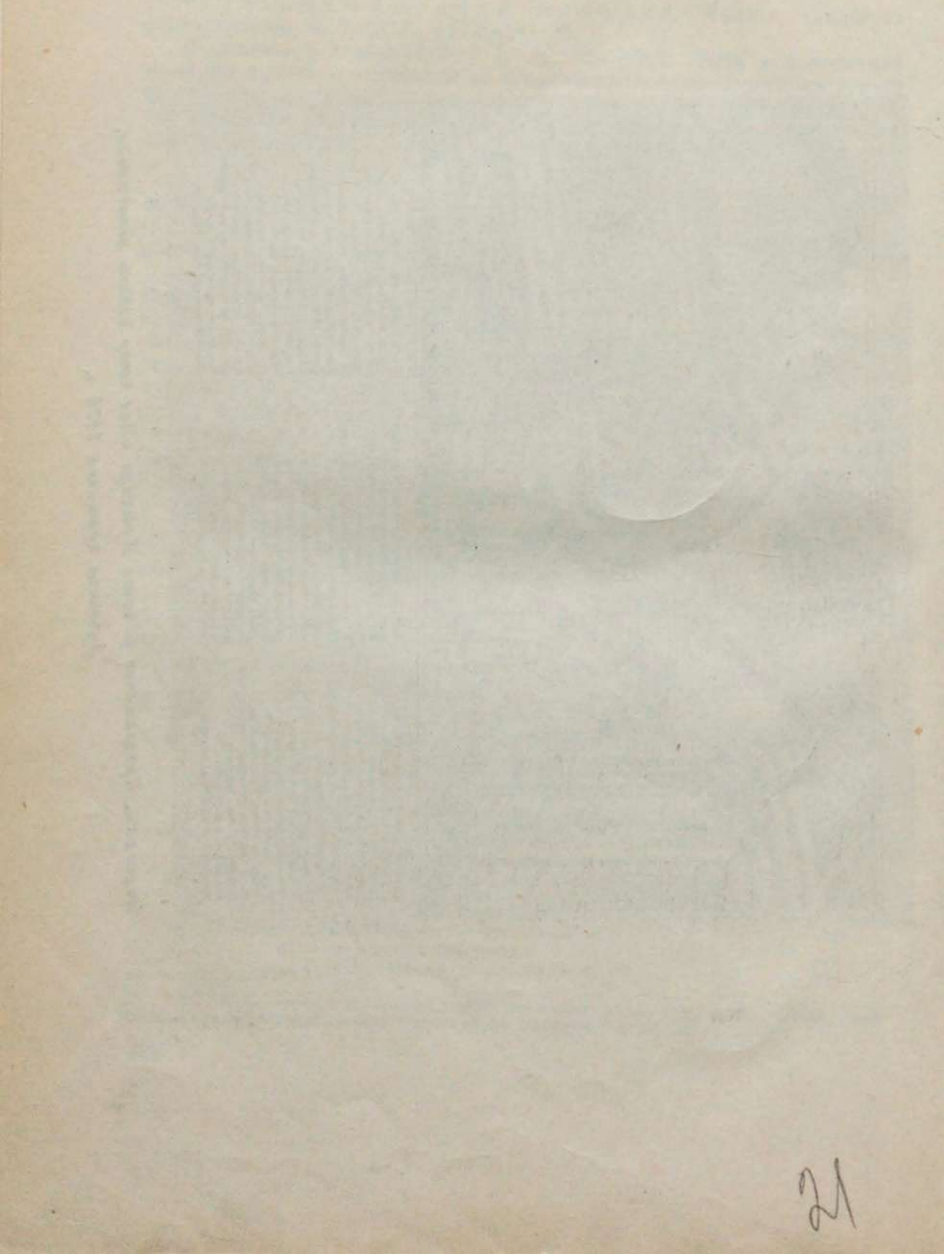
Все было тихо въ часъ полночи,
Все мрачно въ тишинѣ ночной:
Темно [illegible] не видятъ очи
Покрыто все туманной мглой
Никто [illegible] сладкій
Туда не [illegible], не проидетъ
Гдѣ въ [illegible]
Въ тиши младенецъ слезы льетъ
Но вотъ: зари [illegible]
[illegible] дальнихъ [illegible] горъ
И все въ селеньи [illegible]
Пошли въ работу съ раннихъ поръ
Вотъ крикомъ дѣтскимъ [illegible]
[illegible]
[illegible] и [illegible]
[illegible]

Жена съ постели поднялася
[illegible] работникъ пришелъ
Въ деревни новость разнеслася
Что вотъ подкидыша нашли
Ну что жъ? Богъ послалъ намъ сына!
(У насъ дѣтей нѣтъ ни кого.
Крестьянина [illegible]
Намъ можно воспитать его!
И вотъ: малютка подрастаетъ
Въ семьѣ ужъ четверо ребятъ
[illegible]
Когда [illegible]
[illegible]
[illegible] дѣтей
И [illegible]
[illegible] на [illegible] матерей

И отъ рожденія несчастный
Ты не узнаешь, гдѣ твой родъ?
[illegible] младенецъ [illegible],
Обманутой любви плодъ
Въ семьѣ чужой тебя успокоятъ
Безъ ласкъ безродный ты взрастешь
Хотя тебя вспоятъ и вскормятъ
Слезой [illegible] часто [illegible]
И [illegible]
[illegible] матери [illegible]
Въ минуту [illegible]
[illegible]
А мать несчастная, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Подкидыш. *Продолжение романса Пушкина «Под вечер осенью ненастной».*

Лубочная картинка 1876 г.

21

Сиз голубчик дорогой!
А справ же мне, батюшка,
Пухову шляпу с пером,
Перщаточки с серебром! —
Во як став же молодец
В первой роте на боку
В грынадерском полку...
А як будить государь
Нас осматривати:
«А что это за такой
Бравый мальчик молодой, (2)
Неженатый, холостой?
За этого ж молойца
Свою дочку б отдал!..»

Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903, стр. 236, № 34 (б. Дисненский у., б. Виленской губ.).

7. Молодец, слуга и девушка. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 159.

Варианты у *Соболевского*, I, № 214—215. Под общим именем «молодец» скрывается, несомненно, лицо очень знатное. Девушка, очевидно, пленная или захваченная во время военного похода. По обстоятельствам дела можно догадываться, что войсковая часть, в которой находился молодец, возвращалась после похода, и молодец хотел привести девушку к себе домой, под видом жены своего слуги. Как замечательная русская песня переведена А. С. Пушкиным на французский язык для литератора Леве-Веймарса в 1836 г. См. Соч. *Пушкина*, изд. т-ва «Просвещение», СПб., 1903, т. II, стр. 341, № 2.

8. Девушка принимает молодца через окошко. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 3, № 1175 (б. Архангельская губ., г. Холмогоры). Запись П. Н. Базилевского, 1843.

Вариант у *Соболевского*, IV, № 648 (в сложении с другой песней). Мотив этой песни известен и в сказках (*Ончуков*, № 145, *Соколовы*, № 49) и в былинах (*Марков*, № 93).

9—10. Девушка впускает милого в город. Терский сборник, в. 1, стр. 125.

Вариант (№ 10) — Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 5, М., 1863, стр. 169.

Песня сохранилась в нескольких вариантах, весьма художественных. Тема из древнейших. № 9—10 входят в состав особого цикла старых песен, примыкающего и к былинам (Дунай) о любви молодца и королевской дочери. У *Соболевского*, I, № 17—20. Тексты недостаточно ясны. Весьма художественная запевка № 9, первые десять строк, мало связана с содержанием песни. Строки 11 и 12 следует понимать так, что молодцу приходилось испытывать и жары, и морозы (не одновременно). Муров — былинный город (*Гильфердинг*, Онежские былины, I, 186, изд. 2, 1894). В № 10 рассказ сливается с песней о любви молодца и королевской дочери.

11. Любовь молодца и королевны. Рукописный сборник XVIII в. (Публ. Библиотека, Q. XIV, № 11), № 91 (каждый стих повторяется). Текст близко передает первоисточник.

Близкие варианты у *Соболевского*, I, № 11—16. В осложнении с другими мотивами № 1—10. В тексте сохранились черты силлабического стихосложения. Так, первые пять стихов — 11-сложные, с цезурою после шестого слога; дальше чередуются стихи в 12, 13, 14 слогов с довольно последовательной цезурой перед последними пятью слогами.

12—15. Девица хочет отравить молодца; девица отравила молодца; сестра хочет отравить брата; сестра отравила брата; сестра отравила брата по ошибке. Первая — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 7, стр. 83; вторая — *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 2, СПб., 1770, стр. 202; третья — *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 170; четвертая — Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 79, № 1930 (б. Орловская губ.). Варианты у Шейна, № 821—829.

Песни об отравлении — весьма старые, известны во многих вариантах, преимущественно в устной традиции. У нас приведены типичные версии.

I. Девица хочет отравить или отравила молодца, № 12, 13. Варианты у *Соболевского*, I, № 141—153, разнообразного содержания, частью в сложении с другими мотивами, особенно с завещанием о похоронах. Древность песни указывается чудесными явлениями: земля, грива коня *загораются от ядовитого зелья* (очевидно, не в значении горения огнем, пламенем, а в смысле: трава вянет, грива тлеет, гибнет), является *змея*. Древни способы доставания яда и вид казни. Причины отравления не выяснены; нет даже намеков на месть за обман, насмешки и т. п. Отравительница называется: «дрянь-девчонка» (№ 144), «перелестница», то есть обольстительница (№ 147); молодец говорит: «Я тебя-то люблю, как свою душу, А боюсь-то тебя, да как люту змею!» Тексты данного рода, очевидно, примыкают к древним повестям и учениям о злобе женской, беспричинной. Ср. украинскую песню об отравлении: «Ой, не ходи, Грицю, та на вечірниці», с совершенно ясным мотивом отравления (ревность), несомненно более новую.

II. Сестра хотела отравить или отравила брата, № 14, 15. Варианты у *Соболевского*, I, № 134—138. Вариант № 15 ясно устанавливает причину отравления: брат мешает связи с другом. Ср. сказку «Звериное молоко». Однако тексты о беспричинном отравлении могут быть более древними и самостоятельными.

16. Сестра отравила брата по ошибке. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901, стр. 128.

Примыкает к циклу песен об отравлении возлюбленного. Текст замечателен и по ясности мысли, и по красоте изложения. Варианты у *Соболевского*, № 139; у *Шейна*, № 822, 825, 828.

Своеобразен по содержанию следующий вариант с темою: сестра отравила милого вместо брата (текст на местном говоре).

Вырывала ана, расхарошинькая, злы кареньицы,
(Злы кареньицы) из крутой-та гары,
Вынимала ана из царной земли злы кареньицы,
Прамывала ана в клюцавой ваде,
Прасушала ана на белой груде́,
Исталкла-та ана в ступе меднаю,
Прасевала ана цастым ситецкам,
Настаяла ана слаткай водацкай,
Наливала ана чашу горькава,
Угашшала ана брата ро́днава,
Угадила ана, эта рюмацка, дружку миламу.

Как са вечера у милава забалела галава,
А палу́начи мил в пастельку слег,
На било́й заре милай кончился.
«Скарани-ка меня, мая милая,
Между трех дарог ва дикой степе́:
Как и первая-та дароженька Петербурская,
А втарая-та — Еруcла́нская, [1]
Как и третия-та — Масковская».

Записал В. И. Чернышев, в с. Большое Болдино, б. Лукояновского у., 1928, от крестьянки Феодосии Киреевой, сорока лет.

К этому же циклу, очевидно, относится и следующая редкая песня об убийстве брата сестрою.

Текст ее не дает никаких оснований хотя бы для догадок о том, почему сестра убила брата. Запев о Суре-реке как будто случайно пристегнут к тексту. Песня эта или начало незавершенного вполне замысла, или сохранившийся отрывок цельного эпического произведения, скорее — последнее.

Старики-то мои стародавние!
Как и кто бы из вас служил царю белому,
Как и кто бы из вас сказал про Суру реку?
Как Сура-то река бежит из-под камушка.
Как на камушке сидела сестра с братом,
Как сестра-то брату словечко промолвила:
«Ляжь-ка ты, братец, ко мне у коленушки,
Поищу я у тебя у головушке».

Как и лег-то братец к сестре у коленушки,
Приуснул-то он своим распрекрепким сном.
Вынимает сестра с ножен саблю острую,
И снимает она с братца буйную головушку.
Положила она буйную головушку под тот бел горюч камень.

«Донские Областные Ведомости», 1875, № 92.

17. Д м и т р и й и Д о м н а. Песни, собранные *П. Н. Рыбниковым*, ч. 1, М., 1861, стр. 461. Текст с чертами местного говора.

Сохранилась в былинном репертуаре. У *Соболевского*, I, № 172—175. Прекрасный вариант у *Маркова*, «Беломорские былины, стр. 175, № 33. Много вариантов у *Григорьева*, Архангельские

[1] Вероятно, Ярославская.

былины и исторические песни, т. I, ч. 2, Пинега, № 62, 101, 107, 117, 125, 127, 134, 135, 147, 151, 174, 175, 182, 184, 200, 203. Тема песни — гордая невеста. В сказках: А 900 (иного содержания).

18. Девушка убивает нескромных гостей. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 59, № 1380 (б. Новгородская губ., г. Новгород). Запись П. В. Киреевского, 1834.

Песня редкая. Варианты у *Соболевского*, I, № 164; II, № 7 (плохой сохранности). В обоих текстах не вполне стройно соединяется вступление (жалобы девицы на мачеху) и содержание (рассказ об убийстве гостей). В нашем варианте более разграничены роли говорящей девушки и автора песни, но зато пропущены важные стихи об убийстве гостей.

19. Девушку выдают замуж за отца милого. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 2, СПб., 1770, стр. 196.

Текст единственный. В этой маленькой выразительной песне представлен тот же сюжет, который разработан в «Дон Карлосе» Шиллера.

20. Парень крадет у купающихся девушек рубашки. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 71, № 1425 (б. Ярославская губ.).

Сказочный мотив о герое, который крадет у купающейся девушки рубашку, чтобы получить в ней свою защитницу и жену, разработан здесь в виде бытового шуточного анекдота. Варианты у *Соболевского*, I, № 323—324.

21. Солдат Яшка. Рукописный сборник XVIII в. (Публичная Библиотека, Q. XIV, № 11), № 107. Наш текст близко передает первоисточник. Каждый стих повторяется.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 317—318; у *Киреевского*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 298, № 2808; Материалы для изучения говоров Мещовского у., стр. 2; *Соколовы*, стр. 491, № 650. Есть следы правильного силлабического стихосложения: стихи 8-сложные (4 + 4 или 5 + 3), невполне последовательные. Герой песни, Яшка, выступает и в сказках (*Соколовы*, № 3: Яшка-медная пряжка — искусный вор). Ср. № 159.

22. Молодец лезет к девушке через окно. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 99, № 1997-а (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у.), 1843.

Весьма распространенная шутливая песенка, известная во многих вариантах. У *Соболевского*, IV, № 410—417. В некоторых сближается с нашим № 8 (см. № 411, 416, в которых девушка занимается тканьем полотна, которое и спускает милому). Приведенный нами вариант — исключительный по четкому распределению общественных ролей дворянина (война) и холопа (разбой).

23. Молодец в гостях у барышни. *Студитский*, Народные песни Вологодской и Олонецкой губ., СПб., 1841, стр. 39 («хороводная»). Каждый стих, кроме первого, повторяется.

Варианты у *Соболевского*, IV, № 477—479. Это приключение молодца неосторожно застучавшего в спальне девушки, пройдя через редакцию крестьян и мещан, приняло характер мещанского анекдота. В тексте, однако, сохранились следы, указывающие на барскую среду, в которой происходило действие: у девушки своя спальня, она угощает чаем-кофеем, присланная матерью прислуга называет ее «сударыней-барышней», в доме есть «люди», то есть крепостные дворовые слуги.

24. Холоп и дочь барыни. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 176.

Варианты у *Соболевского*, I, № 51—59. Широко распространена как хороводная игровая песня. Редакция и сложение несомненно лакейские. Время составления, очевидно, третья четверть XVIII в., когда столичный дворовый люд, еще раньше Пугачевского движения, стал сознавать свою политическую силу и терять страх перед «господами», показавшими свою трусость во время московской чумы, осенью 1771 г., когда они «сами все разъехались по деревням», а своих холопов оставили в Москве (*Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. VI, стр. 1044, изд. 2, СПб., 1897).

25. Принц ночует у дочери купца. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 6, № 1180 (б. Архангельская губ., г. Холмогоры). Запись П. Н. Базилевского, 1843.

Песня, повидимому, из «лакейских». Принц, посещающий и увезший дочь русского купца Пенькова, лицо не бытовое, а литературное, взятое из книг, вроде «Невидимый принц», сказка, М., 1793, «Принц Бретанский», М., 1793. Во всем остальном видим чисто русский колорит, начиная с фамилии отца героини и кончая способами его наказания и наставления дочери.

26. Девушка гибнет от любви воеводского сына. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 140, № 2157 (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у., д. Сабурово).

Варианты у *Соболевского*, I, № 274—278. Песня из старых. Герой ее — воеводский сын, старше начала XVIII в. Ни один вариант не сохранил полной картины события, изложенного в песне. Но если оно кончилось смертью веселой, красивой Дунюшки, то ясно, что этот конец не мог произойти от невинной любви воеводского сына или от его обещания взять ее к себе, как говорят варианты № 274, 275. Совершенно очевидно, что из песни выпали указания на какие-то жесткие насильственные действия, принятые воеводским сыном в отношении к привлекавшей его девушке. Песня, вероятно, возникла на основе действительного события, в котором

произошел акт грубого насилия над мещанской девушкой со стороны сына лица, настолько значительного по власти и влиянию, что о событии боялись и не могли говорить «всю правду», почему песня и не сохранилась вполне. Обращает на себя внимание следующий вариант, разработанный в виде легенды с чудесным погребением девушки, погибшей от любви воеводского сына. Намеки на такой конец находятся также в варианте *Соболевского* под № 276, где говорится, что девушкина душа в рай пошла, а душа ее погубителя в ад пошла. Та же тема гораздо яснее обработана в известной украинской песне о бондаривне и пане Канёвском (*Максимович*, Малороссийские песни, М., 1827, стр. 79, № XLVI).

(Текст с чертами местного говора).

Что ж то за Марьюшка,[1]
Что за белая,
Что за белая,
За румёная! . .

А белая Марьюшка
Танки водила,
Танки водила
Шшо вываживала.

Воеводской сын
У вокно смотрит,
У вокно смотрит,
Все на Марьюшку глядит.

«Что ж-то за Марьюшка,
Что за белая,
Что за белая
За румёная!

А я тибе, Марьюшка,
Изо всех люблю,
Изо всех люблю
За сибе возьму,

Башмачки куплю
Со чулочками,
С золотыми пряжками,
Со подвязками».

А белая Марьюшка
Испужалася:
Ой и с вечера
Голова болит,

Ко полуночи —
Ретивó сердце;
К свету Марьюшка
Наша кончилась.

А белую Марьюшку
Хоронить несут,
Воеводской сын
У вокно смотрит,

---

[1] Эта песня поется всегда с именем Марьюшки.

Ему чяло Марьюшку
К венчанью ведут,
Ажно белую
Хоронить несут.

Сама церковка
Отворилася,
Сами свечушки
Загорелися,

Сами книжечки
Пораскрылися,
Сама Марьюшка
Схоронилася.

Курский сборник, в. 3, ч. 1, Курск, 1902, стр. 48, № 9. Песни, собранные в г. Обояни и его уезде *А. С. Машкиным*, 1861 («Хороводная»).

27. Король и девушка. *Шейн*, Великорусс, стр. 244, № 899, б. Курская губ., б. Тимский у. («Беседная, семейная»). Текст с чертами местного говора.

Песня из редких. Довольно отдаленный, отрывочный вариант у *Соболевского*, I, № 279. Роль короля выражена в нашем варианте довольно ясно. Более или менее подобную роль, очевидно, играл и воеводский сын в № 26. В тексте Шейна находится пояснение певицы, от которой записана песня: «Он вывел сестру на улицу, положил на плаху ее голову, — стал рубить. Она думала, что Большой король заступится, а он посмотрел, да прочь пошел!» Возможно, что это добавление есть пересказ конца песни, который певица не могла передать точно стихами, потому что забыла.

28. Молодец избит за девушку. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 15, стр. 299.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 228. Повидимому, известна только у терских казаков.

29—30. Молодец убивает любимую девушку. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1773, стр. 253, № 197. После каждого стиха припев: «Ах люли, ах люли, ах люшеньки полюли».

Вариант (№ 30) — Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 53, № 1363 (б. Новгородская губ., г. Новгород). Запись П. В. Киреевского, 1834.

Параня — одна из весьма популярных русских песен. Варианты *Соболевского*, I, № 166—169, недостаточно представляют историю, распространенность и живучесть этой песни. В печатной традиции, по песенникам XVIII и XIX вв., текст песни невполне сохранился. Поэтому мы приводим, под № 30, еще вариант устной традиции, по записи П. В. Киреевского, 1834 г., гораздо более ясный. Заметим, что «Водопьянов» — очевидно прозвище горячего, вспыльчивого человека, который, по народной поговорке, «вина не пьет — с воды пьян живет», то есть бывает. Следующая песня дает крестьянскую

обработку того же сюжета, более примитивную, менее художественную, но вполне ясную по содержанию.

Жили два жильца,
Два родные братца:
Семион да Агафон.
У Семиона дочь Алена,
У Агафона сын Алешка,
Захотелося Алешке
Аленку замуж взять.
Они свата посылали —
Там в глаза им наплевали . . :
«Молчи же ты, Аленка,
Допеку же я тебя!»

И пошла наша Алена
На колодец за водой;
А Алешка-то, пес,
Он догадлив был,
Наперед забегал,
За колодец западал.
И схватил же Аленку
За шелковый поясок,
За тонкой животок,
И хлопнул Алену
О сырую о землю.
«Не достанься же, Алена,
Ни мне и никому,
Ни другу моему,
Ни злодею моему!»

Иваницкий, Повествовательные песни, собранные в Вологодском у., стр. 326.

31—32. Разбойники и сестра. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 53, № 1361 (б. Новгородская губ., г. Новгород). Запись П. В. Киреевского, 1834.

Иная версия (№ 32) — *Варенцов*, Сборник песен Самарского края, СПб., 1862, стр. 221.

Весьма распространенная, известная во многих вариантах, близких к первому тексту, песня. Второй вариант, особая версия, редок. *Соболевский* для первого варианта дает шестнадцать текстов, I, № 178—193, которые далеко не исчерпывают источников и пределов распространения песни. Тексты Соболевского относятся только к бывшим губерниям: Олонецкой (№ 179—180, 182—186, 188), Томской (№ 181), Новгородской (№ 187), Курской (№ 189), Саратовской (№ 190, 192), Самарской (№ 191), Вологодской (№ 193). Для б. Архангельской губ. имеем записи: *Маркова* (Беломорские былины, № 27), *Григорьева* (Архангельские былины, т. I, № 42, 46, 49, 53, 57, 67, 75, 77; т. II, № 25, 120). Для б. Вятской губ. есть запись *Васнецова* (Песни северо-восточной России, стр. 128). Для б. Смоленской губ. один вариант записан *Добровольским* (Смоленский этнографический сборник, ч. 4, стр. 593, № 14). Для б. Оренбургской губ. имеется запись *Даля* (Соч., т. I, стр. 181, изд. 1897). Для г. Москвы есть запись в собрании *Киреевского*, Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1446. В б. Псковской губ. эта песня записана А. С. Пушкиным. Напечатана (невполне точно) в Соч.

Пушкина, изд. т-ва «Просвещение», т. II, стр. 330 (место записи определяется находящимся в тексте псковским словом *пелегали* — лелеяли). Для б. Владимирской губ. у нас имелась отрывочная запись из г. Киржача б. Покровского у. (теперь в бумагах А. А. Шахматова). Для б. Нижегородской губ. мы имеем запись, полученную в с. Большом Болдине. Для б. Пензенской губ. есть запись в Архиве Гос. Русского географического общества, № 13, 1853—1854.

33. Муж находит у жены гостя. Пелась в с Николопустополье, б. Покровского у., б. Владимирской губ. Запись учительницы А. Е. Благовещенской, 1925 (из собрания В. И. Чернышева).

Песня эта игровая. Все играющие становятся в хоровод, Катерина в средине его. Сначала песню поют все играющие; во время пенья слов: «выходила Катерина за новые ворота», хоровод в одном месте размыкается, и Катерина выходит из него. Затем жестом рук и поклоном приглашает боярского сына, и вместе входят в хоровод. Далее Катерина поет (иногда) свои слова одна, как и ее муж, а хор поет только припев. Действующие лица этой песни не просто поют свои слова, а играют определенную роль.

Мотив: муж находит у жены гостя — общий в былинах («Чурила Пленкович»: *Рыбников*, I, № 43—44 и др.) и песнях. Вероятно, в песню перешел из былины, а песня перешла в хороводное действие. Ср. наш № 34, в котором герой — сын боярский (очевидно, действие происходит в верхнем слое общества). Жена *Катерина* носит то же имя, что и жена былинного Бермяты Васильевича. Возвратившийся муж нашей песни обращает внимание на чужого *коня* на дворе, сюртук с *шляпою* в горнице, *молодца* в светлице; так же, как и Бермята, который спрашивает у *Катерины* Микуличны, почему в стойле Чурилин *конь*, на стойке Чурилина *шапка*, а затем в спальне на кровати находит Чурилу, которому отрубает голову; по другому варианту, просто обращается с упреком. В тексте нашей песни очевидны приспособления к хороводной игре: развитие движения, действия и выработка диалогов. Если былина драматична и даже частью трагична, то песня комична, весела, шутлива, носит очевидные следы скоморошьей обработки. В ней неверная жена иронически представляется заботливой, гостеприимной, человеколюбивой хозяйкой, нежной дочерью и в то же время, как и жена былинного Бермяты, прекрасной мастерицей во лжи и оправданиях. В данной песне довольно правильное силлабическое стихосложение. Стихи обычно построены по схеме 8 + 7 или 7 + 7, с ударением на конце. Выделяются стихи 16 и 21: схема 8 + 8, ударение на втором слоге с конца.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 174—182. Жена в большинстве текстов *Акулина* или *Катерина*, последнее чаще. *Сиротина*, *сиротинушка*, *сиротинка*, которого приняла к себе жена неожиданно вернувшегося мужа, является самостоятельным героем хороводной песни: красавица пускает его ночевать, поит

пьяным; девушки плачут, когда он упал (*Шейн*, Великорусс, № 356—357); то же о девушке (№ 358).

34. Муж находит у жены гостя (Вариант). *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 225.

Старший печатный вариант данной песни. Ср. предыдущую песню и примечание к ней. Любопытно, что в этом варианте гость приезжает на *санях*, как и Чурила к жене Бермяты (*Рыбников*, I, стр. 270). *Трои* саночки нашей песни (вероятно, вместо *новы*), конечно, плод недоразумения певца, говорящего об *одном* госте. В варианте *Соболевского*, № 177, муж находит и *плетку* на стене, так же и в былине о Чуриле (*Рыбников*, I, стр. 270).

35. Муж находит у жены гостя (Иного содержания). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 15, стр. 189.

Иная, анекдотическая редакция данной песни. Варианты у *Соболевского*, VII, № 183—186. Сравнив № 183, где текст из песенника 1780 г., с нашим и № 185 и 186, увидим, что устная традиция сохранила лучшие тексты, чем книжная, — вероятно, оттого, что песня перешла в хороводное действие. Тексты позднейших записей под № 184—186 подробнее, яснее и выразительнее книжного под № 183.

36. Любила княгиня камер-лакея. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 5, М., 1863, стр. 180. Каждый стих повторяется.

Вариант у *Соболевского*, I, № 50. Песня из редких. Страстный, изящный лиризм этой песни едва ли был понятен певцам городской и тем более деревенской массы. Белорусский вариант этой песни имеем в прекрасной обработке А. Н. Майкова («Петрусь»).

37. Молодец и королева. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 7, М., 1868, Приложения, стр. 39.

Эта песня с безыменными героями является вступлением к песням о князе Волхонском и Ванюше-ключнике, которые даем в нескольких вариантах и сопровождаем подробными объяснениями.

38—41. Князь Волхонский и Ванюша-ключник. Первая — *Шейн*, Русские народные песни, М., 1877, стр. 28; вторая — *Иваницкий*, Повествовательные песни, собранные в Вологодском у., стр. 318; третья — *Костомаров и Мордовцева*, Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 50; четвертая — Рукописный листок конца XVIII в. из Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии (текст близко передает первоисточник).

Варианты у *Соболевского*, I, № 25—45, 47. Это очень большое собрание вариантов данной песни не представляет совершенной полноты. Кроме того, после выхода в свет собрания Соболевского, появилось несколько новых весьма ценных записей; например, у *Линевой*, II, № 17, у *Соколовых*, стр. 323, № 42.

В отношении к месту бытования трудно указать такую область, где эта песня не была известна великорусскому населению; но украинцы и белорусы ее совсем не знают.

Историки русской словесности, начиная с О. Ф. Миллера, [1] объясняют песни о Ване-ключнике как результат переработки былины о Дунае на службе в Литве и песен о сближении молодца с дочерью короля литовского. Приведем по этому вопросу последнее мнение, высказанное *В. В. Сиповским:* «Как образец претворения былины в простую песнь, можно привести былину о Дунае и Настасье королевишне. Дунай расхвастался на пиру, что его любит королевишна; за это его приговаривают к смерти, но королевишна спасает его. Имя Настасьи в дальнейшей истории былины заменяется Аннушкой, Еленой королевичной, Прекрасой королевичной, девицей-королевичной. Король Ляховинский, отец Настасьи, сменяется королем шведским, прусским. Затем начинается приурочение песни к условиям нового места и нового времени. Место действия, уже потерявшее связь с столицей короля Ляховинского, связывается с Москвой; героиня — Волконская, герой — Ваня-ключник. Затем теряется фамилия, — остаются княгиня и лакей, наконец, помещичья дочь и холоп-дворовый . . . Былина превратилась в «безыменную балладу» (История русской словесности, ч. 1, в. 1, Народная словесность, изд. 3, СПб., 1908, стр. 87).

Эта заманчивая гипотеза о происхождении нашей песни является недоказанной и неприемлемой. Ни Миллер, ни Сиповский не считаются с содержанием и характером песен; оба они исходят из произвольных положений, что всякая былина старше эпической песни, что безыменная эпическая песня возникает из песни с определенным именем. Изучение фактического материала данных песен убеждает нас, с одной стороны, в несомненном сходстве указанных песен, с другой стороны, в их несогласимом различии. Общей в былине, песне о молодце и песне о ключнике является картина распоряжений о казни. В применении к ключнику она невполне и уместна, так как его казнь не могла происходить публично, при торжественной обстановке, и осуждение на казнь (теоретически) не могло исходить от князя Волконского. Уже А. А. Григорьев обратил внимание на сходство хвастливых слов молодца о связи с королевичной песни «Гулял молодец по Украине» и соответственных слов о связи ключника и княгини Волконской в варианте песни, опубликованной Филипповым (*Соболевский*, № 35). «Большое сходство даже в формах: «положено», «повожено» и пр.». [2] В этом месте влияние первой песни на вторую не подлежит сомнению. Для песни о молодце хвастовство связью с королевной — необходимый элемент развития рассказа, вызывающий дальнейшие действия: наказание, избавление от него и проч.; для песен о ключнике такой необходимости нет, и если это место повествования является в нашей песне развитым и по некоторым вариантам довольно независимым, то причиной этого служит уже мотив социальный, классовый: выявле

[1] Сравнительно-критические наблюдения над словесным составом народного русского эпоса, СПб, 1869, стр. 25, 356 и др.

[2] «Отечественные Записки», т. CXXIX, отд. I, стр. 463.

ние торжества слуги перед господином, иногда переходящее в прямое глумление над ним (О. Миллер).

Что касается до песен о камер-лакее и ключнике, то в них только и есть общего, что они содержат роман княгини с слугою. Все образы данных песен, все построение их, так же как основные темы и художественные задачи, совершенно не сходны. Одна песня дает необыкновенно яркое изображение тоскующей женщины, страстно и нежно любившей, в другой — женщина абсолютно безмолвствует, и художник, изобразивший семейную драму, не выводит главную ее участницу на сцену. Песня о камер-лакее дает, собственно, только три картины: 1) убийство любовника княгини, 2) нахождение его тела, 3) плач княгини над ним. Песня о ключнике иного и более сложного построения. В ней художественные идеи и задачи относятся к пострадавшему от сильного вельможи некогда счастливому слуге, любовнику жены. Она изображает вообще трагическую развязку счастливой любви ключника и княгини. Наконец, обе песни обрабатывались и держались людьми совершенно разных социальных положений. «Любила княгиня» — была, повидимому, лишь песней «немногих», вероятно, знати и стоящих около нее дворовых слуг-певцов, в народ она почти не проникла. Песню о ключнике хранили народные массы, придавленные «немногими», и пели, несмотря на преследование этих «немногих».

Тексты песни о Ване-ключнике представляют вообще много сходства в основной идее, в схеме рассказа, в развитии подробностей, но долголетнее их существование в среде малокультурной, оторванность от печатных образцов, широкая популярность, преследование, — все вело к тому, чтобы песня утратила тот первоначальный и выработанный вид, который она должна была принять от певцов времени создания и ближайшего к нему. Варианты, безукоризненные по красоте формы, стройности, последовательности и естественности изложения, очень редки. Напротив, в существующих редакциях песни почти постоянно встречаются крупные и мелкие пропуски, несообразности в ходе рассказа, нескладные переделки и вставки. Видно, что художественные старые фрески аляповато подновлены и расписаны неискусной рукой суздальского живописца. Например, вариант № 27 собрания Соболевского дает неосмысленный ответ на вопрос князя ключнику, сколько лет он жил с княгинею: «Уж, ты, батюшка, Волхонский князь, не знаю, не ведаю». Тут должно бы стоять признание вины, потому что за этими словами следует приказ князя отвести Ваню на виселицу. Но фраза ключника построена так, что заставляет также предполагать пропуск слова «ничего» перед «не знаю», то есть «запирательство» ключника. Если это так, то нужно предполагать пропуск и в повествовании. За отрицанием вины должно бы находиться удостоверение в ней путем длительного допроса, побоев, отчего естественно перейти и к рассказу о казни. Вообще этот вариант, как и многие другие, довольно перепутан. В нем, например, приказ об изготовлении виселицы дается раньше приказа о приводе ключника, что, впрочем, встречается нередко и в других вариантах. В 36-м варианте Соболевского большие пропуски и в повествовании. Князь заставляет слуг, кото-

рых притом называет «*други* неизменные», призвать к себе ключника, «молодой моей княгини полюбовника»(!). Рассказ о приводе ключника и его казни пропускается, и совершенно без всякой связи песня перескакивает от приглашения Вани на допрос к приказу князя о повешении, после которого опять, без всякой связывающей вставки, Ваня начинает свой откровенный рассказ о связи с княгиней. В варианте 37 также дается сначала приказ о приготовлении виселицы, а затем о приводе ключника. Он приводится жестоко избитый — неясно, зачем или почему, так как личный допрос ключника совсем не входит в песню. Песня ключника — после приказа о его повешении — заявляет, что княгиня «уж давно в петлé висит». К этому слушатель оказывается совершенно неподготовленным, и этого нет ни в одном варианте Соболевского. В варианте 39, очевидно, по недоразумению певца, Ваню ведут к князю «по большой по улице, по славной по Митровской», как будто бы он живет вне княжеского двора. Таких промахов в песнях о Ване-ключнике очень немало. Причина их лежит в том, что мы имеем среди изданных текстов довольно много таких, которые записаны *неумелыми* собирателями от *неискусных* певцов. Лишь в очень немногих случаях наша песня дает повествование ясное, логичное, с вполне естественным ходом действия, изложенное языком и выражениями, соответствующими лицам и положениям. Даже в лучших вариантах, как приведенный у нас вариант Иваницкого, № 28, есть и художественные и психологические недочеты. Например, когда нарядного Ваню ведут на конюшный двор, то по песне № 28, он идет, «усмехается», и это после сурового допроса, продолжавшегося три часа. Очевидно, что стих о смехе попал сюда из другой картины, изображающей, как Ваня, счастливый, идет к князю, не предупрежденный о цели приглашения и не знающий о грозе, которая на него собралась. Здесь же не совсем уместно князь, приказывая повесить ключника, прибавляет ненужные и жесткие для самого себя слова, особенно перед слугами: «Молодые-то княгини полюбовника». Невполне ясен стоящий без вопроса, произнесенный после пытки ответ ключника князю:

Уж ты барин ли, наш барин, ты, Волхонский князь!
Поставлено зелено вино, — кто не пьет его?
Приготовлены закусочки, — кто не кушает?
Как у нас-то с княгиней было пожито,
Виноградных вин с княгиней было попито,
Приготовленных закусочек покушано!

Это в сущности темное место отлично объясняется прекрасным вариантом бр. *Соколовых* (Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, стр. 323, № 42). Здесь самый вопрос князя предлагается тоже в иносказательной форме:

Ты скажи-тко, скажи, Ваня, сущу правду,
Ты не пьешь ли, не пьешь зеленá вина?
Ты не кушаешь да сладкой водоцьки?
Не есú ли сахáрные закусоцьки?

При таком вопросе был бы совершенно понятен и приведенный выше ответ Вани.

В рецензии на «Песни, собранные П. В. Киреевским», *О. Ф. Миллер* справедливо заметил, что в песне о Ване-ключнике и князе Волконском — «князь, очевидно, не древнейшей поры,... и песня про него отличается духом позднейшей вражды служилого человека к своему господину» («Отчет о восемнадцатом присуждении наград гр. Уварова», СПб., 1876). Большинство вариантов проникнуто этим духом вражды в довольно слабой степени, но некоторые варианты выражают его весьма явственно. Например, вариант XVIII в. (*Соболевский*, VII, № 734, у нас № 41) проникнут весьма яркими классовыми чувствами. В нем действительно проявляется то глумление слуги над господином, которое отметил О. Ф. Миллер как позднейшее явление, характеризующее сословную вражду. Вероятно, эта редакция песни о ключнике возникла около времени московских волнений эпохи чумы и Пугачевского движения, когда барские слуги приободрились и почувствовали свою силу.

Что касается до происхождения песни о Ване-ключнике и князе Волхонском, то на основании показаний текста песни можно предполагать, что в основе ее лежит какой-то роман княгини Волконской с слугою, имевший трагический исход для последнего и, может быть, для самой княгини. Песня должна была сложиться в среде, близкой к этому происшествию, вероятнее всего между слугами князя Волконского. Время составления — приблизительно начало XVIII в. Вероятно, что живые предания вызывали преследование со стороны князей Волконских текста этой песни, который, при своей необыкновенной популярности, совершенно отсутствует в песенниках XVIII и даже XIX вв. По сообщению П. В. Шейна, в 50-х годах прошлого века в народе ходил повсюду рассказ о том, как приближенный к царю князь Волконский приказал высечь везшего его ямщика за то, что он, по предложению князя спеть ему что-нибудь, начал петь песню о Ванюше-ключнике и князе Волконском. [1]

Дальше приводим два образца народной переработки песни о В а н ь к е-ключнике, идущей от стихотворения Вс. Крестовского, напечатанного первоначально в журнале «Время» 1861 г., затем в собрании его стихотворений в 1862 г., с дополнениями и изменениями. Стихотворение Крестовского, в народной переделке, приобрело необыкновенную популярность и самое широкое распространение, вытеснив во многих случаях старую народную песню о В а н е-ключнике. Цензурных препятствий для их распространения не встречалось, так как имя князя Волконского Крестовский устранил из своего стихотворения. Новая народная редакция этой песни о Ваньке-ключнике вносила в свое содержание кое-какие элементы из старой песни о нем, затем устранила из стихотворения Крестовского многие подробности, не соответствующие прежней песне. Так получились тексты более сжатые, выразительные и стройные, вообще не особенно далекие от старого образца. Например, народная переделка, вошедшая в песенник издания Сытина 1911 г., вмещает все существенное содержание песни Крестовского о Ваньке-ключнике

[1] «Русская Старина», 1886, № 2, стр. 484. Речь, очевидно, идет о министре двора, Петре Михайловиче Волконском (1776—1852).

в 19-ти двойных, то есть в 38 строках, вместо 84 стихов оригинала (по собранию стихотворений 1862 г.). Народная редакция совершенно не воспринимает из стихотворения Крестовского характеристики князя (что он *стар*, *крут нравом*, *ведает лишь думу да кнут*); она не осложняет повествования какими бы то ни было другими отношениями, служебными, хозяйственными; ни малейшего намека не дает она на то, что князь был несносен жене как муж и человек. Своими умолчаниями новая, как и старая песня, заставляют нас думать, что любовь княгини была непреодолимое увлечение, сильная страсть, а не вынужденная авантюра.

Народная обработка не приняла также большой цветисто размалеванной на лубочный лад картины Крестовского, изображающей ужасы и последствия пытки при допросе ключника в застенке. Авторская живопись усиливает до крайности, без нужды и без исторической правды, то место песни, которое и так сильно и тяжко. С большим чутьем и пониманием русской песни вообще народные редакторы нашего варианта устраняют эту грубо написанную картину и ведут дальнейший рассказ применительно к старой песне, довольствуясь допросом князя, непризнанием ключника и его казнью. Народный вариант сохраняет в самом сжатом виде, как простое логическое заключение, жестокую развязку романа по отношению к княгине: вместо запора на ключ, указанного у Крестовского, она по некоторым вариантам посажена в тюрьму и в заключение зарезалась. Замечательно здесь для характеристики той среды, в которой обращается эта новая песня, что грубый ход мысли ей понятен и приемлем, а грубое чувство, нехудожественную картину она как-то невольно отталкивает. Эстетические способности, «художественная благовоспитанность» этой среды отразились и в некоторых мелких стилистических чертах нового варианта песни о ключнике. Удачные образные выражения Крестовского частью сохраняются новой песней, но чаще исправляются к лучшему. Беру, например, для сравнения известный мне вариант из Киржача б. Владимирской губ., позднейший и лучше отшлифованный.

У Крестовского:	У нас:
Словно ягода лесная И укрыта и спела . . .	В саду ягода малина При укрытии цвела
Хоть не даривал княгине Ни монист, ни кумачу, А ведь льнула же к детине, Что сорочка ко плечу!	Он не даровал княгиню, Он ни златом, ни парчой, Только даровал княгине С руки перстень золотой . . . А княгиня к нему льнула, Как сорочка ко плечу.

Сравнение с другими удачными вариантами еще более убедит нас, что «разухабистый» (по терминологии Пушкина) слог стихотворения Крестовского не перешел в народную песню. Ее изложение стремится к красивости, простоте и естественности. Неопределенный образ какой-то *лесной ягоды* заменился всем известным ясным образом *малины в саду*. *Монисты и кумач* были бы подарком, мало соответственным для знатной любовницы, — и народная

редакция песни называет для такого случая предмет более подходящий — *перстень* с руки. Счастливое сравнение: *княгиня льнула* к своему любовнику, *как сорочка ко плечу*, не гармонирует с вульгарным словом *детина*, — и оно устраняется в народной редакции. Так обрабатывалось в народе это искусственное, не везде искусное, но не лишенное достоинств стихотворение, которое легло на хороший старый след, ответило новым литературным и музыкальным вкусам народных певцов и любителей пения и сделалось популярнейшей русской народной песней в довольно разнообразных редакциях, частию с признаками изящного художественного произведения, частию в весьма испорченном и безобразном виде, как, например, следующий смоленский вариант:

Ягодка лесная под закрышею цвела;
Молода княгиня с князем в тереме жила.
Был Ванюша-Ваня, ключник молодой;
Злой разлучник чужу сторону познал;
Стал похаживать к княгине молодой,
Подарил княгине злато кольцо.
А княгиня молодая увивалась в сорочке на плече,
Просила-голосила на князеву кровать,
На шелковую перину, на пуховую подушку...

Стал домечать князь до княгини до своей...
«Слуги, слуги, слуги верные мои,
Вы подите, приведите Ваньку-ключника ко мне!»
Как ведут, ведут Ванюшу на шелковом поясе . . .
Как повесили Ванюшу на шелковом поясе:
«Ты виси, виси, Ванюша, за князеву жену!»
Как повесили княгиню на ременном на кнуте:
«Ты виси, виси, княгиня, по несчастью своему!»

«Смоленский Вестник», 1888, № 32.

Рядом с ним приводим более стройный Мещовский вариант. (Текст на местном говоре).

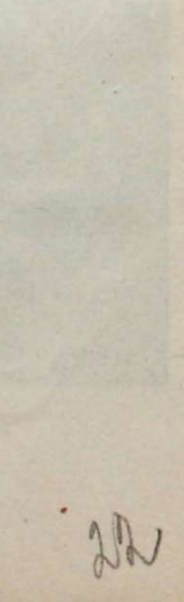
У саду ягыда малина
Пыд закрытиям расла
Мыладáя свет книгиня
С князим у тéримя жилá.
Кык у князя был ды Ванюша,
Вáня, ключник мыладóй,
Вáнькя ключник, злой разлучник,
Рызлучил князя с жанóй.
Князь дазнáлси, дыгадáлси
Ён запёр иё пат ключ.
«Ей вы слуги, слуги вéрныи маи!
Вы падити привидити
Вáнькю ключничка ка мнé».
Кык вядуть, вядуть Ванюшу
Ны шалкóвым паисé.
У книгини слёзы льюца,
Аны у три ручья тякуть.
Кык павéсили Ванюшу
Ны шалкóвам пыисé.
Вéтяр дуить и бушуить,
Ён качáить и шатаить Вáню,
Кык былинку, ды ён ны мякé,
Свéт книгиня мыладáя
Пымирáла ны нажé.

В. Чернышев, Материалы для изучения быта и говоров Мещовского у., Спб., 1901, стр. 4.

Ванька-ключник. Лубочная картинка по тексту В. Крестовского

22

22

42. Недвига и муж. Новейший и полный российский общенародный песенник, М., 1810, стр. 165. После каждого стиха припев: «Лели-лешеньки вы мои».

Вариант у *Шейна*, № 954. Сходна с анекдотической сказкой о муже, неудачно исполняющем работы жены (А 1408). В песне, однако, жена *Недвига* дана как тип и художественный образ женщины величавой, медлительно-ленивой, любительницы пиров, церемоний и угощений, гордой и строгой, — очевидно городской, достаточного класса, — у которой муж загнанный, находящийся в полном подчинении. При таких отношениях его неловкость и промахи являются вполне понятными и естественными. Хорошие областные варианты в записях *Добровольского*, IV, стр. 325, № 32 и 33, и в собрании *И. К. Копаневича* («Труды Псковского археологического общества», в. 8, Псков, 1912, стр. 181, № 109), оба с концом песни, которого нет в нашем тексте. У Добровольского: «Муж кается, в словах все мешается». У Копаневича: «Муж стоит, переминается, говорит и заикается». Видна скоморошья обработка.

43. Исправление жены. «Воронежские губернские Ведомости», 1852, № 35.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 150—155. Изложенный в виде песни анекдот на тему исправление жены-мотовки. Ср. *Зеленин*, Великорусские сказки Вятской губ., № 18 (запряжена усмиренная жена).

44. Веселые обкрадывают старуху. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 2, СПб., 1770, стр. 250.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 544—545. «Веселые», то есть скоморохи, обкрадывают старуху на основании подслушанного разговора. Ср. *Афанасьев*, Нар. р. сказки, № 218: молодец обкрадывает слепых, подсмотрев деньги одного из них и *подслушав* его разговор с другим слепым. Ср. рассказ о слепых и мошеннике в «Тысяче и одной ночи» (Перевод Доппельмайер, М. 1889, т. I, стр. 390-394: Рассказы цырюльника — О третьем брате Бакбахе; изд. 1932, т. I, стр. 440—446). Последние пять строк песни близки к заключительным строкам песни «Усы», № 109, и, вероятно, оттуда заимствованы. Угроза «сжечь дом» во всяком случае не подходит к таким скромным ворам, как «веселые». Она понятна в устах запугивающих грабителей, но не имеет смысла для тайно укравших воров. Ср. А * 1525 II (кража под песню).

II. ПЕСНИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВОЙНЕ: БОЙ, ДЕЛЕЖ ДОБЫЧИ, ПЛЕН И Т. П.

45. Малолеток и три татарина. «Донские Областные Ведомости», 1875, № 84.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 341. Ср. песню № 63, о трех татаринах, полонивших девушку.

46. П о е д и н о к к а з а к а и т у р к а. Из собрания Д. П. Ознобишина (архив П. К. Симони). Вероятно, Симбирской губ. («Протяжная»).

Поединок казака малолетка (юноши) с турчином в виде исторической песни, с личным именем казака, Ивана Ивановича Левшинóва, Краснóва полка, уроженца Скородумовской станицы, в собрании *Листопадова*, «Песни донских казаков», М. 1911, стр. 52, № 28. По содержанию и по стилистической обработке запись Ознобишина является довольно самостоятельной и не идет от версии Листопадова.

47. В е щ и й к о н ь. Песни, собранные *П. В. Киреевским*. Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 205, № 2455 [б. Симбирская (Ульяновская) губ., б. Корсунский у., с. Станишное]. Запись А. М. Языкова.

Вариант там же, в. 2, № 2874; у *Соболевского*, VI, № 250. Вещий, говорящий конь, предсказывающий смерть всаднику, как отражение сербского эпоса, известен по «Песням западных славян» Пушкина (XVI, «Конь»). Говорящий конь, чующий невзгоду, предостерегающий всадника, помогающий ему, — обычный персонаж в наших былинах и сказках. В нашей песне соединились два мотива — предсказание смерти и недовольство коня обращением (поведением) всадника или государевой службой. Второй мотив представлен особыми песнями. См. *Соболевский*, VI, № 247—249, 251—253.

48. К а з а к д о г о н я е т к о н я. «Донские Областные Ведомости», 1875, № 85.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 329—332. Невполне развитое повествование, но здесь и в вариантах замечательно яркая картина.

49. М о л о д е ц п о с л е б о я. *Корнилович*, Русская старина, карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, СПб., стр. 272. Последние четыре или пять слогов каждого стиха повторяются.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 301—303, 305—306. Картина последствий боя, в центре ее — ходячий оборот сравнения боя с пиром, ран с угощением, изнеможения с опьянением.

50—52. З а в е щ а н и е р а н е н о г о. *Н. Курганов*, Российская универсальная грамматика или всеобщее писмословие..., СПб., 1769, Присовокупление V, Сбор разных стиходейств, Светские песни или дело от безделья, стр. 307.

Вариант (№ 51) — «Московский Журнал», 1801, М., изд. 2, ч. 4, стр. 107—109.

Вариант (№ 52) — Новейший и полный российский общенародный песенник, М., 1810, стр. 169.

Песни, изображающие положение смертельно раненого в бою, передающего свое завещание товарищам или, чаще, своему доброму коню (вещему, говорящему коню эпической поэзии, о котором см. выше, № 47). Варианты у *Соболевского*, I, № 381—409, с разнообразными подробностями в местных картинах, положениях раненого

и содержании завещания. Обращаем внимание на текст № 51, напечатанный в «Московском Журнале» (первое издание 1791 г.), при письме Н. А. Львова, от 17 августа 1791 г., в котором говорится, что это песня дедушки, П. С. Львова, «которую сочинил он, едучи раненый из Персидского похода; не удалось ему пропеть ее дома!» Это семейное предание нельзя считать вполне достоверным историческим показанием. Приведенный здесь текст, в том виде, как он сохранился в семье Львовых, содержит черты более старой редакции, чем Персидский поход 1722 г. Например, по заключительному стиху видно, что молодца положила спать калена стрела, что относит действие далеко вперед до XVIII в. Говорящий конь — тоже черта весьма старого склада песни. Несомненно, что предание отправляется от того, что дедушка Львовых пел эту старую песню и, вероятно, несколько подновил ее редакцию, например, устранив прямую речь коня образным оборотом: *будто слово хочет вымолвить хозяину.* Чулковский вариант этой песни (Собрание разных песен, ч. 1, № 24), сильно подновленный, сохраняет в то же время некоторые черты старой редакции. В нем молодец вооружен крепким *луком* и саблею, он гибнет от *стрелы* и от пули. Конь здесь является еще очеловеченным; ему, например, молодец поручает зарыть себя в землю после смерти. Вариант № 52 частию испытал влияние предыдущего (в отношении коня), частию дает элементы очень старого военного быта (тугий *лук*, калена *стрела*, булатный *меч*). По некоторым вариантам конь выступает в более активной роли: он пробуждает хозяина, просит указать дорогу, зовет домой (*Соболевский*, I, № 399—400, 403—404). Все эти данные заставляют нас отнестись отрицательно к сообщению Н. А. Львова, что песня *сочинена* его дедом, П. С. Львовым.

53. Кровавая рубашка. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 7, стр. 98.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 278—280. Основа песни — наказ убитого мужа, чтобы жена вымыла боевую кровавую рубашку горючими слезами, высушила на ретивом сердце. Этот наказ, очевидно, связан с древним обычаем оплакивания, причитания об умершем, о котором, собственно, и просит приславший рубашку.

54—55. Мать, сестра и жена оплакивают убитого. Рукописный песенник Гос. Публичной Библиотеки, Q. XIV, № 98, с записью 1767 г., л. 44 об. Тожественный текст дает *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 176.

Вариант (№ 55) — из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони).

Варианты *Соболевского*, I, № 359—371. Картина убитого в бою и его оплакивания, в котором выдвигается различие любви матери, сестры и жены, изложенная в ярких образах их горя и выразительных формулах его продолжительности. Чрезвычайно популярная группа песен с разными запевами: «Ах, ты, поле мое», или «Ах, вы, горы». Песни последней редакции, обращающиеся к бесплодным горам, которые породили только бел горюч камень, определяют

место действия, в котором происходили военные столкновения старого русского населения с кочевыми обитателями степи. «Воробьевские» горы — позднейшая подстановка.

Об этих песнях, также о песнях № 50—52, любопытны замечания Карамзина в «Истории Государства российского»: «Всем известна песня... о витязе, который умирает в дикой степи, на ковре, подле огня угасающего..., о воине убитом..., коего тело орошается слезами матери, сестры и молодой жены... Сии и многие иные стихотворения народные, ознаменованные истинною чувства и смелостию языка, если отчасти не слогом, то духом своим ближе к XVI, нежели к XVIII веку. Сколько песен, уже забытых в столице, более или менее древних, еще слышим в селах и городах, где народ памятливее для любезных преданий старины! Мы знаем, что в Иоанново время толпы скоморохов (русских трубадуров) ходили из села в село, веселя жителей своим искусством: следственно тогдашний вкус народа благоприятствовал дарованию песенников, коих любил даже и постник Федор» (т. X, гл. IV, стр. 264—267, изд. 1824 г.).

56. Пушка убивает королевского шурина. Рукопись начала XVIII в.: петровское время, петербургского периода (архив П. К. Симони).

Издано по сообщенному нам фотографическому снимку в чтении П. К. Симони, без соблюдения точной орфографии текста. Рукопись из архива П. К. Симони, которым получена в 1912 г. от П. Е. Щеголева, из материалов, перешедших к нему от наследников покойного историка Н. П. Павлова-Сильванского, с четырьмя другими записями песен, одну из которых мы даем в примечании под № 238. Вероятно, рукописи извлечены из бумаг какого-либо частного архива. Данный текст песни отличается картинностью, подробностями, определенностью показаний, как бы рисует изображение реального события.

57. Ядро убивает школьника-полковника. *Иваницкий*, Повествовательные песни, собранные в Вологодском у., стр. 314.

Других вариантов такого же содержания нет. Данный является близкой переработкой и развитием предыдущего. Сохранился еще *король*, но вместо *королевны* — *королева дочь* с ее плачем, вместо *королевского шурина* — *школьник, королевский полковник*. Конец первоисточника отпал и заменился подробной речью (причитанием) королевской дочери о невнимании убитого к ее предостережениям.

58. Пуля убивает майора. Из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони).

Убитого *майора* нет в других вариантах. Богатое картинными подробностями введение. Оно переносит место действия в отступающий во время войны отряд, находящийся в неблагоприятном месте. Традиционная песня начинается в конце, с картины летящей пули.

59. Пуля убивает есаула. *Мякушин*, Сборник уральских казачьих песен, СПб., 1890, стр. 78.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 291—293, 295, все казачьи; обычно оканчиваются обращением к товарищам с просьбой передать прощальные слова родине. Чин убитого снижается и доходит до простого казака (№ 291). Вероятно, к казакам перешла еще в старой редакции об убившей *пушке*. Так, по следующему варианту казаки убили *ядром пушки* царского посланника, князя Семена Константиновича Карамышева. Приводим текст песни по рукописному сборнику Гос. Публичной Библиотеки, Q. XIV, № 98, имеющему запись 1767 г., л. 46 об. — 47.

Вниз-то было по матушке Камышенке реке,
Супротив-то было устьица Самары реки
Что плывет тут легка лодочка коломенка,
Что в той лодочке сидит млад посланник царев,
Карамышев, князь Семен, сударь Кастентинович.
Во левой он руке держит государев указ,
А во правой руке держит саблю острую.
Что по крутому, по красному бережку,
Что по жолтому сыпучему песочку,
Что ходили тут гуляли добрые молодцы,
Добры молодцы гуляли все донские казаки,
Что донские, гребенские, запорожские
Да и славные казаки, братцы, яицкие.
Они думали крепку думушку заедино,
Что сказали все словечушко в единой глас,
Становили они пушечку, братцы, медную,
Закатили в нее ядрышко чугунное,
Что попали они в лодочку коломенку.
Никово они в лодочке не ранили,
Только убили одного царского посланника.

Варианты см. у *Киреевского*, в. 7, Дополнения, стр. 132 (очень близкий), у *Гильфердинга* в «Онежских былинах», т. III, № 202. Уже Бессонов заметил, что имя *князь Семен Константинович*, присвоенное убитому донскими казаками в 1630 г. *воеводе Ивану* Карамышеву, с большим удобством укладывается в стих (VII, 128). Убийство из пушки внесено из песен нашей группы; в действительности Карамышева зарубили саблями.

60. Молодой урядник убит в горах. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 7, стр. 99.

Вариант у *Соболевского*, I, № 411. Примыкает к группе песен об убитом на чужбине воине, оставшемся непохороненным. Скорбь, участие к нему выражается вестями, которые приносят пташки, прилетевшие с родной стороны.

61. Отчего помутился Тихий Дон. *Савельев*, Сборник донских народных песен, СПб., 1866, стр. 115.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 2—3. Разговор с рекою здесь и в других песнях в некоторой степени отражает старые верования, исходящие из обоготворения рек.

62. Яик и его берега. *Мякушин*, Сборник уральских казачьих песен, СПб., 1890, стр. 47. Вторая половина каждого из первых семнадцати стихов повторяется.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 5—7. В данных вариантах уже не чувствуется отражения древних верований, и Яик, к которому обращаются, является простым поэтическим образом.

63. Девушка взята в плен татарами. «Донские областные Ведомости», 1875, № 84.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 349. Обстановка действия и формы нападения напоминают трех татар, напавших на малолетка (наш № 45). Конец песни, повидимому, забыт. Происхождение девушки вызывает мысль о предложении возвратить ее родителям за хороший выкуп, как это находим в варианте № 349, в котором девушка говорит:

> «Вы напишите белу грамотку к моему родимому батеньке,
> Чтоб достал он свою золотую казну,
> Чтоб ехал выкупать меня из чужой земли!»

Вообще наша песня несколько отрывочна. Как и № 45, она по содержанию и подробностям близка к былине «Михайла Казарянин», который освобождает девицу, плененную тремя татаринами, убив их, хочет сотворить с нею грех, но узнает, что она его родная сестра (*Кирша Данилов*, стр. 86—88). Ср. *Тихонравов и Миллер*, Русские былины, II, № 41; *Марков*, Беломорские былины, № 16, 17, 102; *Ончуков*, Печорские былины, № 39; *Григорьев*, Архангельские былины, т. I и III (много вариантов).

64—65. Татарский полон. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, М., 1870, в. 8, стр. 322. Записана А. Хр. Востоковым.

Вариант (№ 65) — Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 122, № 1603 (б. Московская губ., г. Верея). Запись М. С. Муханова.

Близкие варианты, изображающие картины набега татар и пленную девушку перед татарином. Один вариант как бы дополняет другой. В первом более развито вступление — картина набега, во втором — положение полонянки. Тяжесть картины смягчается тем, что она представляется в виде сновидения.

66. Продажа пленницы. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 194, № 2404 [б. Симбирская (Ульяновская) губ., г. Сызрань]. Запись А. М. Языкова.

Картина, изображающая бытовое явление. Эпическим песенным мотивом является то обстоятельство, что у девушки оказываются драгоценные вещи, стоимость которых покрывает уплаченные за нее деньги. Ср. наш № 110.

67. Теща в плену у зятя. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, М., 1868, в. 7, стр. 195 (б. Тульская губ.). Записано К. Дм. Кавелиным.

Многочисленные варианты у *Киреевского*, в. 7, стр. 190—207 212—213. Впоследствии опубликовано немало и других записей В старых печатных песенниках не встречается. Одна запись оке

залась в юношеской тетради М. Ю. Лермонтова. Она принимается, по недоразумению, за личное произведение нашего поэта и печатается в числе его ранних стихотворений. Признанию песни: «Что в поле за пыль пылит?» сочинением М. Ю. Лермонтова препятствуют: 1) многочисленные, сходные с нею устные варианты данной песни; 2) выдержанный народный язык и стиль, который трудно присвоить юному поэту; 3) некоторые несообразности текста, вполне обычные для фольклорного материала, но недопустимые для такого поэта, как Лермонтов, даже и в молодом возрасте; например, запев, говорящий о движении отряда татар, от которого *пыль пылит*, внезапно переходит к *дележу добычи*, взявшейся неизвестно как и откуда; переход от *получения* пленницы к *водворению* ее в доме зятя не изображен ни одним словом и т. д.; 4) стихосложение, несвойственное произведениям М. Ю. Лермонтова.

68. Теща в плену у зятя (Вариант). *Железнов*, Уральцы, т. II, стр. 265, изд. 1888 г.

Единственный, известный нам вариант предыдущей песни, осложненный введением о взятии героини в плен. Очевидно, продукт позднейшего народного песенного творчества, казачьего. Введение составлено мастерски, так что не чувствуется новой прибавкой, а является органическим элементом одной цельной баллады.

69. Пан привозит жене русскую полонянку. *Попов*, Народные песни, собранные в Чердынском у., Пермской губ., М., 1880, стр. 58 («Хороводная»).

Любопытна как отражение войн и забирание пленных с другой стороны, с запада, со стороны Польши. В тексте многое спутано. Пан, забравший русскую полонянку, не мог ехать на службу *государеву-цареву;* он не мог возвращаться *морем*. Песня плохо сохранилась и много пострадала, очевидно от приспособления к хороводной игре.

70. Девушка взята в плен во время сна молодца. Записал В. И. Чернышев в с. Борнукове, б. Княгининского у., 1901 («Протяжная»). Текст на местном говоре.

Вариант у *Соболевского*, I, № 319. В нашем варианте, весьма полном и стройном, выпали стихи, говорящие, что с молодцом была девица; это, впрочем, видно из дальнейшего текста и подтверждается вариантом Соболевского, № 319. Наш вариант относится к числу основных, сохраняющих тот сюжет повествования, который мы считаем первоначальным. См. еще варианты *Соболевского*, I, № 311—318, 320—322. Эта группа вариантов представляет, сравнительно с № 70, иное положение: парень засыпает у девушки на коленях — она исчезает с его конем, шатром, ковром. Так чисто историческая баллада забылась и перешла в бытовую, с странным, неожиданным перемещением ролей и положений. Повидимому, сначала разрушился конец песни, отпали турки, дававшие смысл и движение всему рассказу. Дальше исчезновение девицы пришлось считать актом ее личной воли и осмыслить как бегство с кражею, что было весьма

правдоподобно, потому что девушка исчезла с конем. После этого дело развития нового варианта пошло так далеко, что по следующему тексту оказались украденными даже *кудри* молодца:

Не взвивайся, мой голубчик,
Выше красного окна,
Вот хрустального стекла!
Мне так тошно, мне так грустно
Жить, девушке, сиротой,
При дорожке при большой,
Без матушки без родной . . .
Звала, звала девка парня
Во чисто поле гулять:
«Пойдем, пойдем, мой голубчик,
Во чисто поле с тобой!
Бери, бери, мой голубчик,
Свой тонкой белой шатер;
Раскинь, мой голубчик,
По чистом полю шатер;
Приляжь, приляжь, мой голубчик, —
Я в головке поищу,
Русы кудри расчешу!»
Стала кудерьки чесать,
Стал молодчик засыпать.
«Засни, засни, мой голубчик,
У девушки на руке,
На кисейном рукаве,
Да на златом перстене,
На персидском на ковре!»
Как проснулся-пробудился,
Во русы кудри хватился, —
Нет ни русых ни кудрей,
Ни девушки, ни шатра,
Ни кисейного рукава,
Ни золота перстеня,
Ни персидского ковра,
Нет ни ворона коня,
Ни черкасского седла . . .

Якушкин, Народные стихи и песни, стр. 573.

71. Пленная турчанка. *Чулков*, Собрание разных песен, М., 1770, ч. 3, стр. 239.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 351—353; изображают привод пленницы. Знатность пленницы нашего варианта, кажется, сильно преувеличена.

72. Бегство невольников из плена. *Пивоваров*, Донские казачьи песни, стр. 130.

Бытовой рассказ с признаками исторического события (Рославбек). Пятый стих испорчен; может быть, пропущено: дать при следующих словах: ночлег себе.

73. Бегство невольников из плена (Иного содержания). «Отечественные Записки», 1848, № 8 (Смесь), стр. 141.

Вариант у *Соболевского*, I, № 365. Изображает, как и две следующие песни, самую значительную преграду для бегства из плена: большую реку.

74. Девушка бежит из плена. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 7, стр. 97.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 369. Отличается красивой, оригинальной запевкой. Текст как будто не закончен.

75. Девушка бежит из плена (Иного содержания). Этнографический сборник, в. 6, стр. 92 (Томская губ.).

Вариантов не знаем. Девушка, имеющая на себе драгоценные одежды и украшения, нередко выступает в русских песнях. См. например, № 66, 110. Выбор смерти между неволей и нежеланным браком тоже не представляется необыкновенным явлением (в эпосе).

III. ПЕСНИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СТАРОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

76. Милая предлагает другу заложить ее. *Мельгунов*, Русские народные песни, непосредственно с голосов народов записанные, в. 2, СПб., 1885, № 1 («Хороводная»). После каждого стиха припев: «Ай ли, ай люли», с повторением второй половины стиха.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 273, 275—276. Вследствие перехода песни в «хороводную» в тексте явились совершенно неуместные вставки. Таковы стихи 6—8. Последние шесть стихов подставлены для хороводной игры и противоречат смыслу песни, из которой ясно, что милый убит на войне. Это подтверждается и тем, что девице возвращен ее шелковый платок — обрядовый подарок жениху. Так обезображена песня очень трогательная по содержанию. Нехороводный, хуже сохранившийся вариант (*Соболевский*, № 273) совершенно ясно представляет историю дела. Зато в хороводном варианте прекрасный язык, мастерское изложение, хороший ритм, хотя и не строго последовательный. Стих обычно 12-сложный, цезура после пятого слога (5 + 7), или 10-сложный (5 + 5), последний довольно правильно в речи милой.

77. Жена провожает молодца, отправленного в поход. *Железнов*, Уральцы, т. III, СПб., 1888, стр. 124.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 132. Песня — известная только у уральских казаков. Имеется в записях А. С. Пушкина.

78. Молодой матрос корабли снастил. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 202.

Варианты у *Соболевского*, V, № 725—727. Их немного вследствие устойчивости текста. Одна из самых популярных русских песен. Распространена была более в городах, в мещанстве. Входит во множество песенников, начиная с 1770 до 1916 г. Эпоха действия и составления песни очевидно время Петра I. Замечательно красивый напев, торжественно-грустный. А. В. Марков опубликовал предание, что эта песня сочинена Петром I («Известия II Отделения Академии Наук», т. XIV, кн. II, стр. 353). Такое предание мы находим недостоверным, так как песня изображает горе одного из исполнителей

царской воли и смерть близкой к нему девушки, вызванную исполнением государева указа и адмиральского приказа (Ср. наше возражение Маркову там же, т. XV, кн. I, стр. 323). В поэтике песни много установленных фигулярных украшений. Обращение к матери сырой земле, гробовой доске и покойнице — общие для различных песен, в которых выражают желание видеть умершего для прощания, благословения (в свадебных песнях) и т. п.

79—80. Три сына мечут жребий о солдатстве. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 178, № 2329 (б. Орловская губ., б. Мценский у., с. Заикино). Запись П. И. Перевлесского, 1836.

Вариант (№ 80) — *Якушкин*, Народные стихи и песни, стр. 555.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 82—88. Жребий выпадает иногда на бóльшего, иногда на мéньшего сына. По варианту Якушкина, единственному, младший сын идет охотою за старшего, семейного. Запевка № 79 о крепостных распорядителях крестьянства относится не к данному тексту, а вообще к злоупотреблениям барской, крепостнической администрации при рекрутских наборах.

81. Мать отдает сына в солдаты. Песни, собранные *П В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 135, № 2136 (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у., д. Сабурово).

Песня из редких. Запев из песни о выдаче дочери замуж: «Калину с малиной вода поняла» (*Соболевский*, III, № 19—26; у нас № 189). Содержание напоминает песню о сыне, отправленном матерью в дорогу (№ 133), о мачехе, избывавшей падчерицу (№ 231). Так эта составная, собранная из разных красивых лоскутков, песня вошла в цикл солдатских.

82. Молодец, записанный в солдаты, пьет. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 159.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 34. Оба принадлежат к числу старших песен о солдатстве. Текст Кирши Данилова прекрасной сохранности. Молодец рекрут пьет с горя также в вариантах Соболевского, № 103—107 (нового сложения).

83. Прощание рекрута с милой. *Студитский*, Народные песни Вологодской и Олонецкой губ., Спб., 1841, стр. 77 («Круговая»). Некоторые стихи повторяются.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 57, 59—61. Новейшая песня о солдатстве. Некоторые стихи спутаны, например, 13—14. После 16-го стиха, кажется, пропуск о приходе Ванюши.

84. Молодец не боится солдатства. *Халанский*, Народные говоры Курской губ., СПб., 1904, стр. 78 (б. Щигровский у.). Текст с чертами местного говора.

Песня из редких. Замечательна непокорным настроением рекрута, чего в других песнях этого рода не наблюдается.

85. Молодец надеется избавиться от солдатства. «Иркутские Губернские Ведомости», 1866, № 8.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 69—74. Напрасная надежда откупиться от солдатства выражена также в вариантах № 65—66.

86. Молодца поймали у девушки. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 239, № 2576 (б. Владимирская губ., б. Суздальский у.).

Молодца *поимали* (то есть забрали, взяли, а не изловили) у девушки. Варианты у *Соболевского*, VI, № 49, 53—54, 58—59.

87. Молодец-солдат жалеет мать, жену и тещу. Записал В. И. Чернышев в с. Ельне, б. Нижегородского у., 1901.

Вариант у *Соболевского*, III, № 506. Стихи 16—19 известны, как пословица: «*Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки!*» — сказал он» (Платон Каратаев). *Толстой*, Война и мир, ч. 4, гл. XII.

88. Казак жалеет оставленных малых детей. *Мякушин*, Сборник уральских казачьих песен, СПб., 1890, стр. 115.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 235—236. Зачин песни напоминает былины: все на пиру пьяны-веселы, один сидит призадумался, его спрашивают — отчего и т. д.

89. Мать не принимает беглого солдата. *Филиппов*, Сорок народных песен, М., 1882, № 10.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 385. Текст редкий, прекрасной сохранности.

90. Бегство солдат из полка. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 270, № 2697.

Текст частично близок к песне: «Воздалече, воздалече в чистом поле», № 72. Возможно, что является его переработкой.

91. Девушка желает быть женой солдата. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 277, № 2717.

Песня старого стиля, но нового сложения. Запев из шести строк — случайная приставка, не имеющая ничего общего с содержанием песни. В старой песне, имеющей много вариантов (*Соболевский*, IV, № 805—821), девушка просто просит молодца взять ее с собою в поход под видом сестры или жены, — лишь в немногих, поздних, предлагает взять ее за себя (№ 822—825). Наша песня изменяет положение на более пристойное для девицы. Один из вариантов старой сходной песни приводим здесь, сохраняя в значительной степени орфографию первоисточника, при нашей пунктуации.

Что то на тихия было на заводе
тут плавает серая утица;
не одна плавает — с сизым селезнем.

Что л то у младого сизого селезня
в три ряду косы завивалисе,
во четвертой ряд по воде пловут;

У дороднево добра молотца
в три ряду кудри завивалисе,
во четвертой ряд по плечам лежат

Не сами кудри завивалисе,
завивала кудри красна девица,
моя прежная полюбовница
поведи ому русому волосу.

«Мой сердешной друг,
ты куды, мой друг, снаряжаесся?
Во казань город или в астрахань,
или во матку каменну москву,
или во славной город санкт петербург?
Ты возми, возми, мой друг, меня с собой!
Назовеш ты меня родной сестрой
или душечкой молодой женой»

«А ты душечка, красна девица, мне нелзя
тебя с собою взять,
мне нелзя, нелзя тебя сестрой назвать,
что не душечкой, молодой женой:
все л друзья братья ведают,
что товарищи догадываются,
что нет у меня родной сестры,
что не душечки молодой жены.

Рукописный песенник Гос. Публичной Библиотеки, Q. XIV, № 11, л. 59. об. (конца XVIII в.). Каждый стих повторяется.

92—93. Девушки и солдаты. Новое и полное собрание российских песен, ч. 4, М., 1780, стр. 62.

Вариант — *Халанский*, Русские народные песни, записанные в Щигровском у. Курской губ., № 73 («Хороводная»). Текст с чертами местного говора.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 167—168. Данные песни, повидимому, являются отголоском старых слухов о принудительной выдаче девушек замуж по распоряжению правительства Петра I. В Астрахани «в двадцатых числах июля (1705 г.) на торгу прошла молва, что запрещено будет играть свадьбы семь лет, а дочерей и сестер велено будет выдавать замуж за немцев, которых пришлют из Казани. Астраханцы пришли в ужас и решились выдать своих девиц как можно скорее замуж до указа, чтоб потом не выдавать их за немцев. 29 июля, в воскресенье, было сыграно свадеб со сто» (*Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. III, стр. 1379, изд. 2, 1896). Восхваление в заключительных словах песни положения солдаток указывает на официальные влияния в выработке текста этих песен. Вызванный паникою неразборчивый выход замуж девушек хорошо представлен в варианте *Шейна*, в хороводной песне (Великорусс, № 386):

Ей (*девушке*) надобно наперед итти . . .
Хоровод вести с красным девушкам
Во Рязань город за солдат замуж.
Наши девушки испужалися,

Поскорей замуж побросалися:
Кто за старого, кто за малого,
Кто за ровнюшку, за мила дружка,
Кто ж за горькую за пьяницу.

94. Солдат просится в отпуск. Записал В. И. Чернышев в г. Киржаче, от крестьянки Прасковьи Бударагиной, 1903 («Протяжная»). Текст с чертами местного говора.

Близкий вариант из той же губернии у *Соболевского*, VI, № 238; отдаленный, № 237.

95. Лебедь и лебедушка, казак и девушка. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 98, № 1995 (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у.). Запись П. И. Якушкина и А. Кострова, 1843 г.

Песня редкая, прекрасной сохранности.

96. Гуси-лебеди и сержант. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 279, № 2728.

Песня представляет развитую картину из животного эпоса, служащую для выражения житейских, бытовых отношений. Текст редкий; в эпической части отличается красотой и стройностью, в бытовой текст недостаточно хорошо разработан или плохо сохранился. Обычный наказ умирающего воина вложен в уста солдата, стоящего на часах, который не может передавать жене: хоть замуж поди, хоть во вдовах живи.

97. Девушка приносит жалобу на сержанта. *Чулков,* Собрание разных песен, ч. 2, СПб., 1770, стр. 184

Песня из старых книжных. В устной традиции не встречается.

98. Стрельцы и крестьянин. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 9, М., 1872, Дополнения, стр. III (Записано со слов Болховской мещанки А. Гугнюшиной).

Песня редкая, старого скоморошьего склада, с былинными образами (крестьянин, как богатырь).

IV. ПЕСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ

99. Молодец убит разбойниками в кабаке. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 198, № 2422 (Ульяновская губ., б. Сызранский у., с. Головино). Запись П. М. Языкова, 1838.

Песня редкая. Текст не вполне удовлетворительный. В строке 16 — *годи, милое*, кажется, ошибочно, вместо *чадо милое*. Изображение убитого грешит преувеличением. Если молодец *зарезан*, то к чему у него *отрублена* рука и зачем у него на шее *удавочка*, притом *шелковая?* Песня интересна как редкая комбинация картин и фактов: зарезанный молодец, плач над ним матери, кружало (кабак) и разбойники

100. Молодец убивает целовальника. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 225, № 2525 (б. Оренбургская губ.). Запись В. И. Даля.

Песня тоже из редких, вводящая в бытовое окружение кабака как притона разбойников, в котором целовальники являлись их сообщниками.

101—102. Муж-разбойник. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 219.

Вариант (№ 102) — *Костомаров и Мордовцева*, Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 64.

Варианты у *Соболевского*, 1, № 196—213. Весьма популярная, широко распространенная песня. Тексты многих вариантов плохой сохранности. В одних, например, говорится, что девушке не хотелось за разбойника замуж итти (№ 201), в других — захотелось красной девке за разбойника замуж (№ 203). В некоторых текстах разбойник ведет двенадцать коней, возвращаясь с разбоя (№ 197), в иных — отправляясь на разбой. Так, например, мне пели в б. Нижегородской губ. в 1901 г., причем сами певцы выражали недоумение: «Зачем одному разбойнику двенадцать коней?» По третьему варианту двенадцать коней — именье разбойника, тринадцатый его выездной конь. По большинству вариантов разбойник убил брата жены (№ 197—200, 202—204, 206, 209—210), по некоторым еще мать и отца (№ 196, 201, 205 и др.). Многие варианты представляют разбойника в виде одинокого хозяина своего двора, но в некоторых он член семьи (№ 199), в других член шайки (№ 205, 211). В некоторых вариантах разбойник вместо рубашки брата жены привозит его голову (№ 204, 210). Большинство вариантов близко к нашему первому, Чулковскому, весьма художественному и наиболее натуральному. Второй наш вариант, № 102, представляет тип, значительно переработанный в отношении сгущения красок, далеко уходящий от естественности. В некоторых вариантах встречаются черты значительной древности: муж называется *ладо* (наш № 101), разбойник вооружен *копьем* (Соболевский, № 203). Старинный обычай разбойников убивать *первую встречу*, то есть первую встретившуюся жертву, сохранялся до самого последнего времени. В Пушкинском селе, Большом Болдине, мне в 1928 г. рассказывали, что после войны в недалеком от Болдина лесу происходили убийства и грабежи. Ликвидирована была целая разбойничья шайка из окрестных жителей. При допросе о причинах убийства совершенного одним из участников шайки, застрелившим проезжего из служащих, который ничего не имел и не мог оказать никакого сопротивления грабителю, убийца ответил, что шайка послала его в лес с наказом убить *первую встречу*. Исследование песни у *В. Н. Перетца*, Современная русская народная песня, III, стр. 34—47.

103—105. Разбойничья лодка. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 126.

Вариант (№ 104) записал В. И. Чернышев в с. Великий Овраг, б. Нижегородского у., 1901. Текст с чертами местного говора.

Вариант (№ 105) — *Якушкин*, Народные стихи и песни, стр. 577.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 403—408. Одна из наиболее популярных разбойничьих песен. Приведенные нами варианты представляют главные разновидности данной песни. В первом, книжном варианте, № 103, девица в лодке — пленница, тоскующая в неволе. Во втором, записанном невдалеке от тех мест, в которых происходит действие песни, весьма развитом и заключающем некоторые чисто местные подробности, девица — свой человек в шайке, видит вещий сон о погибели и разгроме шайки и надеется остаться на свободе, очевидно по неучастию в разбоях. В третьем варианте девица, сама принимавшая участие в разбоях, после вещего сна ожидает тюремной неволи. Все тексты отличной сохранности. Аристов обратил внимание на особое значение вещих снов в положении и психологии разбойников. «Разбойникам и их возлюбленным мерещились постоянно, и наяву и во сне, печальные предзнаменования, что вот-вот накроют их на месте преступления с поличным. Сердце билось тревожно, совесть была неспокойна, а действительность выступала с неотразимою силой. Кровавые картины жизни, иногда невинные жертвы увлечения и жестокости огненными чертами горели в мозгу... Этот психический процесс воспроизводится в песне под видом сна, который представляется разбойникам, и песни эти отличаются блестящими поэтическими чертами. Проснулся молодец раным ранешенько, умылся холодной росой и утерся черною тафтою,

Что пришел-то он к братьям-то товарищам.
«Вы здорово ли, братцы, спали-ночевали?
А как мне-то, молодцу, ныньче не спалося,
Ныне мне-то, молодцу, много грезилося:
Что ходил-то я гулял да вдоль по лужку,
Что по крутому, по белому бережку,
Что крутой-то берег будто обвалился,
Уж и я-то, молодец, будто бы скатился,
Что за горькую, за бессчастную осину ухватился, —
Оттого я, братцы-товарищи, пробудился!»

Но чаще черствого мужчины предчувствует горькую долю чуткое сердце девушки, которая находится в шайке разбойников, есаулова сестра родная, атаманова полюбовница» (*Н. Аристов*, Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875, стр. 149—151). Вспомним спящих разбойников у Пушкина:

— Простерты на сырой земле,
Иные чутко засыпают,
И сны зловещие летают
Над их преступной головой.

О беспокойных снах арестантов говорит и Достоевский по своим личным воспоминаниям (Записки из Мертвого дома, ч. 1, гл. X, XI, в конце).

106. Убийство астраханского губернатора. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1773, стр. 71, № 54.

Вариант у *Кашина*, Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано, М., 1834, кн. II, стр. 69, № 18.

Вариант с иными подробностями и с именем губернатора, князя Данила Александровича Репнина, исторически неустановленным, у Кирши Данилова, стр. 135, изд. 1901. Наша песня ясно показывает политически-революционный характер деятельности разбойников, от которых губернатор не мог откупиться ни золотой казной, ни богатым имуществом и которые метили за преследование, за расстреливание своих жен и детей. Вступление песни, изображающее хорошо наряженных бурлаков (название, прикрывающее разбойников), — обычная декоративная картина в песнях с разбойничьей лодкой. Ср. известную песню «Как по матушке по Волге», № 173; ср. № 105, где украшенной является самая лодка, если не разбойники. Здесь обнаруживаются литературные приемы, деятельность творческой фантазии, а не действительность, гораздо более суровая. Откровеннее разбойники говорят с красным солнышком, прося обогреть их (бездомных бродяг), заявляя, что в начале холодной осени они без шатров и без палаток, и без верхнего платья теплого (№ 103).

107. Разбойники в гостях. «Воронежская Беседа на 1861 год», стр. 157.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 459. Песня является как бы подготовительным эскизом к созданию большой картины, которая представлена в следующем номере. Необходимо обратить внимание на воровской, иносказательный язык песни. Жертва нападения, очевидно зажиточный крестьянин, выслеженный главарем шайки, называется *дядя*, разбойничье нападение — поездкой в *гости*, требование денег — просьбой *взаймы*.

108. Усы. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901, стр. 177. Текст близко передает первоисточник.

Варианты *Соболевского*, VI, № 455—457, далеко не исчерпывают наличного материала разновидностей этой замечательной по литературной обработке песни. См. *П. С. Богословский*, Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова, Пермь, 1928 (обстоятельное исследование о названной песне). Наши замечания по поводу этого издания напечатаны в журн. Slavia, XI, I, 1932, стр. 175—179. Там указаны и варианты, оказавшиеся недоступными П. С. Богословскому. В общем следует признать, что данная песня, взятая в том виде, как ее представляет № 108, является результатом сложной литературной обработки. Первоначальная редакция, вероятно, излагала дело в виде краткого бытового рассказа о посещении шайкой разбойников богатого мужика, требовании угощения и денег, полученных с помощью пытки. Таков вариант, записанный и опубликованный *А. Д. Григорьевым* (Архангельские былины, т. I, стр. 381, № 122). Дальше шло развитие текста введением живописных подробностей и комических элементов. В последнем отношении особенно замечателен приведенный нами вариант, обнаруживающий многие черты скоморошьей редакции, на что справедливо указывали и А. Д. Григорьев, и М. Н. Сперанский. Гришка Мурышка, предводитель Усов, действительное, известное разбоями лицо. В царской

грамоте, писанной 28 мая 1645 г. говорится: «В 1644 году пойман у вас становой разбойник (то есть держащий свой стан, отряд, шайку) Мишка Толстой с товарищами, а говорил он на товарищей своих становых разбойников — Гришку и Ваську Мурышкиных с товарищами... Марта 16 писали нам с Костромы, что Мурышкины с товарищами разбивают денно и нощно во многих местах, людей до смерти побивают и домы пожигают» (*Аристов*, стр. 34). Этот популярный атаман, Гришка Мурышка, позднейшая вставка в текст песни; в других вариантах он не упоминается.

109. Усы (Вариант). Печатается по не сохранившейся вполне тетради с записями песен из собрания Б. Л. Модзалевского (архив П. К. Симони). Текст с чертами местного говора.

Вновь издаваемый нами неизвестный вариант песни об Усах представляет старую редакцию песни, в которой отсутствуют комические элементы (дурак на печи и др.), предводитель не назван по имени. Строки 26, 43, 50 очевидно представляют вместо забытых стихов их прозаический пересказ. По некоторым данным, записи сделаны в Псковской губ., что подтверждается и особенностями языка (вси, живе, ён). Записи сделаны приблизительно лет пятьдесят-шестьдесят тому назад.

110. Девушка добыча разбойника. *Костомаров и Мордовцева*, Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 75.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 373—378. Девушка, имеющая при себе большие ценности, выступает также в песнях № 66, 75. В вариантах Соболевского, № 374—375, девушка также оказывается умеющей ткать дорогие ковры. Эти варианты примыкают к сказкам типа «Купленная жена» (A* 887 I). Простой, естественный и наиболее древний тип такой купленной жены дает сказка «Тысячи и одной ночи» в «Истории Али Шара и Зумуруды» (См. перевод Шелгуновой, СПб., 1894, т. IV, стр. 130. О покупке жены и ее вышивании, стр. 140—142. В изд. 1933, кн. IV, стр. 153—162).

111. Убегающие разбойники покинули товарища. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 108.

Вариантов не знаем. Относится, как и следующие, к группе песен, говорящих о поимке разбойников.

112. Высылка против разбойников. *Чулков*, Собрание разных песен, М., 1770, ч. 2, стр. 203.

Тоже единственный вариант, известный, как и предыдущая песня, только в старой печатной традиции. Любопытна, как и следующие № 113—114, по ироническому тону; см. заключительные стихи 13—17. Эти стихи оправдываются и положением вещей: разбойники русских окраин не сознают себя обыкновенными преступниками; они — вольные люди, составившие свою независимую общину, давние хозяева нижней Волги, с которыми и правительство

вступало иногда в соглашения, допуская грабить кого угодно, но не трогать *царские* суда.

113. Мы не воры, не разбойники. Рукопись начала XVIII в. из собрания Н. А. Попова (Archiv für slavische Philologie, B. VI, S. 614, Berlin, 1882). Текст близко передает первоисточник.

Замечательный рукописный вариант известной разбойничьей песни «Хороша наша деревня» (№ 114), открытый Н. А. Поповым на свитке из четырех склеенных листов начала XVIII в. вместе с записью известной сказки о Ерше Щетинникове, неоконченной. Данные относительно приведенной песни определяются показаниями свитка, на котором находятся: «Повальный обыск об умерших Вологоцкого уезда, Сарской волости, Михайловского прихода», 1654—1655; запись о многолетии государю Петру Алексеевичу, государыне, наследнику Алексею Петровичу (1690—1718) и вологодскому архиепископу Гавриилу (умершему 30 марта 1707 г.); запись с датою 7 сентября 1707 г. Таким образом очевидно, что данная песня занесена на бумагу в самом начале XVIII в. Издатель записи, Н. А. Попов, замечает, что текст является отрывочным и что последние три стиха не связываются с данной песней. Но эти три строчки близко напоминают нам стихи песни № 109 о крестьянине, которого намерены посетить «Усы» (стихи 6, 9). Можно поэтому предположить, что вся запись является вступлением к старому тексту песни об «Усах», который не сохранился в записи. Такое именно соединение текстов мы находим и в позднейших записях (*Соболевский*, VI, № 453). Шутливый тон, гальген-юмор, иносказательный язык, проведены здесь с замечательной последовательностью через всю песню, как и в песне «Хороша наша деревня». Не совсем понятно, почему эти «добрые молодцы» говорят, что они люди *ремесленные*. Может быть, песня возникла в городе или в его окрестностях, где было и более данных для успешной «ремесленной работы» и бо́льшие возможности сыска, тюремного заключения, стеганья кнутом, о которых говорит песня. При Петре I «разбои производились в обширных размерах в самой Москве». Ромодановский писал письма царю о ворах и разбойниках пойманных, заявляя, что «пущих воров... сыскать не можем, ухораниваются на Москве». Разбойники были из посадских торговых людей, из мясников, из извозчиков, но более боярские дворовые люди, которые имели смелость нападать даже на караульных солдат, били их и издевались над ними. Деятельность разбойников была организована и налажена. Разбойники, пойманные в начале 1699 г., признавались, что они сговаривались ездить на разбой шайками человек по двадцати, тридцати, сорока и больше, вооружались луками, пищалями, копьями и бердышами. Станы, пристанища и дуваны разбойной рухляди имели они за Тверскими воротами в разных слободах у посадских людей (*Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. III, стр. 1206—1207). По указанию Бессонова, ясные следы бывших разбойничьих станов сохранились в названиях некоторых подмосковных сел и деревень. *Лихоборы*, *Лупиха*,

Свистуха, *Обираловка* и др. лежат при оврагах, спусках и подъемах, переправах и лесистых захолустьях (*Киреевский*, IX, 185). Н. А. Попов замечает, что эта разбойничья песня относится специально к конокрадам. Данные текста не позволяют ограничиться этой воровской специальностью. Если они «окуни ловили со щетинами», то это значит, что они крали также свиней. «Неводы ременные», которые они вязали,—очевидно кистени, обычные орудия старых разбойников (не воров). В старшем печатном тексте песни «Хороша наша деревня» (*Соболевский*, VI, № 449, по песеннику 1780 г.) мы можем указать стихи, сходные с нашим вариантом: «Мы карасиков ловили со щетиночками» (ср. стих 7-й); «Хоть не нас секут батожьем, у нас спинушки болят» (ср. стих 10-й).

114. Хороша наша деревня. *Железнов*, Уральцы, изд. 2, СПб., 1888, т. I, стр. 35. Припев повторяется после каждых двух стихов.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 449, 451, 453. Ближайший к нашему тексту № 451. В бытовом песенном обороте на нашей еще памяти был очень распространен текст, который ограничивается изображением воровской ловли и заканчивается поимкой воров и заключением их в тюрьму. Картина пребывания в тюрьме приписана позднее; она новейшая и отличается стилистически от предыдущей, старой, чисто иносказательной. Железнов в примечании к данной песне говорит, что «эта удалая песня не есть произведение уральцев,... она занесена ими на Яик из матушки России, из Москвы, например, куда, со времен изгнания французов, стали посылать казаков для полицейской службы . . . Без сомнения, многим известно, что песню эту . . . распевает весь православный люд».

115. Преследование разбойника. «Отечественные Записки», 1860, № 6, т. CXXIX, стр. 470, ст. *А. Григорьева*, Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 398. *Аристов*, перед тем как привести эту песню, замечает: «Самого высокого поэтического достоинства и горячего сочувствия исполнены те песни, в которых изображаются преследования разбойников, их неудачи после борьбы, смертельные раны и побеги» (Об историческом значении русских разбойничьих песен, стр. 153).

116. Допрос разбойника. Рукописный песенник Гос. Публичной Библиотеки, Q. XIV, № 98, с записью 1767 г., л. 40 об. Тожественный текст дают: *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 162, и *Пушкин*, Капитанская дочка, гл. VIII.

Варианты у *Соболевского*, № 424—427, все весьма близкие один к другому, в записях старых песенников или в московской вокальной традиции. В новой серии «Песен, собранных *Киреевским*», издан вариант по записи А. Н. Кострова в с. Красном, б. Малоархангельского уезда, в солдатской редакции со скомканным концом (в. 2, стр. 108, № 2028). Весьма замечателен вариант в сборнике *Ф. С. Панкратова*: Гребенцы в песнях, Владикавказ,

1895, стр. 12. Текст здесь неполный, но своеобразный, с именем судьи: *Иван Васильевич*, очевидно Грозный.

Невежественное предание приписывает эту песню Ивану Каину, известному вору, мошеннику и провокатору XVIII в. Основанием этого явилось жизнеописание Ваньки Каина, составленное поставщиком лубочной литературы конца XVIII в., Матвеем Комаровым, который приложил к названному жизнеописанию «Собрание Каиновых песен», где на первом месте стояла песня: «Не шуми, мати зеленая дубровушка». Последующие песенники, например, «Новый полный всеобщий песенник», СПб., 1820, перепечатывая эту песню, уже определенно заявляют: «Песня известного Каина, которую пел он накануне своего допроса» (стр. 541, № 569). Авторство Каина в отношении этой песни решался поддерживать и П. А. Бессонов, сам же признававший: «Знающему дело стоит только взглянуть на нее или раз прослушать, и легко убедиться, что происхождением своим она гораздо первобытнее и старее самого Каина. Склад ее очень старый; образы и словувыражения принадлежат творчеству лучшему и подлиннейшему, не совместному с общей порчей в народе среди XVIII в.; напев не только самобытный, но и древний, не только грустный и протяжный, но вместе строгий и величавый» (Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 9, М., 1872, стр. 71). Замечательно свидетельство того же Бессонова, что данная песня в его время держалась еще в верхних интеллигентных слоях московского общества: «Не можем забыть впечатлений нашей ранней молодости, как старик Д. Н. С—в, человек в высокой степени почтенный, лучших сфер нашего общества, семейный, литературный, богатый, певал нам эту «Каинову» песню одушевленным и растроганным голосом, с пылавшими взорами . . . Мы и после встречали то же самое чувство, и глубину взволнованной души, и безотрадную грусть, и некоторую восторженность напева от многих других» (там же, стр. 73). В. К. Тредьяковский, повидимому, знал эту песню в иной, более ранней редакции, как можно думать по приведенному им образцу русской народной песни, представляющей в отношении стихосложения, по его указанию, соединение ямба с анапестом:

Не шуми	мати	зеле́	на дубро	ва,
Не мешай	цвести	лазо	реву цве	ту.

«Мнение о начале поэзии», (Соч., т. I, стр. 195, изд. 1849 г.).

Царский суд, о котором говорит песня, не только поэтическая картинка. О нем см. «Судебник царя и в. кн. Ивана Васильевича», ст. 28. Любопытен в отношении песни какой-то особенный царский суд — обрядовый, декоративный. На такой суд ставились обвиняемые три раза в год: в Рождество Христово, в Троицын день, в Семенов день. Суд этот производился в Москве, в приказе большого дворца и царской думе (*И. Снегирев*, Лубочные картинки русского народа в Московском мире, М., 1861, стр. 57).

117. Допрос разбойника (Вариант). Новейший избранный песенник, заключающий в себе собрание лучших отборных . . . песен, ч. 2, М., 1827, стр. 84.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 430 (с особым запевом). Этот мало распространенный вид песни замечателен тем, что изображает иное состояние разбойника, более естественное: он подавлен страхом. Обстановка та же, лесная. Очевидно, что так же, как и в предыдущей песне, он окружен преследующими и не имеет надежды скрыться от них. Вариант Соболевского под № 430 является как бы продолжением № 116 и 117: разбойник уже взят, скован, связан и ведется к допросу. Он испуган и плачет. Редакция обоих вариантов более поздняя: во втором являются *солдаты;* в обоих орудие разбойника только *нож;* тогда как в вариантах № 116 почти везде разбойник имеет еще *лук и стрелы* (*Соболевский*, VI, № 424—426).

118. Допрос разбойника (Вариант). Новейший полный всеобщий песенник, ч. 4, М., 1822, стр. 255, № 645.

Текст идет из издания *И. И. Дмитриева:* «Карманный песенник или собрание лучших светских и простонародных песен», М., 1796. Имеет явные следы литературной обработки, которую издатель придавал народным песням. П. А. Бессонов указывает (курсивом) книжные слова и обороты: *трепещешь повсечасно*, за запором и *решеткой железными*, *правосудный* царь, донесу *со всей истинной*, *надлежит* (Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 8, стр. 35—36). Однако необходимо предполагать, что у И. И. Дмитриева был особый вариант нашей песни, который он издал с своими поправками. Этого варианта в подлинном, неисправленном виде, к сожалению, мы не знаем ни в книжной, ни в устной традиции.

119. Правеж. Памятники великорусского наречия, СПб., 1855, стр. 131. Запись С. И. Гуляева.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 432—434 (все плохой сохранности). Более близкие варианты у *Киреевского* (в. 6, стр. 194—197, № 1—2; в. 8, стр. 30—35, № 1—3; в двух последних — царь Петр Алексеевич). Прозою, в виде сказки (без царей) — «Пермский сборник», кн. II, отд. II, стр. 166 (Аксёнко); *Марков*, Беломорские былины, стр. 463, № 86 (Орсенко). Проза здесь вперемежку с стихами (забытая былина). Богатырь, который дерется дубом, вырванным из земли с корнями, есть в «Ирландских сагах» (Л., 1929, стр. 104). См. также «Книга тысячи и одной ночи», VI, стр. 170: великан, который дерется деревьями, вырывая их из земли.

120. Милая выкупает друга из острога. Из собрания Д. П. Ознобишина, Песни Самарского у., Симбирской губ. (архив П. К. Симони).

Варианты у *Соболевского*, VI, № 501—508; № 505—508 без конца, говорящего о выкупе. Единственный близкий к нашему, вариант № 502, в котором судьи принимают деньги, сорок тысяч, и выпускают любезного. В вариантах Соболевского № 501 (Кашин), 503, 504 судьи оказываются неподкупными. Можно предполагать, что тексты без конца — просто урезанные, как цензурно неудобные, а тексты с неподкупными судьями — благонамеренное исправление

песни для той же цензуры или официального поучения. Для крепостного композитора Кашина, конечно, было довольно небезопасно давать подлинный текст песни, и он явился у него с честным судьей. Не состоявшийся выкуп уничтожает самый смысл и цель песни — доказать истинную любовь девушки. По содержанию песни и она и составитель ее прекрасно понимают, что жертва должна быть большая и соблазн для судьи немалый, почему для подкупа и назначается, «деньжонок немножко, ах, немножко-разнемножко, всего сорок тысяч» (Соболевский, № 502). — Бессонов рассказывает об одной исполнительнице этой песни следующий анекдот: «В Калуге, при губернаторе Н. М. Смирнове, засажена была в тюрьму красавица девушка, с баснословною косою и чудными глазами, по обвинению в убийстве ребенка. Голос певицы, раздававшийся из окошка, остановил народного певца И. Е. Молчанова: так петь, решил он, не могла виновная; явился к губернатору, просил расследовать дело, — и заключенная оказалась правою, выдана замуж, пристроена» (Песни, собранные *П. В. Киреевским*, X, 114).

121. Милая выкупает друга из острога (Вариант). Рукописный песенник Гос. Публичной Библиотеки, Q. XIV, № 98, с записью 1767 г., л. 42. Тот же текст дает *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 167, с поправкою в первой строке: жавороночек вместо: живоронек, как написано в тексте рукописи.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 486—488. Иная версия, сравнительно с предыдущей, более старая. Девица выкупает доброго молодца из темницы после того, как отец и мать от него отказались. С большим тактом составители не ставят самого вопроса о фактическом подкупе и освобождении: он подразумевается сам собою, как это видно из следующего варианта.

122. Милая выкупает друга из острога (Вариант). Новейший и полный российский общенародный песенник, М., 1810, стр. 269.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 483—484. Замечательно, сравнительно с предыдущим вариантом, что в то время, как *отец* и *мать*, *родные* вообще, отказываются выкупить молодца из темницы, под предлогом официальной морали, когда дело касается одной только *матери*, материнское чувство стоит выше морали. Мать уже *семь раз выкупала* сына, выкупила бы и в восьмой, но не имеет средств, разоренная предыдущими выкупами.

123. Милая выкупает друга из острога (Вариант). *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 86.

Песня несколько спутана. Например, картина виселицы не на месте: стоит между словами жены. Жена, как и родные, кроме матери, стоит на официальной точке зрения и дает поучение мужу, литературно весьма развитое. Песня, таким образом, имеет дидактический характер. Этот вариант, сравнительно с предыдущим, обнаруживает разницу между условной преданностью жены и безгранич-

ной любовью матери, что показывается и во многих других песнях. Нежный зачин песни не совсем вяжется с ее холодным содержанием. По началу можно бы было ожидать и другого конца. Если жена не отходит от приказа, где заключен ее муж, то она должна бы его выкупить. Возможно, что и была такая версия песни, но не дошла до нас. Она закрылась другой, «более нравственной», в которой старательно разработаны мотивы отказа от выкупа преступного мужа.

124. Девица посещает заключенного в темнице. Новейший полный всеобщий песенник, М., 1822, ч. 4, стр. 240, № 652.

Первоисточник — *Чулков*, ч. 2, стр. 199, № 147, у *Соболевского*, VI, № 466, — то же по переизданию 1780 г. Данный текст может служить образцом того, как передавались песни старых песенников в позднейших: вообще довольно близко и точно, частию с небольшими удачными поправками, частию с ошибками. Песня замечательна попыткой представить девушку в активной роли, ободряющей, внушающей надежды заключенному в темнице.

125. Девушка в остроге. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 123, № 2091 (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у., д. Сабурово).

Варианты у *Соболевского*, VI, № 512—517. В старых песенниках не встречается. Песня из новых по содержанию, складу, языку, образам.

126. Вор Гаврюшка. *Костомаров и Мордовцева*, Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 69.

Любопытный вариант в дорожных заметках *В. А. Слепцова*. Владимирка и Клязьма, гл. V, стр. 497—498, изд. 1903 г. Подлинное лицо вора Гаврюшки установить затруднительно (см. *Аристов*, 89). Любопытно выступление его в роли купца, большая популярность у воров, их взгляд на него, как на избавителя. «Эта песня как будто выражает мысль, что миновало прежнее раздольное житье, когда разбойники были сильны, брали часто города, разбивали остроги и выпускали свою братию на свободу» (*Аристов*, 90).

127. Разбойники разбегаются из острога. Саратовский сборник, т. I, 1881, стр. 265.

Вариант у *Соболевского*, VI, № 401. Песня имеет характер вступления к тексту, который в данном случае не сохранился. Более полный текст у Соболевского, № 401, взят из Сахарова, источника вообще сильно заподозренного. Здесь наша песня является в некоторой части, не вся (нет обращения к туче), как запев к песне о молодце не пойманном, который был перевезен через реку, там стал «кончаться» и просил похоронить его между трех дорог и проч. Весь текст логически и литературно недостаточно связан. Имеется еще более сложный вариант в Новой серии песен *Киреевского*, в котором начало представляет обращение к туче; она размывает земляную тюрьму (этого в нашем тексте недостает), невольники

из нее разбегаются и молятся богу словами: «Ты взойди, взойди, красное солнышко» и т. д. (идет текст разбойничьей лодки). Это соединение тоже недостаточно стройно. Самая сшивка запева и текста, по которой обращение к туче оказывается молитвой к богу, не может быть признана искусной. Затем, только что разбежавшиеся из тюрьмы разбойники не могли сразу обзавестись и судами, и украшенной лодкой, и пушками, и ружьями (в. 2, ч. 2, стр. 194, № 2403).

128. Молодца ведут на казнь. *Чулков*, Собрание разных песен, М., 1770, ч. 2, стр. 185.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 461—465; у *Киреевского*, Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2013. Первые три варианта, как и наш, намекают на государственное преступление молодца, который осужден в *селе Преображенском, в личном приказе государя*. Преображенский приказ — орган политического сыска у Петра I, особенно оживленный и ужасный во время казни стрельцов. В «производстве» старого жестокого следствия принимал участие и сам царь, который присутствовал и при казнях (*Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. III, стр. 1201 и сл.). Замечательно поэтому указание в одном варианте *Соболевского* (№ 461, из рукописного сборника XVIII в.), что молодцу, которого ведут казнить-вешати, предшествует «православный царь». Песня, вероятно, из цикла «стрелецких».

129. Девушки на разбое. *Кохановская*, стр. 61, «Русская Беседа», 1860.

Вариантов не знаем. Обстановка действия показывает достаточный социальный слой общества; рассказ походит скорее на какую-то не удавшуюся «шалость» девиц, чем на подлинный разбой.

130. Девица разбойница. Новое и полное собрание российских песен, М., 1780, ч. 4, стр. 84, № 89.

Единственный вариант, почти тожественный, из того же источника (*Соболевский*, VI, № 423). Маленький отрывок записан *Добровольским*, IV, № 619, где передача последних пяти стихов песни идет от имени *доброго молодца*. Текст невполне ясен. Непонятно, о ком, собственно, говорит песня — о девице-разбойнице или о забранном и засаженном в темницу атамане, и какое отношение между этими двумя лицами? Вероятно, в первоначальном тексте эти две разрозненные картины были ясно связаны. Возможно, что в дальнейшем тексте, не сохранившемся, девица и была избрана атаманом на место выбывшего. — П. А. Бессонов, специально изучавший предания о подмосковной разбойнице Таньке Растокинской (от имени села Растокина), времен Елизаветы Петровны, пришел к заключению, что приведенные нами песни, № 130 и 131, не подтверждающие своим содержанием предания, «не мешают нам признать с полной исторической достоверностью, что *обе равно принадлежат Таньке Растокинской*, что это в народе *ее песни*, как неизменно убежден народ и доселе, что они по началу *сложены и петы ею самой*, хотя и продолжены дальше, об са́мой

кончине ее и с воспоминаниями об ней в третьем лице, усердными ее поклонниками, уцелевшими вживе, откуда и разошлись песни сперва по Растокину и ближайшей округе, потом и по всему русскому народу» (Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. 9, № 190).

Выводы Бессонова не могут быть приняты по следующим соображениям. 1) Опираясь на тексты песен, как главное основание их комментария, видим, что имя героини в песнях не названо, почему и приписывание их Таньке Растокинской произвольно. 2) Песни первая и вторая разного содержания и склада. В первой — разбойница оседлая, при определенном стане, во второй — разбойница бродячая, которая «гуляла по городам, по уездам». Разбои первой девицы описаны вполне правдоподобно, второй — неумеренно гиперболичны: первая погубила сорок одну душу, а вторая двадцать тысяч, не считая старых и малых. 3) Нельзя считать народные предания исторически достоверными, не имея для них никаких документальных оправданий, особенно же при наличии лубочных романов о том лице, о котором существует предание. Ср. *С. М. Любецкий*, Танька, разбойница Растокинская, М., 1834 (Повесть в четырех частях). Повесть эта, впрочем, слишком «литературна» и совсем не выясняет ни личности разбойницы, ни приписываемых ей песен.

131. Девица — атаман разбойников. *Чулков*, Собрание разных песен, М., 1770, ч. 3, стр. 79.

У *Киреевского*, IX, стр. 192, № 2, этот же текст с объяснениями фельетонного жанра, в которых много лишнего и мало нужного. Текст показывает, что разбойница первоначально руководила бродячей шайкой, что вполне вероятно ввиду опасности этого промысла на одном месте и несомненной связи между разбойничьими организациями разных областей. Подобные передвижения разбойничьих отрядов, особенно между двумя главными центрами, Поволжьем и Москвою, мы знаем по жизнеописанию Ваньки Каина, который в начале своей воровской деятельности странствовал, передвигаясь пешком, водою и на лошадях: был и на Волге, на Макарьевской ярмарке, в Лыскове, участвовал в шайках, которые грабили суда, разоряли поместья и заводы, вели настоящую войну с помещиками и заводчиками, употребляя и холодное и огнестрельное оружие; бывал пойман, но находил способы освобождения и получал паспорт для свободного проживания, где хотел. В одной из повестей Ивана Гостиного сына, герой ее, занимающийся разбоями, рассказывает: «Услышал я за столом от моих подчиненных, что один славный разбойник, называющийся Петрушка Попок (из семинаристов), приехав в Москву из низовых городов с великим богатством, которое схоронено в лесу близ Красной сосны, . . . с артелью расположился в селе Алексеевском на попелище покойника родителя своего, попа Емели» («Похождение Ивана Гостиного сына», ч. 1, СПб., 1785, стр. 23). О хорошей организации разбойников в Москве мы уже говорили в примечании к № 113. Нам представляются чрезвычайно важными сведения об этой связи разбойников окраин с Москвою, потому что при ней оказывались полные и легкие возможности перенесения областных разбойничьих песен

Москву, где песня вообще централизовалась, создавалась, воспринималась со стороны, обрабатывалась и откуда распространялась по окраинам.

V. ПЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ БРОДЯЖЕСТВО, ДОРОГУ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПОЛЕ

132. Извозчик помирает в дороге. *Филиппов*, Сорок народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым, М., 1882, № 11.

Варианты у *Соболевского*, I, № 345, 347—349. Песня, вероятно, из приволжских, саратовских. Освоенная в великорусском центре, где она весьма популярна, получила неуместные вставки (степь украшена *лесами, болотами*). Наказ извозчика сходен с таким же наказом молодца, умирающего в поле (ср. *Соболевский*, I, № 372—373). Наказ жене, в нашей песне опущенный, в других вариантах тот же: «Хоть вдовой сиди, хоть замуж поди» (№ 349).

133. Мать отправляет сына из дому. Из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони).

Вариант, не близкий, у *Соболевского*, I, № 255. Обещание сына прилететь в виде кукушки сходно с таким же обещанием дочери, вышедшей замуж и, вероятно, взято оттуда (см. № 189).

134. Отец отсылает сына на чужую сторону. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., стр. 200, № 170.

Варианты у *Соболевского*, I, № 256—260. Три сестры провожавшие напоминают трех сестер, отыскивавших пропавшего брата (№ 141). Заключительные стихи о товарищах и слугах уезжающего (конь, лук и стрелы) те же, что в песне «Допрос разбойника» (№ 116). Примыкает к песням о несчастном молодце, которого гонят все: отец и мать, род и племя, друзья и товарищи (*Кирша Данилов*, «Когда было молодцу пора время», стр. 124, наш № 264; «А из Крыму ли, братцы, из Нагаю», стр. 130; *Соболевский*, III, № 263). Ввиду отсутствия личных и семейных мотивов для отправления сына из дому, приходится предположить, что выражение *отец на сына прогневался* есть только формула, под которой скрывается распоряжение отца сыну отправиться куда-то далеко по необходимому делу, всего скорее — государственной сторожевой, охранной, почтовой или другой службе. Ср. в свадебных причитаниях подобные обращения невесты к родителям и родным о их гневе, опале и т. д. Например, в Великоруссе *Шейна*, стр. 647, № 2177, невеста, обращаясь к отцу, матери, братьям и невесткам, после того как ее «запору́чили», говорит:

Вы почто так рассердилися,
Рассердились, распрогневались?

См. также № 1300, 1663, 2173, 2196. Что касается до цели поездки, то вариант № 260, казачий, говорит:

Когда у нас была русская воля,
А теперь стала неволенька.

То есть прежде казаки были свободны и не отправляли детей на службу. Вариант № 259 прямо говорит о службе военной.

135. Молодца застигает в дороге непогода. *Мякушин*, Сборник уральских казачьих песен, СПб., 1890, стр. 184. Запись И. И. Железнова.

Весьма близкий, единственный вариант известен в записи *А. С. Пушкина* (Сочинения, изд. Брокгауза-Ефрона, т. IV, СПб., 1910, стр. 76). Пушкин очевидно записал эту песню во время поездки в Оренбург. Она имеет вид художественного развитого отрывка, какое-то начало без конца. Возможно, что это вступление в песню о заблудившемся, запоздавшем молодце, которого тайно впустила в город королевна (см. *Соболевский*, I, № 17—20). Заметим моменты нашего текста: молодец гуляющий, застигнут снежной бурей, заблудился, пришел к незнакомому городу (так у Пушкина, в нашем тексте: городу Яицкому, очевидно позднейшая прибавка). Все эти элементы повествования встречаются в разных сочетаниях и в соответственных текстах Соболевского. У *Листопадова* молодой наездник в одной тоненькой беленькой рубашечке застигнут сильной метелицей. Его впускает в запертые ворота Киева Аннушка, дочь княженецкая (Песни донских казаков, стр. 21, № 8). Ср. наши №№ 9—10.

136. Молодец просит ночлега у травки. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 223.

Варианты у *Соболевского*, I, № 202—203, 206 (молодец просит приюта у полынового кусточка), № 207 (просит приюта у камыш-травки). Обращение к предметам неодушевленным, олицетворение их — обычный старый прием русской песни. Между прочим такие обращения — любимая фигура у Кольцова:

> «Ах ты, степь моя, — степь привольная! (Ср. наш № 132).
>
> Выходи ж ты, туча,
> С страшною грозою! . . (Ср. наш № 127).
>
> Что, дремучий лес призадумался? . .
>
> Ты прости-прощай,
> Сыр-дремучий бор! . .
>
> Расступитесь, леса темные;
> Разойдитесь, реки быстрые;
> Запылись ты, путь-дороженька! . . (Ср. наши №№ 116, 127).

137. Молодец просит ночлега у кусточка. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 15, стр. 296.

В этом варианте замечателен развитый оборот олицетворения кусточка, его приветливая картинная речь молодцу с благоразумным предупреждением о волках. Такое предупреждение еще решительнее высказано в варианте собрания *Киреевского* (Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 241, № 2581):

> Ночуй ты, добрый молодец, не убойся,
> А на меня, на кусточка, не надейся!

138. Два брата на чужой стороне. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 164.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 219—222. Наш вариант, как и другие, невполне хорошей сохранности. Песня меньшого брата, последние десять строк, содержит некоторые элементы, чуждые положению братьев.

Как думала матушка нас век не избыть,
Избыла нас родимая единым часом.

То же мы видим и в сходных песнях. Так, в варианте Соболевского № 219 говорится:

Единая нас матушка, братец, родила,
Не научивши уму-разуму в службу пустила.
Чужа дальняя сторонушка без ветру сушит,
Без ветру, без вихря, без красного солнышка;
Чужой отец с матерью без вины журят.

Все это гораздо более естественно по отношению к девушке, отданной замуж, как это мы и видим в соответствующих песнях:

Сбыла меня родна матушка
Во единый во часок (Соболевский, III, № 42).
Калина с малиной рано расцвела;
На ту пору-время (меня) мать родила.
Вспоила, вскормила, *не выучила*,
Не выучила матушка, в люди отдала (Там же, III № 30).
На что ж меня матушка на горе родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала?
Чужая сторонушка без ветру сушит,
Чужой отец с матерью без вины журят (Там же, № 29).

Песня эта, как избранная, переведена А. С. Пушкиным на французский язык для литератора Леве-Веймарса (Соч., изд. т-ва «Просвещение», II, 348; издание перевода невполне исправное).

139. Молодец нашел на чужой стороне полоняночку. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 242, № 2583 (Дальневосточный край, Сретенский окр.)

Подобных вариантов не знаем. Песни с началом: «Ах, ты, молодость, моя молодость» — говорят о худой, некорыстной жене (*Соболевский*, III, № 424, 517—519). Тот же текст, как и наш, у *Соболевского*, VI, № 12 (из «Финского Вестника», 1847, № 7).

140. Девушка успокаивает испуганного молодца. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 129, № 2114 (б. Орловская губ., б. Малоарханг. у., д. Сабурово).

Вариантов не знаем. Картину, изображающую молодца, пугающегося под сосною, см. в № 117. Вариант хорошей сохранности. Песня, может быть, из цикла разбойничьих.

141. Сестры находят уехавшего брата убитым. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2,

ч. 2, стр. 41, № 1775 (б. Калужская губ., б. Лихвинский у., д. Адроновское). Запись П. И. Якушкина.

Первая часть песни — то же, что № 134. Конец является как бы второй ее частью, составленной после. Полагаем так потому, что комбинированные сюжеты — явление позднейшего времени. В том же собрании *Киреевского* имеется еще вариант этой песни (стр. 202, № 2443). В нем роли сестер не совпадают: пошла

Большая сестра — зверем в леса,
Средняя сестра — звездой в небо,
А меньшая — щукой в моря.

В третьем варианте (*Соболевский*, I, № 370) опять несколько иначе:

Первая пошла — звездой в небо,
А другая пошла — вихрами в поле,
А третья пошла — щукою в море.

Эти живописные образы отличаются большой древностью и напоминают князя Всеслава «Слова о полку Игореве», рыскавшего ночью *волком*, и богатыря Вольгу, обращавшегося и *зверем*, и *птицею*, и *щукою* (*Рыбников*, I, стр. 2—3), также колдунов русских сказок, умевших обращаться и обращать других в зверей, птиц и рыб (*Афанасьев*, № 140, «Хитрая наука»).

142. Молодец находит приют в кабаке. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 203, № 2446 (б. Симбирская губ., б. Сенгилеевский у., с. Старая Ярыкла). Запись П. М. Языкова на бумаге 1834 г.

Вариантов не знаем, кроме следующего, рукописного. Картина, изображающая веселого молодца, когда он идет домой, побывавши в кабаке, известна в песне «Муж невежа» (см. № 197). Привлекательную картину кабака, нарисованную здесь (не без иронии), знаем только в этих двух текстах. Оба они отрывочны и похожи на введение к какому-то повествованию, может быть, поучительному, о поведении молодца, для которого посещение кабака было завязкой дальнейшего рассказа. Ср. посещение молодцом кабака в повести о Горе-злосчастии. Текст изданной рукописи передаем близко к первоисточнику.

Как ходил доброй молодец по чужодальней стороне
Да зашел доброй молодец да во ту избу кабацкую,
Пропивал доброй молодец да свою золоту казну,
Да хвалил доброй молодец ино ту избу кабацкую:
«Ты изба, изба кабацкая — кабыть рай на том свету,
Голова с целовальники — кабыть аньелы крылатые.
Конухи да и повары погубили моей главы!»
Да ставал доброй молодец на свои на резвы ноги,
Да ставал доброй молодец на свои многолетны соблуки.

Рукопись начала XVIII в., из собрания Н. А. Попова (Archiv für slavische Philologie, B. 6, S. 614, Berlin, 1882).

143. Царь в кабаке. Рукописный песенник Гос. Публичной Библиотеки, Q. XIV, № 11, л. 58 об. (конца XVIII в.). Каждый стих повторяется. Текст близко передает первоисточник.

Вариант имеем только в собрании *Чулкова* (I, № 163), начало: «Мимо славного было города Воронежа». Он, повидимому, представляет переделку нашего текста, в которой понижено звание героя песни до степени атамана казаков, который поэтому и идет с ними, как предводитель, с тихого Дона. Художественный колорит Чулковского текста гораздо слабее; особенно пострадало начало, в нашем тексте замечательно живописное, составленное в стиле лучших былин и сказок. Конец у Чулкова более ясный:

Вывозили им пойла сколько надóбно.
Уж вы пейте, мои робята, сколько вам хочется.

В нашем тексте чувствуется незаконченность. Может быть, данная запись — начало большой исторической песни, до нас не дошедшей.

VI. ПЕСНИ О ЛЮБВИ И О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ДЕВУШКИ И МОЛОДЦА

144. Девица поборола молодца. Записал В. И. Чернышев в г. Киржаче, от крестьянки П. Я. Бударагиной, 1903 г. («Хороводная»). Текст на местном говоре.

Варианты у *Соболевского*, VI, № 592—599. Распространенная хороводная игровая песня.

Играют молодец и две девушки: та, которая борется, и мать. Перед тем когда девушка будет убирать молодца, мать уходит. В старых песенниках не встречается. Содержание приспособлено к хороводной игре, чем и объясняется пластичность песни. Тема — девица (женщина) поборола молодца — древняя, сказочная и былинная. Укажу чудное описание борьбы Зат-ад-Давахи и Шарр-Кана, в которой великодушная победительница три раза простила побежденному его неудачу (Книга тысячи и одной ночи, II, Повесть о царе Омаре-ибн-ан-Нумане и о его сыне Шарр-Кане, Сорок седьмая ночь, стр. 81—86, изд. 1930 г.). Напомню еще борьбу переодетой Василисы Микуличны с богатырями князя Владимира:

Были в Киеве нарочны борцы,
Удалые молодцы, Притченки да Хапилонки.
Выводил тут князь семь борцов —
И тово ли посол Василий не пятится.
Вышел он на двор боротися.
Среди двора княженецкова
Сошлися борцы с послом боротися.
Первому борцу из плеча руку выдернет,
А другому борцу ногу выломит.
Ола третьева хватила поперек хребта,
Ушибла ево середи двора.

Кирша Данилов, стр. 54, изд. 1901 г.

145. Девушки бьют и прогоняют незваного гостя. Новый российский песенник, ч. 3, СПб., 1791, стр. 13. Первая половина каждого стиха повторяется трижды, и сверх того весь стих повторяется.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 30—38. В живом обращении — плясовая, шутливая песня. Содержание основано на старом обычае девиц устраивать самостоятельные собрания с приглашением в гости молодых людей по известному выбору. Идейно песня примыкает к тем, в которых, как и в предыдущей, отражается внутренняя борьба девицы и молодца, мужчины и женщины.

146. Сера козушка. Курский сборник, в. 3, ч. 2, Курск, 1902, стр. 52, № 84 (Песни Обоянского у., собранные Е. И. Резановой) («Висенская»; величают девок). Текст с чертами местного говора.

Образец двусоставной песни. Первая часть — повествование из животного эпоса, вторая, последующая, бытовой рассказ, параллельный первому, с полным соответствием действия во всех подробностях. При этом каждая часть иллюстрирует, осмысливает и освещает другую, но они могут употребляться и употребляются и отдельно. Такого построения песни обычно встречаются в цикле обрядовых, главным образом хороводных и свадебных. Принцип их построения — развитое сравнение: коза и волк — Надеждушка и Васильюшка, галка и сокол — Анна и Иван, лебедь и лебедушка — казак и девушка. Ср. № 95, 147.

147. Галка и сокол. *Магницкий*, Песни крестьян с. Беловолжского, Чебоксарского у., Казанской губ., Казань, 1877, стр. 90 («Круговая»).

Варианты у *Соболевского*, VII, № 650—652, у *Чулкова*, III, № 171. Параллель с девушкой не совсем удачна: *руку выломлю, косу выщиплю* — ненатурально. Видно, что вторая часть позднейшая, неискусно подделанная.

148. Девушка мешается в тканье. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 207, № 183.

Вариант, неблизкий, у *Соболевского*, II, № 44. Текст замечательно живописный, но невполне ясный. Основное содержание: испуганная девушка мешается (ошибается) в искусном тканье. По варианту — смущение вызвано известием о приезде свата: этот мотив вполне естественный. Возможно, что песня оторвалась от цикла свадебных. Приходу отца тогда позволительно придать то же значение: заявление, что дочь выдается замуж за такого-то (непредвидимого). Отсюда великое смущение девушки и в последней строке песни сожаление ее о знакомых молодцах, более симпатичных. Фабрика Милютина, вероятно, подставлена после.

149. Девушка в гостях у молодца. «Курские Губернские Ведомости», 1851, № 11 («Уличная»).

Варианты у *Соболевского*, II, № 25—29. По некоторым указаниям областных записей — «плясовая». Поэтому свободу и все поведение девушки не следует понимать буквально. Это не реальный факт, а литературно выраженное условное состояние и настроение во время веселого собрания молодежи.

150—151. Девушка вызывает молодца из конторы. Новый российский песенник, ч. 1, СПб., 1791, стр. 92. После каждых двух стихов припев: «Ах, калина, ах, малина».

Вариант (№ 151) — *Ефименко*, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ., стр. 67 («Вечериночная»).

Варианты у *Соболевского*, IV, № 658, 660—661, 663—665. Песня из городских, столичных, чиновничьего круга. В № 150 обращает на себя внимание «коса» молодца. В XVIII в. молодые мужчины высшего класса действительно носили «косы». В № 658 Соболевского, из песенника 1780 г., наряд молодца описан подробнее:

Сидит молодец в уборе — во грезетовом камзоле,
Штаны бархатные, чулки шелковые,
Смазные башмаки, пряжки с искорками,
Золотые подвязки с кисточками.

Наряд девушки дается только в областных вариантах (№ 151). Вероятно, эта часть текста — «народное» дополнение к книжному источнику.

152. Девушка идет за водой и навещает милого. Новое и полное собрание российских песен, ч. 4, М., 1780, стр. 96.

Вариант у *Соболевского*, II, № 88, из Сахарова, с отметкой: «разгульная». Текст Сахарова невполне достоверный: кажется, ему лично принадлежит перенесение места действия в Москву, к разгуляю-кабаку, на Москву-реку. Если бы был действительно самостоятельный московский вариант, то он не мог бы так близко совпадать с нашим во всех остальных местах текста. Наша песня, как и предыдущие номера, 145, 149, и последующие, до конца VI отдела, почти все представляют свободную девушку в ее отношениях к молодцу в разных положениях. Данный текст незатейливый по замыслу и изложению, но весьма реалистичный и ясный.

153. Девушка спит у адъютанта на коленях. Рукописный сборник XVIII в. (Гос. Публичная Библиотека, Q. XIV, № 11), № 110. Каждый стих повторяется.

Ни в печатной, ни в устной традиции неизвестна. Текст отличается полным реализмом и красотой изложения; при новом содержании — строго выдержанный язык и стиль старых песен.

154. Ночная поездка девушек к другу. Рукописный сборник XVIII в. (Гос. Публичная Библиотека, Q. XIV, № 11), № 108. Каждый стих повторяется.

В устной традиции неизвестна. Варианты у *Соболевскоѕо*, IV, № 544, из песенника 1791 г., № 545, из песенника 1780 г. Поддельного «приличного» конца эти варианты не имеют. На приключение девицы едут переодетыми в мужское верхнее платье. Подобные ночные авантюрные прогулки были приняты у придворных Елиаветы Петровны. Лев Нарышкин в 1755—1756 гг. устраивал такие поездки и для жены наследника, Екатерины, когда ее муж напи-

вался пьян и уходил спать. Екатерина одевалась и убирала волосы по-мужски, «к чему, — говорит она в своих записках,— мне было не привыкать, и что я ловко умела делать». Мужские костюмы тогда были у всех придворных дам, которые часто одевались в них для маскарадов и поездок верхом («Записки», изд. 1906 г., стр. 165—167). Город Устюг-Великий, вероятно, подставлен просто для отвода глав. Многочисленные караулы, богатая обстановка, светская жизнь вряд ли тогда и существовали в захолустном Устюге-Великом. Стихосложение довольно правильное силлабическое: стих 14-сложный с цезурой после восьмого слога, в окончании хореи. Немногие стихи с отступлением от этого ритма, вероятно, дефектные. Такое же стихосложение и в вариантах. Песня очевидно столичная, из верхних кругов общества.

155. Во зеленом садочке гуляла девица. Из рукописного песенника средины XVIII в., принадлежащего И. С. Абрамову, № 53. Текст близко передает первоисточник.

Песня эта — весьма близкий вариант к тексту сборника Кирши Данилова: «Во зеленом садочку» (по изд. 1901 г. № LII а, стр. 163), до сих пор являвшемуся единственным. Наш вариант отличается красивым запевом о березе, которого у Кирши нет. Повидимому, этот запев не сохранился вполне: можно ожидать продолжения о расцветшей березе весною, а затем уже перехода к содержанию песни со слов: «Во хорошем во зеленом садочку». Соответствующий Кирше текст нашего варианта изложен несколько иначе, с более объективным отношением к девице, картиннее и полнее. Искаженное в рукописи Кирши или неверно прочитанное издателями слово *спеченик* устанавливается нашим вариантом в своем правильном чтении: *спенечик* (шпенечек). Данное в сборнике Кирши продолжение текста, со слов: «А девушка у девушки спрашала», очевидно, является иной песней, присоединенной к данной лишь по некоторому сходству и большой откровенности содержания. Иначе составитель нашего песенника, не слишком щепетильный в отношении скромности, внес бы этот конец в свою запись. Сравнение девушки с необработанной жемчужиной, повидимому, восточное по происхождению. См. Книга тысячи и одной ночи (Ленинград, 1934, III, стр. 586—587): «После того как явились судьи и свидетели и был написан его договор с Хусн Мариам, и Ала-ад-дин вошел к ней и увидел, что она жемчужина несверленая». — В тексте песни видны следы куплетного строения: три стиха в куплете, причем последний стих мог повторяться в песне, и куплет тогда доходил до четырех стихов.

156. Молодец уговаривает девушку ночевать у него. *Чулков*, Собрание разных песен, М., 1770, ч. 3, стр. 183.

Варианты у *Соболевского*, IV, № 728—731. Конец песни непристойный, обычно не печатается. Пелась на свадебных пирах, когда молодые удалялись от пирующих и гости предавались дикому веселью. Из круга этих песен приведем одну, известную лишь в ста-

рой письменной традиции. Вариантов ее не знаем. Сходный зачин встречается в разных текстах иного содержания (*Соболевский*, II, № 22—23, IV, № 176). По теме песня примыкает к следующим: ночлег у девушки и опоздание на учение (военное) или на работу. Построение стихов куплетное: первый куплет, зачин — традиционный, из четырех строк: два вторые оригинальны. Текст передаем близко к первоисточнику.

Улица, улица, ты широкая,
Мурава, мурава, ты зеленая!
Я по той хожу, да не нахожуся,
На своего мила не нагляжуся.
«Лапушка мой друг, переполочик,
Начюй, надеженка, ночку со мной!» —
«Рад бы я, рад две три начевати,
Боюся стыду и злых людей смеху!» —
«Свет ты надежа, друг мой сердечной,
За что не любишь, за что ненавидишь?
Али, надежа, тебе не по мысле,
Аль я не годна или не удобна?»

Из рукописного песенника средины XVIII в., принадлежащего И. С. Абрамову, № 94.

157—158. Военный, опоздал на учение. Приказчик проспал свою должность. Первая — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 7, стр. 89; вторая — *В. Чернышев*, Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского у., СПб., 1903, стр. 67 (Москва, от мещанки Черкасовой, 1902 г.).

Варианты у *Соболевского*, VI, № 268—271. Все варианты говорят об опоздавшем военном. Поэтому замечателен наш второй вариант, где то же положение переведено на приказчика — с большим мастерством изложения и вполне самостоятельно. Стихи здесь в большинстве случаев 6-сложные с хореическим окончанием или 7-сложные с дактилическим. Переделка, вероятно, московская, составленная в среде довольно культурной.

159. Черноброваяя Аннушка. Из собрания Д. П. Ознобишина; вероятно, б. Симбирской губ. (архив П. К. Симони).

Песня редкая. Может быть, является первоначальным источником следующей песни, в которой *кот* подставлен на место *попа*.

160. Кот ходит к боярыне. *Чулков*, Собрание разных песен, М., 1770, ч. 3, стр. 147.

Варианты у *Соболевского*, IV, № 565—566 («Кот повадился ходить к боярыне вдове, ко сержантской ко жене»); у *Пальчикова*, № 110. Содержание недостаточно ясно. Если девка, стоящая у ворот и подающая знаки милому, не посредница-прислуга, но героиня песни, то боярыня вдова — хозяйка дома или притона. Содержание, как видно, передвигалось, соответственно действительному положению вещей, с повышением или понижением чина любовника, с названием по имени его возлюбленной, с указанием

соответствующей обстановки и т. д. В этой песне, вероятно, осмеивали любовные приключения каких-либо определенных заметных лиц, обратившие на себя внимание окружающих. Всего естественнее, что такие песенки пели слуги про господ, когда их не было дома. В некоторых вариантах эта иносказательная песенка обработалась в чисто сказочную о похождениях и наказании блудливого кота. Таков, например, вариант Архива Государственного географического общества из г. Торжка, б. Тверской губ. (рукопись № 38), сообщенный в числе детских песенок.

Как повадился коток
На боярский на дворок,
На боярский на дворок
По сметану, по творог.
Как увидели кота
Красны девки из окна,
Они хлопнули окном,
Побежали за котом;
Поймали тут кота
И лишили живота.
Ина вот тебе коток
И сметана, и творог.

Варианты этой «детской» песни мы знаем и по иным источникам, рукописным и печатным (*Шейн*, Великорусс, № 22 и 23, последний с *барыней* и лакеями). Песня «иносказательная», как и № 161—164.

161. Зверек ходит к девушке. *Рогов*, Материалы для описания быта пермяков («Пермский сборник», М., 1860, кн. II, отд. 2, стр. 45, № 5, «Плясовая»).

Песня редкая. Представляет иносказательное изображение любовной связи молодца и девушки. Имеет такое же значение, как и предыдущая. Оригинальна только до стиха: «К сердцу прижимала». Конец, начиная со стиха 27-го, взят из другой песни (*Соболевский*, IV, № 763). Песня эта упоминается в деле тайной канцелярии, начатом 9 ноября 1752 г. Дьячок Тимофей Делифовский, содержавшийся под стражею за уголовное преступление, доносил на своего пристава Трофима Спиридонова, что 16 сентября 1752 г. Делифовский вел с ним, Спиридоновым, разговор о государе (Петре I), как он на низ (низовья Волги) ходил и каков он собою был, и как после этого разговора Спиридонов запел песню:

Зверочик, мой зверочик,
Полуношной мой зверочик!
Повадился зверочик
Во садочек к Катюше ходить...

и притом и прочие слова пел, а какие, того Делифовский не помнит. И как Спиридонов петь перестал, то Делифовский спросил его: «Что это за-песня?» Спиридонов сказал: «За эту-де песню напредь сего кнутом бивали; что-де государь император с государынею императрицею Екатериною Алексеевною жил, когда еще она в девицах имелась, и для того-де ту песню и сложили». Конец дела не сохранился, но Спиридонов, повидимому, отделался от наказания, так как свидетель происшествия не подтвердил вполне

слов доносителя, а последний находился под столь тяжким обвинением, что ему не оказали доверия и [за якобы ложный донос, кажется, били кнутом (*А. Н. Пыпин*, Дела о песнях в XVIII веке, IV, стр. 26—34 отдельного оттиска из «Известий II Отделения Академии Наук», т. V, 1900, кн. II, стр. 554—590).

162. З в е р е к х о д и т к д е в у ш к е (Вариант). Из собрания Д. П. Ознобишина (архив П. К. Симони). Вероятно, из б. Симбирской губ. На бумаге знак 1841 года.

Вариант у *Соболевского*, IV, № 564. Сходен с предыдущим в том отношении, что объектом любовного преследования является девушка, но преследователь *кот*, как в № 160.

163. Б ы к, к о т о р ы й н е е с т с е н а. Новый российский песенник, ч. 2, СПб., 1792, стр. 73, № 70.

Песня редкая, прекрасной сохранности.

164. Д е в к а г о л у б я к у п и л а. *Чулков*, Собрание разных песен, М., 1770, ч. 3, стр. 189.

Вариантов не знаем. Ср. № 160—163, как аллегорические.

165—166. П о б о и м и л о г о. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 109, № 2029 (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у., с. Красное).

Вариант (№ 166) — Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 112, № 1568 (б. Московская губ., б. Звенигородский у., д. Воронки). Запись П. В. Киреевского, 1833.

В первой песне молодец бьет девушку, она терпеливо принимает его побои и обещается скрыть от отца и матери их очевидные последствия; бьет без всякого основания (потому, что любит), во второй — бьет из ревности. Обе песни очень картинны и сценичны и, может быть, были хороводными игровыми, где демонстративные удары по белому лицу, по щеке были лишь театральным приемом. Сравните хороводные игровые песни, в которых девушка выходит к молодцу, он бьет ее по лицу, по щеке, разбивает сережку и т. д. (*Шейн*, Великорусс, стр. 92—93, № 417—418).

167. О т е ц п о с а д и л д е в у ш к у в т е м н и ц у. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1773, стр. 120, № 88.

Варианты у *Соболевского*, II, № 95—96. Просьба построить три окошка в помещении заключенной — подвижная картина, обычная в песнях о пострижении немилой жены. В данном случае речь идет, однако, о настоящей темнице, земляной тюрьме, погребе с трубою, то есть с печью. Поэтому стихи об окошках, вероятно, вставные. В варианте Соболевского, № 96, девица хочет смотреть из окошка на дорогу, по которой ходит и ездит

Много всякого народу
Из *дворянского* там роду.
Там мой миленький гуляет,
Вороного коня водит.

Эти стихи обнаруживают нам социальный слой, к которому относится песня.

168. Девушка выгнана родителями из дома. Рукописный сборник XVIII в. Гос. Публичной Библиотеки (Q. XIV, № 11), № 206. Каждый стих повторяется. Текст близко передает первоисточник.

Варианты у *Соболевского*, II, № 98—102, преимущественно из книжной традиции. Конец нашего текста не дописан. По другому рукописному тексту добрый молодец хочет взять девушку замуж и надеется жить с ней лучше прежнего. Анализ стихосложения еще больше обнаруживает незаконченность в обработке песни. Первые восемь стихов имеют безукоризненное силлабическое стихосложение по формуле 8 + 5. Дальше стих сбивается с этого ритма. Часть о выкупе молодца из неволи, вероятно, самостоятельная, подогнанная к песне о провинившейся девушке. В этом убеждают оба рукописные варианта XVIII в. и вариант из песенника 1780 г., которые не имеют введения о выкупе молодца девушкою (*Соболевский*, № 99, 100—101). Но любопытно, что единственный вариант Соболевского (№ 98), взятый из устной традиции, идет от нашего текста, с выкупом.

169. Девушка — мать ребенка. Новый российский песенник, ч. 1, СПб., 1791, стр. 85.

Вариант у *Соболевского*, II, № 111. Песня неполной сохранности. Картина свидания и интимного разговора в саду с молодым купчиком не связана с картиной пишущего писаря и девицы, качающей дитя в колыбели. Этот, пишущий в светлице писарь — совсем неуместная вставка. Если он тот же сержант, на которого только сваливают вину девицы, то он не может играть роли в этой драме или комедии. Если же он третье лицо, то его введение совершенно запутывает повествование. Песня, вероятно, состояла первоначально из трех частей. Первая стихи 1—16. Вторая часть, связывавшая эти стихи с концом песни, выпала. На место нее вставлены стихи 17—22, не согласованные с содержанием песни. Третья часть: девица, качающая дитя в колыбели, является естественным заключением первой части, — тем более, что эта девица выражает сожаление, что она отстала от *купчиков*. Естественным переходом от первой части ко второй был бы рассказ о том, что у девушки явился ребенок. Стих 20: «*Его* белы руки ломит» — содержит грубую ошибку. Следует: «*Свои* белы руки», как это и видим мы, например, в Новом всеобщем и полном песеннике, 1819 г., стр. 39.

170. Девушка — мать ребенка (Вариант). Рукописный сборник XVIII в. Гос. Публичной Библиотеки (Q, XIV, № 11), № 74.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 98—99, 101—102. Песни разгульные, плясовые, столько же отражающие бытовое явление, сколько литературно его раскрашивающие. Наш рукописный текст мозаичен. Настоящая, стильная песня начинается с стиха 14. На-

чало, стихи 1—13, изображающие скуку одинокой девушки чертами сентиментальных песен, слабо связано с дальнейшим текстом. Стихи 5—6 — вставка из пастушеской песни. Действие песни о девушке-матери происходит в среде людей достаточных. Это видно из приличных взяток, которые родившая девушка дает попу и капитану (очевидно, ближайшей полицейской власти). Такие взятки были необходимы, чтобы сохранить тайну происхождения ребенка: скрыть его *отца*, так как при официальных записях о рождении «незаконного» ребенка могли требовать указания, от кого он, о чем говорится и в песне под № 169.

171. Девушка — мать ребенка (Иного содержания). Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 350, № 2988 (б. Московская губ., г. Дмитров).

Вариантов не знаем. Текст в общем прекрасной обработки. Замечателен по мысли и по форме этот диалог страдающей матери и смелого дитяти, защищающего свое и ее право на благополучную и счастливую жизнь. Относится более к драме, чем к эпосу.

172. Кабак и притон. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 105, № 2015 (б. Орловская губ., б. Малоархангельский у.). Запись П. И. Якушкина и А. Кострова.

Вариантов не знаем. Ср. *бабу куряжищу*, зазывающую молодца в кабак в повести о Горе-злосчастии (*Рыбников*, I, стр. 472, 475, 477 и др.).

173. Вниз по матушке, по Волге. Рукописный сборник XVIII в. Гос. Публичной Библиотеки (Q XIV, № 11), № 6.

Варианты у *Соболевского*, IV, № 550, 552—553, все очень близкие один к другому. Одна из самых распространенных русских песен. По содержанию она недостаточно ясна. Общее внимание привлекают картина бури на Волге, смелые молодцы на лодке, которые решились плыть в такое время, наряд гребцов и хозяина. В гармонии с торжественно-грустным напевом это и составляет всем хорошо еще известную русскую песенную единицу, которая удовлетворяет нас литературно и музыкально, не понуждая к анализу содержания. Тот конец песни, который находится в приведенном нами тексте, даже не всегде сохраняется в ее вариантах. См., например, у *Соболевского*, № 552—553, в которых лодка просто подходит к берегу. Развитие картинности, в ущерб занимательности и логичности повествования, вообще одна из заметных особенностей русской песни. Здесь она обнаруживается как нельзя больше. По некоторым признакам и по сопоставлению с другими песнями, как следующий № 174, наша песня, как цель действующих в ней лиц, изображает посещение некоей Аленушки и ее дочки (вариант № 550), семейства, знакомого прибывшим очень близко, встречающего их полуодетыми. Полагаем, что это песня из цикла разбойничьих, изображает выезд разбойничьего отряда с его предводителем с целью посещения известного разбойникам притона. Лодка с нарядными на ней молодцами — обыч-

ная песенная картина разбойничьего выезда по воде. Не без основания у молодежи прошлого века, времен молодости Л. Н. Толстого, при кутежах существовала игра в лодку, с пением песни: «Вниз по матушке, по Волге» (*Л. Н. Толстой*, Юность, гл. XXXIX, «Кутеж»). Конечно, поющие не забывали старого конца этой песни. Вероятно, и вся игра затевалась перед переменой места разгулья.

174. Героиня притона. Из собрания Д. П. Ознобишина (архив П. К. Симони). Вероятно, б. Симбирской губ.

Варианты у *Соболевского*, IV, № 556—557. Песня является как бы продолжением предыдущей. Обе довольно связаны, и одна поясняет другую. В вариантах *Соболевского* посещение притона является обособленной песней. Посещение происходит зимой, на санях. Посетители не простые люди: в первом варианте — Иван-сударь-господин, во втором — Салтыков господин и Лединский, его сотоварищ. Полное объединение песен № 173 и 174 имеется в варианте б. Вятской г., в котором начало близко к обычному. Замечательно, что во главе едущих здесь оказывается сам *атаман*. Распоряжение его следующее:

«Приворачивай, братцы-ребята,
Ко селу, селу, ко Петрову!
Ко прикащику, ко Орлову!
У прикащика дочь хороша,
Ее по имени — Катерина» . . .
Катеринушка выходила
На тесовое на крылечко,
Кувшин пивца выносила,
С атаманом она говорила:
«Не прогневайтесь, гости дорогие!
В чем застали, в том и вышла:
В одной тоненькой рубашке,
Во чулочках без башмачков».

А. Васнецов, Песни северовосточной России, М., 1894, стр. 70, № 92.

175. Кулачный боец, друг девушки, убит. *Прач*, Русские народные песни, СПб., 1816, стр. 28, № 28.

Песня из редких. Сохранилась в старых песенниках. У *Соболевского*, VI, № 585, по песеннику 1780 г. Текст невполне ясен. В центре действия Варвара — хозяйка притона и подруга Силы. Сила, повидимому, убит на кулачном бою с двумя братьями, двужильными бойцами, то есть обладающими двойной, необыкновенной силой. Бой очевидно шел на пари, с правом раздеть побитого в свою пользу. Вспомним старый обычай раздевать побежденного в кулачном бою, так картинно выраженный в песне о Кострюке (*Киреевский*, VI, стр. 108, 111, 118, 124, 128, 131 и др.). Обычай, как видно, допускал выкуп снятого платья, что и сделала Варвара. Стих 30: «Со раскату (то есть с городского вала) застрелили» — неуместная, очевидно позднейшая вставка.

176. Молодец сманил и хочет бросить девушку. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 171.

Вариант у *Соболевского*, V, № 606, из песенника 1780 г. Это почти тот же текст, несколько сокращенный, с более определенным концом: молодец *бросил* девушку. Наш текст прекрасной сохранности, замечательно художественный, но повествовательная сторона в нем слабо развита.

177. Девушка подает жалобу на молодца. Рукописный сборник XVIII в. Гос. Публичной Библиотеки (Q. XIV, № 11), № 205. Каждый стих повторяется.

Варианты у *Соболевского*, V, № 594—603. По некоторым записям известна как хороводная, с переработкой применительно к хороводному действию.

178. Девушку отдают замуж. Российская Эрата, 1792, ч. 3, № 62.

Вариант у *Соболевского*, II, № 107. Текст, повествовательно развитый, обработан слабо и в вульгарном тоне. Создался, повидимому, в мало культурной мещанской или лакейской среде.

179. Девушка скрывает от друга, что она сговорена. «Донские Областные Ведомости», 1875, № 88.

Вариант у *Соболевского*, V, № 277. Текст нашей песни, замечательно живописный и с некоторым развитием действия, несколько спутан: *сваты* не вяжутся с *полюбовником*. В варианте на *сватовство* нет указания, говорится о двух гостях, двух любезных дружках. Наш текст, видимо, представляет попытку переработать положение в смысле выхода девушки замуж, причем текст невполне очистился от старого содержания, говорящего о приеме нового друга. След старой редакции остался в слове *полюбовник* и в заключении, по которому молодец дает девушке пощечину.

180—181. Девушка разлучена с другом, выдана за иного. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 114, № 1574 (б. Московская губ., б. Звенигородский у., д. Воронки). Запись П. В. Киреевского, 1833.

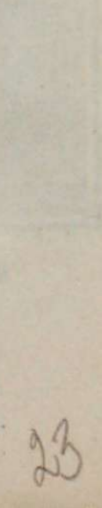
Вариант (№ 181) — *Смирнов*, Песни крестьян Владимирской и Костромской губ., М., 1847, стр. 82.

В первой песне развиты описание отправления девицы к венцу на глазах любящего ее молодого человека и драматическая сцена не состоявшегося прощания. Варианты к ней у *Соболевского*, V, № 656—663, 667—671. Во второй ярко изображается страдание любящего молодца, возлюбленной которого владеет рядом живущий товарищ. Варианты к ней там же, № 680, 682. В рукописном песеннике XVIII в. Гос. Публичной Библиотеки Q. XIV, № 127, л. 87 об. — 88, есть песня украинского происхождения, обрусевшая: «Да уже мои бережeньки вода поняла», в которой тоже говорится, что любимая девушка (Марусенька) выходит за другого. Конец ее содержит стихи, очень близкие к нашей песне:

Един ведет за рученьку, а другому жаль,
А третьему сердце болит, что любив, да не взяв.

Парень и девушка у колодца. Лубочная картинка 1874 г.

23

182. Любящую девушку отдают за старика. Песни, собранные *П. В. Киреевским*. Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 114, № 1575 (б. Московская губ., б. Звенигородский у., д. Воронки). Запись П. В. Киреевского, 1833.

Песня из редких. Текст прекрасной сохранности.

183. Девушка выходит за того, кто поймал ее венок. *Добровольский*, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903, стр. 181, № 22 б (б. Смоленский у.).

Песня из редких. По содержанию примыкает к следующим: выход замуж за того, кто исполнит задачу девушки (№ 184—186). Тема известная и в сказках, обычно с задачами, трудно выполнимыми.

184. Молодец, поплывший за венком девушки, тонет. Песни, собранные *П. В. Киреевским*. Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 84, № 1464 (б. Московская губ., г. Москва).

Вариант *Соболевского*, II, № 193, из песенника 1810 г., короче нашего. Текст Киреевского соединяет в себе простоту, реальность содержания с ясностью и красотой изложения. Песня несомненно городская, столичная (в песенниках названа Нева-река) из верхнего довольно культурного слоя общества.

185. Девушка не хочет старого мужа. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 2, СПб., 1770, стр. 208, № 157.

Редкая. Текст прекрасной сохранности. Один только неловкий, вероятно, испорченный стих: «Идет улицею старый *муж*», но возможно, что слово *муж* здесь в старом книжном значении *мужчина*.

186. Старый жених — герой. Записал В. И. Чернышев в с. Красном, вблизи г. Боровска, в 1897 г.

Песня из новых. Редкая. Единственный вариант мне известен только в собрании *Киреевского*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 153, № 2216 (б. Орловская г., б. Мценский у., с. Заикино). Запись П. И. Перевлесского, 1836. В песенниках встречать не приходилось. Очевидно «народная», городская, тем более любопытная по своей теме: восхваление мужественной старости. В варианте Киреевского не Дунай, а Дон, который первоначально, вероятно, был и в нашем, судя по эпитету «тихий».

187. Девушка венчается тайком. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 155, № 2227 (б. Орловская губ., б. Мценский у., с. Заикино). Запись П. И. Перевлесского, 1836.

Вариант у *Соболевского*, VII, № 733. Песня из новейших; без живописной обрисовки повествования, но с хорошим его развитием.

188. Посещение родного дома. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1773, стр. 85, № 62.

Варианты у *Соболевского*, III, № 223—225. Известна лишь в традиции города и интеллигенции. Имеет весьма правильное силлабическое стихосложение. Все стихи 8-сложные. Цезура после пятого или четвертого слога. Отступающие от ритма стихи 14 и последний испорчены; следут читать: «И двора б *мого* не знала» (14). «*Ко* двору следа не класти» (последний). Текст художественный, прекрасной сохранности.

189. Посещение родного дома (Вариант). *Костомаров и Мордовцева*, Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 45.

Варианты у *Соболевского*, III, № 19—30, 32—35, все из устной традиции. Склад песни старый, художественный. Замечателен образ молодой женщины, превратившейся в *кукушку*. Текст несколько испорчен. Образные, гиперболические обороты: горькими слезами потоплю сад, тяжелыми вздохами, то есть дыханием, посушу его — перенесены в конец песни как действительно совершившиеся факты; *кукушка* оказалась *женщиной* худой и бледной. В других вариантах эти недочеты отсутствуют. В нашем тексте особенно правильное силлабическое стихосложение. Стих 12-сложный, с цезурой после седьмого слога. Немногие стихи, уклоняющиеся от этого ритма (9-й, 16-й, 26-й, 35-й), очевидно не сохранили первоначального вида. Судя по стихосложению, приходится предположить, что песня прошла через редакцию городских, образованных певцов и что отсутствие ее в старых песенниках — явление случайное.

190. Молодуха не боится мужа. Терский сборник, вып. 1, стр. 113. После каждого стиха припев: «Ойли, ойли, ойли, ли, ли, ли, ли, ли, ли».

Варианты у *Соболевского*, II, № 145—146 (относятся только к началу песни: о свободе девушки и отсутствии своей воли у молодой женщины). Муж, защищающий жену в то время, когда его родители нападают на нее, является также в песне: «Спится мне, младешеньке, дремлется» (*Шейн*, Великорусс, стр. 221, № 833; *Соболевский*, II, № 586).

191. Молодуха не боится мужа (Вариант). Песни, собранные *П. В. Киреевским*. Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 195, № 2409 (б. Симбирская губ., б. Сызранский у., с. Головино). Запись П. М. Языкова, 1838.

Варианты у *Соболевского*, III, № 588—589. По содержанию, бытовой обстановке эта песня, как и предыдущая, характерна для крестьянской среды. На ее содержание обратил внимание И. С. Тургенев при описании семейной жизни Хоря: «Жена его, старая и сварливая, целый день не сходила с печи и беспрестанно ворчала и бранилась: сыновья не обращали на нее внимания, но невесток она со-

держала в страхе божием. Недаром в русской песенке свекровь поет: «Какой ты мне сын, какой семьянин! Не бьешь ты жены, не бьешь молодой...». Очевидно, Тургенев знал эту песню как хороводную, в которой приведенные слова действительно поет свекровь, то есть женщина, играющая ее роль. Комедия побоев жены, разыгранная мужем в нашей песне, хорошо соответствует бытовой картине семейных отношений, нарисованных в данном случае в «Записках Охотника».

192. Молодая жена уходит гулять от старого мужа. Новое и полное собрание российских песен, ч. 4, М., 1781, стр. 92.

Варианты у *Соболевского*. III, № 123—124, 126—131. В большинстве вариантов пришедшая жена накладывает мужу на шею петлю и подает конец веревки через окно милому — дальше дается картина удушения. Песня известна как хороводная игровая и плясовая. Картина этого шутливого удавления известна уже в скоморошьих припевках Кирши Данилова, стр. 182. Текст местами испорчен. Например, вместо: «Спасибо, ты, жена...» — вероятно, следует читать: «Спасибо те (то есть тебе), жена».

193. Молодая жена уходит гулять от старого мужа (Вариант). Курский сборник, вып. 3, ч. 2, Курск, 1902, стр. 40, № 62 (Песни Обоянского у., собранные Е. И. Резановой («Маслинская»). Текст с чертами местного говора.

Варианты у *Соболевского*, II, № 433—438. Они не имеют конца о расправе с мужем и представляют жену извиняющейся и покорной (не всегда искренно). Песня по некоторым источникам показывается хороводной и плясовой. Наш вариант замечательно складный, живописный, проникнутый веселым, шутливым тоном. Достоинство объясняется записью хорошей наблюдательницы, прекрасно осведомленной в местном фольклорном материале и замечательно точной.

194. Жена распродает хозяйство на покупку украшений. Курский сборник, в. 3, ч. 2, Курск, 1902, стр. 43, № 68 (Песни Обоянского у., собранные Е. И. Резановой) («Гульбишная»). Текст с чертами местного говора.

Песню о продаже предметов хозяйства для покупки жене нарядов, в другой редакции, см. выше, № 43. Приведенная здесь редакция своеобразная и редкая, дающая текст в превосходном изложении. Песня является как бы введением к следующей, в которой выступает жена уже набеленная, нарумяненная и скрывающая происхождение своей поддельной красоты.

195. Жена модница и насмешница. *А. А. Титов*, Юридические обычаи села Никола-Перевоз, Ростовского у., г. Ярославль, 1888, стр. 44.

Варианты у *Соболевского*, III, № 99, 101—108. Песня из веселых, шуточных, нового склада. Представляет крестьянский быт, затро-

нутый городским влиянием, проникшим прежде всего в женскую среду, как это происходило в подгородных селах и деревнях. Последние девять строк — отрывок из другой песни, объединившейся с данным текстом, как подходящая характеристика нехозяйственной жены (Ср. *Соболевский*, III, № 96—98). Текст такого состава мы знаем уже в песеннике 1780 г. (Там же, № 99). Ср. № 293.

196. Жены покупают волю над мужьями. *Добровольский*, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903, стр. 62, № 102 б (б. Смоленский у.). Текст с чертами местного говора.

Песня из редких, шуточная, прекрасного изложения. Тематически примыкает к тем песням, которые говорят об отсутствии своей воли у замужней женщины, с чем она покорно примиряется. Здесь, хотя и в шутливой форме, выражена потребность получить «свою волю». В данном тексте при чтении стихов: «Вы, девушки, вы, девушки, вы, подружки» — необходимо иметь в виду, что в народном языке нередко женщины, говоря одна с другой, употребляют слово «девушка» как любезное обращение. В нашей песне весьма правильное силлабическое стихосложение: стихи 4-сложные чередуются с 8-сложными, оканчиваясь хореями. Нарушение ритма лишь в стихах 9, 20 и 33, вероятно, испорченных.

197. Муж невежа. По рукописному сборнику XVIII в. в «Отечественных Записках», 1858, № 1, стр. 311.

Варианты у *Соболевского*, II, № 414—420, книжные и областные, в большинстве случаев хорошей сохранности и очень близкие, что, вероятно, объясняется обращением песни в хороводной игре. Песня в шутливой форме отражает самостоятельное положение женщины, которая проучила пьяного и зазнающегося мужа. Последнее показано в требовании «отворять широкие ворота», то есть делать торжественную встречу.

198. Муж недоросток. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 116, № 2063 (б. Орловская губ., б. Малоархангельского у., с. Липовица-Перехожи).

Песня, как и следующая о муже недоростке, отличается в данном варианте шутливо-нежным отношением молодой женщины к мужу-ребенку. Текст неполный.

199. Муж недоросток (Вариант). *Смирнов*, Песни крестьян Владимирской и Костромской губ., М., 1847, стр. 142 («Хороводная»). После каждого стиха припев: «Вот люли, полюли», с повторением второй половины стиха.

Варианты у *Соболевского*, III, № 553—556, 558—561, книжные и областные. Песня в шутливой форме осуждает старое бытовое явление: неравенство возрастов при невольных браках, «политических», экономических и т. п. при зависимом положении молодежи. Тексты обычно прекрасно обработаны с большим развитием реальных деталей изложения. Пластичность и устойчивость текстов несомненно объясняется давним применением песни к хороводной игре.

200. Муж недоросток (Иного сложения). Записал В. И. Чернышев в г. Киржаче, от крестьянки Пелагеи Яковлевны Бударагиной, сорока шести лет, уроженки д. Шустино, б. Покровского у., 1903 («Хороводная»). Текст на местном говоре.

Та же песня, что и предыдущая, в сложении с другою, довольно удачно прилаженною к первой для сценической цели: удлинения хороводной игры. В этой игре выходят парень и девушка. Девушка платок повесит на него и отойдет: это значит привязала к березке и ушла и т. д. Песня о недоростке в данном варианте отличается многими живописными подробностями. Варианты песни о муже, который не может бить жену, у *Соболевского*, III, № 568—569. В них обратное отношение возрастов: муж *старый*, жена *молодая*.

201. Старого мужа полонили татары. Из рукописного песенника средины XVIII в., принадлежащего И. С. Абрамову, № 40. Весьма близкий к данному текст из рукописного сборника XVIII в., хранящегося в Гос. Публичной Библиотеке (Q. XIV, № 11, песни № 55 и 84), изданы *Соболевским* (т. III, № 147). Текст близко передает первоисточник.

Почти тот же текст у *Соболевского*, III, № 147, по другому рукописному источнику XVIII в. Песня шуточная, имеет вид литературного произведения, составленного в хорошо выдержанном стиле известных народных песен, в которых молодая жена издевается над старым мужем. Стихи правильные силлабические, 13-сложные, с цезурой после восьмого слога, с анапестом в окончании, заостренные рифмою в начале и конце песни. Выходящий из этого ритма по числу слогов только один стих, шестой. Вероятно, московское сочинение той эпохи, когда татарские набеги прекратились, ужасы их были забыты и о них можно было говорить уже шутя. Песня, к счастью, сохранилась в устной традиции, между прочим в следующем, довольно нескладном, обезображенном, виде:

Не думала, не гадала молода,
Как наехали татары на двор,
Взяли, взяли моего *милого* в полон,
Проломили ему голову колом.
Мне не жаль, что они его узяли,
А мне жаль, что они туго связали.
Повезли его во темненький лесок,
Привязали за дубовый за кусток.
Он и бьется, расшибется, утекет,
А мне младой голову отсекет.

Дальше — приставка отрывков из двух других песен, не имеющая ничего общего с нашим текстом (*Соболевский*, III, № 146, б. Щигровский у., запись проф. М. Г. Халанского). В нашей выписке подчеркнуты места, изменяющие смысл песни, в которой вместо нелюбимого старика явился *милый*, пострадавший и сожалеемый. Последняя строчка, говорящая, что возвратившийся муж отсечет жене голову, — остаток от старой песни, в которой муж представлен жестоким тираном. Таким образом, начатая переделка не доведена до конца, и в содержании песни оказались противоречия. Переделано и стихосложение песни: большинство стихов 11-слож-

ные кроме второго, третьего (где, впрочем, вместо *моего* следует читать: мого) и последнего. Другой устный вариант следует дальше.

202. Старого мужа полонили татары (Вариант). *Добровольский*, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903, стр. 238, № 3 а (Смоленский у.). Текст с чертами местного говора.

Вариант весьма складный, с развитым введением, возникшим вероятно, в областном бытовании песни. Текст самой песни значительно переработан. Факт действительного полона передан фигурально, в виде предположения. Основное содержание песни сохранилось достаточно хорошо. Ср. примечание к предыдущей песне.

203. Муж богатый величается и бьет жену. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 89, № 1965 (б. Орловская губ., г. Орел). Запись П. И. Якушкина.

По содержанию относится к группе песен, в которых муж ломается над женой, заставляя его разувать и раздевать (*Соболевский*, II, № 113, 123, 139 и др.; *Шейн*, Великорусс, № 407). Данная версия из редких. Отличается ясностью и стройностью. Молодая женщина представляется смелой и защищающей свои права, что в песнях редкое явление. В хороводных песнях, правда, встречается, что молодуха дает сдачи ударившему ее мужу (*Шейн*, Великорусс, № 465), но это более сценическое действие, чем отражение фактов реальной жизни.

204. Жена смиряет старого мужа. «Библиографические Записки», 1859, т. II, стр. 338.

Варианты у *Соболевского*, III, № 133, 135—138. Судя по началу, песня принадлежит к обрядовым праздничным, в которых, между прочим, осмеивается старый муж (ср. *Шейн*, Великорусс, № 1232). Вероятно, связана и с хороводным действием.

205. Старый муж тонет, доставая цветок жене. Записки Уральского общества любителей естествознания, т. I, вып. 2, стр. 134 («Хороводная»). Первая половина стиха повторяется три раза, и затем весь стих повторяется.

Песня редкая. В качестве «хороводной» является текстом, составленным для известной сценической игры, и не может считаться чисто эпической, которую можно бы было понимать буквально Такого понимания не допускает и шутливый тон песни.

206. Жена сжигает нелюбимого мужа. Столбец приказного стола 1699 г., № 3313. *Соловьев*, История России, т. XIV, приложение 2. Текст близко передает первоисточник.

Текст печатается с поправками недочетов старых изданий на основании фотографического снимка с подлинника, на котором записана данная песня, сообщенного нам П. К. Симони, вместе с копией, дающей чтение этого снимка. Рукописное исследование текста и вариантов этой песни, произведенное П. К. Симони, дает следующие главные

выводы: 1) Рукопись с песней написана на бумаге со знаком 1686 г. и носит следы копировки с текста, а не является записью с уст. Она обнаружена при допросе и отобрана как документ подследственного, вместе с другой фольклорной записью. Текст песни сохраняет немало особенностей курского южно-великорусского говора в звуках и словаре. Следственное дело, при котором отобрана песня, не имеет никакого отношения к ее содержанию. 2) Известные П. К. Симони варианты песни, все областные, в числе более десяти, оказались в б. б. губерниях: Курской, Тульской, Орловской, Воронежской, Владимирской. Центр бытования — б. Курская губ., в которой записано шесть вариантов. Все известные варианты достаточно однообразны, и ни один из них не представляет особой версии повествования. 3) В некоторых вариантах данная песня показана как хороводная. 4) В отношении к происхождению песни П. К. Симони приходит к заключению, которое разделяем и мы, что в основе своей песня изображает действительное событие, поразившее воображение ее автора и окрестное население. Затем песня распространилась, частью перешла в цикл хороводных; в хороводном обращении получила некоторые изменения, связанные с положением текста, представляемого в действии.

207. Жена сжигает нелюбимого мужа (Вариант). Курский сборник, в. 3, ч. 1, г. Курск, 1902, стр. 67, № 34 (Песни, собранные в г. Обояни и его уезде А. С. Машкиным, 1861) («Хороводная»). Текст с чертами местного говора.

Кроме предыдущего, варианты у *Соболевского*, III, № 140 (б Курская губ.), 141 (б. Воронежская губ.), 142 (б. Курская губ., б. Щигровский у., «хороводная»). Вариант из Терской области у *Панкратова*, «Гребенцы в песнях», стр. 138. В двух первых вариантах конец имеет шутливый оттенок:

Меня бог помиловал:
С кроватки свалилася,
Рукой защитилася,
Доской заслонилася! (№ 141)

208. Жена вешает мужа. *Халанский*, Русские народные песни, записанные в Щигровском у., Курской губ., № 40 («Протяжная»).

Судя по тексту, песня изображает не факт, а только мысль о нем, исполнение которой представляется ухудшающим положение жены. В конце выражается сознание непоправимости факта, если бы он совершился, и предположение о возможности сожаления к мужу в этом случае. Варианты у *Шейна*, Великорусс, № 888 и 889. Первый в девичьей обрядовой песне, явно шутливый; второй, близкий к нашему, озаглавлен: «Жена мужа повесила. Позднее ее раскаяние». При нем заметка: «Содержание песни, по словам певицы (семидесятилетней старухи), основано на истинном происшествии». Заметка эта имеет значение только для указания отношения певицы к исполняемому ею тексту. Оно общее у большинства наших певцов, понимающих песни не литературно, а реально.

209. Жена мужа зарезала. *Чулков.* Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 193.

Тот же текст у *Соболевского*, I, № 132, по песеннику 1780 г. Это старая книжная редакция песни, более отвлеченная, не приуроченная к географическому месту действия. Дается обстановка действия (зеленый сад), картина убийства, которое описывается былинными чертами (булатным ножом распорола белую грудь, смотрит в ретиво сердце). Ср. в былине об Иване Годиновиче его обращение к Настасье Дмитревне, когда он поверг на землю Кощея:

«А подай-ко ты мне булатний нож,
Стану резать пороти его белу грудь,
Вынимать сердечушко со печенью!»

В зачине песни выступает автор повествования как свидетель, пораженный событием. Этот литературный прием очевидно введен столько же для указания происхождения повествования, сколько и для оценки его значения. В конце песни факт убийства объясняется жестокостью мужа. Вообще в этой старой редакции обнаруживается литературность изложения, определенность творческих замыслов и приемов повествования.

210. Жена мужа зарезала (Вариант). Из собрания Д. П. Ознобишина, Песни Самарского у., б. Симбирской губ. (архив П. К. Симони).

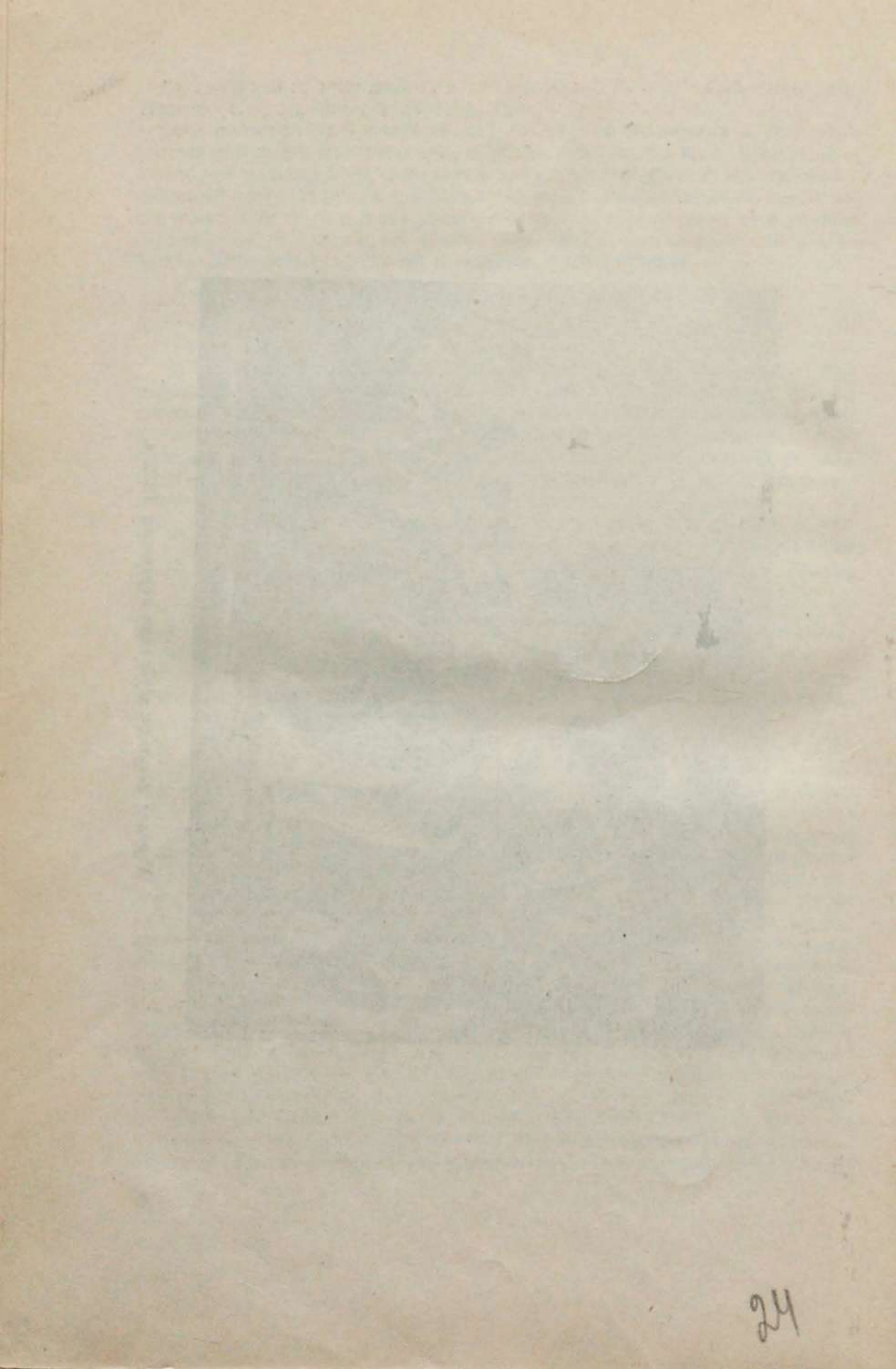
Вариант у *Соболевского*, I, № 130. В обоих текстах имеем областную редакцию песни, отличающуюся зачином о беспризорном коне, очевидно принадлежавшем зарезанному мужу, и приурочением события к определенному месту действия. В нашем варианте определена и социальная среда действия (купец и его жена); жена представлена более жестокой, чем в предыдущем тексте.

211. Жена мужа зарезала (Иного содержания). *Костомаров и Мордовцева.* Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 54.

Варианты у *Соболевского*, I, № 126—129. В этой редакции дается продолжение песни: допрос убийцы братьями мужа, ее неудовлетворительные ответы и обличение. Центр повествования — в этом диалоге, который, к сожалению, в текстах плохо сохранился. Даже в нашем лучшем варианте братья не дают опровергающего возражения на ответ жены, что кровь в избе получилась от пластанья белой рыбицы. В тексте с наилучше сохранившимся диалогом братья говорят: «Покажи нам белую рыбицу» (*Киреевский*. Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 79, № 1448). Но этот прекрасный в данной части текст имеет совсем не то начало, которое следует: вместо песни о том, как жена мужа *зарезала*, видим песню о жене, *повесившей* мужа в саду. К нашей последней группе вариантов принадлежит и тот текст, который записан А. С. Пушкиным в с. Болдине (*Киреевский*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 233, № 2552). История и отношения вариантов № 209—211 представляются нам следующим образом. Первоначально появляется вариант первого вида, лите-

Хоровод девушек. Лубочная картинка 1832 г.

24

ратурный, представляющий событие в обобщенном виде. Он, распространившись, иллюстрируется индивидуальными подробностями, вероятно, под влиянием действительных происшествий, с сохранением данной канвы повествования, причем вовсе не было необходимости, чтобы подтверждающее песню убийство происходило именно так, как было описано в песне. Неподвижный протокол убийства был уже готов. Оставалось дать только указание места: так действительно было в Саратове, Царицыне, Алатыре и пр. В этом случае интересны приурочивающие показания певцов, подобные тому, которое дано в примечании под № 208. Третий составной вариант возник из сложения со вторым. Литературно-логические его основания: вопрос о последствиях убийства и об ответственности убийцы. Здесь является необходимость новых подробностей в описании убийства: убитый брошен в погреб, захлопнут доской, засыпан песком. Итак, тщательно скрыты следы преступления: погреб *холостой*, то есть не занятый; туда незачем итти. Но в общем эта часть является гораздо более литературной, чем выходящей из реальных оснований. По варианту *Киреевского*, № 1448, она представляет большое, почти совершенно самостоятельное произведение (недаром она связана там с другой песней) в пятьдесят восемь строк текста, сколько не имеет ни один из соответственных вариантов даже в своем полном составе. Ср. в этом отношении подробный, тоже художественно разработанный диалог дочери князя Романа или князя Михайла с отцом об исчезнувшей матери (№ 222, 223).

212. Зарезанный голубочек. Новое и полное собрание российских песен, М., 1781, ч. 6, стр. 195, № 196.

Варианты у *Киреевского*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 256, № 2639; у *Карнауховой*, № 127. А. А. Григорьев в статье о русских песнях, написанной по поводу собрания П. И. Якушкина, напечатанного в «Отечественных Записках», обращает внимание на эту песню, как на одну из «замечательнейших *скоморошьих*», записанную, по его мнению, чрезвычайно плохо (стр. 466). Возможно, что А. А. Григорьев имел, по преданию, какие-нибудь сведения, раскрывающие темный смысл песни, которая говорит в последних двенадцати строках о каком-то убийстве, похоронах без обрядов, невозможности воспоминания об убитом; о каком-то происшествии, связанном с убийством, которое причинило много бед, но виновник которого остался без наказания, потому что «кочерга далеко... в Питере» (довольно явный намек на верховную власть). Речь могла быть о какой-нибудь политической казни. В настоящее время для сколько-нибудь определенных истолкований подобного рода мы не имеем никаких данных. — Фольклорные материалы дают нам возможность разъяснить лишь первую часть этой странной песни, в которой находится ее существенное содержание. В основе ее лежит сказка типа: «Тюльпанное дерево» (А 720), известная нам по переводу Жуковского, не передающему, впрочем, многих важных деталей оригинала. Подлинник сказки братьев Гримм (берем перевод под редакцией П. Н. Полевого) говорит, что мачеха убила пасынка, сделала из его тела студень и накормила

отца, который во время еды бросал кости под стол; маленькая сестра убитого собрала кости, зарыла их под деревом (тюльпанным), из дерева вылетела птичка (убитый брат) и запела песенку: «Меня мачеха убила, отец меня съел, сестра собрала мои косточки» и т. д. (№ 46, стр. 139—145). Эта сказка дала содержание первым десяти строкам песни, несколько спутанным. Лучший текст дает вариант Киреевского:

Батюшка зарезал,
Матушка велела,
Сестрица мяса не ела.

Не дошедшая до нас русская версия той сказки, которая обнародована в собрании Гриммов, очевидно была известна составителям нашей песни — и в этом ее большое фольклорное значение.

Дальнейший текст песни, стихи 11—23, еще более запутанные, несколько выясняются другой русской сказкой, именно о чудесной дудочке из тростника, срезанного на могиле брата, убитого сестрами, рассказывающей об убийстве (А 780). Гудки (скрипки) скоморохов несколько отражают роль этой дудочки; они говорят об убитом брате, о сожалении его (сестрою), но в общем все здесь страшно скомкано. Стихи 11—20 взяты почти целиком из другой скоморошьей песни: «Ах, утушка луговая» (*Соболевский*, III, № 180—187):

Там шли-прошли скоморошки;
Они выняли по ножечку,
Они вырезали по пруточку,
Они сделали по гудочку.
Вы, гудки, не гудите,
Моего батюшку не будите (№ 184).

Конец песни все-таки остается загадочным и подающим повод к разным догадкам, обосновать которые весьма затруднительно.

213. Брата Романа убили. Песни, собранные *П. Н. Рыбниковым*, ч. 4, СПб., 1867, стр. 152 (Детская песенка, записана в г. Каргополе).

Варианты имеем у *Чулкова*, ч. 3, Прибавление, стр. 60, № 87; у *Колосова*, Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия, СПб., 1877, стр. 175, № 1; у *Шейна*, № 26, 27, 629 и 2538. При последнем — замечание, что в данных песнях сохранилось тусклое воспоминание о каком-то кровавом событии. Вариант Чулкова приспособлен к масляничным песням, и в зачине его — обращение к *маслянице* вместо *уточки*, вместо *батюшки* не будите — *масляницы* не будите. Конец: «*Меньшова брата убили*» и дальше сходится с прочими. Все варианты говорят о брате (в двух случаях Романе), убитом и похороненном под колоколом (у Шейна: под колоколенкой). В двух вариантах говорится о церковных обрядах, в двух о том, что об убитом некому плакать, во всех его оплакивают животные. В трех вариантах уточка ночует на болоте, в двух у Кузьмы-Демьяна, у святой Варвары. Это вполне естественно, но это же вызывает в памяти, что в Москве *на болоте* — обычное место казни. Например, так определяется место казни Степана Разина («Москвитянин», 1841, № 4, стр. 165). Затем, в Москве в направле-

нии Болотной площади идет одна из улиц, которая называется Моховою. Нельзя также оставить без внимания упоминание о колоколе в связи с похоронами. Известен старый народный обычай ради лиц, лишенных церковного погребения и поминовения, взамен этих обрядов подавать пожертвования на литье *колоколов* в уверенности, что колокол явится покровителем покойного (*Д. К. Зеленин*, Очерки русской мифологии, Петр., 1916, 3). Все это наводит на размышление о серьезном и реальном значении данного темного текста.

214—215. Худая жена и любимая девушка. По рукописному сборнику XVIII в. в «Отечественных Записках», 1858, № 1, стр. 308.

Вариант (№ 199) — *Якушкин*, Народные стихи и песни, стр. 595.

Варианты у *Соболевского*, III, № 492—498, 499—502, 504. Наши варианты, довольно близкие, определяют главные типические отношения всех других, приведенных у Соболевского, по характеру отношений любимой девицы к жене. Первый, самый, так сказать, натуральный, выражает отношение совершенно бесчеловечное: «убей жену»; второй стоит на самой гуманной точке зрения: «не бей жену». Есть третий средний, который говорит: «купи плеть и бей ею жену» (№ 492, 498).

216. У женатого три сторожа. *Пальчиков*, Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке, Мензелинского у., Уфимской губ., СПб., 1888, № 52 («Проголосная»). После каждого стиха припев: «Эх», с повторением последних трех или четырех слогов стиха.

Варианты у *Соболевского*, III, № 483, 485—489; у *Шейна*, № 778—780. Есть в записи А. С. Пушкина.

217. Чужая и своя жена. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 2, СПб., 1770, стр. 237.

Варианты у *Соболевского*, III, № 452, 454—482. Отмечается как «хороводная», «плясовая», «скорая». Как веселая, не отличается стройностью, особенно в данном варианте. Это как бы движущаяся панорама с быстрым перемещением картин и настроений, что представляет известные выгоды для хороводной игры.

218. Старый муж смиряет молодую жену. *Халанский*, Русские народные песни, записанные в Щигровском у., Курской губ., № 25 («Протяжная»).

Песня из редких. Старик, соперничающий с молодыми, выступает также в песне № 186.

219. Немилая жена помирает. *Славянская*, Описание русской крестьянской свадьбы, стр. 166.

Варианты у *Соболевского*, III, № 524—531. Часто начинается с обращения к синему кувшину, который разогнал у молодца тоску-кручину. В содержании, языке и образах песни очевидны черты древности. Молодец, как богатырь или герой сказок, идет в куз-

ницу, кует себе булатный топор, рубит лес, строит дом и проч. Конец, слова детей, не желающих новой мачехи, связан с песнями об убитой жене (Ср. *Соболевский*, I, № 91—92).

220. Муж отправляет жену на лодке. *Чулков*. Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 88.

Варианты у *Соболевского*, III, № 516, 518—522. Песня старого склада, художественная, прекрасной сохранности. В конце редактирована в смысле общего взгляда на неразрывность брака. Поэтому со стороны мужа идет инициатива примирения и выражается сожаление об уезжающей жене. По некоторым вариантам предложение мира отвергается женою (№ 518, 522). По другим вариантам оба супруга настроены непримиримо (№ 516, 519). У *Киреевского*. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2549, вариант в записи А. С. Пушкина.

221. Муж просит смерть взять его жену. *Костомаров и Мордовцева*. Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 98.

Вариант, не близкий, у *Соболевского*, III, № 512. Песня из новых, довольно искусственная. Центральная часть рассказа, оригинальная, говорящая о смерти, обработана слабо и несвязно.

222. Князь Роман жену терял. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 157.

Варианты у *Соболевского*, I, № 90—95. Исследование песен о князе Романе, в том числе и настоящей, написано *И. Н. Ждановым* (Русский былевой эпос, СПб., 1895, стр. 425—523). Героя песни, князя Романа, И. Н. Жданов отожествляет с выдающимся галицким князем Романом Мстиславичем. Орел, приносящий руку убитой жены и таким образом открывающий преступление, — эпическая черта, которая является и в других песнях и не принадлежит основному тексту песни (птица-вестница, 481—483). Песня о князе Романе имеет характер отрывочный: в ней отсутствует вступление, нет указания на мотивы убийства (492—493). Песня о Романе представляет его расправу с женой, как истязание. Терзание тела указывает на гнев убийцы, который должен был иметь своей причиной какое-нибудь серьезное преступление. Подобную мучительную казнь мы знаем в былине о Иване Годиновиче и о его неверной жене, которой Иван отсекает руки, потому что они обнимали татарина, отсекает ей губы за то, что они его целовали, отсекает ей ноги за то, что они его охапляли. «Такое же значение мучительной казни изменницы должно представлять то женоубийство, которое изображается в песне о князе Романе» (496—497). Каких-либо действительно «исторических» признаков в песне о князе Романе академику Жданову найти не удалось, и ее необходимо признать просто старой балладой об убийстве жены, герой которой носит то же имя, какое имел известный и популярный галицкий князь.

223. Князь Михайло. *О. Э. Озаровская*. Бабушкины старины, Петр., 1916, стр. 70. Текст на местном говоре.

Варианты у *Соболевского*, I, № 96, у *Киреевского*, Новая серия

в. 2, ч. 1, стр. 46, № 1340. Вероятно, переработка предыдущей песни, с замечательно естественно и художественно развитым диалогом отца и дочери. Волки-вестники выступают также в одном варианте песни о князе Романе (*Соболевский*, 1, № 95). Начало песни не согласовано с концом: увозя жену, отец убаюкивает дочь Настасью, — очевидно, она ребенок; в последних стихах Настасья лишает себя жизни, как взрослая.

224. Донской казак убивает жену. Записал В. И. Чернышев в с. Бутурлине, б. Княгининского у., 1901 г. Каждый стих повторяется («Протяжная»). Текст с чертами местного говора.

Варианты у *Соболевского*, 1, № 97—122. Песня чрезвычайно популярная. Сопоставляя эту песню с песней о князе Романе, погубившем жену, И. Н. Жданов отмечал как важную их разницу присутствие в данной песне запева о колодце, коне и красной девице как свидетельнице преступления или его участнице. Так, по одному варианту (*Соболевский*, № 112):

Как донской казак коня поил,
Он коня поил с девкой речь говорил,
С девкой речь говорил, как жену погубить:
«Не губи жену рано с вечера» . . .

По мнению И. Н. Жданова, «истинный мотив преступления определяется вступительною сценою. Приближение к колодцу, поение коня — символическая картина, встречаемая обыкновенно в песнях при описании любовного свидания. Поэтому упоминание о встрече героя песни с красною девицею (хотя и опускаемое в некоторых пересказах) нужно считать существенною и первоначальною чертой песни об убийстве жены... Песня, таким образом, получает законченность и определенный порядок: женатый человек, полюбив другую (сцена у колодца), убивает жену и собирается жениться на девушке, возбудившей его позднюю страсть» (Русский былевой эпос, 494—495). Предположения И. Н. Жданова прекрасно объединяют разные картины текста песни, но не имеют твердой опоры в его содержании. Колодцу автор придает такое важное значение, ссылаясь на слова Костомарова: «У криницы место первой любви и вообще любовных свиданий... Особенно любимый народною поэзиею образ: казак поит коня, а девица берет воду; тут между ними происходит разговор»... (494). Но колодец (колодезь) встречается далеко не во всех вариантах. Шесть вариантов местом действия указывают *речку* (№ 99, 106, 107, 112, 113, 122), три варианта *ключ* (№ 102, 103, 109), три варианта *сад* (№ 115—117). В девяти вариантах, указывающих на *колодец* (№ 97, 98, 100, 104 105, 108, 114, 119, 121), четыре вместе с колодцем называют и *ключ* (№ 98, 104, 114, 121), в одном (№ 108) мы имеем *ключевой* колодчик. Ясно, что колодец здесь не имеет значения выкопанного, обделанного вместилища почвенной воды, общественного водоема, места сборищ, в которое девицы приходят черпать воду, а молодцы поить коней. Это просто источник воды. Вполне естественно предполагать, что казак-

убийца пригласил жену не в людное общественное место, а к источнику (или реке) в более отдаленном от жилищ пункте, где никто не помешает совершить расправу с женою. Девица, как предполагаемая участница в преступлении казака, выступает только в одном варианте. № 112, из числа двадцати шести. Девица, свидетельница преступления, является только в семи вариантах (№ 99, 100, 106, 107, 109, 113, 122), причем в трех других вариантах (№ 115, 116, 117) на месте девицы находится *молодец*, которому случилось ехать мимо сада и слышать женский голос. Мы полагаем поэтому, что девица, которая «диво видела» (№ 107, 122), и молодец являются только свидетелями преступления (ср. № 209, с подобным свидетелем). О намерении казака жениться говорят всего пять вариантов (№ 97, 98, 99, 100, 101), причем это намерение высказывается лишь в разговоре с детьми, плачущими об отсутствующей матери; здесь обещание привести молодую мать может считаться просто успокоительною фразою. Лишь в одном варианте (№ 107) у казака показана сударушка. — Самый обычный вид песни такой: у колодца, но чаще у ключа или реки, казак губит жену, — она просит не убивать ее рано с вечера, но убить с полуночи, когда дети улягутся спать. Дальше следует то, что предвидела мать: дети спрашивают о ней отца, и следует развитый диалог между ними и отцом, как в песнях о князе Романе. Итак, замысел песни прост и довольно ясен: она хочет представить *жестокого мужа* и в противоположность ему *кроткую, покорную жену*, которая думает только о детях, забывая о себе. Реален ли, правдоподобен ли представитель такой жестокости и носительница такой безмерной кротости — этот вопрос существует только для нашего понимания, а не для примитивных взглядов автора этой старой народной песни. Как литератор, он составлял свое произведение по своему крайнему разумению и на вкус известной среды, и в последнем отношении достиг необыкновенного успеха: его безыменная баллада стала одной из самых распространенных песен. — Что касается до нашего текста, № 224, то он прекрасно сохранился в первой своей части — вступительной картине о девице-свидетельнице — и чрезвычайно сократился в дальнейшем изложении. Дуня, которой отец советует потерпеть горя, не совсем вяжется с нашей песней, но она является и в варианте Соболевского № 97.

225—226. Муж убивает жену по клевете матери. Из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони).

Вариант (№ 226) — *Кохановская*, стр. 113, «Воронежская Беседа», 1861, стр. 392.

Варианты у *Соболевского*, I, № 71—73. Наш вариант, № 225, единственный, в котором мать представлена выходящей замуж. Песня имеет значение не бытовое, а литературное. Она представляет злую, жестокую свекровь, которая довела своею клеветою сына до убийства и винной жены. Принципы художественного построения песни, превосходно оформленные, сосредоточены на трех пунктах: злостная клевета свекрови, невинность жены (прием

противоположения), горячность мужа, который по представлению творца песни должен обвинять и обвиняет за последствия своей горячности мать, но нисколько не признается виноватым сам. Это опять крайне примитивная идеология, по которой вся вина в преступлении возлагается на одно лицо, его вдохновителя, тем более, что этим вдохновителем является *злая женщина*. Выше в этой идеологии стоят русские сказки, которые пропагандируют мудрое правило: «Подними (меч, саблю), да не опусти!», то есть сначала узнай, разбери обстоятельства дела. Дитя в колыбели, оказавшееся после двухлетней отлучки мужа, нисколько не опорачивает поведения жены, которая обычно обвиняется не по отношению к мужу, а по отношению к хозяйству. О ребенке варианты говорят: «Дитя твоего загубила она» (№ 71), «Своего милого дитя качать бросила» (№ 77). Однако долгое отсутствие мужа и ребенок у жены дали повод к созданию такого варианта, в котором говорится, что жена «за гульбой пошла, сына родила» (№ 74).

227. Князь убивает жену по клевете стариц. *Гильфердинг*, Онежские былины, запись 1871 г., № 253.

Разновидность предыдущей песни, в которой клеветницами оказываются старицы (монахини). Варианты у *Соболевского*, I, № 75 (клеветница — змея), 77—78 (клеветники — товарищи).

228. Селезень и утка. *И. В. Некрасов*. Пятьдесят песен русского народа, СПб., 1901, стр. 10 (б. Муромский у.) («Хороводная»).

Образец аллегорического повествования, примыкающего к животному эпосу, развитого в условиях хороводной игры.

229—230. Голубь и голубка. *Колосов*, Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия, СПб., 1877, стр. 244. Кроме первого и последнего, каждый второй стих повторяется.

Вариант (№ 230) — *Прач*, Русские народные песни, СПб., 1896, стр. 22, № 22.

Варианты у *Соболевского*, IV, № 149—150; V, № 683—687, 689—693. Любовная повесть о молодце и девице под видом голубя и голубки, как вид символического сравнения, развитого в целое повествование.

231. Мачеха избыла падчерицу. Памятники великорусского наречия, СПб., 1855, стр. 89, запись С. И. Гуляева, из Локтевского завода («Закамская хороводная»). Текст с чертами местного говора.

Варианты у *Соболевского*, III, № 42—43 (дочь отправляется *родной* матерью — песни типа *свадебных*). В том виде, как здесь, песня редкая. Текст прекрасной художественной обработки, довольно стройный в целом, на самом деле является сшивкой разнообразных цветных лоскутьев. Отправление девицы мачехою взято из песен о свадебном отправлении дочери матерью. Ясный

след этого остался в просьбе мачехи, обращенной к уезжающей, вернуться для прощания. Сетка, ловящая рыбу, по известному заклинательному приговору, вероятно, взята из сказки типа «Ивашко и ведьма» (*Афанасьев*, № 62). Приговор: «Ловись рыбка» и проч. известен также в сказке о лисице и волке (*Афанасьев*, № 1, варианты b, d). Картина предполагаемого возвращения падчерицы в виде кукушки перенесена из песни о таком же посещении дочери (№ 189).

VIII. ПЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ МОНАШЕСКИЙ БЫТ

232. Старец Игренище. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 142. Текст близко передает первоисточник.

Вариантов не имеет. Несение человека в мешке знаем в былинах (Тереньтьище) и сказках (в мешке несут работника, от которого хотят избавиться, и др.). Прозвище Игре́нище связано с названием масти лошадей: игре́ний — рыжий. Герой песни старец (то есть монах — независимо от возраста) изображен с чертами богатыря. Текст прекрасной сохранности. Шутливый тон показывает на происхождение от скоморохов.

233. Разгульные монахи. Записки Уральского общества любителей естествознания, т. VII, стр. 162.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 345, 347—348. Связана с играми в монахов. По нашему варианту монах (то есть молодец, играющий его роль) в конце песни должен плясать.

234. Два парня в женском монастыре. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 74, № 1909 (б. Тамбовская г., б. Козловский у.).

Текст, к сожалению, не везде ясный, напечатан с недописками (по нецензурности). Содержание весьма замечательно по сходству с новеллой Бокаччио (Декамерон, день III, новелла I: Мазетто из Лампореккио, прикинувшись немым, поступает садовником в обитель монахинь, которые все соревнуют сойтись с ним).

235. Папенька с маменькой спор спорили. *В. Н. Перетц*, Современная русская народная песня, СПб., 1893, стр. 17.

Варианты у *Соболевского*, I, № 295—299. По вариантам № 296—297 пострижение представляется как жертва за грехи матери:

Три годы девушка строй строила,
Три годы красная богу молилася:
За батюшков грех она умолила,
За матушкин грех не могла умолить (№ 296).

236. Девушка просит молодца отдать ее в монастырь. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 129.

Вариантов не знаем. В песнях молодец бьет девицу (см. № 165—166) по разным причинам; муж отправляет нелюбимую жену в монастырь (см. № 238).

237. Муж тонет, жена идет в монастырь. «Русская Беседа», 1856, № 1, стр. 57.

Вариант у *Шейна*, Великорусс, № 1248 (без ухода вдовы в монастырь). Неясно, почему нововенчанная женщина, возвращаясь домой после потери мужа, встречает противодействие со стороны невестки. Текст, кажется, спутан. Можно думать, что нововенчанная поехала сначала не к родимому батюшке, а к свекру; там ее ожидала нелюбезная встреча невестки. Тогда она поехала к родному отцу. Просьбу построить для нее келейку с тремя окнами естественнее относить к нему, а не к игуменье.

238. Невольное пострижение жены. *Костомаров и Мордовцева*, Русские народные песни, собранные в Саратовской губ., стр. 65.

Варианты у *Соболевского*, I, № 303—307. В «исторических» песнях собрания *Киреевского*, см. в. 6, стр. 202—204, № 1 (называется якобы «сосланная в Суздальский монастырь» царица Марфа Матвеевна), 2 и 3 (царица, не названная по имени); в. 8, стр. 106—112, № 1 (Е. Ф. Лопухина: в тексте назван муж, Петр I), 2, 3 и 4 (социальное положение жены, понуждаемой итти в монастырь не обозначено). Итак, «исторических» песен, с точным определением лица, только две, притом одна о царице Марфе Матвеевне, жене Федора Алексеевича, монахиней не бывшей. Ср. *А. Н. Пыпин*, Дела о песнях в XVIII веке, стр. отд. оттиска 2—9 (песня о Лопухиной) стр. 17, 19 (обвиняемая пела песню: «Что кто слыхал слезы царицы Марфы Матвеевны», вероятно ту, варианты которой у *Киреевского*, в. 6, 207—210, № 1—4).

Представляем здесь, как вариант, интересную запись песни о пострижении, которого желает нелюбимая жена, по рукописи начала XVIII в. (о ней см. примечание к № 56), в чтении П. К. Симони, переданном по современной орфографии.

Ох, со вечера было охо-хо,
Со полу - да - ночи охти мне!
Я сама да про то ведаю,
Да что есте у мила друга,
Есть иная полюбовница,
А моя б . . .-разлучница,
Разлучила со милым другом!..
Ум(илися), (серд)ешной др(уг),
(Надо м)ною, над бедною:
Ты продай мое платье цветное,
Ты купи платье печальное,
Постриги мня, мой сердешной друг
В Опоченой монастырь!
За тебя, мой сердешной друг,
Вековая богомольщитца,
А за нее, б . . .-разлучницу,
Вековая проклинальщица.

239. Чурилья игуменья и Стафида Давыдовна. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 163. Текст близко передает первоисточник.

Вариантов нет. Песня прекрасной сохранности. Веселый, шутливый тон указывает, что это произведение или, по крайней мере,

редакция скоморохов. По имени ср. *Чурилье* игуменье, № 250 (иного содержания); богатырь *Чурило*, красавец и щеголь, волокита-аристократ. По обстановке и обычаям (тонцы) Чурилья и Стафида, княженецкая племянница — люди весьма знатные.

240. Монашенка на суде. Записал В. И. Чернышев в с. Шолокше, б. Нижегородского у., в 1901 г. Текст на местном говоре.

Вариант у *Соболевского*, I, № 177. Весьма полный вариант у *Соколовых*, Сказки и песни Белозерского края, стр. 329, № 60. Два хороших варианта в «Нижегородских губернских ведомостях», 1887, № 4 и 40. С устранением монашенки (заменена *поляченкой*) у *Киреевского*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 77, № 1444. Очевидно из текстов с монашенкой произошли и тексты *Добровольского*, Смоленский этногр. сборник, IV, стр. 510, № 27 а, б, в: родила девушка, утопила ребенка, его поймали рыболовы, дальше — суд, плачущая мать. Кроме вариантов Добровольского, во всех находится легендарный мотив: обличение девицы посредством увядшего у ней венка или цветка. Стихосложение школьное, силлабическое: нечетные стихи 8-сложные, четные — 6-сложные. Песня записана с пересказа, поэтому в 5-м стихе оказалось лишнее слово: «после», в 14-м, вместо «надела», вероятно, следует читать «надень», то есть стихи 13-й и 14-й считать вводными словами, обращенными к игуменьше. С принятием этих поправок стих становится безукоризненно правильным. По указанию певцов, поется на голос стихотворения Полонского: «В одной знакомой улице» («Затворница»). Ударение в 8-сложных стихах на втором слоге с начала и на третьем с конца (во го́роде во Пи́тере), в 6-сложных — на втором слоге с начала и в конце (случи́лася беда́). Во многих стихах получается правильный ямб, как и в стихотворении Полонского.

241. Петух и лисица. *Гильфердинг*. Онежские былины, запись 1871 г., № 29.

Лиса-исповедница. Книжная сатирическая сказка об исповеди петуха лисицею, обработанная в виде песни. А*61 I. См. *Ив. Снегирев*. Лубочные картинки, М., 1861, стр. 121; *Ровинский*, Русские народные картинки, I, 272; IV, 129.

IX. ПЕСНИ, АРХАИЧНЫЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ И ОБРАЗАМ

242. Змей Горынич и княгиня. Памятники великорусского наречия, СПб., 1855, стр. 125. Полнее и исправнее: «Живая Старина», 1911, III—IV, стр. 452 (б. Томская губ., запись С. И. Гуляева).

Змей Горынич (то есть обитатель гор) — персонаж былин и сказок. Летающее (дракон), сладострастное, человекообразное чудовище, отец Волха Всеславьевича, картину зачатия которого собственно и дает настоящая песня (Кирша Данилов, 18), любовник чародейки Марины Игнатьевны (там же, 28—31), похититель тетушки Добрыни, Марьи Дивовны, которую Добрыня освободил,

победивши Змея Горыныча (там же, 149). Есть и Змеевич (сын змея) Тугарин (там же, 24, 75—80). В сказках змей является в виде жениха, похитителя красавиц, пользуется благосклонностью женщин (*Афанасьев*, № 67—69, 72—73, 118 и др.). Заметку ***В. Ф. Миллера*** об этой песне см. в «Живой Старине», 1911, в. III—IV, стр. 451. Настоящая песня, как былины и сказки с змеем в качестве героя повествования, возникла из культа змея. Происхождение их из среды жрецов ясно сознавалось уже в XVIII в. Приведем сообщение о культе змея у народа, называемого *жюдане* (очевидно жители области бывшего торгового пункта Айюда, ныне находящегося во французских владениях: *Ратцель*, Народоведение, СПб., 1902, т. II, 383). «Королевство Жюда или Рвидо лежит в Африканской стране, верхней Гвинее, на берегу невольничьем . . . Жители суть Негры или Ефиопы . . . Жюдане боготворят великих, но неядовитых змей. За полмили от Саби, столичного их города, сооружен великолепный храм во имя и честь *великого змея*, коего жрецы ищут по всему государству наилутшую, краснейшую девицу; а нашед просят оную у родителей ее для *великого змея*. Сии, вменяя себе за честь дочернин союз со змеем, с сердечным удовольствием вручают ее жрецам. Они, возвратясь ко храму, опускают красавицу сию в яму, где она часа три пребывает; коль же скоро появляется оттуда, то провозглашают ее *супругою великого змея*. Г. Сент-Фоа в описании путешествий своих упоминает, что происшедшее от такового сочетания со змеем исчадие, имеет вид совершенного человека. Итак, здесь должен быть подлог; а в оном весьма справедливо подозревать можно самых тех, кои принимают труд проходить все государство для изыскания прекраснейших девиц» («Позорище странных и смешных обрядов, при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов», СПб., 1797, стр. 43—45).

243. Жена уехавшего короля умерла от родов. Записал В. И. Чернышев в с. Борнукове, б. Княгининского у., в 1901 г. («Протяжная»). Напев песни грустный. «Это не песня, а это слезам подобна песня» — говорили исполнявшие ее певцы. Текст на местном говоре.

Варианты у *Соболевского*, I, № 263—273. Баллада, широко распространенная также в украинском и западноевропейском эпосе. О ней см. *Жданов*, Русский былевой эпос, стр. 531—535. «Обилие вариантов рассматриваемой песни в европейских литературах, вариантов чрезвычайно близких один к другому и к нашей песне о королевиче, дает основание предполагать, что русская песня — прямой потомок баллады, занесенной с запада. Роль посредницы при этом могла принадлежать народной поэзии одного из западнославянских племен. На русской почве заносная песня усвоена была сначала на юге, а оттуда перебралась на север, в область великорусской народной поэзии» (Там же, стр. 535, сноска 1).

244. Мать князя Михайла губит его жену. Записал В. И. Чернышев в с. Борнукове, б. Княгининского у., в 1901 г. («Протяжная»). Текст на местном говоре.

Варианты у *Соболевского*, I, № 60—68. Исследование их у *Жданова*, стр. 524—528; указание близких славянских параллелей на стр. 529—531.

245. Жена князя Михайла сошла с ума и утонула. Песни, собранные *П. Н. Рыбниковым*, ч. 2, М., 1862, стр. 249.

Редкая версия песни о князе Михайле. По указанию И. Н. Жданова, связана с песнями типа моравской «Utonulá». В этих песнях герой отправляется на войну, разлучившись с любящей девицей. Прождавши его семь лет, девушка думает, что он убит, и бросается в Дунай. Возвратившийся друг узнает об этом и убивает себя (стр. 528).

246. Обращение женщины в дерево. *Халанский*, Русские народные песни, записанные в Щигровском у., Курской губ., № 28.

Варианты у *Соболевского*, I, № 80—81; *Добровольский*, IV, стр. 586—587; *М. Б. Едемский*, Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге Тотемского у., СПб., 1905, стр. 38, № 25 (обращение *в березу*).

247. Обращение женщины в дерево (Вариант). Из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони). После каждых двух стихов припев: «Ай люй люли, ай люли», с повторением последнего стиха.

Варианты у *Соболевского*, II, № 164—166; *Шейн*, Великорусс, № 854; *П. Никитская*, Сборник песен, употребляемых простонародьем, Казань, 1900, стр. 46, № 44 (обращение в *грушу*). Эта редакция, утратившая весь первобытный смысл песни: преследование невестки свекровью-волшебницей, и обратившая оборотня в простой поэтический образ, идет, очевидно, из песенников. Мотив обращения в дерево сказочный (*Афанасьев*, № 56 (из костей коровушки, покровительницы сироты, вырастает яблоня), № 74—77 (змеиха обращается в яблоню или сад с плодовыми деревьями).

248. Елинка прикрывает тело умирающего. Из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони).

Варианты у *Соболевского*, I, № 377—380.

249. Софья и Василий. Из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони).

Варианты у *Соболевского*, I, № 82—88; у *Соколовых*, стр. 309, № 7; хороший, своеобразный вариант у *Добровольского*, IV, стр. 585, № 8. Прозою в виде сказки у *Ончукова*, Северные сказки, № 98. Ср. *О. Э. Озаровская*, Пятиречие, «Моряжка», стр. 31, № 2. Исследование этой баллады, с указанием параллелей украинских и других славянских, у *Жданова*, Русский былевой эпос, 542—547. Там же о чудесных деревьях или растениях над могилами

несчастно любящих в песнях разных европейских народов, стр. 533, 534, 547, 548, 549, 555, 556, 559. Ср. «Книга тысячи и одной ночи», VI, стр. 383 «Дерево жениха с невестой» на могиле Утбы).

250. Цюрильё игуменьё. *Григорьев.* Архангельские былины и исторические песни, М., 1904, т. I, стр. 221, № 25 (б. Пинежский у.). Текст на местном говоре.

Текст известен только в «Пинежских былинах» Григорьева: четыре довольно близких варианта. Тексты плохой сохранности. История отравления близка к балладе о Софье и Василье. Конец: предсказание прозорливого старца о судьбе пострадавших и отравителя, своеобразен.

251. Иван Дородорович и Софья царевна. *Марков,* Беломорские былины, М., 1901, стр. 173, № 32. Текст на местном говоре.

Вариант единственный. А. В. Марков привлекает к сравнению песни о Софье и Василье, наш № 249, но немногие черты сходства чисто внешние. Суть данного легендарного рассказа в том, что людская молва напрасно обвиняет живущих вместе молодого человека и девицу в любодеянии, и народ убивает их за мнимое преступление. Примыкает к легендам о наказании невинных.

252. Девушка проклинает реку, утопившую милого. Песни, собранные *П. В. Киреевским,* Новая серия в. 2, ч. 1, стр. 107, № 1551 (б. Московская губ., б. Звенигородский у., д. Воронки). Запись П. В. Киреевского, 1833 г.

Варианты у *Соболевского,* I, № 284, 287—290; у *Киреевского,* в. 2, ч. 2, № 2186. Проклинание реки — пережиток древнейших верований. В данной песне оно приобрело характер литературного приема, потребность которого так слабо ощущается, что в некоторых вариантах он отсутствует (№ 285—286). Вполне естественная мысль о том, чтобы извлечь утонувшего из воды, явилась только в одном варианте (№ 285). В народе давно и довольно широко распространено верование, что некоторые реки требуют себе человеческой жертвы. С особенной настойчивостью мне недавно говорила об этом одна представительница Бежаницкого района, б. Новоржевского у. Такие поверья я слыхал и в б. Владимирской г.

253. Девушка проклинает реку, утопившую милого (Вариант). *В. Г. Богораз,* Областной словарь колымского русского наречия, СПб., 1901, стр. 264, № 99.

Своеобразная редакция предыдущей песни, по другим источникам нам неизвестная.

254. Перевозчик и дочь солнца и месяца. Архив Гос. Геогр. Общества, Тамбовская губ., Липецкий у., № 6, 1848. Поется, когда венки завивают.

Вариантов не знаем. Мотив: девица у перевоза и перевозчик, желающий на ней жениться, — известный песенный мотив. Поло-

жения: бегство из плена (см. наш № 75); возвращение с прогулки за собиранием ягод (*Соболевский*, II, № 205—214; девица указывает, что находится во власти родителей). Наш вариант по положению примыкает ко второй группе; по ответу девицы, отказывающей в силу своего высокого происхождения, — к первой группе. Наша песня из древнейших, с ясными чертами мифа о светилах небесных как одной семье. Афанасьев указывает на представление солнца и месяца как супругов у египтян, мексиканцев, гренландцев и других народов. У немцев до позднейшего времени употреблялось выражение Frau Sonne и Herr Mond. По литовскому и по славянским преданиям от божественной четы, солнца и месяца, родились звезды («Поэтические воззрения славян на природу», М., 1865, т. I, стр. 74—75, 79). В виде доказательства Афанасьев цитирует отрывки из нашей, по его словам, «замечательной песни» (стр. 79—80).

255. Каннибальское угощение. Вологодский сборник, т. IV, стр. 39.

Варианты у *Соболевского*, I, № 154—163; у *Шейна*, Великорусс, № 750—753. Широко распространена, преимущественно в устной традиции. В печатных песенниках только с XIX в. Однако, отсутствие в печатных песенниках XVIII в., может быть, случайно. В рукописном песеннике XVIII в., описанном *И. М. Петровским* в «Известиях Отделения русского языка и словесности», 1907, кн. I, стр. 273—294, в перечне песен, под № 57, указаны две первые строки песни: «Перепелка пташечка, Примахала крылышки» (ср. Соболевский, I, № 154), как раз начало нашей песни. Песня загадочная. Были попытки истолковать ее буквально как пережиточные воспоминания антропофагии *(Воеводский)*. Литературная сторона песни обращает на себя внимание многими искусственными чертами. Представляются деланными детали: терем из костей, полы из ребер, скамьи из рук и ног, ендова из головы и т. д. Все это использование трупа служит для составления *трудной загадки* — обычный эпический мотив, — и это, кажется, является в центре повествования. Все предположение убийства для каннибальского угощения высказывается в ссоре молодца и девицы и с ее стороны является только *угрозою*. По некоторым вариантам видим *состязание в угрозах* (*Шейн*, № 750). Литературная обработка рассчитана на *дикий*, грубый *вкус*, почему песня и распространилась широко в малокультурных низах областного населения и не вошла в собрания Чулкова и Новикова.

256. Царь Давыд и его дочь Олёна. *Бессонов*, Калеки перехожие, М., 1861, т. I, стр. 718 (б. Уфимский у.).

Вариант единственный. Отражает отдаленно библейское сказание о сыне Давида Амноне и его дочери Фамари («Вторая книга царств», гл. XIII, стихи 1—18). Амнон, изнасиловавший Фамарь, судя по тексту Библии, мог иметь ее легальной женой (как сестру от другой матери). Перед фактом насилия сестра говорила брату: «Ты поговори с царем; он не откажет отдать меня тебе». После факта Амнон требовал, чтобы сестра ушла; она не хотела этого и

сказала: «Прогнать меня — это зло больше первого, которое ты сделал со мною», но была удалена братом, не пожелавшим оставить ее у себя. Этот текст проливает некоторый свет на содержание нашей легенды, в которой повествование перестроено по христианскому пониманию. Эта же легенда в виде сказки, невполне ясной, у *И. В. Карнауховой*, Сказки и предания северного края, М., 1934, № 109 («Машенька»). Отдаленные отзвуки ее в сказке Ончукова, № 44.

257. Брат любит сестру. *В. Чернышев*, Материалы для изучения говоров Мещовского у., СПб., 1901, стр. 93. Текст с чертами местного говора.

Песня из редких. Вариант в «Трудах, Рязанской ученой архивной комиссии», т. XXVII, в. 1, стр. 112, № 18 (любовь окончилась младенцем во чреве сестры). По показанию певца нашего варианта, «старая песня», считается *запрещенной:* «боялись петь ее при чиновниках». Склад песни и язык — новейшие, но удивительно, что оканчивается она как легенда. В сказках: брат хочет жениться на сестре (А 722).

258. Брат женился на сестре. *Варенцов*, Сборник песен Самарского края, СПб., 1862, стр. 71.

Вариант у *Соболевского*, I, № 293. К ним очень близки три галицкие варианта у *Головацкого*, даже с теми же отчествами брата и сестры: Карпович и Карповна («Народные песни Галицкой и Угорской Руси», т. I, стр. 73, № 28; т. II, стр. 577, № 6 (отчество Скарбович); т. III, стр. 27, № 16). Ср. *Чубинский*, т. V, стр. 921, № 485 (вариант, близкий к предыдущим. Более своеобразные варианты там же. стр. 301, № 407, стр. 917—920, № 485, всего шесть вариантов). См. также: *Шейн*, Белорусские народные песни, стр. 143—146. № 216—218 (варианты, близкие к предыдущим: Карпович и Карповна).

259. Сестра и брат. Из собрания Д. П. Ознобишина (архив П. К. Симони). Вероятно, б. Симбирской губ. («Протяжная»).

Вариант у *Киреевского*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 100, № 1998а. б. Малоархангельский у., запись 1843 г. Ср. «Франсуаза» Мопассана. По некоторым вариантам баллады «Разбойники и сестра», № 31, братья тоже бесчестят захваченную ими сестру, как и во всех предыдущих вариантах, по неведению (см. *Соболевский*, I, № 179—180, 182, 184—185). Есть варианты, в которых факт кровосмешения с сестрою не состоялся: *Добровольский*, IV, стр. 234—236, № 33 а, б. в. Ср. подобный эпизод в былине: Михаила Казаринов (Кирша Данилов, стр. 87). При совершенно особых условиях легализируется брак сестры и брата в былине *Маркова* «Купеческая дочь и царь», № 56, стр. 289.

260. Мать хочет выйти замуж за сына. *Шейн*, Великорусс, стр. 213, № 811 (б. Смоленская губ., б. Духовщинский у., «Беседная»).

Варианты у *Соболевского*, VII, № 732; «Северный Вестник», 1887, № 12, стр. 78; «Записки Уральского общества любителей

естествознания», XXII, стр. 194, № 41; *Марков*, Беломорские былины, стр. 163, № 28; *Григорьев*, Архангельские былины, т. I, стр. 34, № 6; *Халанский*, Народные говоры Курской губ., стр. 72, № 26. Ср. «Русский Филологический Вестник», 1915, № 3, стр. 143 (вариант из б. Костромской губ., неполный и спутанный). Украинские варианты у *Чубинского*, V, стр. 921, № 486, всего шесть вариантов. Белорусский у *Шейна*, Белорусские народные песни, стр. 258, № 452. Ср. легенду об Андрее Критском.

261. Дочь тысячника. *Бессонов*, Калеки перехожие, М., 1861, т. I, стр. 720 (Можайский у.).

Текст единственный, невполне ясный, но, очевидно, относящийся к древней теме: кровосмешение отца с дочерью; здесь собственно: отец хочет жениться на дочери, которая от него удаляется. Ср. *Смирнов*, Сборник великорусских сказок, № 252 (король хочет жениться на дочери, девушке неописанной красоты: она отговаривается, находит способ скрыться от отца и после некоторых приключений выходит замуж за Ивана-царевича). Сходно с этим у *Карнауховой*, № 15. Иначе: *Mark Azadovskij*, Pohádky z hornolenského kraje, IV: «Не родился, крестился, а в чреве был»: отец купец овладел дочерью, имел от нее сына, героя сказки («Narodopisny vestnik československy», г. 21, č. 2, 145—148). Ср. «Повесть об Аполлоне Тирском», изданную *Н. С. Тихонравовым* («Летописи русской литературы и древности», т. I, отд. II, стр. 7—10: Антиох, цесарь еллинский, овладевает дочерью и проч.).

262. Невеста тонет в день свадьбы. *Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов*, Песни русского народа, СПб., 1899, стр. 235 (б. Вологодский у.). Текст на местном говоре.

Варианты и исследование песни у *В. Н. Перетца*, Соврем. русская нар. песня, II, стр. 18—34, Ср. *Магнитский*, Песни крестьян с. Беловолжского, стр. 20—21; *Истомин и Дютш*, Песни русск. народа, стр. 211, № 39. *Добровольский*, IV, стр. 532, № 19.

263. Бессчастный молодец. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр 188.

Почти тот же текст у *Соболевского*, VI, № 578, по песеннику 1780 г.; других вариантов нет. Ср. в былине о Садко, как его брошенные в море два раза жеребьи показывают, что его должно спустить в море к водяному царю (Кирша Данилов, 144—145).

264. Бессчастный молодец и река Смородина. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 124. Текст близко передает первоисточник.

Варианты у *Соболевского*, I, № 280—282.

265. Неизбывное горе. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 3, СПб., 1770, стр. 228. Тот же текст у *Соболевского*, VI, № 498, по песеннику 1780 г.: близкий, сокращенный вариант, № 579. В другой песне *девушка* хочет утопить горе, но на воде

горюшко не тонет и его прибивает к берегу (*Соболевский*, VI, № 43).

266. Неизбывное горе (Вариант). *В. Чернышев*, Материалы для изучения говоров Мещовского у., СПб., 1901, стр. 79. Текст с чертами местного говора.

Песня редкая; дает яркую картину растущего горя, к сожалению, незаконченную. Образ коня, которым молодая женщина хотела вытоптать горе, с 22-го стиха перевел певца на другую песню, семейного содержания, которая с горем не имеет ничего общего.

267. Горе, преследующее молодца. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 162.

Варианты у *Соболевского*, I, № 447—448. Пушкин в своих заметках писал: «*Горе лыком подпоясано.* Разительное изображение нищеты». Примыкает к большим песням о «Горе и добром молодце» (*Соболевский*, I, № 438—441) и книжной «Повести о горе-злосчастии». Лучшее издание последней принадлежит П. К. Симони.

268. Горе преследует девицу. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 253, № 2624. Записана от солдат Бутырского егерского полка. Весьма близкий вариант № 1662 (с. Сныхово, б. Белевского у.).

Варианты у *Соболевского*, I, № 442—445.

X. ПЕСНИ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К ЖИВОТНОМУ ЭПОСУ

269—270. Бобер и лиса. *Лаговский*, Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губ., Череповец, 1877, стр. 37 («Хороводная») (б. Костромская губ., б. Галичский у.). После каждого стиха припев: «Ой, лелю, лелю, лелю», с повторением второй половины стиха.

Вариант (№ 270) — Новое и полное собрание российских песен, М., 1780, ч. 4, стр. 90.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 461—462; V, № 192—194 (в сложении с другой песней); VII, № 152 (тоже в сложении).

271. Соболь и куница. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 189, № 2377 (Ульяновская губ., б. Симбирский у., с. Архангельское).

Песня редкая.

272. Два тура и турица. Терский сборник, в. 1, стр. 103. В сжатом виде эта песня известна как вступление в былину (См., например, *Гильфердинг*, № 41).

273. Олень-золотые рога. Курский сборник, в. 3, ч. 1, Курск, 1902, стр. 26, № 36 (Песни, собранные в г. Обояни

и его уезде А. С. Машкиным, 1861) («Свадебная»). Текст с чертами местного говора.

Варианты у *Шейна*, Великорусс, № 391 («Хороводная»), 1191 («волочебная»: лань); у *Киреевского*. Новая серия, в. 1, № 356, 430, 593, 756, 757 («Свадебные»). Олень как чудесный помощник — сказочный персонаж. См. *Зеленин*, Великорусские сказки Вятской губ., № 7; Корейские сказки *Гарина* (V, стр. 367).

274. Устиман (устин)-зверь. *Железнов*. Уральцы, т. I, 1888, стр. 149.

Песня редкая, замечательно художественная, но невполне ясная. Название чудесного зверя *устиман*, *устин*, очевидно, переделка книжного слова *скимен* (см. следующий текст), то есть молодой лев. Слово это позволяет предполагать, что в основе песня лежит какая-то старая литературная легенда. Героем конца ее является, очевидно, казак, но это новейшая редакция.

275. Скимен-зверь. Памятники великорусского наречия, СПб., 1855, стр. 87 (Запись С. И. Гуляева, из Локтевского завода).

Варианты у *Соболевского*. I, № 482—483. См. также: *Тихонравов и Миллер*. Русские былины старой и новой записи, II, стр. 67, № 20, с заглавием: «Алеша (Добрыня) и *ским-зверь*» и примечанием: «В этом былинном отрывке вместо Добрыни бой со скимом-зверем приписывается Алеше». У *Гильфердинга*, № 234, сходный с нашим текстом зачин былинного отрывка об отъезде Добрыни. Чудесный зверь называется: собачка лютой *скимер-зверь*, где *собачка*, вероятно, просто окаменелый бранный эпитет, как, например, *собака* Калин-царь.

276. Индей-земля и индрик-зверь. *Листопадов*, Песни донских казаков, в. 1, М., 1911, стр. 23, № 9. Текст с чертами местного говора.

Варианты у *Соболевского*. I, № 481, у *Листопадова*, Песни донских казаков, стр. 24, № 10. При большом сходстве образов с предыдущей песней в данной находятся существенные отличия. Название индрик — единорог, легендарный зверь. В его описании по второму варианту Листопадова замечательны: серебряные рога с позолоченными отростками, внутренность его огненная, — из ушей его валит дым столбом, из ноздрей он дышет жарким полымем. С былинами индрик, кажется, не связан, но встречается в духовном стихе о Голубиной книге. По вариантам этого стиха Индра-зверь копает рогом мать сыру землю, откапывает ключи глубокие, достает воды кипучие, пускает их по быстрым рекам. Когда этот зверь возыграется, вся вселенная под ним всколыбается. Поэтому Афанасьев считает возможным сблизить нашего *индрика* с индийским ведаическим богом Индрою, который из облачных гор низводит стремительные потоки дождя и творит земные источники («Поэтические воззрения славян на природу», II, 553).

277. Конь, забытый хозяином. Из собрания Д. П. Ознобишина, Песни б. Самарского у., б. Симбирской губ. (архив П. К. Симони).

Относится к группе песен, в которых конь жалуется всаднику, что тот напивается, бьет его, оставляет без призора. Картина беспризорного коня приобрела здесь развитие, и таким образом получился цельный, законченный, отдельный рассказ. Ср. наш № 47; *Соболевский*, VI, № 251—253.

278—279. Состязание коня с соколом. Из собрания Д. П. Ознобишина, Олонецкие песни (архив П. К. Симони).

Вариант (№ 279) — *Железнов*, Уральцы, т. III, СПб., 1888, стр. 123.

Варианты у *Соболевского*, I, № 491, 493, 494; у *Догадина*, Былины и песни астраханских казаков, СПб., 1908, № 43—44; у *Листопадова*, № 11—12. Одна из самых красивых русских песен той эпохи, когда занимались культурой ловчих соколов и ездовых коней. Сохранилась преимущественно среди казаков. Наши варианты представляют краткую и распространенную редакцию. В украинских песнях состязаются конь и *орел*, что менее натурально (См. «Саратовские Губернские Ведомости», 1854, № 15, стр. 69; *Гринченко*. Этнографические материалы, III, стр. 695, № 1704).

280. Буря уничтожает гнездо орла. «Русская Беседа», 1856 г., № 1.

Вариантов нет. Песня прекрасной сохранности и замечательной красоты. Запись В. И. Даля. Принадлежит, собственно, к собранию *П. В. Киреевского*. Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 225, № 2524 (б. Оренбургская г.).

281. Орел в старости. *Пивоваров*. Донские казачьи песни, стр. 53.

Вариант у *Соболевского*, I, № 485 (весьма искаженный). Ср. наш № 284.

282. Гнездо сокола. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 197, № 2415 (б. Симбирская губ., б. Сызранский у., с. Головино). Запись П. М. Языкова, 1838 г.

Песня редкая. Прекрасно сохранилась картина завивания гнезда. Запев мало связан с содержанием. Может быть, первоначально была песня вроде нашего № 280.

283. Сокол и слуга. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, в. V, М., 1863, стр. 161.

Песня редкая. Князь Волконский вставлен несомненно вместо другого лица (царя). Очень хороший вариант записал на Колыме *В. Г. Богораз:* Областной словарь Колымского наречия, стр. 295, № 129. Весьма интересен сибирский вариант из записей А. А. Макаренко. Сокол улетает *от царя благоверного*, его догоняет *молодой*

солдат; говорит, что за сокола *царь его будет казнить.* Сокол отвечает, что его не умели во чести держать: кормили хлебом-оржаниною, поили водою болотною. Он улетает на Мурские заводи пить кровь лебединую, есть мясо лебединое («Живая Старина», 1907, в. 2, стр. 32). С ними совпадает в основном содержании и следующий вариант, краткий, но стройный и выразительный.

Из села было Измайлова,
Из любимого садочка сударева,
Там ясен сокол из садичка вылетывал,
За ним скоро выезживал млад охотничек,
Манил он ясного сокола на праву руку.
Ответ держит ясен сокол:
«Не умел ты меня держать в золотой клетке,
И на правой руке не умел держать;
Теперь я полечу на сине море:
Убью я себе белого лебедя,
Наклююсь я мяса сладкого лебединого».

Л. Н. Толстой, Казаки, гл. XXVII, 1852.

284. Сокол и вороны. Памятники великорусского наречия, СПб., 1855, стр. 91. Запись С. И. Гуляева, из Локтевского завода («Закамская хороводная»).

Варианты у *Соболевского*, I, № 487—488, 490; VI, № 479—480 (как вступление в тюремную песню).

285. Сокол в клетке. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 199, № 2427 (б. Симбирская губ., б. Сызранский у., с. Головино). Запись П. М. Языкова, 1838 г.

Близкий вариант у *Соболевского*, VI, № 478.

286. Соловей в клетке. Из рукописного песенника средины XVIII в., принадлежащего И. С. Абрамову, № 51.

Образ соловья в положении безвременья и вообще первые стихи зачина песни несколько напоминают конец песни Кирши Данилова «Ис Крыму и из Нагаю» (стихи о соколе). Общее содержание песен не сходится. Приводим как образец старой, может быть, искусственной художественной песни народного стиля, неизвестной в русском песенном репертуаре.

287. Волга заливает гнездо соловья. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 292, № 2785.

Вариант там же, № 2784 (начало песни, пять строк).

288. Сгоревшее гнездо соловья. Записал В. И. Чернышев в с. Борнукове, б. Княгининского у., 1901 г. («Протяжная»). Текст с чертами местного говора.

Варианты у *Соболевского*, V, № 755—756. Образы песни большой художественной красоты, но связь между ними искусственна. Девушка первоначально, вероятно, не злодейка, а только литературное орудие для создания следующего несчастного положения. Ср. масляничную песню, в которой девушка зажигает сосну, где сокол, пчелы и горностай («Живая Старина», 1898, III—IV, 389)

289. Птицы на море. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1770, стр. 223.

Варианты у *Соболевского*, I, № 497—500. Книжное происхождение этой песни отражается еще в языке: *провещает*, *хощет*, *храм* (может быть, *хором*, дом), *гладом*. Повествовательный сюжет не развернут, но картина дается изумительная по богатству содержания, по красоте, выразительности, точности изображения птиц и с ними деятелей старой русской жизни XVII—XVIII вв. Тут захвачены все классы общества: с одной стороны, богатые, правящие, знать, гордые, сытые, нарядные, ездящие в колымагах и колясках, золотых каретах, занятые флиртом, наслаждениями и увеселениями, с другой стороны — управляемые, незаметные, невидимые, крестьяне, холопи, бедные малые люди, живущие крошками, падающими со стола богачей, «погибающие гладом». С ними представители городских свободных профессий: торговцы разного рода — от богатых торговых гостей до мелких рыночных продавщиц. Среди этого люда полицейские наездники, соколы, которые на всякую птицу (малую и слабую) налетают, грудью ее побивают. Сатирический тон песни, по необходимости, мягкий, осторожный к носителям власти, по крайней мере в редакции песенника, дозволенной к публичному обращению. Но с самого начала говорится, что благополучие, равенство, отсутствие угнетения где-то далеко, не здесь, а на теплом море. В устных вариантах политическая сатира развертывается шире и смелее.

А воробьи были *царские холопы:*
Колье-жердье подбирают,
И загороды подпирают,
Все они *крестьян разоряют,*
С того ради сыты пребывают (№ 500)
Орел-от на море налетник:
Единожды в год прилетает,
А велику себе дань собирает —
По три головы да по четыре,
Иногда по целому десятку (№ 497).
Сокол-птица — налетник:
Часто в деревню прилетает,
Годовую десятину обирает,
Сирот, вдовиц обижает,
И в том эта птица нерассудна (№ 499).
Ястреб на море — стряпчий:
С богатого двора берет по куренку,
Со вдовы, с сироты берет по две и по три, —
То-есть великая в нем неправда (№ 498).
Ворон на море старец,
И старец он был строитель,
И был строитель-то он был не строитель,
Был он монастырский разоритель (№ 498).

Рядом с этим миром хищников поставлено разоряемое крестьянство, работники, ремесленники, трудящиеся *не для себя.*

Гагары-то были рыболовки:
Много-то рыбы наловили,
Рыба на горе (то есть на берегу) не бывала,
Крестьяне рыбы не едали;
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает...

А ворона богатая птица:
В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по ометам,
Все она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает (№ 500).
А синька-б... полежлива:...
Работы работать она не может...
Дрозд-от у ней казаченко (то есть работник),
День-то он, ночи работает,
Гроша от найму да не видает...
Медведь-ет был кожедерник:
Много он кож придирает,
Сапогов на ногах не видает.
Волк-тот на море овчинник:
Много он овчин придирает,
Ай шубы он на плечах не видает.
Велику себе стужу принимает (№ 497).

Из последних цитат мы видим, что потребность общественной критики заставила раздвинуть рамки сатирической картины: к птицам начинают привлекаться звери (медведь, волк).

XI. ПЕСНИ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ

290. Тетушка Арина. «Вологодский сборник», т. IV, стр. 363.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 107—108, 110—112.

291. Дуня тонкопряха. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 287, № 2763.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 17—21.

292. Паранины хлебы. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 1, СПб., 1870, стр. 145.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 24—29.

293. Ах, муж жену любил! Новое и полное собрание российских песен, М., 1780, ч. 4, стр. 166, № 184.

Варианты у *Соболевского*, III, № 97—98.

294. Теща и зять. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 297, № 2805.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 193—201. Вступление указывает на связь с свадебными отношениями. Повидимому, пелась в тех случаях, когда обычай позволял молодому мужу упрекать тещу в недостаточном надзоре за добрачным поведением дочери. В основе песни, вероятно, была вторая ее половина, в которой говорится, как зять бьет тещу. В таком виде мы имеем, например, ее у *Чулкова* (III, стр. 242, № 187), у *Соболевского* (VII, № 201, по песеннику 1780 г.). Вставка об угощении пирогом и обжорстве зятя развилась, очевидно, после как защита со стороны тещи.

295. Зять сметанник. *Халанский*, Народные говоры Курской губ., СПб., 1904, стр. 57 (б. Щигровский у.).

Вариант у *Шейна*, № 921. Песня из тех, которые составлены со стороны тещи, защищающейся от нападок и насмешек зятя.

296—297. Кума к куме в решете приплыла. *Чулков*, Собрание разных песен, ч. 2, СПб., 1770, стр. 163. *Прач*, 1790 г., стр. 137 («Плясовая»). Второй стих повторяется после каждого из следующих стихов.

Вариант (№ 297) — *Листопадов*, Песни донских казаков, в. 1, М., 1911, стр. 111, № 73. Припев повторяется после каждого стиха. Текст с чертами местного говора.

Вариант у *Соболевского*, VII, № 58. Второй вариант даем как образец позднейшего развития старой песни новыми счастливыми деталями.

298. Хозяин и гость. Новое и полное собрание российских песен, М., 1780, ч. 4, стр. 69, № 71.

Вариантов не знаем. По стилю не принадлежит к старым песням. Очень правильное силлабическое стихосложение: стихи 10-сложные, с цезурой после 5-го стиха, с дактилическим окончанием. Уклоняются от этого ритма только стихи 1-й, 19-й, 21-й. Первый, очевидно, следует читать: *в* Суздале; стихи 19-й — 21-й построены по формуле 4 + 5.

299. Кабацкий детина. *Варенцов*, Сборник песен Самарского края, СПб., 1862, стр. 251.

Вариантов не знаем. Первая часть сходна с песней № 142, вторая оригинальна.

300. Васильюшка Путятинский. *Шейн*, Великорусс, стр. 298, № 1016 (б. Псковская губ., б. Опочецкий у.). Текст с чертами местного говора.

Песня редкая. Примыкает к ста́ринам об украденном большом быке (*Гильфердинг*, № 297, 303). Текст прекрасного изложения, но неполной сохранности.

301—302. Женитьба снигиря. *Н. Курганов*, Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие, СПб., 1769, Присовокупление V, Сбор разных стиходейств, Светские песни, или дело от безделья, стр. 305.

Вариант (№ 302) — Рукописный сборник XVIII века Публичной Библиотеки (Q. XIV, № 11), № 216. Каждый стих повторяется.

Варианты у *Соболевского*, III, № 292—295. Одна из старых, любимых и распространенных русских песен. Текст ее устойчивый, варианты мало различаются. Мы даем самый старый печатный, краткий, вероятно, в той редакции, в какой знал ее Курганов, представитель ученой интеллигенции, несколько удалившийся от народной песни; второй — рукописный, более полный, принадлежащий, кажется, грамотею невысокого образования, но любителю и знатоку песен.

303. С о в а в г о с т я х. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. 7, стр. 108.

Вариант у *Соболевского*, VII, № 455—456 (иной редакции); у *Шейна*, № 996—997.

304. С о в а н е в е с т а. «Записки Русского Географического общества по отделению этнографии», т. I (1867), стр. 666.

Вариант у *Соболевского*, III, № 296; у *Шейна*, № 994 (неполный, иной редакции).

305. С о в а в ы х о д и т з а м у ж. *Магницкий*, Песни крестьян с. Беловолжского, Чебоксарского у., Казанской губ., Казань, 1877, стр. 77 («Обыденная»).

Варианты у *Шейна*, № 987—993, 995.

306. С м е р т ь и п о х о р о н ы к о м а р а. *Н. Курганов*, Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие, СПб., 1769, Присовокупление V, Сбор разных стиходейств, Светские песни, или дело от безделья, стр. 302 (Киевокалекская). Каждый стих повторяется. Очень близкий текст, но с украинизмами *(громовати, як, поховати* и др.), дают: Рукописные песенники — Гос. Публичной библиотеки, Q. XIV, № 128, л. 29, и Академии наук, 16.6.33, л. 78 об.

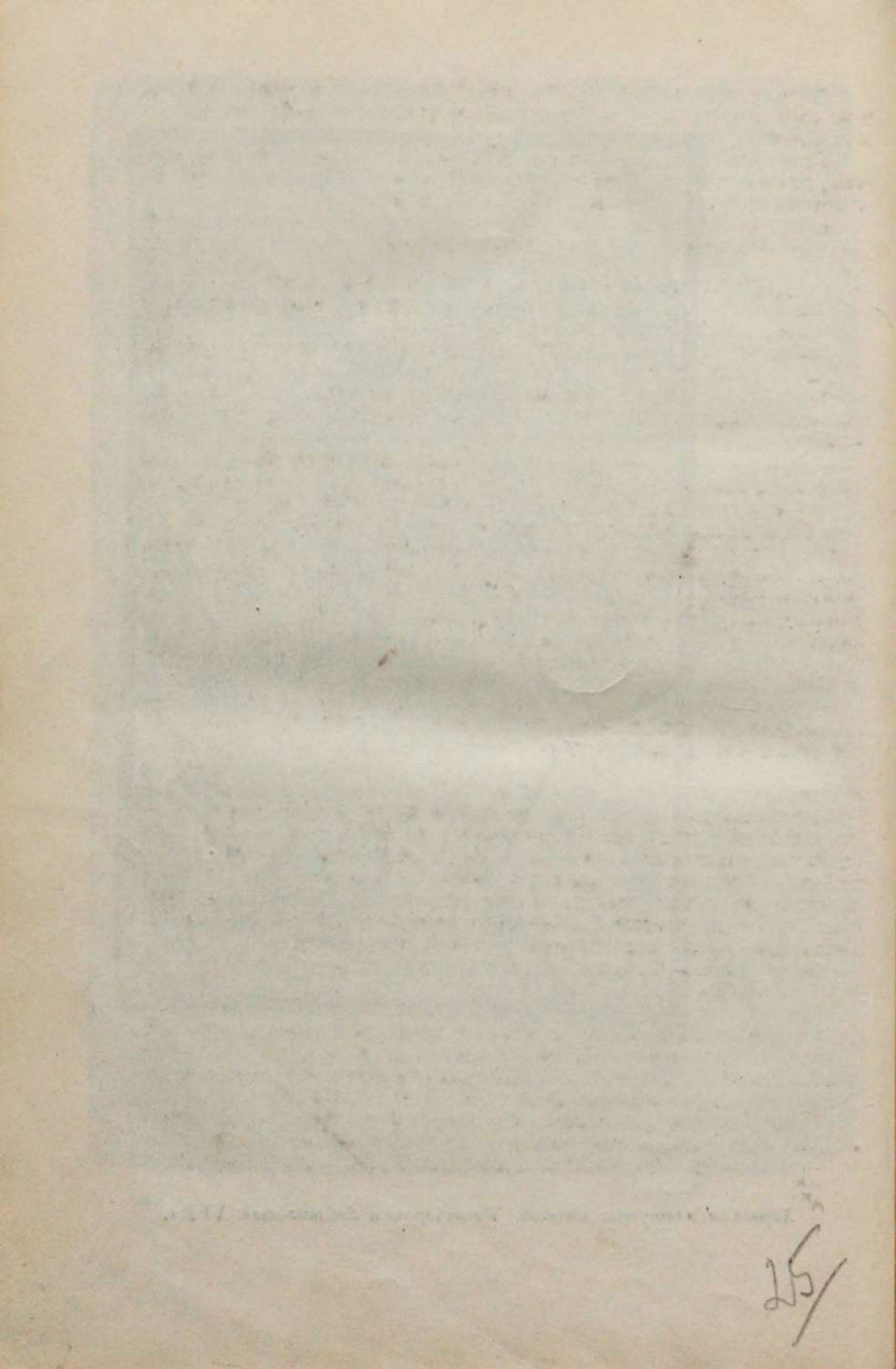
Варианты у *Соболевского*, VII, № 440—441, 444. Замечательный текст у *А. Я. Мякушина*, Песни оренбургских казаков, в. 4, СПб., 1910, стр. 139 (Комар). Школьное, вероятно, киевское произведение, перешедшее от семинаристов в среду киевских странствующих певцов (почему и называется «киевокалекское») и дальше. Правильное силлабическое стихосложение: нечетные стихи 8-сложные, четные — 7-сложные, те и другие с хореями на конце. Оно местами разрушено вследствие неточной передачи первоисточника. Так, неритмичные в нашем тексте стихи, 4-й, 8-й, 13-й, 16-й, 17-й в рукописном варианте, изданном Соболевским, № 440, все правильны. Любопытно, что некоторые стихи (13-й, 17-й) оказались неисправными вследствие замены украинских слов великорусскими. Киевских семинаристов как певцов, извлекающих из исполнения известного песенного репертуара средства к существованию, напомню в «Вие» Гоголя.

Принимая во внимание силлабическое стихосложение данной песни, так же, как и других, составленных в чисто народном стиле, о которых мы говорили раньше, мы считаем необходимым обратить внимание исследователей на то, что среди русских народных песен, которым принято присваивать исключительно тоническую версификацию, встречаются также песни и с силлабическими стихами. Укажу несколько примеров у *Прача*. [1] Известная народная песня: «Как у наших у ворот», по тексту Прача, № 19, сплошь, считая и припев, состоит из 7-сложных стихов, которых 23, с цезурою после 4-го слога. Исключение дает лишь один стих: «Проводи меня домой».

[1] «Русские народные песни», СПб., 1896.

Хороводы пляшущих юношей. Из «сборника библейского» XVI в.

№ 21, «Загулял я, молодец», весь состоит из 7-сложных стихов, которых 43, кроме одного 8-сложного стиха: «Как от той ли сударушки».

Песня № 22, «Не свивайся, не свивайся, трава с павелицей», вся, без исключения, состоит из 14-сложных стихов, которых 21, с последовательной цезурой после 8-го слога.

Песня № 23, «Ельник мой, ельник, частой мой березник», кроме 11-сложных стихов, 1-го, последнего и припева, состоит вся из 12-сложных стихов, которых 11. Цезура в 12-сложных стихах — после 6-го слога, в остальных — после 5-го. В выделении стихов первого, последнего и припева можно видеть не дефект, а намеренную особенность построения.

Песня № 28, «Заваруй, варуй, варуйко», сплошь состоит из 8-сложных стихов.

Песня № 42, «Во лесочке комарочков много уродилось», состоит из 14-сложных стихов, которых 18. Во всех стихах цезура после 8-го слога.

Нетрудно найти следы силлабического стихосложения и в позднейших записях народных песен. Например, в Великоруссе *П. В. Шейна*, СПб., 1900, № 597, «Сидела Катюшенька», из 49 стихов имеет 42 правильных 7-сложных. 7 стихов 6-сложных мы можем рассматривать как дефектные, потерявшие правильный размер по разным причинам: забвению первоначального текста, малоискусному исполнителю, плохой записи (например, с пересказа) и т. д. Такие стихи, как: «Сватался к Катиньке» или «Всю рожу изорву», вероятно, просто литературная поправка вместо ожидаемых народных, вполне ритмичных: «Сватался к*о* Катиньке», «Вс*ее* рожу изорву» и т. п.

№ 608, «Сколько бражки мне не пити», почти сплошь состоит из 8-сложных стихов, которых 17. Недостает одного слога лишь в припеве и в стихе: «Свекор с печи свалился». Стихи: «Гоп, гоп, гоп, чеботочки, здравствуйте, милые дружочки» имеют 7 и 9 слогов, но они явно вставные позднейшие.

Очень правильно по отношению к числу слогов построена песня № 812, «Загадать ли тебе, девица, шесть загадок». Первые два стиха вступительные: запрос молодца и согласие девицы отгадывать его загадки — 13-сложные. Дальше 6 стихов: загадки молодца — все 12-сложные. Ответы девицы, 6 стихов, все 13-сложные. Заключительные слова молодца, 2 стиха, 12-сложные. Стихи 13-сложные имеют цезуру после 9-го слога, 12-сложные после 8-го.

Песня № 894 вся состоит из 9-сложных стихов, которых 17, кроме последнего, 10-сложного.

307—309. С в а т о в с т в о и п о х о р о н ы к о м а р а. Новое и полное собрание российских песен, ч. 1, М., 1780, стр. 192. *Чулков* дает ту же песню в сокращенной редакции, начиная со стиха: «Стукнуло, грянуло в лесе» (ч. 1, № 197, стр. 221).

Вариант (№ 308) — Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 349, № 2987 (б. Московская губ., г. Дмитров).

Вариант (№ 309) — *Добровольский*, Смоленский этнографиче-

ский сборник, ч. 4, М., 1903, стр. 488, № 58б (б. Ельнинский у.). Текст с чертами местного говора.

Варианты у Шейна, № 998—999. Предыдущая песня, № 306, осложненная введением о сватовстве комара, в книжном первоисточнике и в своеобразно обработанных вариантах: два из великорусского центра и один из смоленской окраины. Исследование старейших источников, украинских, у *В. Н. Перетца*, Историко-литературные исследования, I, 308—313.

310. Муха тонет, ее похороны. *Н. Курганов*, Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие, СПб., 1769, Присовокупление V, Сбор разных стиходейств, Светские песни, или дело от безделья, стр. 302 («Киевокалекская»). Каждый стих повторяется. Тот же текст у *Чулкова*, ч. 1, 1770, стр. 222. Весьма близкие тексты дают: Рукописные песенники Гос. Публичной библиотеки, Q. XIV, № 218, л. 46, и Академии наук, 16.6.33, л. 22.

Вариант у *Соболевского*, VII, № 443. Песня такого же происхождения, как и предыдущая.

311. Казнь комара. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 187, № 2368 (г. Симбирск, ныне Ульяновск), 1838 г. Варианты у *Соболевского*, VII, № 157, 446.

312. Мызгирь. Песни, собранные *П. Н. Рыбниковым*, ч. 4, СПб., 1867, стр. 153.

Варианты у *Соболевского*, VII, № 448, у *Шейна*, № 1008, у *Афанасьева*. Народные русские сказки, № 44.

313—314. Травник. Сборник Кирши Данилова, изд. 1901 г., стр. 179.

Вариант (№ 314) — *Колосов*, Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия, СПб., 1877, стр. 254 (Вятская губ.). Поется на новый год.

Вариант в рукописях Архива Гос. Географического общества: б. Вологодская г., № 78 (*Зеленин*, Описание, 268, № песни 71). Песня, как и следующая, очевидно, из игровых или плясовых, в которой история зуйка, или травника (то есть кулика), наглядно передается в танце. Довольно явно изображает историю изобличенного волокиты, пострадавшего и от побоев мужа, и от официального суда. Имена мест и лиц могли быть подвижными, применяться в определенных частных случаях. В варианте Архива Гос. Географического общества, например, называется г. Каргополь.

315. Лунек. «Воронежские Губернские Ведомости», 1852, № 33 («Хороводная»). После каждого стиха припев: «Воздунай, воздунай, воздунаюшки мои».

Варианты у *Соболевского*, VII, № 501—504. Песня показана как игровая. В Пушкинском районе, б. Опочецкого у., еще недавно была любимой плясовой песней, в которой содержание передавалось при исполнении соответствующими плясовыми движениями. У *Шейна*, № 392—394, с указанием игры.

316. Грибы собираются на войну. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 187, № 2369 (б. Симбирская губ., б. г. Симбирск (Ульяновск), 1838).

Варианты у *Шейна*, № 982—983; у *Афанасьева*, Народные русские сказки, № 47. Весьма прозрачная сатира на старые военные сборы, от которых избавлялись привилегированные сословия и вся тягость мобилизации падала на крестьянство (грузди). От сборов на войну отказываются не только белянки-*дворянки*, мухоморы-*сенаторы*, но даже *опенки*, вероятно, челядь, слуги барского двора.

317. Хмель себя выхваляет. Новый российский песенник ч. 1, СПб., 1791, стр. 124.

Варианты у *Соболевского*, I, № 502—503. Замечательна как прекрасно развитый образец шутливого повествования, развитого из олицетворения.

318. Жил-был моторный. «Воронежские Губернские Ведомости», 1852, № 35.

Шуточная песня, начало которой оказывается пародией стиха о богаче и бедном Лазаре. Идет, очевидно, от слепцов-нищих, распевающих обычно духовные стихи. По указанию П. И. Якушкина, на деревенских праздниках и ярмарках эти певцы иногда «не только пародируют, но даже кощунствуют» (Сочинения, стр. 474). Данная песенка, между прочим, пелась на святках ряжеными молодыми людьми, одетыми в виде слепцов-нищих. Они становились у порога и пели на мотив заунывных кантов песенки, вроде приведенной и следующей.

Жил-был труженька на вольном свету,
Пошел труженька на ключ за водой,
Оглянулся труженька — келейка горит.
Свет моя келейка соломенная!
Много в тебе, келейка, сгорело добра:
На печке чулочки охлопленные,
На полочке чарочка калиновая,
Под порожком веничек — бумажный листок,
В печи сковрода с яишницею.

А. Можаровский, Святочные песни, игры, гадания и очерк Казанской губ., Казань, 1873, стр. 111.

XII. ОБРАЗЦЫ НОВЕЙШЕЙ БАЛЛАДЫ

319. Морячка. *Беляев*, Полный песенник, М., 1916, стр. 25.

Новейшая, книжного происхождения. В первый раз встречается у *Никитской*, стр. 70, № 65, 1900 г.; в песенниках с 1906 до 1916 г. Была широко распространена в живом песенном обороте. В народной редакции записана у *Соколовых*, № 678. Ср. № 1.

320. На Волге. *Никитская*, Сборник песен, употребляемых простонародьем, Казань, 1900, стр. 54, № 53.

Новейшее стихотворение. В первый раз у Никитской, № 53, 1900 г., затем в сборнике: «40 народных песен села Барятина, собранных в 1889 г.», изд. 1902 г., № 25, потом во многих песенниках, начиная с 1906 до 1917 г. Автор неизвестен. См. стр. 493. Ср. № 8.

321. Возвратившийся жених-солдат. *Абрамычев*, Сборник русских народных песен (Вятской губ.), СПб., 1879, № 10.

Новейшее мещанское сочинение, литературно наивное и слабое. Стихосложение силлабическое, довольно правильное: большинство стихов 9-сложные. Во всех стихах, кроме 1-го, вероятно, испорченного, дактилическое окончание. Ср. следующий № 322.

322. Муж-солдат в гостях у жены. Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 344, № 2974 (б. Московская губ., б. Звенигородский у., д. Воронки).

Весьма распространенная песня. Варианты у *Соболевского*, I, № 330—337. Новейшая, мещанская по происхождению. В старых песенниках не встречается. В данном тексте очень правильное силлабическое стихосложение: почти все стихи 8-сложные, с хореем в окончании. Отступающие от данного метра стихи 3-й, 28-й, 39-й, очевидно, испорчены. Очевидно, следует читать:

Во слободке становились.
Ты давно ли овдовела.
Во кивере — полотенце.

Литературная обработка простая, но достаточно выразительная. Содержание естественно и жизненно. Вероятно, заимствованная, хорошо переработанная.

323. Обманутая девушка утопилась. Запись из собрания В. И. Чернышева, получена в с. Константиновском, б. Александровского у., б. Владимирской губ., 1887 г.

Варианты у *Соболевского*, V, № 730—731; у *Чернышева*, Сведения о говорах Тверского, Клинского и Мещовского у., стр. 106 и 175. В старых песенниках не встречается. Песня нового происхождения, по стилю «мещанская».

По трагическому концу примыкает к литературным образцам типа «Раиса» Карамзина, 1791 г., но более реалистична по содержанию. Весьма замечательна в отношении стихосложения. За исключением стихов 1-го, 13-го, 15-го, 16-го, 21-го, все стихи 11-сложные, без определенной цезуры, частью с рифмами. Стихи, уклоняющиеся от данного размера, несомненно испорченные. Так, на месте нашего 1-го стиха в варианте Прокунина (Соболевский, № 730) находим: «Про один случай рассказывал купец», на месте 21-го читаем: «Почерпнула, поставила под горой»;—оба стиха 11-сложные. Как образец дефектов в издании песен укажем нелепый стих в тексте Прокунина, вошедший и в перепечатку Соболевского: «За несчастной стали *моды* примечать!» Очевидно это неправильно прочтенное при издании слово *люди*.

324. Обманутая девушка утопилась (Иного содержания). Песни, собранные *П. В. Киреевским*, Новая серия, в. 2, ч. 1, стр. 83, № 1462 (б. Московская губ., г. Москва). Запись от семидесятилетнего московского мещанина.

Вариантов не знаем. Тоже новая «мещанская» баллада, с более сложным сюжетом и лучшим старым стилем.

325. Девушка не хочет быть женою лакея. *Попов*, Народные песни, собранные в Чердынском у., Пермской губ., стр. 242.

Песня из новейших, литературно-слабой обработки, даже несовсем складная, но с претензиями изобразить драматическое повествование. Мещанско-лакейского круга. Образ посылаемого к другу сокола с вестями взят из известной плясовой песни: «Ах, вы сени, мои сени!»

326. Друг девушки убивает себя. *Истомин и Дютш*, Песни русского народа, стр. 182, № 21.

Варианты у *Соболевского*, V, № 712; в «Записках Красноярского отделения Русского Географического общества», т. I, в. 1, стр. 172, № 88. Образец новейшей трагической мещанской баллады. Обработка содержания весьма наивная. Поразительно, например, как герой сам срубил себе голову и после этого произнес еще целое двустишие. Однако замечательно легкое, складное течение речи. Стихосложение силлабическое, безупречно правильное: все нечетные стихи 8-сложные, все четные 7-сложные. Испорчен только один предпоследний стих. Ср. *В. Чернышев*, Сведения о говорах Тверского, Клинского и Московского уездов, стр. 55, № 6; стр. 162, примеч. 6.

327. Пропавшая дочь купца. «Отечественные Записки», 1841, т. XVIII, смесь, стр. 11.

Весьма распространенная песня. Варианты у *Соболевского*, I, № 247—252. В «Сборнике песен Самарского края» *В. Варенцова*, СПб., 1862, стр. 238, находим следующее замечание о ней: «Эта песня, очень известная по Волге, принадлежит XIX столетию: старики еще помнят происшествие, о котором рассказывается в ней. Несмотря на недавнее происхождение, в ней, исключая немногих мест, удачно выдержан старинный народный склад, что большая редкость в новой песне». Песня поется на веселый напев и обычно отмечается как «плясовая». Сложилась, очевидно, в среде ярмарочных певцов, трактирных увеселителей торгового люда. Одна из старших, хороших записей у *Киреевского*, Новая серия, в. 2, № 1435 (б. Московская губ.).

328. Мальвина. *Б. и Ю. Соколовы*, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, стр. 503, № 685. Текст на местном говоре.

Вариант у *Никитской*, Сборник песен, употребляемых простонародием, стр. 77, № 72, где героиня «Маврика». Образец новой, книжной баллады в областном восприятии и передаче. Имеет не-

которое сходство с популярной новейшей песней «Маруся» («Тихо стонет сине море»). В ней рыцарь спешит к любимой и любящей Марусе, которую отдают замуж за нелюбимого молодца; рыцарь опаздывает, и Маруся становится женою другого. Наш вариант с кровавой развязкой (как и у Никитской) идет, повидимому, из другого книжного источника, нам неизвестного.

329. Жених-мертвец. *Б. и Ю. Соколовы*, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, стр. 471, № 572. Текст на местном говоре.

Новейшая баллада, книжного происхождения, с старой литературной темой, по неясному нам ближайшему источнику. Обычно в виде сказок, впрочем, иного содержания (А 365). Новейшая запись у *И. В. Карнауховой*, Сказки и предания северного края, М., 1834, № 29 (см. примечания, стр. 384).

330. Нежданый гость. Записал В. И. Чернышев в с. Шолокше, б. Нижегородского у., 1901.

Приводим как образец народной переработки стихотворения Ломоносова «Ночною темнотою» (из Анакреонта), встречающегося во многих песенниках, начиная с 1755 г. («Сборник песен и виршей» собрания Вахрамеева, описанный Титовым, в. 2, М., 1892, лист рукописи 113, № 110). В печатных песенниках в первый раз в Письмовнике Курганова 1769 г., затем во многих до 1859 г. Известна в различных народных переработках. Данная является особенно самостоятельной.

331. Казак. *Костомаров и Мордовцева*, Русские народные песни, собранные в Саратовской губ. («Саратовские Губернские Ведомости», 1854, № 31, стр. 151, № 6, «Казацкая»).

Новейшая баллада; представляет не что иное, как народную переработку стихотворения С. Т. Аксакова, впервые напечатанного в «Вестнике Европы» 1821 г., № 14. Стихотворение Аксакова входило во многие песенники, начиная с 1831 до 1917 г., и известно в разных областных записях с небольшими изменениями первоначального текста. Данная переработка настолько удалилась от оригинала, что на первый взгляд кажется настоящей народной песней. В ней остов рассказа Аксакова облекся в народную песенную словесную форму, получившую свое стихосложение. Центральная мысль стихотворения: убийство за неверность, изменяется: казак уходит от изменницы, выказывая ей презрение. Это несомненное влияние действительности, реальных семейных отношений в быту казаков. Около того времени, когда Аксаков рассказал «истинное происшествие» из жизни казаков, Пушкин наблюдал донских казаков на Кавказе и оставил заметки «о простоте казачьих нравов». На вопрос, обращенный к казаку: побьет ли он, возвратившись домой, жену за неверность, последний отвечал поэту: «А зачем ее бить? Разве и я безгрешен?» На вопрос, сделанный другому казаку: будет ли он бить жену, родившую в его отсутствие сына, тот отвечал: «Да посмотрю: коли на зиму сена припасла, так и прощу; коли нет,

так и побью» (Сочинения, изд. т-ва «Просвещение», VI, 663). Сено тут играет роль как предмет обеспечения слуги и друга казака, коня.

332. Свидание. Записала М. В. Красноженова в с. Кускун, Красноярского окр., 1927.

Народная переработка популярной баллады 30-х годов: «Кончен, кончен дальний путь» неизвестного автора. В песенниках последняя баллада встречается нередко, начиная с 1833 и кончая 1917 г.

333. Вы знавали ль моего друга? «Ответы на программы по изучению великорусских говоров», № 252 (б. Епифанский у., б. Тульской губ.). Текст с чертами местного говора.

Народная переработка песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в вольном переводе Н. А. Полевого. Варианты известны в разных записях от мещан и культурных крестьян. Мы даем наиболее складный (из невполне складных вообще) и более самостоятельный. В песенниках песня Офелии встречается нередко, начиная с 1848 до 1906 г.

334. Две сестры. *Б. и Ю. Соколовы*, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, стр. 496, № 666. Текст на местном говоре.

По указанию А. С. Якуб при данном тексте, это—народная обработка шведской баллады «Две сестры» в переводе Н. Берга («Песни разных народов», М., 1854, стр. 405). Известные ей областные варианты этой песни указаны там же. Считаю необходимым заметить, что текст, изданный у Соколовых, идет не от перевода Берга, а от другого, известного по некоторым сборникам записей народных песен: «Когда-то был в Англии царь удалой» (*Никитская*, Сборник песен, употребляемых простонародием, Казань, 1900, стр. 56, № 55), «Жил в Англии царь удалой» («Записки Уральского общества любителей естествознания», XXII, стр. 197, № 45).

335. Колечко. *Беляев*, Полный песенник, М., 1916, стр. 224.

Новейшая песня, весьма популярная в недавнее время, до революции. Встречается в песенниках с 1906 до 1917 г. Ранняя областная запись в наших «Сведениях о говорах Тверского, Клинского и Московского уездов», стр. 53, № 4. В первый раз появилась в песеннике «Колечко», М. Ожегова, М., 1896, стр. 2, с его подписью. В народной редакции сделаны большие сокращения (из сорока стихов оригинала осталось двадцать восемь) и приделан другой конец, трагический. У Ожегова девица *хотела* утопиться, но раздумала, боясь бога и жалея сына.

336. Похороны Чуркина. «Русские Ведомости», 1888, № 21.

Новейшая искусственная песня, чрезвычайно популярная в 80-х годах прошлого столетия. В песенниках с 1909 до 1927 г. Яв-

ляется переделкой переводного стихотворения Ф. Б. Миллера: «Погребение разбойника» (из Фрейлиграта, 1846). Автор этой переделки неизвестен. Данное стихотворение связано с чрезвычайно популярным бульварным романом Н. И. Пастухова, «Разбойник Чуркин», печатавшимся в издаваемой им газете «Московский листок» вначале 80-х годов прошлого века и вышедшим отдельною книгою (М., 1883, 2-е изд. 1908 г.), от которой пошли краткие лубочные переделки. В самом тексте романа Пастухова данного стихотворения нет, но в сокращенной анонимной переделке «Злодей Чуркин и его преступные деяния», СПб., 1900, стр. 1—96, изд. Холмушина, стр. 15—16, мы находим песню, «сочиненную про Чуркина»:

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
И на руках могучих
Носилки несут...
Носилочки не простые,
Из ружей сложены;
А поперек стальные
Мечи положены!
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой, —
Он весь окровавленный
С разбитой головой!..
Носилки опустили,
Сказали дружно: стой!
«Прощай, прощай, товарищ,
Наш Чуркин удалой!»

337. Разбойничья шайка. Записал В. И. Чернышев в с. Шолокше, б. Нижегородского у., 1901. Песня новая, принесена лет двадцать пять назад из Сормова (1901—25). Текст с чертами местного говора.

Новейшая разбойничья баллада, книжного происхождения. Стихи — правильные хореи, рифмованные (непоследовательно, что, вероятно, явилось уже в народной передаче). В данной записи стихи соединены по два в одной строке, сообразно исполнению в пении. Написана баллада в подражание народным песням, сильными красками, но аляповато, без соблюдения меры, соответствия действительности и без вкуса. Разбойники представлены кровожадными злодеями, что в народных песнях, если и встречается, то в виде исключения (см., например, № 131), где, впрочем, сильное выражение о числе загубленных разбойницею душ имеет значение не реального факта, а поэтического оборота (гипербола).

338. Подкидыш. Текст по лубочной картинке 1876 г.

По содержанию является продолжением романса А. С. Пушкина «Под вечер осенью ненастной», 1814 г. Стилистически близко к нему примыкает.

ОБЪЯСНЕНИЕ СТАРИННЫХ И ОБЛАСТНЫХ СЛОВ

ажно — ведь, значит *32* — а на самом деле *383*

ажну-ж — ведь *336*

александрийская рубашка — из пестрой красной бумажной ткани *47*

алтышек, алтын — монета в 3 копейки *319*

атласница — атласное платье *52*

бабушка — повитуха *285*

балахон — легкая верхняя одежда *168*, *217*

балка — долина, широкий овраг *81*

бархатница — бархатная одежда *52*

баский, баско — красивый, нарядный *24*

басурманин — неприязненное название татар и турок *71*

бахилы, бахилочки — вид легкой обуви *80*

бедно — несчастно *337*

бедность — беда *125*

безвременный — несчастный *290*

безвременье — невзгодье, несчастье *289*; безвременьицо *222*, *311*

бел-горюч камень — известковый камень *150*

белый двор — парадный *21*

бердыш — боевой широкий топор, насаженный на длинное древко *120*

беседа — скамья *253*

бессчастный — несчастный *288*, *407*

бешмет — стеганное татарское полукафтанье *118*

блинник — торговец блинами *339*

блинница — торговка блинами *314*

бо — же *267*

болезный — любимый *60*

большой брат, гость — старший *278*, *354*,

боляры — бояре *337*

борода: с бородой (мужчина) — купец, мещанин или крестьянин *190*

брак законный — муж *280*

браный полог — узорчатый *27*

братожок—посох, палка *22?*

бугарская шаль — бухарская *164*

булава — кистень *249*

булат — сталь лучшего изготовления *129*

булатный — сделанный из «булата» *58*, *63*, *128*, *141*, *222*, *230* и др.

бумажный: бумажные кисточки у березы *300*; бумажные листочки (на дубе) *30?* бумажная шерсточка (на устимане) *302*—украшающий эпитет с утраченным значением

бурлак — матрос *4*, *11*; бурлаки; вольные «гулящие» люди *118*

бурмистр — начальник кабака *112*, *153*

в вместо *у*: в вашей сестрицы *9*, в мужика *92* и под.

ватутин — ветютень, род голубя *332*

вельми — весьма, очень *149*, *302*

вербажи-подпояски — кушаки *139*

верея — воротный крюк с петлей *330*

верховая погода (на Волге) — бывающая при северозападном ветре *184*

вершить, повершить стог сена — покрыть сверху, сделать прикрытие *75*

веселые — скоморохи *53*

ветляненький, ветляный — из ветлы, ивы *253*

вздынуть — поднять *359*

виски — волосы *286*

водить — одевать *322*

водоливщик — старшина на судне, охраняющий его от воды *115*

возмой (о туче) — поднимись быстро и высоко *227*

волжаночка (избушка) — сплетенная из волжанки (вид ивняка) *7*

волынка — музыкальный инструмент в виде мехового пузыря с двумя трубами, издающий звуки при сжимании *53*

вомборы — фальборы, оборки *164*

вор — плут, обманщик *33*, *45*

воровать — разбойничать *35*

восупор — наперекор, напротив *217*

вредно — досадно *339*

в-та-поры — тогда *233*

втирать самоцветные камни — гранить, обтирать для вставливания *307*

выбанить — вымыть *64*

выборовый — собирающий налоги у перевоза *278*

выпрутать — вырезать *225*

вязель — растение из семейства гороховых *71*

гарнитуровый — вм. гродетуровый, из плотной шелковой ткани, *79*, *165*

гарусные чулки — связанные из «гаруса», белой или цветной крученой шерсти *130*

глазет — вид парчи *174*

глупый, глупенький (о детях и молодых людях) — малый, незрелый *312;* глупешенек *212*, *277*

гнать — быстро ехать *370*

голенький мужичок — принадлежащий к «голи», бродяга *283*

голова — начальник, заведующий *421*

головка хмелевая — первое при выгонке более крепкое вино *346*

голь — китайская шелковая ткань *182*

гора — берег *356*

гордоленький — из дерева «горда», черной калины *147*

горлач, горлачик — узкогорлый горшок для молока *336*

город — торговые ряды, гостиный двор *170*

гостиная обида — нанесенная гостю *325*

гостиный сын — сын купца, торгующий в чужом городе *3*, *23*

гость торговый — приезжий купец *314*

грамотка — письмо *359*

грезетовый — из «глазета», шелковой парчи *184*

грезиться — сниться во сне *407*

гризет — глазет *186*

гряды — две жерди над челом печки для сушки дров *119*

гудок — старинная скрипка *53, 224*

гузно — зад *121*

гуменье — гумна, место, где стоит хлеб в снопах и где его молотят *27*

гусли — струнный музыкальный инструмент *270, 272*

дворец — небольшой двор *191*

дворецкий — служитель, заведующий столом и порядком в доме *325*

двору (пришла) — домой *207*

двужильный — обладающий необыкновенной силой *187*

девушки — любезное обращение к замужним женщинам *209*

дежа — квашня *207*

дел — дележ, раздел *131;* дел делить — делить добычу *74, 131;* на делу достаться *112, 135*

деружный, дерюжный — сшитый из дерюги *207*

дерюженка, дерюга — грубый холст из охлопьев, из которого шьют мешки *211*

десятильниковы ребята — сборщики пошлин с церквей и монастырей *248*

дидель, дидолечек — дяглица, дягель *319*

добре — очень *119;* хорошо, много *247*

домечать — замечать *392*

драгун — конный воин *337*

драть — сечь *102*

дробен дождик — мелкий *177;* дробнешенько дитя — маленькое *30*

дроченое дитя — балованное, нежно воспитанное *165*

дубинный шлях — след ударов дубиною *107*

дуван дуванить — добычу делить *124, 131*

дуга на дуге едет — один вслед за другим *341*

дудочка, дуда — волынка *159*

дурит — кричит «дуром», дико, ужасно *7*

духовный поп — исповедующий больного *276;* духовная мать — принимающая исповедь *259;* духовное дитя, духовный сын — приходящий на исповедь *259, 260*

душегрейка — кофта без рукавов *53*

душка — у птицы: грудинка *324*

дыба — орудие для пытки в виде колодезного оцепа *141*

дюже — очень *323*

дядя, тетка — ироническое название объектов грабежа *119*

едеро — кушанье *13*

ему чило — ему казалось *383*

ендова — сосуд для разливания напитков *280*

ерлык, ярлык — грамота, письмо *66*

есаул — помощник атамана *115;* эсаул, асаул *117;* есаулушка, есаул — офицерский чин в бывшем казачьем войске *68*

жаровая сосна — высокая, ровная *230*

живот — жизнь *125*

животы мои — ласковое название зятя *28*

жилец — житель, обыватель *384*

житник — ржаной или ячменный хлеб *218*

жога — птица жогарка или дубонос *19*

забедно — обидно, досадно *94*
завалить — уронить *336*
заводы — заводи *306*
заводье — заводь, речной залив *253*
заворуй (заваруй) — повеса, озорник *186*
загорается грива — тлеет, распадается (без огня) *17, 18*
заздорить — начать ссору, спор *248*
займище — земля, занятая для какого-либо использования *300*
заказать — запретить *17*
заковать, закую — закуковать *244*
закукать — закуковать *244*
залетные крылышки — уносящие далеко *310*
замашная рубаха — посконная (из пыльниковой конопли) *207;* замашная голова — пеньковая *229*
замолаживаться — приходить в брожение *321*
зановить душу — принять прежний человеческий образ *244*
засек — отгороженное в амбаре помещение для хранения зерна и муки *124*
застреха — нижний край кровли *314*
затрёснул — поднял шум *260*
зде — здесь *257*
здорово — благополучно *52, 148, 239*
зело — очень, весьма *48*
зерновые серьги — жемчужные *164*
знакомита — приметна *243*
золотница — золотая монета *73*
зуй — кулик *340*
зыбочка, зыбка — колыбель *114*

игде — где *105*
извадилась — приучилась *189*
изневажный — неприветливый, нелюбезный *325*
ина (ино) вот — а вот, вот же *427*
индрик — искаженное: единорог *304*
иноходный конь, иноходец — конь особой, быстрой и красивой побежки *76*
исполать — хвала, слава *128, 130*
йде — где *208*

кабала — обязательная работа за взятые деньги *134*
кабыть — как бы *421*
кавалер — вм. калугер (монах) *250*
казимировый — из казимира, легкого сукна *47*
казниться, показниться — страдать мучиться при виде чего-либо *49*
как — слово без значения *264*
камер-лакей — придворный чиновник, принимающий и отдающий приказания *41*
камзол — безрукавная короткая поддевка *10, 184*
камка — узорчатая шелковая ткань *118*
камчатный — сшитый из камки, *60, 248*
канон — молитва о покойнике *33*
капрал — унтер-офицер в старом войске *94*
карга — ворона *282*
карий конь — лошадь темной масти *77*
кармазинный — сшитый из «кармазина», тонкого ярко-красного сукна *60, 147*
качать — кутить, удалившись от дома *137*
качель, качелюшка — колыбель *237*

келейка — избушка одинокого человека *54*
кивер — старый военный головной убор *355*
китайка — вид бумажной ткани, первоначально китайской, *174*, *186*
китара — гитара *288*
кленник — кленовый лес *53*
клобук — головной убор монаха *250*
ключник — слуга, заведующий съестными припасами *43*, *44* и др.
ковчег, ковчежец — кованный сосуд, ларец для драгоценностей *337*
козыри (в санях) — загнутая спинка *186*
кокот — клюка, кочерга *259*
кокошник — нарядный головной убор женщин и девиц *332*
колодное, колоднее окно — косящатое *230*
колотовка — злая, сварливая девица *204*
колубень — колыбель *240*
колымага — громоздкая старинная карета *314*
кольчужный ремень — ремень кожаного кафтанчика *369*
комонь — конь *254*.
коноватный — сшитый из «коновата», восточной шелковой ткани *118*
контора — отделение правительственного учреждения *163*
кончиться — умереть *382*
копейчатая рана — нанесенная копьем *107*
копыл — столб *53*
кораблик — шапка, у которой зад и перед приподняты носами вверх *120*
кормщик — управляющий ходом судна *115*
корчма — кабак, питейный дом *6*
коса — длинная песчаная отмель *70*
коса (у птицы) — курчавое перо *404*
косявчатое окошечко — косящатое *19*
косящее окно — косящатое, с косяками и рамами *309*, *311*.
котыли — костыли, согнутые руки, локти *158*
край — по краю, на краю *270*
красный: в красне ходить — одеваться нарядно, богато *228*
крозь — сквозь *287*
кросна — ткацкий станок *320*, *334*
кружалечко, кружало — питейный дом, кабак *111*, *141*, *153*
крупика — крупа *343*
крутить — одевать *271*
кряковистый дуб — кряжистый, крепкий *131*
кубец — небольшой кубок *19*
кубышка — небольшая долбленая кадочка для денег *54;* кубышечка *122*
куделя — кудель, пучек льна, изготовленный для пряжи *76;* куделюшка *319*
кудрявая, кучерявая рябина — со многими ветвями, устремленными вверх и правильно расположенными *268*
кужель, то же, что куделя *74*
куколь — род сорной травы: чернуха, плевел *182*
кумач — бумажная ткань красного иногда синего цвета *174*
купец — скупщик *321*
кура — вихорь пыли *301*
курва — шельма, плутовка *25*
курган — небольшое возвышение *63*

кутить — сплетничать, ссорить *204*

кутнее, кутное окошко — окно против устья печи *24*

кучерявый — курчавый *95*; кудрявый *229*

ладить — намереваться *287*

ладушка — ласковое название жены *11*

лапочка крутолобая — капкан *343*

лапушка — ласковое название любимого человека *426*

ларечник — слуга, заведующий напитками *48*

ларешный — заведующий продажей вина *153*

лександрицкая рубашка — см. александрийская *50*

лишить живота — убить *427*

лысина у быка — белое пятно на лбу *175*

любовать — рассматривать *41*

люди — крепостные слуги *27*

люлькать — качать, усыплять *235*

ляд несет — черт несет *118*

малолеток, малолеточек — юноша-казак, не достигший служебного совершеннолетия *57*

малый братец — младший *203*

манеры — узоры *10*

матерая свадьба — большая *334*

матерый дуб — огромный, могучий *303*

медвяный — медовый *76*

молиться — просить *248*

монашенок, муж. р.; монашенки, множ. ч. *250*

морянин — приморский житель, купец *35*

мост, мосточек — помост, настилка для езды и ходьбы *24*

мостовина — доска пола *206*

моторный — проворный, расторопный *347*

мужилушка — ласковое название мужа *52*

муравленая печь — глазурованная *19*

муравленый чердачок — расписной раскрашенный узорами *253*

мушка — наклейное темное пятнышко на лице у щеголих старого времени *24*

мушкетная пуля — выпущенная из «мушкета», старинного боевого ружья *61*

мызгирь, мизгирь — паук *338*, *339*, *340*

мысли — похвальный эпитет гуслей *361*

набить цену — увеличить, поднять *321*

набуркалась — набралась *123*

навой — задний вал ткацкого станка, на который навита основа *320*

наказ — приказание *111*

наказывать — приказывать *111*, *358*

наплавок, наплавочек — поплавок *267*

напуск: штаны с напусками — спускающиеся на голенища *139*

нарядить жарким — приказать изготовить в виде жаркого *324*

на тло — все до одного, дочиста *312*

натопить — настоять (сделать настойку) *16*

начес — украшение на шитых теплых чулках *139*

не матушка — «не» без отрицательного значения *37*

нёгти — когти 259
нездорова — неблагополучна 267
нездоровится дома — случилось несчастье 266
нездорово — неблагополучно 148, 265
некорыстная жена — плохая, незавидная 231
некошной — негодный 338
немóчь, немогу — болеть, хворать 338
непочинены меды — непочаты, нетронуты 238
не пуще — не очень 52
нитник, нитничек — легкое верхнее платье 240
но — слово без значения 51, 61, 210
ночесь — прошлою ночью 219, 225
ночовочка, ночовка — неглубокое корытце, лоток 328

обессудить — обесславить 179
обесчестить бороду — осрамить кого-либо 9
облупить — снять шкуру 299
облыгаться — лгать невпопад, неправдоподобно 191
обо — вместо гой 268
обруднявить — испачкать кровью 177
обручальный жених — обрученный 353
обуять — лишить ума, сил, воли 147, 150, 214
однорядочный кафтан — сшитый на манер однорядки, старинного щегольского кафтана 118
окатистый жемчуг — круглый 3
оконенка, оконница — рама, окно со стеклами 89, 161
онуча — обвертка на ногах из холста или сукна вместо чулок 80
опальное платье — траурное 21
осьмина — две четверти, или 48 пудов, т. е. 768 килограммов 354
отлаживать — отпирать 13
оторья — пустые колосья, собираемые после обмолота снопов 220
отрушить пояс — сорвать 21
охлопленные чулочки — связанные из охлопьев, негодного льна 467
очестливый — почтительный, учтивый 48
очреватеть — забеременеть 263

павилица, повилика — травянистое растение 242
палата, палатушка на двух столбах — виселица 14
палашовые раны — нанесенные «палашом», тяжелым мечем 61
палика — оплечья женской рубахи 267
палица — дубина 263
пан, панушко, панья — господин, госпожа 77, 78, 227, 283
панский ряд — лавки, в которых продаются ткани 171
пара — полный костюм 163
парашник, парашничек — арестант, убирающий нечистоты в тюрьме 127
пахтать масло — сбивать из сметаны или сливок 52
пеняльщик — выражающий неудовольствие 328
перепасть — испугаться 259

перепелочек — ласковое название (от слова «перепел») *426*
переруб — клеть, кладовая *217*
перловый венок — свитый из перьев, «перковый» *194*
питья добрые — лекарства *258*
пластать рыбу — разрубать ее вдоль и чистить *223*
плетни — шнурки, завязки *120*
плужок — силок *340*
победитель — виновник беды, преступник *362*
повадиться — приобрести привычку *105*
повежливее — лучше других знающих обращение с людьми *196*
поверить — отпустить в долг *283*
повольские — поволжские *126*
погода — непогода, буря *184*
погребец — ларец, шкатулка *76*
подбородыш — загиб на боевом топоре *120*
подвода — повозка с лошадью *176*, *209*
подворница — работница во дворе *254*
подворье — двор со всеми постройками *100*, *265;* подворьецо *215*
подзатыльник — сеть цветного бисера, подвешиваемая на затылок *332*
подлавичье — место под лавкою *321*
подножки — педали ткацкого станка *320*
подскрипы (у щегольских сапог) — лоскут гладкой кожи над подошвой, производящий скрипение *50*
подстав — подкладка в одежде *182*
подтенётить — обвести тенетом, паутиной *339*
поздравлять — здороваться *153*
позумент — золототканая кайма *30*
поимать — взять захватить, арестовать *117*, *125*, *311*
пойло — питье, напиток *60*
пойло пьяное — хмельной напиток *13*
покляпый — согнувшийся *19*
полевец — житель поля, степи *6*
полица — полиция *127*, *141*
полохаться — тревожиться, пугаться *57*
полтретья — два с половиной *249*
полтретьяста — двести пятьдесят *354*
полудновать — жить последние минуты, умирать *258*
полюбовница — возлюбленная *404;* сожительница, любовница *449*
помолвить — сговорить, просватать *23*
понизовы города — находящиеся вниз по Волге и Дону *149*
понимать, понять (о воде) — залить *202*
понос понести — забеременеть *263*
попел, попелок — зола от соломы *208*
попрядывать — попрыгивать *203*
попряник — пряник *327*
пороша — мягкий, рыхлый снег *211*
посконное поле — конопляное *176*
посылочка — рассыльный *327*
потерять — убить, *36*, *221*, *223*
потом — потому *189*
потусметь — потускнеть *308*

початок, початочек — полное веретено пряжи *335*
почепить — зацепить *51*
пошкотить — пошкодить, повредить *115*
правеж — взыскание долга через публичные побои *130*
правильное перышко — управляющее полетом птицы *310*
править (казну) — взыскивать *130*
привадить — привлечь, приучить *164*
приказ — старинное правительственное учреждение *134*
приказчик — управляющий частным или казенным делом *431*
прилука — приманка (о любимой девушке) *98*
принабуркаться — наполниться *121*
присошечек, присошек — палка с разветвлением сверху *147*
причетник, причетничек — член боевого отряда, дружинник *266*
прищипать — приморозить *202*
протес — отверстие, щель *132*
протупея, протупеюшка — вместо «портупея», ремень с саблей *59*
прошесть — натянутые продольные нити ткани, пока они не затканы *320*
прошивка, прошивочка — полоска в ткани *161*
пусто — по-пустому, напрасно *279*
пучня, пученька — пук, пучек *174*
пяла — пяльцы, станок для вышивания *240*
пята: отворить двери на пяту — распахнуть настежь *153, 276*
пятиться — отказываться *422*

разбивать — расстраивать *334*
разболочь — раздеть *249*
разгузыниться — разгневаться, надуться *52*
размырялись — разнырялись, попрятались *138*
featured разнота — раздумье, сомнение *250*
разыгралась (Дунюшка) — ср. играть в значении: петь, особенно в хороводе *29*
раскат — возвышение над валом крепости для пушек *187*
рассыльщик — рассыльный, курьер *314*
рассычать — подслащать *19*
растить солод — приготовлять его из хлебных зерен *123*
рельи, рельюшки — два столба с перекладиной (виселица) *49;* релюшки *14*
решить жизни — убить *260*
родители — покойники *319;* по родителям давали — подавали милостыню для поминовения родителей *319*.
ротиться — давать клятву *93, 121*
рытый бархат — узорчатый *49, 253*
рыхнула — рыкнула *248*
рьяное пиво — сильно опьяняющее *220*
рядить — управлять, распоряжаться *12*
ряды — торговые лавки *136, 343*

сбой — удальство, оворство *341*

с борку: тот с борку, иной с борку — с разных сторон *121*, *123*

свекра — свекровь *268*

свилеватый (о деревьях) — с извилинами в слоях *300*, *307*

свободка — слободка *173*

своя девка — из своей деревни *360*

се — вот, то *218*

сем-ка — давай-ка *106*

сенная девушка — служащая при «сенях», парадных комнатах боярского дома *48*, *133*

сердце — средняя часть туловища *32*

сержант — первый чин дворянина, поступившего в военную службу *26*, *101*, *105*, *180*

сибирочка, сибирка — поддевка, короткий кафтан *47*

скатный жемчуг — крупный, круглый *37*

скимен — собственно: молодой лев *303*

скинуться — сложиться *300*

скирд — стог хлеба или сена *208*

складприложить — придать смысл, истолковать *43*

скопону́ть — столкнуть, оттолкнуть *204*

скоропейка — змея, собственно: скорпион *138;* скоропея *266*

скрыжут орлы — клектают *304*

скука — досада, грусть *214*

скурлат-сукно — скорлат, цветная шерстяная ткань *263*

смурый — темносерый *120*

сокольня, соколенка — помещение для соколов *238*

соловая кобылушка — желтоватой масти *106*

справить — припасти, изготовить *377*

ставать — становиться *421*

ставочка, вставочка — дорогой камешек в перстне или серьге *83*

старец — монах *247*

старица — монахиня *254*, *258;* старочка *255;* старочка черничка *314*

стебать, стебнуть — хлестать *26*

стежка, стега — тропинка, тропа *95*

столочить — смять, избить ногами *252*, *342*

стоялый конь — отдохнувший от езды *289*

страдница — мужичка (укоризненно) *220*, *226*

стразовый — из «стразы», искусственного алмаза *178*

строка — овод *338*

струг — речное судно *4;* стружок *145;* стружки *118;* стружечки *118*

струг, стружок — рубанок, орудие для строгания *336*

су — частица вежливости (сокращение слов «сударь», «сударыня» *201*

сугонь — погоня, догонка *291*

сурмить брови — чернить сурмою *356*

сусло, суслице — навар на муке и солоде *347*

схаменуться — опомниться, одуматься *103*

схоронить — спрятать *235*

сыта — подслащенная вода *213*, *215*

сычуг — последний желудок жвачного животного *107*

табор — воинский лагерь *66*

талан — участь, судьба *112;* счастье *288*

хрящатый песок — крупный *13*
хурта — метель *141*

цевка — деревянная трубочка для наматывания нитей *3*
целовальник — приказчик в кабаке *421*
цыплак — цыпленок *52*

чапельнище, чапельник — сковородник *210*
челобитье — поклон *63*
чердак, чердачок — вышка, светелка над большим домом *283;* чердачок, чердак на судне — каюта *253*
черево, по черев — по брюхо *291*
чередно — аккуратно *328*
чернаушка, чернавушка — чернорабочая служанка *247*
чернец — монах *250*
черница — монахиня *256*
черноризица — монахиня *239*
чернявушка — крестьянка *301*
чумак — продавец вина в кабаке *152*, *171*
чуть, чюли — чуять, чуяли *236*

шелудяк — покрытый шелудями *341*
шельмилица — ловкая женщина *328*
шильцом каблучки — высокие, суживающиеся *118*
шириночка, ширинка — шеренга *94*, *287*
широ море — широкое *243*
шить полог — вышивать *279*
шкипер — управляющий купеческого корабля *351*
штапы-офицеры — управляющая часть старой армии *106*
шубка — сарафан, платье с пуговками *174*
шурга — сорога, вид плотицы *325*
шуточки шутить — забавляться, насильничать *284*

щекотливая (о сороке) — любящая стрекотать, трещать, болтливая *330*
щепетко — манерно, щегольски *120*
щепетливый — любящий наряды *329*
щепетно, щепетненько — нарядно *322*
щетка, щеточка у четвероногих — часть ноги над копытным сгибом и пучок волос на этом месте *304*

экзерциция — воинское учение *106*
экипаж — снаряжение *106*

яв — знак *87*
як — как *376*
яр — крутизна, обрыв *98*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН

(ПО ПЕРВОЙ СТРОЧКЕ ТЕКСТА)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

18. *На Волге* (Меж крутых берегов). Лубочная картинка. Между стр. 352 и 353. К № 320 (первоисточник данной песни). Приводим текст песни, находящейся под картинкой:

НА ВОЛГЕ

(Первоисточник данной песни)

Меж крутых берегов
Волга речка течет,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плывет.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку в миг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

Как на бережке том
Красный терем стоял,
Там красотка жила:
Он ее вызывал.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.

Одинокой она
Растворила окно,
Приняла молодца
По веревке умно.

Погостил молодец;
Утром ранней зарей
Отправлялся домой,
Он с красоткой своей.

Долго, долго искал
Воевода жену.
Отыскал он ее
У злодея в плену.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

И последний удар
Их судьбу порешил,
И конец их вражде
Навсегда положил.

Волга в волны свои
Молодца приняла:
По реке по волнам
Шапка с кистью плыла.

Приведенная у нас под № 320 песня очевидно является сокращенной переработкой данной баллады.

19. *Под деревом ветвистым стоял крестьянский дом.* Лубочная картинка 1856 г. Между стр. 360 и 361. К № 322 (иллюстрация к варианту этой баллады).
20. *Маруся* (Тихо стонет сине море). Лубочная картинка 1902 г. Между стр. 368 и 369. К № 328.
21. *Подкидыш* (Все было тихо в час полночи). Продолжение романса Пушкина «Под вечер осенью ненастной». Лубочная картинка 1876 г. Между стр. 376 и 377. К № 338.
22. *Ванька ключник.* Лубочная картинка по тексту В. Крестовского. Между стр. 392 и 393. К № 38—41.
23. *Парень и девушка у колодца.* Лубочная картинка 1874 г. Между стр. 432—433.
24. *Хоровод девушек.* Лубочная картинка 1832 г. Между стр. 440—441. К № 190.
25. *Хороводы пляшущих юношей.* Из «Сборника библейского» XVI в., с листа 173, по расцвеченой миниатюре на золотом фоне. На полях изображены ликоучители (начальники хора), Идиом и Асаф. Между стр. 464—465.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра (прямым шрифтом) обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

[2] Звездочка * означает песни, которые взяты из рукописных собраний и напечатаны здесь по первоисточникам.

II. ПЕСНИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВОЙНЕ: БОЙ, ДЕЛЕЖ ДОБЫЧИ, ПЛЕН И Т. П.

III. ПЕСНИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СТАРОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

IV. ПЕСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ

V. ПЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ БРОДЯЖЕСТВО, ДОРОГУ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В ПОЛЕ

VI. ПЕСНИ О ЛЮБВИ И О ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ДЕВУШКИ И МОЛОДЦА

VII. ПЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

VIII. ПЕСНИ, ИЗОБРАЖАЮЩИЕ МОНАШЕСКИЙ БЫТ

IX. ПЕСНИ АРХАИЧНЫЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ И ОБРАЗАМ

X. ПЕСНИ, ПРИМЫКАЮЩИЕ К ЖИВОТНОМУ ЭПОСУ

XI. ПЕСНИ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ

XII. ОБРАЗЦЫ НОВЕЙШЕЙ БАЛЛАДЫ

2010516960